ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №4 | 2019

Румяна Внукова | Серия «Космос»: Комета | 100×70 | 2019

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №4 | 2019

В номере

Д*и*Н юбилей

Юрий Беликов, Валентин Курбатов
3 Пловец, не выходящий из Великой

Евгений Минин
55 Иерусалимские дожди

Д*и*Н краеведение

Виктор Аференко
12 Дорогами Родины

Д*и*Н память

Алексей Бондаренко
38 Вынужденная посадка

Д*и*Н диалог

Игорь Костиков, Михаил Тарковский
47 «Каждый писатель в одно прекрасное утро произносит слово „пора“»

Д*и*Н симметрия

Павел Антокольский
51 Последний

Аделаида Герцык
54 Иконе Скоропослушнице в храме Николы Явленного в Москве

Марина Цветаева
73 Тебе—через сто лет

Николай Тихонов
140 Финский праздник

Валерий Брюсов
178 Только русский

Владислав Ходасевич
185 Обезьяна

Д*и*Н поэма

Виталий Молчанов
52 Никандрова пустынь

Д*и*Н стихи

Андрей Расторгуев
59 Свитки Геркуланума

Монахиня Амвросия
63 Так хочется тепла небесного

Виктор Мельников
66 Стихи о Сибири

Александр Ёлтышев
68 Беспилотник

Николай Ерёмин
70 Вифлеемская ночь

Алёна Самсонова
72 Выше крыши!

Светлана Леонтьева
74 Иной не надо доли

Марина Пономарёва
76 Здесь рукою подать до Бога

Владимир Щербинин
87 Маятник лета прошёл середину

Владислав Пеньков
141 Мечта о вóроне и Моцарте

Оксана Ралкова
144 Родниковая лава

ДиН ревю

67 «Классика и мы» дискуссия на века

Михаил Тарковский

91 Не в своей шкуре

100 Белой Руси голоса

104 Литературные диалоги

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Александр Орлов

79 Кравотынский плёс

Андрей Тесленко

81 Казачка и Дюма

Сергей Петров

88 Париж, Париж…

Андрей Дмитриев

92 Пропавший без вести

Михаил Артюшин

101 Салют

Никита Николаенко

105 Неретинский котёнок

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Марина Сычёва

111 Зимняя тетрадь

Марат Кулатаев

113 Загадочный участок

ДиН проза

Николай Тимченко

117 Приключения «калимантанца»

ДиН артефакт

Анастасия Бойцова

146 Песни Меджнуна

ДиН дебют

Екатерина Самусенко

148 Иркутск романтический

Анна Лещёва

174 Дети природы

Александр Шевченко

179 Дублёр господина Капура

ДиН взгляд

Павел Карякин

186 «Чтобы понять жизнь, надо сойти с ума»

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Вера Арямнова

189 О «Свойствах страсти»

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

190 Мастерские Елены Тимченко

Суперперо-2018

193 «Котопёс»

195 ДиН авторы

к 80-летию
В. Я. Курбатова

Юрий Беликов, Валентин Курбатов

Пловец, не выходящий из Великой

На заседаниях Президентского совета по культуре и искусству всегда с особым вниманием слушают то, о чём говорит член редколлегии журнала «День и ночь», известный литературный критик Валентин Курбатов.

Из прессы

Мы идём по шпалам с академиком. Михаил Пореченков из отечественного боевика «Ликвидация» тут ни при чём. Да и Одесса, где было-сплыло то сериальное дело. «Вставайте, подымайтесь, псковичи!» А это уже набат от Ивана Бунина. И если Одесса — мама, а Ростов-на-Дону — папа, то Псков (слышите вспорх сторожевой птицы?) — не пращур ли? И, коли Псков — пращур, тогда и спутник мой больше чем академик.

Представляя Академию современной российской словесности, он к тому же (устанешь перечислять!) член Президентского совета по культуре и искусству, Общественной палаты Союзного государства, правления Союза писателей России, лауреат Патриаршей литературной премии, член жюри общероссийской премии «Ясная Поляна» и прочая, прочая, прочая. Прибавьте сюда близкую дружбу с классиками русской литературы — Виктором Петровичем Астафьевым и Валентином Григорьевичем Распутиным.

А ещё он писал о Данте. С этой целью отправился в ту самую янтарно затвердевшую в истории Верону. В общем, на протяжении всей своей жизни — туда и обратно — переплывает реку Великую, денно и нощно бьющую челом кряжистым стенам Псковского кремля. Я ответствовал академику шаржированным экспромтом:

Надев сурьёзные очки,
Курбатов пишет дневнички,
курчавые по тону.

Услышит глас из вышних сфер:
— Ну как, опять Овсянка, сэр?
И пишет про Верону.

Шпалы ведут через Вильвенский мост. За мостом — две уральских речки: Вильва и Усьва. Их стрелка. Да и наша. А кроме того — стрелка с Виктором Петровичем. Не верите? Извольте: «…косогор уходил прямо в речку Усьву, за которой широко и медленно отцветала вечерняя заря…» Судя по всему, именно здесь будущий классик учинил первую стрелку с Вечностью, о чём свидетельствуют местные предания и астафьевский рассказ «Гемофилия», вошедший в антологию «Шедевры русской литературы XX века».

Что касаемо речек, то в иную пору, при той самой паводковой «гемофилии», они могут взбежать с двух сторон прямо к железнодорожной насыпи. С одной стороны — карий, мутноватый зрак Вильвы, с другой — отливающее синевой око Усьвы. Весенний гнев, сведённый к переносью. То бишь обе речки норовят подтвердить, что каждая из них — Великая. Но сейчас покой. На воде и на земле. Да и на путях наших.

Мы движемся под незримыми арками, казалось бы, несоединимых запахов — цветущего разнотравья и нагретого креозота. Академик примечает, что между шпал вольготно взнялись деревца — осинки, берёзки…

Я вспоминаю строки любимого и мной, и академиком поэта Игоря Шкляревского:

И золотые на закате
стоят недолго поезда…

Зарастает малая родина. И можно совершенно спокойно, без риска и оглядки, встать на рельсы и важно обменяться посреди моста рукопожатием, как два её непутёвых сына. Хотя непутёвость Курбатова — под вопросом. Он же, ко всему прочему, почётный гражданин Чусового. Однако давно живущий во Пскове. А сюда, в Чусовой, Валентин Яковлевич время от времени наведывается: тянет стрелка детства и юности.

Мы спускаемся с насыпи к Усьве. Останавливаемся на заветном, оплетённом ивняком мыске, где когда-то ваш покорный слуга лавливал окуней и щук. Академик извлекает из планшетной сумки нашу нонешнюю астролябию — коньяк — и какую-то запивку, только что приобретённые в магазинчике на улице Революционной. Мы оба — с этой улицы. «И выбегают из углов угланы». Думаете, они выбежали из лабиринтов Мандельштама? Или и по сей день на тех улочках?

— Старики любят пить сладкую воду, — в духе латиноамериканских писателей трактует явление запивки один из самых известных в России литературных критиков.

Крылатых выражений у него — как смешанных товаров в том магазинчике. Недаром Шкляревский зарифмовал: «крылатому — Курбатову». И наделил академика пермским звериным стилем: «Волчьим нюхом обоняя слово, / ночью прилетает он из Пскова…» И дальше: «А крыло он прячет в рукаве». Крыло, очевидно, чьё-то. Артефакт очередной крупной добычи. Вон то — от латиноамериканцев, а это… Уж не от Виктора ли Петровича?..

— Трусы надо экономить! — подавая пример обжигающего аскетизма, напутствует академик перед нашим погружением в студёную Усьву.

А после урока «экономии» обретает прежний, чёрно-белый, подчёркнуто сдержанный вид — нечто среднее между одеянием русского инока и польского ксёндза. И как последний штрих на пути возвращения к элегантности едва ли не полувековой выдержки — наверняка тоже у кого-то почерпнутая рекомендация перед фотографированием:

— Проверить лохматость…

Так поступает он на съёмках передач с собственным участием на телеканале «Культура». Ибо культуру не пропьёшь. Она не токмо на берегу Усьвы, а и на заседаниях одноимённого Президентского совета — культура. Отчасти — стараниями нашего пловца, давно приноровившегося к Великой. Итак…

Заседание совета уже задевало дно победительными ногами, и соревнующиеся на приз президента именитые пловцы предвкушали, как, достигнув искомого берегового песочка, они сперва сообща побалуются прохладным пивом с таранькой, а потом разойдутся восвояси, и тут голос главы государства объявил: «Валентин Яковлевич Курбатов!»

Дескать, вот вам, братцы, и пиво с таранькой.

«Мы сегодня собрались на заседание совета, полное название которого — Президентский совет по культуре и искусству. Следовательно, искусство к культуре не принадлежит, раз „и искусству“? — явил остроту абсолютного слуха Валентин Яковлевич. И продолжил: — Я вначале думал, что это оговорка или нечаянная небрежность, но, к сожалению, так: искусство — дитя сегодняшнего дня. Оно ясно слышит день, умеет точно схватывать и реагировать. Видите, как у Александра Калягина всё хорошо с театром! Как у Дениса Мацуева дивно с музыкой! Как на „Мосфильме“ у Карена Шахназарова благополучно с кинематографом! А культура — дама, к сожалению, долгоиграющая. Она привязана ко всему на свете. Она не рождается сегодня, а живёт — благодаря бесконечной прививке истории и предания. А мы взяли и, простите, Владимир Владимирович, бросили семьдесят лет советской истории собакам под хвост и пытаемся жить естественно! Но естественно жить у нас не получится, потому что эти семьдесят лет — это наши отцы и деды. А мы уже поделили их на сидевших, когда они были правы, и не сидевших, которые заранее подлецы. Так не бывает…»

…Всплески рыб. Этих любопытствующих речных прорех по мере нашего разговора всё больше и больше. Точно, распознавая нас обоих, обитатели речки пытаются получше заглянуть в объёмное зеркало укромного затона.

Путина — в жюри! Или — тренд, контент, селекция?

— Валентин Яковлевич, однажды именно на этом самом месте, где в прежние годы я часами мог взирать на текущую воду, ко мне пришла мысль, что теперешнему русскому человеку не хватает созерцания. А поскольку большинство из нас родилось под дамокловым мечом фразы о «созерцательном отношении к жизни», то мы, пожалуй, и ведать не ведали, что оно, то самое «созерцательное отношение», — не просто возможный вариант существования, но, по сути, основа его. Или я не прав?

— Я и сам за собой уже давно замечаю, что эта недостаточность созерцательности не убывает, хотя тайная тоска по ней остаётся. Но поскольку волею обстоятельств ввержен в поток сегодняшнего литературного безумия — и как член жюри «Ясной Поляны», а до этого — «Национального бестселлера» и премии Аполлона Григорьева, — принудительное чтение то и дело погружает далеко не в созерцательное состояние. Получается, что через словесное чужое пространство ты осваиваешь жизнь. В две тысячи восемнадцатом году издательства и журналы представили сто тридцать книг на соискание этой премии! Как-то в издательстве «Просвещение» нам предложили назвать сто книг, которые формируют человеческое сознание, в мировой литературе. За все века её существования. А здесь… сто тридцать за год! Я так и вижу, как, нахмурив брови, Лев Николаевич Толстой прочитает всё это количество, восхитится и скажет: «Вот куда, слава Богу, пошла матушка-литература! Сто тридцать лучших творений за год!»

И когда ты читаешь те книжки принудительно, исходишь ворчанием, изгневаешься весь, но одновременно вдруг видишь, что всё чаще литература начинает писать вот эту самую сегодняшнюю жизнь — суетную, разорённую, разъединённую, несмотря на всепроникающую мобильную связь, а на самом-то деле люди никогда не были так далеки друг от друга, как нынче.

Ко мне всё чаще и чаще приходит понимание: жизнь продолжает терять рассудок, а слово начинает вспоминать себя и тем самым выправлять жизнь, хоть немножко, через литературное преломление. Спасительная функция слова возвращается, и в то же время — на фоне этой спасительности — как-то особенно видишь распад

человеческого существования, внутреннее отделение одного от другого, всеобщее одиночество. Одиночество и созерцательность хороши, когда есть кому поведать, как они замечательны!

В позапрошлом году на заседании жюри я в присутствии прессы сказал о том, что хорошо бы нам включить в жюри премии «Ясная Поляна» Владимира Владимировича Путина.

— Как вы себе это представляете?

— Он берёт отпуск на полгода, становится членом жюри (единственная его обязанность, других нету) и заявляет всему государству по телевидению: «Соотечественники! Граждане! Друзья! Товарищи! Дамы и господа! Полгода уж будьте любезны, но как-нибудь потерпите, а я займусь освоением творений соискателей премии классика русской и мировой литературы Льва Николаевича Толстого, а уж после вернусь к исполнению своих обязанностей. И доложу вам о том, что я думаю по прочтении…»

— А дальше?..

— А дальше прочитал бы Владимир Владимирович вместе с нами все эти тексты и узнал бы Россию с такой стороны, с какой ни один губернатор (даже собравшиеся все вместе) не открыл бы ему страну, присутствующую в той прозе,—она преподаст такой срез одиночества, заброшенности и потерянности сегодняшнего человека, что, погрузившись и осознав всё это, ты, может, больше и не дерзнёшь возглавлять государство?!

— Дабы дерзнули другие? Намедни я стал невольным свидетелем, как изъясняются молодые, в общем-то, люди, которым от силы за тридцать. «Тренд», «контент». Это я ещё мог вытерпеть. Хотя бы как признаки неизбежного насаждения искусственного интеллекта… Но когда—в том же ряду—вылупилось словцо «селекция», на меня повеяло прямо-таки геббельсовским ароматом! Воротившись, я сказал: «Какое скучное поколение!» «Удручающее», как заметил Виктор Петрович Астафьев в своей последней поездке по Енисею. И ведь эти «удручающие», но зело подвижные ребятишки сейчас расставлены по местам—снизу доверху. Помните из Евтушенко—афоризм начала шестидесятых годов прошлого века? «Людей неинтересных в мире нет…»

— «Их судьбы—как истории планет…»

— Кажется, «истории планет» отошли в историю! Потому что теперь вокруг—сплошняком «неинтересные люди»! Так называемый кадровый резерв. Евтушенко мне друг, но истина дороже! И ваш призыв к тому, чтобы наш президент почитал бы произведения соискателей премии «Ясная Поляна», я могу только приветствовать! Но, сдаётся, потом ему придётся свой резерв срочно преобразовывать?..

— И не только—резерв. Слава Богу, мы действительно стоим перед последними вопросами. Наверное, всякий век уверен—и девятнадцатый, а может, и семнадцатый,—что наступили последние времена. Но что хочется сказать о нашем времени? Мы живём в некоем столичном пространстве. Мы все словно переехали: бросили деревню—деревню русского слова, русского созерцательного существования—и перебрались в город. В столичный, по возможности. И то, что вся Россия стала столичным пространством—по поведению, по надменности, по хватке,—это её несчастье. Мы должны вернуться в деревню… В самом высоком смысле этого понятия. Вон к Москве подъезжаешь—стоят пятидесятиэтажные дома, целые рощи их! В каждом—деревня незнакомых друг с другом людей. Это на самом деле—национальная трагедия. Вот эти огромные города-спутники, распространяющиеся только перед одной Москвою,—верный способ разобщения человека от человека.

Перчатка для компьютерных лишенцев

— «Оглянусь, а—некому прочесть». Да простится мне самоцитата, но так начинается одно из моих стихотворений в прошлогоднем выпуске альманаха «День поэзии. XXI век». У каждого свой счёт тех, на кого уже не «оглянуться». Если начать перечислять, боюсь, мой список будет слишком длинным, как и ваш. И наверняка наши списки во многом совпадут. Но вы не находите, что скоро уже будет некому оплакать тех, на кого можно было «оглянуться»?

— Я тоже когда-то написал в «Нашем современнике» заметочку с названием «Ослепшие окна». То есть в родном Пскове, где у меня столько было товарищей, вечером, оглянувшись на окна, вдруг сокрушённо осознаёшь, что уже ни одно окно не горит для тебя. Да, горит для других. И слава Богу, что горит! Но для тебя—уже нет. С одной стороны, это лета наши, печальное свидетельство того, что уходят товарищи. А с другой… Почему для меня ослепли окна? Людей-то в самом деле полно, но ведь ушли те, кто был землёю. Самое трудное, что, к великому сожалению, ушла земля…

Вот я сейчас еду из Пскова—до самой почти Москвы никаких санкций, простите, России не надо! Нам прислали так называемый борщевик, победное растение. Так он километрами идёт вглубь и вширь. Вроде после Владимира чуть прерывается, но от Кирова и дальше до Перми—опять он! Но существует и нравственный борщевик, который ничем не выполоть, не вытравить. С одной стороны, мы—дети Интернета, бесстыдного, оголтелого, в котором всё больше людей, жадно ждущих какого-нибудь текста, чтобы тотчас наброситься

на него и рвать его в клочья, потому что иным способом человек подтвердить своего существования не может. Если не изорвёт он какое-нибудь достаточно внятное имя. Изорвать в клочья — самыми последними словами, подзаборными. Это «даёт» ощущение свободы и творческого полёта! Но с другой стороны — это иллюзия, потому что ничего оно не даёт. Нас обступили времена, когда человек уже не верит печатному слову, тем более — обесчещенному компьютерным переводом.

— Прямо-таки обесчещенному?

— Потому что в компьютере нельзя прочитать «Войну и мир» или «Преступление и наказание». Они не будут там подлинными. Самый простой пример: пусть молодой человек попробует написать девушке: «Возлюбленная моя!» В компьютере. Она не поверит. Кажется, захватано слово руками, обезличено тысячами кнопок. Цифра! Вроде бы высокое изобретение. Раньше говорили про фотографии: «Смотрите, какие лица замечательные на этих снимках!» А там какой-нибудь Сысой Псоич, купец первой гильдии. Стоит. Манефа его. Он опёрся на неё плечом или она — на него. Лица осмысленные, серьёзные, значимые. Куда сейчас делись? И даже кочерга ясно выглядывала у них из-за спины или — как его? — ухват, потому что выдержка была длинная. И Сысою Псоичу тогда говорили: «Сысой Псоич, не моргать две минуты! И вам, Манефа Петровна!» Они таращились в объектив и думали: «Господи! Только бы не моргнуть!» Но они думали! Они жили во временнóм пространстве. Сегодня, когда фотография плоская, чик — и всё. Какое бы умное ни было у вас лицо, в нём нет длительности. Проваливается длительность человеческого лица. И в прозе то же самое. Всё чаще написанное в компьютере становится плоским. Из текста исчезают даль и глубина, полёт и ширина. Та самая созерцательность, о которой вы спросили.

— То есть вы напрямую хотите сказать, что работа с компьютером лишает человека, в данном случае — писателя, главного? Я правильно вас понял?

— Да, правильно. Работа с компьютером — самое опасное, что есть, наверное. Постепенно слово писателя, пользующегося компьютером, лишается глубины. Валентин Григорьевич Распутин сам писал и перепечатывал сам. Он вынужден был пользоваться пишущей машинкой, потому что никакая бы безумная машинистка не могла бы разобрать: у него с одной рукописной страницы выходило двенадцать машинописных!

— Вы понимаете, какую перчатку вы сейчас бросаете целому сонму представителей нынешнего писательского, да и журналистского цеха?!

— Бросаю! Потому что на самом деле только начертанное слово обладает всей заложенной в него полновесной силой. Почему я говорю про «возлюбленную мою»? Вот слово, ощупанное рукою, в коем оглажена каждая буковка. Вместо этого — тычок пальцем в попытке начертать букву «а». Это разные движения. Разные звуки, разная полнота и глубина смысла в букве написанной и в букве, ткнутой пальцем. Не знаю, когда придёт вот это оплодотворение несчастной печатной клавиатурной буквы. И придёт ли?

— Но ведь наверняка же девяносто процентов из ста тридцати лучших произведений премии «Ясная Поляна» сотворены на компьютере?

— К сожалению, это видно сразу же.

— Тем не менее, вы утверждаете, что там есть нечто достойное внимания?

— Я всё же думаю, что те, кого я имею в виду, как ни странно, они всё-таки дописывают руками. Может быть, сознавая, что компьютер — лукавая игрушка. Потому что я всем уже криком кричу: «Ребята, бросьте, Христа ради!» Сделайте вызов веку, наконец. Кто-нибудь это должен сделать первым. Русская литература должна бросить вызов. И перевести это всё в рукописное русло. И когда человек напишет своё произведение от строчки до строчки рукою, даже если вначале на компьютере напечатает, а потом перепишет его от руки, он вдруг поймёт: какая чудовищная разница, зияющая между компьютерным текстом и тем, что он создал сейчас! Он начнёт править сразу же! И снова будет возвращаться глубина. Потом можно вернуться к компьютеру, пройдя какой-то новый, возрождающий писателя путь. Мы же, увы, пошли холопским путём, подхватив чужое, взяв его и быстренько истощив себя на этом. А когда вырастет компьютер из твоего собственного сердца и ты начнёшь его чувствовать, как дитя, вот тогда действительно буквы наполнятся смыслом и перестанут быть дырявыми, как все буквы.

Нашествие жутких, или «Дорогу поэту!»

— Но людей очень сложно возвращать к подлинному. Вот вы призываете президента прочитать произведения соискателей премии «Ясная Поляна». А как призвать миллионы наших читателей, чьё сознание уже скособочено низкопробной литературой, особенно — полуграфоманским стихоплётством, типографски увековеченным? Как их возвратить к истинному? Вы же сами мне рассказывали, как среагировал Астафьев, когда с вашей помощью (вы тогда оказались у него в Красноярске) было вскрыто давно лежавшее на почте письмо из Чусового, посланное литературному земляку вашим покорным слугой вместе со стихами.

«Неужели там в саже поэты заводятся?!» — не то подивился, не то покуражился Виктор Петрович. И я никогда не забуду его фразу, которую я потом привёл на страницах журнала «Юность» в своём эссе «Столбовой переселенец»: «Да Боже меня упаси остаться в этом Чусовом! Ты же не заметишь, как погрузишься в трясину. Засосёт». Но про сажу Виктор Петрович не ради красного словца обмолвился. Сейчас здесь какая сажа, когда в Чусовом металлургический завод, который насчитывал едва ли не стопятидесятилетнюю историю, почти сдох? Зато сажа вкусов — толстым слоем. А всё потому, что из года в год из краевого центра на литературную родину Виктора Петровича приезжает одна и та же писательская «бражка». И поскольку устроители этих «заездов» — тоже одни и те же, то здесь уже, если применить язык эзотериков, сформировался почти непрошибаемый эгрегор… Проще говоря, выращена своя, аккуратно подстриженная аудитория с несокрушимыми представлениями: «Вот такими они и должны быть, властители дум!» Знаете, что сказал мне Астафьев по поводу этих «властителей», когда мы бродили с ним вдоль Енисея в Овсянке? Цитирую по диктофонной записи: «Жуткие они писатели!»

— Узнаю́ Виктора Петровича! Но, думаю, он погорячился…

— Хотя миновала четверть века, а как Астафьев клеймо своё поставил, так с той поры мало что изменилось.

— И всё же вы по своим выступлениям знаете: устное слово, оно сегодня как никогда ухватывается. Впивается человек тотчас же, вслушивается. И, вероятно, Юра, это общая наша вина, что мы не часто балуем свою литературную родину собственными встречами с читателями. Но вы же, насколько мне известно, привозили сюда на совместные выступления и Ларису Васильеву, и Бориса Черных, и Марину Саввиных, и Сергея Кузнечихина, и Михаила Тарковского?

— Каждый раз казалось, что привозил миссионеров — к язычникам. Тот самый эгрегор, он ведь срабатывает! Разворачивает на привычное, на ожидаемое. На то, что осознанно или по недомыслию порождено теми самыми «жуткими», которые времени зря не теряли, а тут же замещали «миссионеров»…

— Всё равно, жуткие они или кроткие, однако слово остаётся последним оружием русского литератора любого жанра. Вы правы: миссионерское слово, то есть слово живое, ибо оно пока ещё не врёт.

— Тогда вот эпизод: похороны Евтушенко на переделкинском кладбище. Стоим. Ждём. Не покривлю душой, если скажу, что рядом — немало подлинных поэтов. Просто их лица не захватаны узнаванием. В конце концов, «быть знаменитым некрасиво». Но они пришли проститься со своим старшим собратом. И вдруг требовательный возглас старушки: «Дорогу поэту!» Оборачиваемся. Оказывается, прибыл Андрей Дементьев. Не хочу бросить камень в ушедшего, но…

— Не будем бросать камень. Он действительно представлял свою часть поколения. И представлял достойно. Старушка, кричащая: «Дорогу поэту!» — явно безумная, но она воспитана всё же не на худших образцах поэзии.

— Если учесть, что сегодня на полках книжных магазинов плечом к плечу с Пушкиным и Пастернаком — Лариса Рубальская и Илья Резник, тогда, конечно…

— То, что Андрей Дмитриевич в последнее время имел успех больший, чем прежде, это, может, как ни странно, оттого, что он чаще читал на публике, чаще выступал. Я это всё — к тому, как попытаться сегодня возвратить тягу людей к духовному. Через печатное слово вы не вернёте, потому что тот пёстрый хаос имён, как упомянутых вами, так и не названных, можно лицезреть в любом книжном магазине. Каждый кричит: «Я! Меня купите, меня!» Все соревнуются. Цветные обложки, одинаково бесстыдные. И от порядочных людей их уже не отличишь. Потому что одинаково одеты все.

А о том, как возвратить…

Иркутск после драки классиков

— Когда подступило семидесятилетие Валентина Григорьевича Распутина, выяснилось: он не хочет отмечать эту дату по скромности своего характера. В Петербурге насильственно отметили. В Москве отметили. А там, в Иркутске, нет. И мне звонит директор тамошнего театра: «Ради Бога, помогите!»

Я приезжаю в Иркутск. Мы едем, летим и плывём с Валентином Григорьевичем в его родную деревню Аталанка, и я всё думаю: «Как же, Господи, ситуацию-то спасти?» И вдруг в голову приходит простая мысль: оказывается, они с Александром Валентиновичем Вампиловым не только друзья, не только учились вместе в университете и начали знакомство с драки, потому что «чё-то там не так Саня сказал, как положено», ну и Валентин Григорьевич завёлся… Представить Валентина Григорьевича дерущимся с Александром Валентиновичем Вампиловым так, что их было не разнять?! Но они — ещё и одного года рождения.

И я вспомнил, что есть у Вампилова знаменитая пьеса «Прошлым летом в Чулимске». И говорю Вале: «Вот пьеса, в которой то, что тогда считалось злом, сегодня почти добродетель, — так переменились и ожесточились человеческие характеры. И давай мы соберём литераторов и назовём „Этим

летом в Иркутске". А дальше—перечислим фамилии». Распутин: «Давай!»

Вроде как он тут ни при чём—это всё про других. Однако, естественно, когда мы собрались на первой нашей встрече, оказалось, что все, конечно, говорят про Валентина Григорьевича.

Я поначалу думал: нагонят на эти вечера, как водится, школьников, студентов, войсковые части поднимут, чтоб зал был полон. Прихожу—в самом деле: никак не могу разобрать, из кого состоит зрительный зал…

Но как только ты сказал этому зрительному залу Иркутского академического театра имени Охлопкова, что мы, стоящие перед вами на сцене, и вы, сидящие в зале, так же беззащитны перед безумием мира, и если мы будем открыты в одинаковой любви друг другу и русскому слову, то, может быть, что-то сумеем повернуть… На следующий год на нас продавали билеты! До полутора тыщ рублей.

И зал был полон все последующие двенадцать лет. Только в прошлом году эти встречи остановились впервые, потому что после смерти Валентина Григорьевича оказалось, что этого нельзя. Но жадность, с которой человек слушает открытое слово!..

Вот почему сегодня, если представится любая возможность у поэта, ради Христа, говорю, идите сейчас же! И поэты, и прозаики. В библиотеки, куда угодно! И глядите глаза в глаза, потому что человек уже не верит печатному слову…

Улица Революционная. Будущая Евангельская?

—Нет ли в том заведомого противоречия? С одной стороны, вы утверждаете, что «только начертанное слово обладает всей заложенной в него полновесной силой», а с другой—что «человек уже не верит печатному слову», а предпочитает слово устное, живое, когда «глаза в глаза». Но я-то знаю: стоит перевести это устное слово в начертанный вариант, как не всё «устное и живое» выдержит испытание начертанностью… Поэтому мне любопытно: как другие-то доблестные представители критического цеха оценивают ваши парадоксы?

—Сегодня, видимо, время заговора литераторов, отчего известнейший наш критик Лев Александрович Аннинский глумился надо мной, просто хохотал, падая на живот и на спину, когда я обмолвился в одной из своих статей о том, что, может быть, зла не надо писать литературе. И Виктора Петровича Астафьева я всё корил за то, что вышло из-под его руки после «Печального детектива». Написал он его и даёт мне прочесть. По-моему, это был тысяча девятьсот восемьдесят третий год. Сейчас это называется роман нуар. У нас—чернуха, а на Западе—нуар, ночной роман, «восемнадцать плюс».

Я прочитал «Печальный детектив» и говорю Виктору Петровичу: «Что же вы делаете?! Вы ж надругались над жизнью—она всё-таки милосердней: собираешься башку в петлю сунуть или застрелиться—обязательно в итоге девчонка засмеётся, солнышка луч упадёт, котёнок подойдёт, потрётся о штанину. Что-нибудь да случится, и через это Господь скажет: „Парень, ты куда разбежался? Постой на мгновение!" А у вас в „Печальном детективе" котёнка нет, девчонка не смеётся, луч солнца в окно не падает. Что же делать-то?»—«Ничё,—отвечает.—Вот бабу найду (то бишь женский характер.—*В. К.*), она всё там озарит, в „Детективе" этом».

Бабу не нашёл, потому что наступил тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. Вместо бабы пришёл Ананьев, главред журнала «Октябрь». Цап рукопись первого российского романа нуар—и жадно напечатал. Я упрекнул Виктора Петровича: «Что же вы делаете?!» Он замолчал. Каменно.

—Но после «Печального детектива» у Астафьева были изданы и «Людочка», и роман «Прокляты и убиты», и…

—Вот почему нельзя писать зла! Андрей Битов укорял Фёдора Михайловича Достоевского: если бы тот не написал «Бесов», в России не было бы революции! Когда они в полуподвале убивают своего товарища и этому приданы такие блеск, глубина и совершенство, после чего любые подлецы заоглядываются: «Как мы замечательны, талантливы и умны, какая за нами блистательная мысль стоит!» И разлился этот гнойник. До Октябрьской революции. Поэтому битовская мысль: «Нельзя!»

Сколько матом мы с Виктором Петровичем ругались, но повторяю: матом писать нельзя. Мат есть устное единственное эмоциональное состояние. Вот сегодня меня прижало, и я заорал! Но если написал об этом, оно тотчас же перестало быть единственным, подлинным.

Отчего его нельзя прочитать на заборе? Потому что словно тебя бритвой по глазам полоснули! Кирилл и Мефодий не написали азбуки для мата. Он возник в каком-то чужесловесном пространстве, почему так и ранит зрение. Писатель-фронтовик Евгений Иванович Носов присылает Астафьеву письмо на девятнадцати страницах: «Витечка, ты чего делаешь?! Толстой, написавший „Севастопольские рассказы", он другую войну воевал, что ли? Однако, смотри, обошёлся как-то без мата. Мы с тобой одного звания, одну войну прошли… Слово не повернётся». Девятнадцать страниц! Мелким почерком.

—Вспоминаю своё гощение у Виктора Петровича в Овсянке. Это когда он работал над романом «Прокляты и убиты». Ну, разумеется, устная речь его была вся прошита теми самыми незабвенными

словечками… Я всегда говорил и говорю: «В его устах они как бирюзовые серёжки в невинных девичьих ушках». Я на своих друзьях проверял: ставлю аудиокассету со Жванецким и аудиокассету с Астафьевым. С Астафьевым увлекательнее!

— Это так органично и естественно! Но, увы, когда написано…

— А мне же нужно было наш разговор в журнале «Юность» опубликовать! И, сохранив всю «вкусноту» астафьевской речи, попытаться что-то в ней обойти. И я, помню, начал придумывать некие собственные неологизмы-заменители, но которые бы почти воспроизводили исходное. И об этом в телефонном разговоре с Астафьевым поделился. Он: «Ничё, щас выйдет роман, вот там!..»

—…там всё будет прямо! Никаких «блин». Как скажет, так скажет. Хотя, повторюсь, на самом деле прав Андрей Битов: зло нельзя умножать — оно станет тиражированным.

— Мы так, пожалуй, дойдём до того, что не будет улицы Революционной, на которой прошло моё и ваше угланское детство?

— Действительно, дойдём — вдруг станем, сохрани Бог, не угланами, а евангельскими детьми?

— Это спор не сегодняшнего дня. Не так давно мы на сходную тему общались с одним пролетарским поэтом. Редко когда по нынешним временам человек себя так представляет и соответственно мыслит и пишет. И договорились мы до того, что «вот наступит времечко, когда народное терпение закончится». При этом тычет указующим перстом в каменные палаты богатеньких. Я ему: «Не хотелось бы!» Он в ответ: «А придётся!» Поэтому, Валентин Яковлевич, желаем мы того или нет, но вектор времени движется в этом направлении, о чём, вообще-то, должны бы знать в вашем Президентском совете. И как бы мы ни призывали избегать в теперешней русской литературе «свинцовых мерзостей жизни», а улица-то Революционная ещё аукнется! И в жизни, и в литературе. Попомните моё слово. Зря, что ли, она до сих пор не переименована?

Наедине со словом в чистом поле

— Про зло, конечно, писать надо. И даже до́лжно. Вот один из недавних авторов прочитанных мной книг на соискание «Ясной Поляны», печник из Петрозаводска, прошедший чеченскую войну, — Александр Бушковский. Он создал книжку такой жёсткости! Всегда же можно различить зло кокетливое, смотрящееся в специально поставленное зеркальце. А его «Праздник лишних орлов» написан с таким внутренним страданием, что ты начинаешь отчётливо понимать, что́ это за безумие. Здесь автор не смотрится в зеркальце, а будто ставит его перед нами, подлецами. И тычет нас носом. И когда описание зла рождается изнутри, это видно сразу — что оно изнутри рождено. И пережито, и выстрадано, и читается иначе. Зло преображается, очищается в процессе твоего сострадания.

Но, к сожалению, пока эта литература ещё не побеждает. Не наступает преодолённого зла, себя перемогшего. И на дороге этой если что и спасёт нас, то само Слово. Мы можем истратить себя до последнего, износить, потерять — всё, что угодно. Но Слово милостью Господней всё-таки стоит над нами и говорит: «Ребята, вы продолжайте, а я за вас заступлюсь!»

— Однако, согласитесь, вот эти якобы порождённые злом художественные образцы запоминаются больше и прочнее:

Я люблю смотреть, как умирают дети»
(Маяковский);

Эти шеи — потные и толстые,
Как гадюки, скользкие, как вол,
Непреклонные, — рукой апостола
Савла — за стволом ловил я ствол…
(Нарбут);

Иуда взял бездарно — серебром,
Сбил цену на предательство людское.
И праведный над ним разверзся гром!
А взял бы золотом — хоть помер бы в покое!
(Влодов)

И — так далее. Извините меня, но я это запомнил. И не только я…

Репей-трава прилипчива. Больное сердце сбивчиво.

Это уже из солоухинской «Травы»…

— Действительно, «прилипчива»! Полностью согласен с Владимиром Алексеевичем. Зло всегда обаятельнее, пленительнее. Зло настолько картинно и ослепительно! А добро всегда так, в сущности, жалко, так скучно и так невзрачно, кроме разве что совсем последнего — когда оно за други своя погибающее.

— Тогда — в связи с нарисованными вами противоположностями — я не могу не задать, может быть, не совсем удобный для вас вопрос. Неудобный — в том числе и как для лауреата Патриаршей литературной премии. Я когда смотрел, разумеется, по телевидению, на ныне почившего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, особенно — в зеркале впоследствии сменившей его фигуры, он всегда поражал своей какой-то внутренней кротостью, полным отсутствием картинности. А когда я наблюдаю и слушаю (опять-таки по ТВ) патриарха Кирилла, то ставлю себя на место других людей, ему внимающих, и, с одной стороны,

восхищаюсь его даром красноречия, который явно не наблюдался у Алексия, а с другой — спрашиваю себя: «Может быть, вот эта кротость и неумение себя подать, вот это полное отсутствие картинности были предпочтительнее?»

— Это правда. Как Валентин Григорьевич Распутин — последний русский писатель, последний в том старинном понимании земной связи-пуповины, так и патриарх Алексий Второй — последний в церковном существовании, от предания, от святых отцев. Но время востребовало патриарха Кирилла. Хотя я ждал, и все мы ждали (ну, мы же ребята умненькие!), что вот, наконец, придёт наш, такой же умненький, как мы. Жёсткий, хваткий, цепкий. И точно распределит все мировые пространства. Заговорит на нашем языке. Всё получилось. Кроме Духа и Силы.

— «Не гнушайся, подвой со слезой про спасенье Руси / в строевом православье взамен строевого марксизма...» Это уже, как вы понимаете, в наши дни изречено. Можно сказать, у вас, Валентин Яковлевич, под боком, потому что автор этих строк — живший в Великих Луках и принявший там свою голгофу русский поэт Андрей Власов. И разве нынешнее «строевое православье», по Власову, не аукается с церковным растлением тысяча девятьсот семнадцатого? Я всегда задаюсь вопросом: «А чего тогда православный люд на колокола да купола с крестами ополчился?»

— Скажу больше. Церковь к тому времени предала саму себя. Это она была главной виновницей совершившегося столетие назад — в тысяча девятьсот семнадцатом и в последующие годы, когда весь народ от неё отступился. С чего бы? С того, что слишком обрядово! Она и сегодня входит в это же обрядовое пространство. Стала такой же обрядово привычной. Потому что не помышляет о собственном высоком, спасительном предназначении. Отбарабанила своё — и с колокольни долой! Не страдает, хотя должна страдать за то, что новомучеников поминают за каждой литургией... Но принимать жертву новомученичества?..

Новомученики заплатили за то, что они были помечены равнодушием накануне семнадцатого года. Играли в картишки под мостами, служили заказные литургии для богатеньких, а потом расплатились чудовищной смертью и кровью, потому что Христос поругаем не бывает. А сегодня? И сегодня они все спокойные и сытенькие. Как же так, батюшки? И Кирилл — это первое свидетельство того, что патриарх не страдающий не может быть патриархом в России.

Я старый человек, живу уже давно на матушке-земле и понимаю, что русская история — это только проскомидия, которая переводится, как «преуготовление». На самом деле, мы жили при тиранах, при деспотах, при коммунистах, при либералах. При ком только не жили! Но лишь сейчас начинаем осмысленно входить в историческое пространство и только сегодня входим в пространство преуготовления, когда впервые должны назвать каждое слово сначала. Поднять к свету, чтобы увидеть его — косточку в каждом этом слове: «добро», «справедливость», «милосердие», «женщина», «мужчина»... В каждом! Мы обесчестили, опозорили их тысячами употреблений. Износили всё в лоск! Вот каждое слово поднимем и скажем. И вот всё это — преуготовление, когда начнётся наше с вами правильное историческое земное и небесное существование. Мы впервые войдём в пространство слова! Слова как Небом данного. Мы использовали его просто механически. А сегодня, когда отрясли с него прах, сдули пылинки, мы поняли, что надо брать его в том евангельском смысле впервые...

Слово-то русское спасительно. Но мы пока ещё не слышим его во всей полноте и значимости. И только интервью Юрия Беликова будет когда-то в «Дне и ночи» напечатано, и там будет сказано, что нам сегодня выпало высочайшее счастье зваться русскими литераторами, эта мучительная ответственность, которая никому никогда не выпадала. И вдруг мы впервые в чистом поле оказались. Наедине со Словом. И с ужасом, смятением, восхищением вчитываемся в него и восклицаем: «Господи, благослови!» И начинаем каждое утро с молитвы вот этому самому Слову и — с подвига, чтоб назвать это самое Слово и дерзнуть зваться русскими литераторами. Никому ещё не выпадало такого счастья — ни французским, ни американским, даже латиноамериканским литераторам. То есть опять Россия оказывается на острие клина, и я стою на острие с этим русским словом, смотрю в светящуюся высь, откуда окликает меня Валентин Григорьевич Распутин: «Ну что, старик, посмеешь всё же завтра выйти и продолжить это своё существование?»

И если хватит отваги русскому литератору, то мы опять будем победительны, и пусть этот господин Трамп и все остальные заткнутся, ибо впереди всё равно окажется Русское Слово, потому что оно — самое последнее, испытательное... Отвечающее на вопрос: «Имеем ли мы право зваться людьми?» Кажется, от этого уже отказались все — американцы, французы, англичане, перейдя на логическое пространственное существование, и только русская литература ещё по-прежнему доглядывает до конца... До Слова Евангельского... И если задёрнет занавес Господь, то мы скажем: «Господи, мы слышали. И если уж не смогли исполнить, то уж прости нас, Христа ради!» И Он по милосердию простит. Аминь.

Анатолий Гребнев

* * *

Валентину Курбатову

Да, друг мой, много было званых,
А избранных—скупая горсть.
В густых кладбищенских бурьянах,
Затухнув, столько улеглось!

Мешая нашим разговорам,
В заупокойной тишине
Пророчит гибель хриплый ворон
Ещё живым—тебе и мне.

Но в светлой думе о России
Так в душу льётся синева,
Что нипочём
Его глухие,
Его картавые слова.

Мы помним всех, кого любили!
Спасибо Господу уже
За то, что мы не просто *были*—
Родными были по душе!

Светлан Семененко

* * *

Валентину Курбатову

Лёгкой дымкой означивши кроны,
две берёзки стоят не дыша.
Это облачком лёгко-зелёным
не листва пробудилась—душа.

Как люблю я таинственный, краткий
этот миг посредине весны,
когда смотрят деревья украдкой
и хотят одного—тишины.

Да продлится ночная прохлада,
да протянется тонкая нить!
На пороге грядущего ада,
Боже, дай им собою побыть.

И покуда душа не окрепла,
не укрылась за рёбра ветвей,
на пороге июньского пекла
огради их десницей своей.

Владимир Башунов

Мальвы и золотой шар

Валентину Курбатову

Скромные мальвы да шар золотой
дремлют, склонившись к ограде,
мальвы да шар—золотой, не простой—
возле избы в палисаде.

Всё, что любовью овеяло нас,
детские дни осветило,
не выставляла душа напоказ,
но суеверно хранила.

Мальвы да шар золотой под окном
в лёгкой полуденной сини.
Вот набреду я нечаянным днём,
вот повстречаюсь я с ними.

Столько железа грохочет вокруг,
древнюю пыль поднимая,
поле, и рощу, и речку, и луг—
всё под себя подминая.

Столько железа!
Его не унять.
Как несмышлёные дети
смотрят цветы—и не могут понять,
что происходит на свете.

Много печали я жду от судьбы,
но не поддамся испугу,
только б стояли они у избы,
тесно прижавшись друг к другу.

Только бы знать,
обжигаясь огнём,
в громе железа и в дыме:
вот набреду я нечаянным днём,
вот повстречаюсь я с ними.

Виктор Аференко

Дорогами Родины

Главы из книги «Спасибо спорту!» (Железногорск, 2019)

В конце 1934 года на карте страны появился Красноярский край. Партийная организация Ленинграда взяла над ним шефство, послав сотни своих грамотных активистов на работу в Красноярье. Одним из них был Николай Мигдалов — красивый парень, футболист. В 1935–1936 годах он работал директором Миндерлинской МТС, а в 1937–1939 годах избирался первым секретарём РК ВКП(б) (до ареста как «врага народа»). И все эти годы он играл в футбол, причём очень хорошо. По воспоминаниям А. Черкашина, участвовал в товарищеских встречах с большемуртинцами, что само по себе — факт для тех лет удивительный: первое лицо района на поле в трусах гоняет мяч.

И вот, после перерыва в двенадцать лет, в июне 1952 года спортивные руководители районов Вохмин и Шарифулин договорились о восстановлении традиции — о товарищеских встречах по футболу. В один из воскресных дней конца июня наша команда выехала в Большую Мурту на самосвале. Об «узаконенном» пренебрежении к технике безопасности свидетельствовал факт наличия специально изготовленных скамеек поперёк кузова с зацепами за борта. Как один из нападающих, я бегал быстро, но с нулевым эффектом, ибо меня встречал опытный и жёсткий защитник, мужчина средних лет, он запугал меня. Не отличились и более опытные наши игроки. Мы проиграли матч со счётом ноль-два.

— Садитесь, едем в чайную! — скомандовал руководитель вояжа Михаил Вохмин.

Уже несколько веков в Сибири на трактах, на ямщицких станках, в волостных сёлах, существовали пункты чаепития и обогрева, сохранились они и в советское время. Не столовые, не кафе, а чайные; в Миндерле вывеска «Чайная» висела до семидесятых годов века двадцатого. Содержали их сельские потребительские общества (сельпо). В больших зданиях в залах сидели за столами вкруговую на табуретах проезжие, а в райцентрах — приезжие люди. В верхней одежде, сбросив её в угол у двери. Обслуживали официантки. Меню без изысков: щи, супы, каши, котлеты, блины, компоты, кисели. Цены низкие. В глубокие тарелки щей наливали раза в три больше, чем сейчас, пирожки огромные. Многие сельчане доставали из котомок свой запас — хлеб, сало, яйца — и заказывали только горячий чай в эмалированных кружках. Шумно. Все — как одна большая семья. Вот бы журналистов и краеведов туда: за час-два накопали бы информации на десятки заметок, затесей, эссе.

При чайных имелись закутки за ширмами или рядом с кухнями для застолий по заказу, с алкоголем. Пить водку и вино в зале запрещали. Заходим в такую комнатёнку: на столе «батарея» — десятка три бутылок с водкой. Сели на лавки вокруг обе команды. По традиции, сохранившейся и ныне, победители праздновали победу, а проигравшие заливали горячительным горечь поражения. Думаю, что Б. Н. Ельцин — хороший волейболист, игрок сборной вуза, города и Свердловской области, — и привык к злодейке с наклейкой после подобных послематчевых сборов. Налили водки и нам — непьющим мальчишкам. После второй зашумели, а после третьей и последующих (кто сколько хотел) началось братание, вопросы типа «ты меня уважаешь». Наш центровой — девятиклассник Толя Р. — плакал (он обещал своей любви — восьмикласснице гол забить, но не получилось).

Выехали домой уже в темноте. Мы, юные запасные, упали на дно самосвала, перевернули банку с машинным маслом, и нас по нему мотало между ног сидящих и орущих песни футболистов. Ночь короткая, ехать сто километров. Прибыли на рассвете. Когда спрыгнули мы вниз — врыв хохота, одежда стирке не подлежала. Зашёл во двор дома, где снимал квартиру, на крыльце встретила хозяйка, воскликнула:

— О, как ты нафутболился!

Через неделю с ответным визитом прибыли большемуртинцы. Вохмин уговорил их поехать в Атаманово, на стадион пионерского лагеря. Увидев в составе нашей команды накачанных мощных ребят, гости поняли, что это подставные, вожатые из Норильска. Играть отказались.

Первая колхозная спартакиада

Лето живу в Сухобузимском, жду результатов от комиссии из Красноярска, какова оценка за сочинение: от неё зависит, получу серебряную медаль или нет. Встречает нас с одноклассником Сергеем Ядринкиным Михаил Вохмин:

— Через неделю в городе пройдёт спартакиада общества «Колхозник». Собираю команду, включил вас, но не как учеников, а как колхозников. Еду в Карымскую за справками.
— Можно, и мы с вами съездим?
— Садитесь!

Залазим в кузов того же самосвала, но без скамеек.

Побывали в Подсопках, в Карымской. Пока ждали председателей, потом счетоводов, выписавших справки, наступила ночь. Особая, аномальная температура опустилась до нуля — и это в середине лета. Кузов самосвала остыл, мы с Сергеем в лёгких рубашках лежали в обнимку, друг друга согревая. Едва дотерпели. Это чудо, что не заболели.

В СССР всегда и везде умели на самом высоком уровне проводить массовые мероприятия: фестивали, слёты, дни молодёжи, смотры, спартакиады. Яркое и для нас, сельских ребят, необычное впечатление произвела и первая краевая спартакиада общества «Колхозник», прошедшая в двадцатых числах июля 1952 года.

В программу входили лёгкая атлетика, гиревой и городошный спорт, игра в лапту, стрельба, футбол.

Наша команда на том же злополучном самосвале выехала в пятницу под вечер. Красноярск встретил нас морем огней. Нас ждали. Разместили в спортзале одной из школ; спали на матах, но и одеяла с подушками имелись. Утром прошли аттестационную комиссию.

Верхи при создании общества допустили стратегическую ошибку: если работники сферы обслуживания, врачи, учителя, культработники, учащиеся были детьми колхозников, то при личном желании становились членами общества «Колхозник»; если же их родители работали в других местах, то выступать на спартакиаде они не имели права. Перегиб. У Сергея Ядринкина отец работал конюхом в райфинотделе. А какая разница, где конюшил отец большого семейства — в колхозе или не в колхозе? Или в нашей семье: отец трудился на должности председателя сельпо, а ведь сельские потребительские кооперативы — те же мини-колхозы. Так за бортом сельского спорта оставалась значительная часть сельских жителей. Вскоре ошибку осознали: через год было создано спортобщество «Урожай» с привлечением сельской интеллигенции, рабочих и служащих совхозов и МТС. Ещё через год общества объединили в единое — «Урожай», оно существует до сих пор. Тогда же М. Вохмин вынужден был «химичить», а мы трое, к сожалению, врать.

Захожу в кабинет. Члены комиссии настроены доброжелательно, задали несколько вопросов:
— Сколько лет?
— Семнадцать.
— Где и кем работаешь?
— В колхозе имени Куйбышева. На разных работах.
— Что делал на этой неделе?
— Сено мечем. Езжу на конных граблях.
— Желаем успехов!

И дали талоны на питание.

Открытие на стадионе «Динамо» прошло шумно, красиво, празднично. Делегации районов растянулись по улице Бограда на целый квартал. Со стороны улицы Вейнбаума временно разобрали забор. Впереди шли под музыку в спортивных костюмах знаменосцы. За ними ехали три тройки с колокольчиками и лентами на дугах. Далее — команды районов по алфавиту со своими эмблемами, с лозунгами. Некоторые несли мячи, городошные палки, на ходу выбрасывали гири. Запрудили весь стадион. Прозвучали приветствия, подняли флаг. Спортсмены заняли трибуны, и около часа шли представления: коллективные гимнастические упражнения с цветами, танцевальные номера, карусель акробатов.

Нежданно — рекордсмен края

На другой день утром начались соревнования. На стометровке я выиграл свой забег. В финале прибежал вторым, то есть, по сути, стал вице-чемпионом края среди сельских спортсменов. Мысль о каком-то успехе тогда в голову мне не приходила.

Болельщицкие страсти двухлетней давности не пропали зря: умел стартовать с колодок, бежать свободно и правильно работать руками. На другой день одним из видов соревнований была эстафета 800-400-200-100 м. В нашем забеге семь команд. На первом этапе Володя Рубчевский от лидеров чуть приотстал. А вот наш бегун на четыреста метров свой этап завалил, передал мне палочку последним, метрах в тридцати от остальных, бежавших кучно. Я босиком что есть силы рванул догонять их, догнал и перегнал. Как говорили мне — это выглядело необычно и красиво, публика удивилась и зааплодировала. Под занавес соревнований объявили:
— Легкоатлет Килин из Канска выступит на побитие рекорда общества «Колхозник» в беге на четыреста метров!

Килин бежал один, оказался высоким, мощным и полноватым мужчиной, бежал, отклоняясь назад, и всё же рекорд побил. Вохмин и другие наши ребята подбегают ко мне:
— Давай заявим тебя на побитие рекорда на двести метров!

Согласился. И судейская коллегия согласилась. Бежал один, рекорд края — 25,2 с — повторил. Результат слабенький, но с таких рубежей стартовал сельский спорт.

К лету 1956 года я свои результаты довёл в беге на сто метров — до 10,8 с (первый разряд, так бегали в крае пять человек), на двести метров — до 24,00 с (второй разряд для тех лет),

в десятиборье — до 5000 очков (второй разряд по старой таблице). <…>

После успешного выступления на первой спартакиаде общества «Колхозник» вернулся домой. Отец ворчал:
— Поезжай, получай аттестат, теперь ясно, что медали не получишь. До первого сентября осталась неделя, а надо ещё добраться в Томск!

Он знал, что я решил поступать на радиотехнический факультет Томского политеха.

Снарядили меня в путь, мать зашила половину денег в майку, взял небольшой чемоданчик-балетку — и на пристань, на катер, на ж.-д. вокзал. Билеты — только на проходящие поезда, очереди огромные. Пришлось ночевать у Сухоруковых, где когда-то с сестрой проживали. Дядя Саша, уже десятки лет работавший осмотрщиком вагонов — прозванивал колёса, предложил:
— Приходи часа в два, посажу тебя на товарняк, доедешь до станции «Тайга», а оттуда на электричке в Томск.

Пошёл пешком пораньше. Иду мимо здания пединститута, бывал в нём с сестрой раза три, рассматривал в витринах заспиртованных мелких животных. И как будто кто-то подсказал: «Зайди!»

Дежурная спросила:
— Поступать? Приёмная комиссия на втором этаже.

Поднимаюсь. Навстречу идёт невысокого роста плотно сбитый мужчина, чернявый, нерусский. Подаёт руку и с акцентом весело говорит:
— Чемпион «Колхозника» к нам пожаловал. Видел, видел, как ты в эстафете всех «съел» на двухсотметровке. Поступишь — приходи к нам на кафедру, в подвал слева.

То был заведующий кафедрой физвоспитания кореец Александр Тихонович Ким. Походив по зданию, вышел я на улицу и присел на диван-скамейку, задумался: «Почему, собственно, выбрал радиофак? Ведь к технике пристрастия нет; главные интересы — спорт, литература и стихи (районная газета опубликовала несколько моих стихотворений). Чем плоха профессия учителя литературы?» Вспомнил, что наш «самоделкин» с улицы Береговой Толя Маляренко несколько раз говорил, похлопывая по плечу: «Витька у нас будет учителем!» Не зря, наверное. И лёгкой атлетикой буду заниматься параллельно. И квартира в Красноярске есть.

Хорошо, когда выбор заканчивается правильным решением, и оно оказалось правильным. Сдал неплохо экзамены на литературное отделение историко-филологического факультета КГПИ. Сижу во дворе института, довольный. Идёт Агния Васильевна:
— Ты что, Витя, здесь? Не поехал в Томск?
— Нет, не поехал, поступил на литфак.
— Почему не на физмат? — встрепенулась она. — Литературой, стихами можно заниматься всю жизнь. А вот физику самостоятельно не освоишь, хотя она даёт основные знания об окружающем мире, на ней основана философия. Переходи на физмат, я договорюсь, досдашь нужные предметы.

«А почему бы не попробовать?» — подумал я и, досдав экзамены по математике и физике, стал студентом физмата. Как говорится, и «физиком», и «лириком».

Первые победы

Среди четырёх факультетов физико-математический занимал лидирующую позицию. Причин тому несколько. Преподавательский состав на всех факультетах в пятидесятые годы был хорошим, дело не только в званиях, в опыте. Но — всегда и везде симбиоз высшей школы и науки даёт лучший результат. Уже более пяти лет проводились научные изыскания в магнитной лаборатории под руководством Леонида Васильевича Киренского. Оказалось, что здание женской гимназии, в которой занимались два факультета, построено из кирпичей, без железа, а для опытов по ферромагнетизму — это главное условие, и в подвальном помещении обосновался учёный люд, появилась аспирантура. По ходатайству Киренского научным руководителем стал профессор Б. Ф. Цомакион из плеяды создателей современной физики в начале двадцатого столетия. Он ещё в 1905 году защитил докторскую диссертацию. О его познаниях в области теоретической физики, о владении математическим аппаратом говорит такой факт. На титульном листе учебника «Основы электродинамики» её автор — лауреат Нобелевской премии академик И. Е. Тамм — в рамочке, так, чтобы прочли, поместил следующий текст: «Автор благодарит профессора Б. Ф. Цомакиона за редактирование моего труда». Подпись: Тамм.

В 1935 году в составе военной делегации под началом М. Н. Тухачевского Борис Фёдорович ездил в Германию. После ареста и расстрела маршала как «врага народа» попал в гулаговские застенки и Цомакион. Отбыв срок, жил как ссыльнопоселенец в Большой Мурте и в Сухобузимском, преподавал в школе физику.

Л. В. Киренский как-то узнал о гениальном ссыльнопоселенце и после смерти Сталина добился перевода Цомакиона в Красноярск научным руководителем аспирантов и магнитной лаборатории. Были защищены десятки диссертаций, лаборатория стала ядром будущего Института физики, а тот — ядром филиала Сибирского отделения РАН. Естественно, что на физмат стало поступать всё больше юношей. И ещё одним фактором негласного лидерства факультета стал тот, что руководил им талантливый, яркий человек — декан Александр Яковлевич Власов. Он — сын железнодорожника,

окончил КГПИ, прошёл через горнило Отечественной войны; поощрял, поддерживал инициативных преподавателей, аспирантов, студентов.

Одной из прекрасных традиций на факультете было шефство студентов старших курсов над группами первокурсников. Помню, уже в первые дни учёбы пришла к нам Аня Лаврентьева, третьекурсница, и побеседовала с каждым по вопроснику: почему решил поступить в пединститут, каковы интересы, в каких кружках хотел бы заниматься (предлагался их перечень), участвовал ли в художественной самодеятельности, спортивные успехи.

Вскоре после её анкетирования мне предложили войти в состав редакционной коллегии, выпускающей стенгазету и сатирический листок; пригласили в секцию лёгкой атлетики общества «Буревестник».

Во второе воскресенье сентября на стадионе «Локомотив» проводились однодневные соревнования на первенство между факультетами по лёгкой атлетике.

Примерно на равных соперничали три факультета: физмат, где были сильны юноши и слабы девушки, естественно-химический факультет с хорошими зачётницами-девчатами и истфил с ровным составом тех и других. Иняз при отсутствии ребят не соперничал. Настроение праздничное, народу много, звучит музыка. В беге на короткие дистанции уже несколько лет был фаворитом Герман Глянь — спортсмен резкий, опытный, прошедший горнило многих соревнований, по характеру самолюбивый, занозистый. Мы с ним в беге на сто метров поделили первое место, финишировали одномоментно, показав, кстати, неплохое время (тогда) — 11,8 секунды. Третьим прибежал первокурсник истфила Дима Германович.

Завершились соревнования эстафетой четыре по сто метров среди юношей. Мне доверили последний этап. Палочку я принял чуть позже Германа, но перед финишем стал обходить его. То ли от злости, то ли от дури, он бросил палочку, за что, по правилам, команду дисквалифицировали. Некрасивый поступок Гляня осуждали все.

Через неделю там же прошли соревнования по лёгкой атлетике, теперь на первенство вузов и техникумов города. Свой забег я выиграл, попал в финал. Диктор объявил:
— В финале бежит рекордсмен среди студентов края в беге на сто метров Дронов.

Время рекорда приличное — 11,4 секунды, выше второго разряда. Но Дронов оканчивал СибЛТИ, вероятно, форму потерял, и я выиграл соревнования с уже «привычным» результатом — 11,8 секунды. Больше других искренне и бурно радовался моей победе присутствующий как зритель земляк из деревни Ново-Николаевки, фронтовик-разведчик, кавалер ордена Александра Невского Артём Николаевич Тупилко.

Финал забега на 100 м на легкоатлетических соревнованиях между факультетами КГПИ. Слева направо: Г. Исаченко, Д. Германович, В. Аференко (I место, рекорд вуза), Г. Глянь (II место)

В сентябрьский номер большой факультетской стенгазеты поместили моё стихотворение «Спринтеру». Сам удивляюсь до сих пор, кто мне тогда «надиктовал» сей спич.

«На старт!» — отрывисто и чётко
Ему командует стартёр;
Упёршись в твёрдые колодки,
Он штурмовать готов рекорд.

Он весь — стремительно — единый
Из мышц спрессованный комок.
«Вниманье!» Выстрел! Как пружина,
Мгновенный делает рывок.

Мелькают серые трибуны,
Зелёный крашеный забор;
В глазах блестит весёлый, юный,
Бодряще-радостный задор.

Хвост серой пыли вьётся следом,
Он к цели движется стрелой,
И ветер будущей победы
На клочья рвётся за спиной.

В основное здание КГПИ, где занимался физмат, на общие лекции приходили студенты литфака. Прочитав стихотворение, они смеялись от души. А как же не смеяться над «из мышц спрессованным комком», над «зелёным крашеным забором», над «хвостом серой (мифической) пыли» и «клочьями ветра победы». Думаю, что странные строки породила эйфория успехов семнадцатилетнего сельского парня.

«Во главе с товарищ Кимом»

В июне 1952 года в Курске проходила летняя спартакиада педвузов РСФСР. Их в республике

Сборная команда легкоатлетов Красноярского пединститута (1952–1955 годы) — лучшая команда педвузов Сибири и Дальнего Востока. Слева направо за инструктором общества «Буревестник»: Антонина Рябчикова, Тамара Тимченко, Аня Кудрина (все — с естественно-химического факультета), Дмитрий Германович (истфил), Виктор Аференко, Александр Родичев, Иван Талашкевич (все — физико-математический факультет)

насчитывалось более ста. Институты разбили на три группы с разным представительством. К первой отнесли элитные учебные заведения: Ленинградский институт имени Лесгафта, Московский областной имени В. И. Ленина и ещё с десяток. Ко второй — большие по числу студентов педвузы, имеющие физкультурные факультеты. К третьей — остальные, малые, причём при наличии разрядников (по их заявкам). Из красноярского института участвовала команда из десяти спортсменов-легкоатлетов, выступила успешно, заняв по третьей группе второе место.

В декабре 1952 года пришло приглашение на вторую спартакиаду (конец июня 1953 года) в городе Ленинграде на тех же условиях. Сразу же зимой мы начали тренироваться. Легкоатлеты всего мира перешли на круглогодичные тренировки по примеру Эмиля Затопека, победившего на Олимпиаде 1952 года в Хельсинки в беге на пять тысяч метров, десять тысяч метров и в марафоне.

Из десяти членов команды 1952 года осталось трое, но зато на первые курсы КГПИ поступило несколько перспективных легкоатлетов, в том числе автор книги. Тренером на общественных началах стал аспирант физмата Саша Родичев. Тренировались в вечерние часы в спортзалишке длиной тридцать метров и в коридоре бывшей школы, здание которой арендовал истфак; весной же — на стадионе «Локомотив».

И вот вечером двадцатого июня 1953 года занимаем полки плацкартного вагона и едем в Москву. Нас десять человек: руководитель — заведующий кафедрой физвоспитания Александр Тихонович Ким и девять спортсменов — Саша Родичев (прыжки в длину, метание диска, эстафета 4×100 метров); ассистент Зорий Краснов (прыжки в высоту), Гриша Исаченко (бег 400 метров, 1500 метров, эстафета 4×100 метров); Виктор Аференко (бег 100 метров, 400 метров, эстафета 4×100 метров), Дмитрий Германович (бег 100 метров, 400 метров, эстафета 4×100 метров); Тамара Тимченко (прыжки в высоту, эстафета 4×100 метров), Аня Кудрина (бег 100 метров, 800 метров, эстафета 4×100 метров), Тоня Рябчикова (толкание ядра, эстафета 4×100 метров) и бегунья на 100 метров и в эстафетах N (фамилию забыл).

Со дня окончания Великой Отечественной войны прошло восемь лет. Но о тех суровых годах напоминало многое. Почти на всех больших вокзалах пели песни увечные гармонисты, им бросали в фуражки мелочь. Особенно запомнился высокий подслеповатый мужчина в Ачинске. Он исполнял песню, которую ни до этого, ни после я нигде не слышал. Судя по словам — из глубин фольклора военного времени. Оригинальными были и слова, и манера исполнения, с жалобным придыханием, с неожиданными паузами: «Родной сынок, по радиво собчили, что ты живой и крепко бьёшь врагов; соседи приходили, проздравляли и говорили: „Ванюша был таков“». Также на стенах длинных пакгаузов, складов бросались в глаза лозунги: «Наше дело правое, враг будет разбит, Победа будет за нами!»; «Всё для фронта, всё для победы!» и др. Помню, и у нас в Атаманово девушки-комсомолки исписали известью подобными лозунгами многие заборы.

В первой половине года произошло несколько судьбоносных событий: пятого марта умер И. В. Сталин, весной Л. П. Берия объявил большую амнистию, а в мае был арестован как «английский шпион». В Боготоле, где сменялись паровозные бригады, поезд атаковали получившие свободу бывшие заключённые, в основном уголовники. Наши проводницы как-то сумели от них отбиться. А вот в Анжеро-Судженске, где поразили своей высотой терриконы, к нам в вагон зашли человек пятнадцать амнистированных. Никого не трогая, позалезали под потолок — на третьи полки, где

хранятся матрасы. Некоторые доехали с нами до Москвы. Более того, на стадионе «Петровский» в Ленинграде, где проходили соревнования, встретили одного из них—уже как «доброго» знакомого.

Ехали более четырёх суток. Там, где в течение тридцати-сорока минут менялись паровозные бригады, проводили пробежки и делали упражнения. На пропитание деньги нам выдал А.Т. Ким: покупали к чаю (в бачке постоянно был кипяток) продукты у разносчиков и на станциях, на толкучках. На одной из них польстился на блины из «белой муки», что продавала старушка, прикинул, что цена сносная. Оказалось, что блины испечены из одного картофеля, холодны и невкусны. Конечно, читали, играли в карты. Однажды часа два подряд пели песни: начали наши девушки, после подхватили почти все пассажиры. Мне понравилось, лёжа на верхней боковой полке, смотреть в окно, наблюдать за видами и строениями, что проносились мимо. Вообще по железным дорогам страны проехал не менее ста тысяч километров и так и сохранил страсть к наблюдениям из окон. Бывшие заключённые играли с нами в карты—в очко на деньги. Это не преферанс, усвоенный позже. Игра неприхотливая. Если карты не помечены, то все в одинаковой мере выигрывали, набирая наибольшую сумму очков (максимум—двадцать одно) из трёх карт. Где-то в середине пути я сочинил небольшое шуточное стихотворение:

Чёрным дымом задымив,
Мимо станций, нив и склонов
Пробежал локомотив
И вильнул хвостом вагонов.

Едем мы в одном из них,
Люди разного масштаба,
Начиная от больших
И кончая самым слабым.

Языки подотточив
И очко приняв за стимул,
Едут, едут хохмачи
Во главе с товарищ Кимом.

Стихотворение ребятам понравилось, а Саша Родичев прочёл его и нашему руководителю. Александр Тихонович смеялся заразительно и оригинально, как бы всхлипывая. В Москву приехали рано утром, ещё не работало метро, которое все жаждали посмотреть. Нас встретил Коля Крюков—друг Родичева, выпускник физмата, призванный в войска НКВД (Саша, наверное, послал ему телеграмму). Крюков был в форме и рассказывал, какие напряжённые часы пережила Москва в день ареста Берии.

— Главную роль сыграл Г. К. Жуков, введя танки,—так закончил рассказ наш красноярский земляк.

В Ленинград мы ехали в общем вагоне, сидя на лавках, утомились. Правда, недалеко от станции Бологое поезд стоял часа два в поле. Оказывается, на соревнования ехали ещё несколько команд. Все стали разминаться. А рядом с дорогой косил сено мужчина средних лет, как пояснил он, переживший блокаду.

— На соревнования везут вас,—ворчал косец,—готовят бездельников. Вы, небось, и траву не кашивали!

Я попросил у него литовку. Спросил:

— Ещё есть?

Мужик достал из под валка другую косу. И мы с Сашей прошли по два широких прокоса.

— Молодцы,—похвалил нас абориген.—Откуда?

— Из Красноярского края.

— Сибиряки, значит!

Идею сбора и содержания за государственный счёт тысячи студентов—будущих учителей—я считаю блестящей.

Во-первых, множество контактов детей войны народа-победителя, народа-созидателя. Атмосфера большого, съезжего, как в старину, праздника.

Во-вторых, знакомство с великим городом. К сожалению, тогда о подвиге его, о выживании в девятьсот блокадных дней как бы «забыли». Через двенадцать лет, летом 1965 года, мы с женой побывали в Ленинграде по турпутёвке, проехали с экскурсоводом по городу на автобусе, который привёз нас на Пискарёвское кладбище, где покоятся девятьсот тысяч ленинградцев, умерших в годы войны. Никакими словами не выразить боль восприятия, увиденное и услышанное. Блокадные дни останутся незаживающей раной, памятью на века.

В-третьих, приобщение к высокой культуре, знакомство с мировыми шедеврами. В третий день соревнования закончились рано. После обеда всех спортсменов на морском буксире свозили на экскурсию в Петродворец. Его полностью ещё не восстановили. На берегу Финского залива тянулись забитые досками достопримечательности, на досках крупно—надписи: «Опасно! Обстреливаемая зона». Нас на два часа «отпустили» для свободного осмотра лесопарка с аллеями, с прудами и каналами, с фонтанами, в числе которых был восстановлен и «Самсон». Возвращались в сумерках мимо сияющего огнями Кронштадта.

На стадион и в места проживания приносили билеты в кинотеатры и на спектакли. Наша команда просмотрела новый кинофильм и посетила спектакль в театре кукол Образцова «Под шорох твоих ресниц». Нам разрешили прожить в Ленинграде ещё два дня, причём с талонами на питание в небольшом ресторане. Один из дней мы провели в Эрмитаже. Билет стоил копейки. Экскурсантов мало. Прошли под оком смотрителей по всем этажам. Идёшь сам по себе, рассматриваешь мировые шедевры, присоединишься на время к какой-либо группе, послушаешь экскурсоводов-знатоков.

В 1965 году ситуация поменялась резко: через каждые пять минут одна за другой отправлялись группы, никто свободно не ходил.

В конце того первого посещения при выходе прочёл объявление: «В подвальном помещении Эрмитажа работает выставка древних мумий». На другой день сходил на неё. Что сказать о прикосновении к вечности? Всё удивительно, особенно многие метры одеяний из белой тонкой материи. Организаторы выставки разместили мумии, развёрнутые и полностью, и частично, и так — у нескольких тел, чтобы показать огромную длину одеяний.

Теперь об итогах соревнований. Они прошли для нашей команды с драматическими коллизиями. В первый день выполнили нормативы мы с Димой Германовичем, пробежав дистанцию 100 метров в разных забегах с одинаковым временем — по 11,5 секунд, а также прыгуны в высоту З. Краснов и Т. Тимченко (соответственно 175 и 150 сантиметров), наша бегунья на 100 метров. Но А. Т. Ким и Саша Родичев пришли с мест метаний (на запасном поле) опечаленные: диск, пущенный Родичевым, едва перелетел черту 30 метров (а для зачёта надо 32 метра); ядро же Тоня Рябчикова послала к черте 10 метров, а надо за 10,5 метров.

Приходим на другой день на стадион, там размещены таблицы с итогами дня первого, и к удивлению видим, что среди педвузов третьей группы набрали очков больше всех. И у Родичева результат 35 метров 20 сантиметров, и у Рябчиковой — 10 метров 90 сантиметров. Оказалось, что Александр Тихонович оценил ошибочно контрольные 35 метров и 11 метров на метр короче. Обрадовались, конечно, а Саша подсчитал, что теперь нас никто не догонит, ведь зачётники выступят надёжные. Да, и Гриша Исаченко в беге на 1500 метров, и Аня Кудрина в беге на 800 метров, и Родичев в прыжках в длину нормы (между третьим и вторым разрядами) успешно выполнили.

Завершался день эстафетами 4 × 100 метров. Девушки пробежали в свою силу, неплохо. И у нас, юношей, результат приличный (46,2 секунды). И вдруг в конце диктор объявляет:

— За нарушение правил передачи эстафеты дисквалифицированы команды…

Перечислил три, в том числе и нашу. Ким пошёл выяснять: судья на втором этапе зафиксировал, что Германович убежал от Родичева, эстафету они передали вне коридора. А очки-то эстафеты дают хорошие.

На третий день — всего два вида: бег на 400 метров у мужчин и у женщин. Смотрим таблицы: вторые; даже без эстафеты, отстаём от курского института всего на двести очков. У Родичева в команде соперников были знакомые с прошлого года атлеты. Он узнал, что их бегун на 400 метров заболел и не заявлен. И вновь имеем шанс. Аня Кудрина не подвела, пробежав, как всегда, дистанцию ровно и красиво. А вот мы трое — Аференко, Германович и Исаченко — в норматив 57,5 секунд не уложились. Жаль! Команда заняла второе место.

Приехали в Москву, где прожили четверо суток. На стадионе «Динамо» проходили соревнования по лёгкой атлетике на первенство республик, краёв, областей и городов республиканского подчинения РСФСР. Так как в команде Красноярска из нас были заявлены четверо, то жили мы с другими спортсменами-земляками в каком-то общежитии, причём все (А. Т. Ким о том договорился, деньги на питание ещё были).

На центральном стадионе страны вошли в зачёт результаты по второму разряду: мой на 100 метров, Тамары Тимченко (высота) и Саши Родичева в метании копья. Однако в целом команда Красноярска выступила неважно. В соревнованиях участвовали знаменитые легкоатлеты страны: Кузнецов, установивший накануне рекорд СССР в метании копья (за 78 метров); Александра Чудина, исключительно одарённая, можно сказать — великая, спортсменка. За какой бы вид в беге и в прыжках она ни бралась — везде достигала высот мирового уровня. Стала прыгать в высоту — и вскоре установила рекорд страны, взяв перешагиванием (!) 186 сантиметров. В беге на 80 метров с барьерами сначала она чуть приотстала, и какой-то шутник на весь стадион прокричал:

— Сашка, не поддавайся бабам!

Также накануне рекорд СССР в беге на 5000 метров установил участник Олимпийских игр в Хельсинки горьковчанин Александр Ануфриев, вторым в мире после шведа Хадберга «выбежавший» из 14 минут.

Ануфриев сразу же стал лидером на пятикилометровой дистанции, но к нему приклеился невысокий крепыш с сильными ногами, в красной майке, в длинных футбольных трусах. Бежит даже на поворотах чуть сбоку. Два круга, четыре, семь… Кто таков? И вот диктор объявил:

— Вторым бежит армеец Владимир Куц.

Только на последнем круге Ануфриев оторвался от мало кому известного новичка. После я прочёл интервью с В. Куцем. На вопрос корреспондента: «Зачем вы бежали сбоку, даже на поворотах, ведь это лишние метры?» — он ответил: «Не люблю смотреть в спину впереди бегущего». Известно, что В. Куц с блеском выиграл бег на пять и десять километров на Олимпиаде 1956 года в Мельбурне; после довёл рекорд СССР до уровня 13 минут 35 секунд, некоторое время бывший и мировым. Также известно, что великий спортсмен принёс себя в жертву спорту высоких достижений: перетренировался, заболел и рано умер. Помню также, диктор объявил:

— На наш стадион пришла делегация из Китайской Народной Республики.

С Китаем у нас тогда была большая дружба, мы им здорово помогали во всех областях, относились к китайцам по-родственному. Делегацию КНР, вышедшую на дорожку (почему-то одни девушки в национальных костюмах), стадион приветствовал стоя.

В последний свободный день мы забрели на стадион Юных пионеров. Там учёные из НИИ спорта проводили опыт по определению времени реакции после команды «Марш!». Правда, никто не кричал, а спортсмены стартовали под звук удара двух пластин, начинённых радиодеталями, от них шли провода к колодкам. Стартовал и я. Проводившая опыт женщина удивилась и попросила повторить уход со старта. Явно выдержала приличную паузу. Хлопок, срываюсь с колодок. Подошли другие специалисты-исследователи:
— Откуда ты, парень? Поздравляем! У тебя выдающаяся реакция!

Это не хвастовство, а фиксация природного генетического дара. После в Красноярске не раз стартовал с чётким ощущением — после выстрела, но меня возвращали, объявляя фальстарт: просто сигнал до стартёра по нервным каналам доходил чуть позже, чем у меня. На подобную несправедливость жаловался и немецкий бегун Армин Хари, побивший застарелый рекорд 1936 года Джесси Оуэнса, пробежав дистанцию за 10,00 секунд. Я же со своей реакцией показал дважды результат первого разряда — 10,8 секунды.

А. Т. Ким сходил в центральный совет общества «Буревестник», где ему дали ведомость на получение со склада трёх комплектов спорткостюмов. Причём стояла цифра «три» без расшифровки. Родичев предложил:
— Давайте я поставлю аккуратно впереди единицу, и получим не три, а тринадцать форм. Надоело ходить в партизанской одежде.

Соблазн велик, но Александр Тихонович, поколебавшись, отверг авантюру.

Перед поездкой домой мы четверо отоварили ещё не израсходованные талоны. Набрали пряников, сладостей. Саша укорил:
— А что вы дорогой есть будете?

Но за неимением продуктов он вынужден был взять только кусок сливочного масла. Ехали впроголодь. Маслом набили литровую банку и поставили её у окна вагона. Содержимое банки на солнце растаяло, причём весь объём занимала однородная коричневого цвета жидкость — вот было качество, не то что ныне с добавками более пятидесяти процентов. Топлёным маслом подкреплялись по очереди — вкус оно имело отменный. Вероятно, было изготовлено по старинному русскому рецепту, ведь в конце девятнадцатого — начале двадцатого веков русское масло постоянно получало премии на международных ярмарках и выставках.

Так за полмесяца получил много ярких, до сих пор не забытых впечатлений. Спасибо спорту!

Без вины виноваты

В 1954 году Министерство просвещения РСФСР и спортивное общество «Буревестник» приняли решение об изменении календаря соревнований команд пединститутов по лёгкой атлетике. Вводился двухлетний цикл: сначала проводить встречи по округам, а на следующий год собирать команды-призёры.

И вот в конце июня 1954 года мы поехали в Благовещенск на соревнования педвузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Как помню, боролись за три призовых места, кроме команды хозяев и нас — красноярцев, легкоатлеты из Владивостока, Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Ворошилова, Хабаровска, Биробиджана. Зачёт — по тем же видам, как и в прошлое лето, по третьему разряду.

У нас изменения незначительны: центральная фигура — аспирант Александр Родичев, прекрасный атлет и авторитетный наставник. Возглавлял команду тренер Константин Николаевич Бойко. Он окончил Красноярский техникум физкультуры, институт имени Лесгафта в Ленинграде, вернулся домой, работал тренером, занятия проводил, лекции читал. Строен, красив, элегантен. Начал хорошо. Сам участвовал в соревнованиях, метал копьё, прыгал в высоту способом «перекат».

Перед соперничеством с планкой выпивал стакан шампанского, брал высоту 180 сантиметров, иногда 185, что было тогда нормой первого разряда. Советские прыгуны долго не могли одолеть два метра; планку поднимали только через пять сантиметров, и высотники застряли на 1,95 метра.

Появились новые способы — «перекидной», «фосбери-флоп». Барьер прорвали, и дело пошло: появился В. Брумель и другие ребята, ставшие победителями и призёрами Олимпийских игр, мировых и европейских первенств.

Из-за неудач в личной жизни Константин Николаевич стал попивать, отяжелел, слегка обрюзг. Но дело знал, авторитет пока не терял, был уравновешен, добр.

Поезд понёс нас от срединного красноярского меридиана теперь на восток великой страны.

Лёжа на полках, часами смотрели зачарованно в окна. После Тайшета красноярскую лесостепь сменили хвойные леса. За Иркутском начались окаймляющие Байкал хребты, горы и в них несколько тоннелей. По сторонам дороги несколько раз после резко прозвучавших взрывов поднимались вверх рваные облака густого дыма. Готовились площадки под опоры ЛЭП.

По какой-то причине поезд несколько раз стоял часами. Одна остановка там, где рельсы проложены по яру буквально в десятках метров от водной кромки легендарного озера Байкал. Спросили начальника поезда:
— Сколько ещё будем стоять?
— Сообщили, что около часа.
— Разрешите нам искупаться.
— Идите, но по свистку—бегом.

На щебенистый берег накатывали не очень большие волны, прибивали плавник, пену. Вода вкусная, как в Енисее, но очень холодная. Рисковать не стали, вернулись. Проводники в конце короткой ночи разбудили нас, чтобы посмотреть на достопримечательность—на силуэт Сталина, выбитый на большой отвесной скале, по легенде, каким-то заключённым, сбежавшим из лагерей. В утреннем тумане довольно далеко мелькнула приметная скала, но без бинокля ничего на ней не разглядели. Потянулись забайкальские степи. Проехали ряд станций с историческими названиями, в том числе станцию Чернышевская. Вот куда сослали истового революционера-демократа, создателя привлекательного образа Рахметова. Вспоминалась картина из учебника: на постаменте у виселицы стоит на коленях Чернышевский, а над головой его жандарм ломает шпагу—как символ замены смертной казни на ссылку в Сибирь, на Лену, в рудник.

Географическим и рукотворным чудом казалось то, что сотни километров магистраль шла параллельно Амуру.

На станцию городка Свободный поезд прибыл ночью, с большим опозданием.

Автобус до Благовещенска уходил только в девять утра, а по плану-проспекту уже в десять часов намечен парад участников и сразу после него—первые старты. Константин Николаевич и Саша пошли искать какой-либо транспорт, «голосуя» на выезде из Свободного. Повезло. Шофёр большого грузовика ЗИЛ-150 («копии» студебеккера) ехал в Благовещенск порожняком и согласился за хорошую плату, с нарушением техники безопасности, взять нас. Ехали весело. Дорога неважная, грунтовая, трясло прилично. Взошло солнце. Воздух был наполнен ароматами трав: по обе стороны до горизонта—степь с малыми рощами. Просматривалось русло притока Амура Зеи. Шутили, пели песни. Шофёр довёз нас на машине до стадиона, окаймлённого тополями, с которых летел белый пух, заметав всё вокруг. Видим сквозь железную сеть огорожи, как по дорожке идут строем под музыку команды.

Наши руководители вернулись скоро:
— Виктор, Дима, быстро переодевайтесь, разминайтесь, через двадцать минут старт бега на сто метров.

В темпе готовимся, растираем мышцы—не порвать бы. Дорожка плотная, хороша для бега в шиповках; лучше, чем в Красноярске на стадионе «Локомотив». Оба попадаем в финал с хорошими результатами—по 11,5 секунд. В финале Дима бег выигрывает (11,2), я—второй. Организаторы поняли, что команда Красноярского пединститута сильна. И, без срывов выполнив все нормативы, мы играючи завоевали кубок.

Разместили нас, юношей, в зале Благовещенского пединститута: койки, тумбочки, посередине стол, стулья, в кадках фикусы. С нами ребята из Улан-Удэ, в основном метисы, изрядные матершинники. Кормили прекрасно: бери сколько хочешь добавки; таких вкусных отбивных с косточкой я ни до, ни после нигде не едал. После обеда, конечно же, побежали к Амуру.

Похож, похож Амур-батюшка на Енисей; здесь, у Благовещенска, раза в полтора шире, чем в пределах нашего Сухобузимского района. Берега низменные. На другой стороне—китайский одноэтажный городишко. По воде хорошо разносятся звуки, в основном слышна характерная, высокой тональности, быстрая, отрывистая, как будто беспокойная, китайская речь. В годы японской оккупации Китая в Благовещенске, в прифронтовом городе, по всему берегу шли оборонительные стенки, орудийные доты, пулемётные гнёзда.

В описываемый год—период крепкой дружбы с Китаем—наша помощь зашкаливала. От бывших стенок и дотов мало что осталось. Граница идёт по середине Амура. Зимой пограничники разрешали коллективные встречи на льду, обмен товарами, торговлю. Пока мы купались и загорали, прошло несколько судов: наши типичные колёсные буксиры, тянущие небольшие баржи, военизированные, вероятно патрульные, катера и один китайский экзотический пароход, точно такой, как «Севрюга» в кино «Волга-Волга». Двигали его не колёса по бокам и не винт, а большое колесо, похожее на турбину с лопатками, расположенное сзади в проёме палубы. На борту—иероглифы. У берега в воде лежали брёвна лиственных пород, старые, с пустой сердцевиной. В одно из них заплыла приличная рыбина. «Ага,—думаю,—попалась!» Просунул руку и отдёрнул от болезненного укуса. Стоящий рядом мальчишка сказал:
— Вам повезло. Это же пиранья, разве не знали? Палец могла оттяпать.

Вечером сходили в кино, а на другой день, в субботу, посетили местный парк с густыми лиственными аллеями. На танцплощадку по карточке участника соревнований вход бесплатный. Танцевальный набор, как и у нас в Атаманово, в Доме отдыха «Таёжный», как и в красноярском парке, всё тот же: триада—вальс, танго, фокстрот—

и добавочно падеспань, краковяк и полька. Всё похоже, и девчата такие же в летних платьицах.

По дороге в общежитие Саша, как бы советуясь, но убедительным тоном, заявил:
— Разрешили жить здесь ещё двое суток. Но нам оставаться смысла нет — деньги на исходе. Константин Николаевич, как видите, поддаёт, с радости, наверное. Завтра после обеда уезжаем!

Так и сделали. Получили кубок, для шику налили в него шампанского, слегка «причастились» и на последнем автобусе поехали в Свободный. Прощай, деревянный русский городок с добрым названием Благовещенск.

Не думал, что ещё раз побываю в нём через тридцать лет. Моя дочь Елена вышла замуж за офицера Руслана А., служить отправили его в город Свободный. Дважды посетил их, зимой и летом. По каким-то делам три офицера на военном «газике» поехали в Благовещенск и взяли по просьбе меня.

Город вырос. Появились целые кварталы хрущёвок, производственные и административные здания, асфальт. Но на другом-то берегу свершилось настоящее чудо — возник новый китайский миллионник.

Мимо станции Свободный на запад шло тогда, в июле 1954 года, всего несколько пассажирских составов, к тому же полных (время отпусков). Предложили на ближайший проходящий поезд плацкартные места в разных вагонах. Купили билеты на них и разбрелись от головы сцепки до хвоста; девушкам хватило денег на постель, ребятам же нет; более того — нам двоим достались верхние боковые полки в вагоне «матери и ребёнка». Под головой — балетки, пиджаки, лежим на голых досках, смотрим в окна, читаем, спим. Ну, это ладно — не привыкать, и в общежитии под плотные матрацы на доски на ночь брюки клали: гладить не надо, стрелки — хоть бороду брей. Но окружение, мягко говоря, некомфортное: постоянный детский плач, горшки, молодые мамы в халатах, с открытыми грудями.

Главное позади — кубок, много впечатлений, задел на будущее лето. Впереди — полтора месяца каникул, сенокос. Хороша жизнь! Спасибо спорту!

Осенью прошло несколько соревнований, форма не потерялась. Начались тренировки. И вдруг всю нашу команду приглашает к себе в кабинет ректор В. Ф. Голосов, доктор наук, мужчина солидный, сочетающий доброту со строгостью. Переглядываемся: что случилось? Виктор Федотович читает официоз из министерства, содержание которого примерно таково: после окончания соревнований в Благовещенске спортсмены-студенты устроили коллективную пьянку, вели себя безобразно. Комендант вынужден был вызвать проректора, и когда тот стал урезонивать хулиганов, в его адрес посыпались непристойные выражения. (Запомнилось такое: «Заткни ему рот тряпкой!») И, конечно, следовали в приказе весьма неприятные выводы:
— в вашем вузе не на должном уровне воспитательная работа;
— просим наказать виновных;
— результаты аннулируются, кубок просим вернуть, на финальные соревнования команда в 1955 году не допускается.

Естественно, возмутились мы, ибо уехали раньше всех и в описываемой вакханалии не участвовали. От всех потребовали объяснительные и, по возможности, доказательства о раннем отъезде. Доказательства нашлись. В частности, секретарь хорошо запомнила дату приезда: Бойко сразу в тот же день зашёл к ней с кубком, поезд мог опоздать, но не мог прийти на двое суток раньше.

Отправили депешу в министерство. Там, похоже, подумали: пусть вы раньше уехали, но такие же, как все. И на соревнования не допустили (были приглашены команды педвузов, не участвовавших в отборочном туре в Благовещенске).

Останься мы, вероятно, в общем застолье участие бы приняли, но до описываемой дури не опустились бы.

Под крылом «Буревестника»

Спорт, как воронка, затягивает в свои глубины тех, кто попал в поле его влияния: пока молод и успешен, привлекательна его круговерть. Из-за неприятного недоразумения мы не поехали на спартакиаду-55 российских педвузов. Центральный же совет общества «Буревестник» запланировал в августе в Иркутске проведение соревнований по лёгкой атлетике среди краёв и областей Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Ядром команды края стал наш боевой, закалённый в сражениях в секторах и на дорожках состав. Во второй половине июня нас — девять атлетов под руководством тренера К. М. Бойко — разместили на полтора месяца в Доме отдыха «Учитель»: отдыхайте, тренируйтесь, набирайтесь сил. Условия идеальные: пляж, столовая, актовый зал, библиотека, баня, аллеи-дорожки под куполом старых дерев.

Дом отдыха располагался в отреставрированном здании бывшего мужского монастыря, на левом берегу Енисея, в десяти километрах выше железнодорожного моста. Невдалеке по крутому склону серпантином поднималась бывшая монастырская дорога длиной один километр — прекрасное место для зарядки и тренинга: без отдыха вверх и что есть силы — вниз. А какой чудесный вид с горы: так бы и полетел, если были бы крылья. Зададим вопрос: во имя кого и чего такой комфорт? Уже тридцать лет наши недруги

из-за рубежа и внутренняя оппозиция прозападного толка («пятая колонна») гонят чернуху о советском периоде, о русских, используя «обойму» понятий: «режим», «тоталитаризм», «одобрямс», «оккупанты» и другое подобное. В устах некоторых «интеллектуалов» это звучит зловеще. Вот, например, ростовский писатель Борис Е. в еженедельной газете «Аргументы и факты» говорит: «Мы отстали от стран Западной Европы на триста семьдесят лет». «Почему?» — интересуется корреспондентка. «Там на триста лет раньше нас возникли университеты». — «Тогда почему отстали не на триста лет, а на триста семьдесят?» — «Выбросьте семьдесят лет советской власти». Что это? Историческая неправда, ложь? Нет, куда хуже: свинство, святотатство, кощунство!

Если оценивать вышеупомянутый локальный фактор о нас, то совсем наоборот: был перегиб не в сторону «тоталитаризма», а в ипостась щедрот государства, в создание излишнего комфорта для слегка одарённых юношей и девушек.

Помню, как Н. С. Хрущёв — противоречивая фигура как историческая личность, но человек весьма находчивый, эмоциональный, — приехал с гостем, президентом США Дуайтом Эйзенхауэром, в Крым, на пляж. Накануне приезда в одной из речей Эйзенхауэр назвал советских людей рабами социализма. Генсека и президента окружила толпа отдыхающих, загорелых и бодрых. «Ну что, рабы социализма, как отдыхается?» — «Хорошо!» — «Поднимите-ка руки, у кого из вас высшее и среднее образование?» Лес рук. «А теперь поднимите руки те, кому льготную путёвку дали профсоюз или государство?» И вновь подняли почти все. А ведь после страшной, разрушительной войны прошло всего лишь десять лет. Вот и мы за государственные и профсоюзные средства беспечно загорали, читали, вечерами танцевали и смотрели концерты и кино, ежедневно тренировались, удивляя пожилых учительниц, отдыхающих на диванах, расставленных вдоль аллей. На четверо суток съездили в Ачинск, где проводились краевые соревнования общества «Буревестник». К нам добавились хорошие легкоатлеты: спринтер из Ачинска М., стайер из Минусинска Тарбазанов, прыгунья в длину и барьерист. И теперь уже сборная команда краевого уровня вновь вернулась в Дом отдыха. В августе съездили на соревнования в Иркутск. Выступили нормально, результаты показали выше личных рекордов. Конечно, запомнился сам соревновательный процесс в Ачинске и в Иркутске, дорожные посиделки. Спасибо спорту!

Но впечатления о городах — самые поверхностные. Ачинск показался небольшим провинциальным городком, Иркутск — неким историческим артефактом: много бывших купеческих домов, бедные окраины, большие лодки-дощаники на берегу Ангары (подобные тянули в семнадцатом — девятнадцатом веках по сибирским рекам служилые и казаки). Запомнился в Иркутске рыбный магазин. В стеклянных ваннах плавали довольно большие рыбины. При нас какой-то гость Иркутска оплатил услугу, продавец острогой рыбину поймал, наколол и понёс в кухню на разделку и поджарку. Как назвать то, из чего состоял, кроме костей, байкальский малосольный омуль? Рыбное «мясо»? Филе? Консистенция? Как ни называй, но нечто, нагулянное им, таяло во рту и было необычайно вкусно.

Правильно делали те организаторы соревнований, как, например, в Ленинграде в 1953 году, которые стремились показать приезжим достопримечательности, рассказать о них, дарили проспекты и книги, давали талоны ещё на два дня после встреч. Вот бы в Ачинске и в Иркутске поведали бы нам об интересной истории этих старинных сибирских городов. Да провезли бы на автобусе, пусть и за плату, по их улицам.

Ныне разъездных соревнований на первенство страны, обществ, регионов, округов, великое множество. Для спортсменов высших достижений, профессионалов схема стандартная: самолёт — гостиница — соревнования — гостиница — самолёт. Но ездят и школьники, и студенты. И надо бы в нарушение закрепившихся традиций в смету включить расходы на знакомство с теми городами и посёлками, где встречи проходят.

Ещё один «переломный» год

Недавно в Железногорске я давал интервью юной журналистке-девятикласснице из лицея «Гармония», в котором проработал пятнадцать лет. Оказывается, их кружок готовил очередной номер школьного издания по теме «Успешные люди». И девочка сразу задала вопрос:

— Вы успешный человек?

Это хитрое, из обоймы толерантности, понятие вошло в обиход недавно, я не люблю его.

Успешность — это не цель и не оценочная категория жизни. Большинство из нас, детей войны, никогда не помышляло о какой-то успешности. Прожив по сорок-шестьдесят лет при советской власти, руководствовались прежде всего принципами гражданского общественного долга, коллективности, созидательного оптимизма, совести, справедливости, патриотизма.

«Переломными» годами я называю те, в которые по дороге жизни, как у рыцаря на распутье, требуется выбор. Таким был 1952 год: открытие спортивного дара и поступление в пединститут. Таким стал и 1956 год.

В конце июня того года я получил диплом с отличием по специальности учителя физики и астрономии. Мне исполнился ровно двадцать один год, из них четырнадцать лет учился. До выпуска из вуза жил на иждивении родителей

и государства (прекрасные преподаватели, общежитие, стипендия, библиотека, читальный зал). Обретение профессии в России не означает, что роль родителей исчерпана: они продолжают до своей смерти оказывать детям своим самую разную помощь — моральную, бытийную, духовную. И лишь в материальном плане их ответственность формально заканчивается: теперь зарабатывай сам. И негласный договор с государством изменяется: оно вложило многое в тебя — нужна отдача.

У деканата вывесили список школ, в основном сельских, где требовались учителя физики. Среди них Атамановская СШ. Идеальный вариант: ехать домой, к родителям, в родную школу. К удивлению выпускников всей группы, я отказался от столь щедрого подарка судьбы — самостоятельности захотелось. Выбрал Сисимскую школу в Даурском районе только потому, что село Сисим стояло на Енисее, к которому прикипел с детства. В Атаманово поехал мой друг Ваня Талашкевич (он первые месяцы даже на квартире моих родителей жил).

Вернувшись в Красноярск, Иван Петрович стал сотрудником Института физики, защитил кандидатскую диссертацию и десятки лет преподавал в политехе.

Несмотря на госэкзамены весной 1956 года, я усиленно тренировался и вышел на пик спортивной формы, функционально был готов прекрасно. Результаты росли, особенно в беге на 100 метров. Дважды выбежал из одиннадцати секунд, что означало в те годы переход от любительства к мастерству. Достаточно сказать, что нас — легкоатлетов, показывающих 10,8–10,9 секунд на стометровке, — было в крае пятеро.

Меня включили в сборную края, предстояли в начале июля соревнования сборных профсоюзных команд в Новосибирске. В беге — зачёт по второму разряду, в технических видах — по третьему. Я, как говорили на спортивном сленге, прикрывал три вида: бег 100 метров, прыжки в длину и толкание ядра, да ещё бежал в эстафетах.

Тренируюсь со спортсменами сборной из разных профсоюзов. И каждое ведомство и общество старается продвинуть своих и создать им наилучшие условия. В конце июня нас всех, выпускников, выселили из нового общежития по проспекту Сталина (ныне проспект Мира) — начинался ремонт. Кафедра физвоспитания выделила мне койку в старом общежитии по улице Лассаля, за Качей, где жил на втором и третьем курсах. Там в бывшем Юдинском парке стояли два двухэтажных здания, когда-то кем-то специально построенные как общежития. Узкие, в ширину не более двух метров, коридоры, а по сторонам их — небольшие комнаты четыре на четыре метра. Так вот, у торца здания, выходящего в глухое место бывшего парка, ночую один не только в угловой комнате, но и на всём первом этаже. Не уехали ещё из общежития мой друг Виктор Рубан и его невеста Люда П. Виктор прибыл в нашу группу физиков откуда-то на последнем курсе. А был он из Уяра, из семьи железнодорожников. Среднего роста, коренаст, чёрен, кудряв, с примесью нерусской крови. По характеру добр, настоящий друг, всегда готовый поддержать, помочь. Оказывается, весной студентам вдруг понравилось спать на свежем воздухе, на сеновале. Да-да! Сбоку рядом тянулся не то старый хлев, не то бывшая конюшня, а поверху — сеновал. Думаю, что кто-либо из сторожей или уборщиц жили тут же, недалеко, и сено косили для скота. И ребята спали, и девчата.

Любовь в те годы была более строгой и чистой. Интимные связи между студентами редки; они если не на сто, то на девяносто процентов означали, что спят рядом будущие супруги. Шло это от русских традиций, от матерей и бабушек. Эпиграф к «Капитанской дочке» — «Береги честь смолоду» — не был пустым призывом: этого мудрого совета старались придерживаться. А какие светлые образы девушек и женщин облагораживали мир, сойдя со страниц русской классики: Таня Ларина, Оксаны и Галины в повестях Гоголя, княжна Мери, Светлана Жуковского, Маша Миронова, десятки других имён. А какие драматические коллизии в ипостасях любви, страстей и секса представили читателям Н. А. Островский («Бесприданница», «Без вины виноватые»), великий Ф. М. Достоевский (семья Мармеладовых, Настасья Филипповна), гениальный Л. Н. Толстой («Анна Каренина», «Воскресение», «Крейцерова соната», «Живой труп»).

Студенты создавали семьи, как правило, на последних курсах, чтобы ехать вместе. Такое решение приняли В. Рубан и его любовь.

Руководители спортобщества «Буревестник» знали меня уже четыре года, относились очень хорошо, предложили:

— Всем спортсменам сборной выделены на последнюю неделю перед отъездом талоны на питание. А что, если мы возьмём тебе путёвку в Дом отдыха «Учитель»? Правда, придётся ездить, а в остальном — плюс: наберёшься сил, подзарядишься, отвлечёшься, что полезно в комфортной обстановке.

Круг замкнулся: летом 1955 года в «Учителе» жил я более месяца! Согласился, конечно, но в общежитии на Лассаля попросил коменданта койку не убирать. До отъезда осталось двое суток.

Только вошёл в старое общежитие после тренировки, знакомая дежурная сообщила:

— Виктор Рубан утонул!

— Как?! Накануне свадьбы?!

— Пошли они с Людой загорать и купаться на Енисей. Нырнул и не выплыл. Достали водолазы. Труп уже увезли в Уяр.

В многотысячном Красноярске не было хороших больших пляжей, почти все — и на левом

берегу, и на правом — стихийные. В том числе у городского парка. А там в двадцатые годы стояла электростанция (турбогенератор). Воду брали из реки и отработанный пар спускали в Енисей. На дне были вымыты огромные ямы. В одну из них и затянуло Виктора. Водолазы достали уже не первый труп.

Давно уже в Енисее вода холодная, никто, кроме любителей-моржей, не купается. Но загорать горожане загорают. И по-прежнему пляжи, теперь в миллионнике, стихийные.

Только есть кое-что на острове Отдыха, в протоке на Пашенном. И, конечно же, рядом вездесущие ларьки с пивом.

Жаль Виктора, жаль! Решил поехать в Уяр, проводить в последний путь. На вокзале быстро приобрёл билет на проходящий поезд. Приехал под вечер.

Лежит друг мой хороший, как будто спит. Просидел возле него несколько часов с родственниками и с Людой. Утром пришли ребята, друзья копать могилу.

В пятнадцать ноль-ноль приезжаю в Красноярск, иду в крайспортсовет с уверенностью, что фирменный поезд пойдёт вечером. Там встретили холодно:

— Где пропадал? Команда уехала утром на проходящем поезде. Хорошо, что нашли замену. Однако речь идёт о дисквалификации.

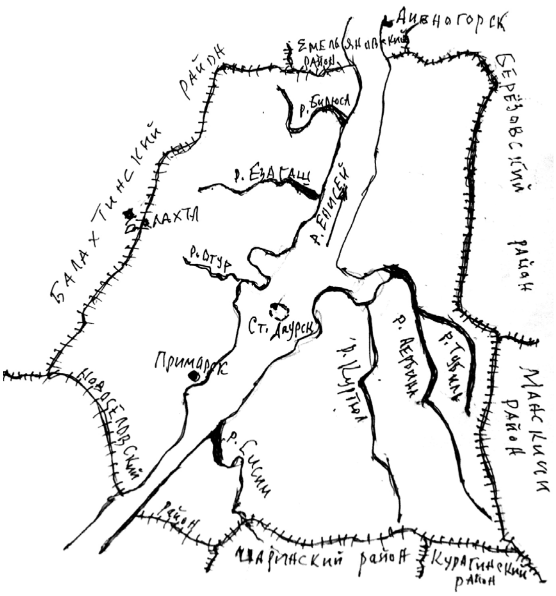
Вот это неожиданность! Решил на следующий день утром на пароходе плыть домой в Атаманово. Где ночевать? На Лассаля?! Устал, и уже вечерело. Всё же поехал в Дом отдыха. Утром прихожу в общежитие за вещами, а там сюрприз — ЧП! Ночью какой-то качинский хулиган в окно с того глухого торца бросил то ли гранату, то ли взрывное устройство. Взрыв был мощным. Хорошо, что сторож быстро вызвал пожарную машину и хорошо поработал сам. Вынесло несколько рам и дверей. В комнате, где хотел ночевать, со стен и с потолка обвалилась штукатурка. Причём на подушке на моей кровати лежал большой кусок, не менее пяти килограммов.

Так в четвёртый раз какие-то добрые мистические силы отвели от меня смерть или минимум увечье.

В стране Даурии

Выбор и долг

Итак, 17 августа 1956 года из родного села с небольшим чемоданом, куда был утрамбован весь мой скарб, я поплыл на катере в Красноярск, чтобы оттуда добраться до места назначения в Даурский район. С дипломом с отличием, с квалификационным билетом спортсмена первого разряда



Карта Даурского района

по лёгкой атлетике, с тетрадью своих стихов, с грамотой за общественную работу и успешное выступление на городском смотре студенческой самодеятельности еду в малоизвестный посёлок Сисим на ставку учителя физики с месячной зарплатой шестьдесят рублей.

Справедливо ли это? Пусть одарён генетически, старателен, но сколько много вложили в меня семья, школа, институт! И спрос с меня мог быть побольше: мог остаться в аспирантуре, в большой городской школе, на спортивном поприще!

Эти рассуждения появились только сейчас, при написании книги. Тогда же ничего подобного в уме не держал. Сработала система: надо — значит, надо, по-другому никак! Хорошо, что мы обществом были востребованы! Я, крестьянский сын, в бытийном плане был готов к жизни в любых условиях, даже в спартанских, даже в малой деревушке.

Но был ли готов к работе по профессии? И да, и нет!

Какой государственный и общественный заказ после войны, в пятидесятые — шестидесятые годы прошлого века, имела советская школа? И каковы вытекающие из него требования к учителям?

Учить всех, и учить хорошо! Давать базовое научное образование по предметам естественно-математического и гуманитарного циклов.

Я в достаточной мере для учителя знал физику и астрономию как науки. И в дальнейшем теоретические знания постоянно пополнял. Много прочёл специальной литературы, имел сотни книг в личной библиотеке. Двадцать лет выписывал (и полностью прочитывал) серию «Новое в жизни, науке и технике» по двадцать четыре брошюры в год по двум разделам: «Физика, астрономия» и «Космонавтика».

Но школьный предмет физики — это ещё и методика преподавания её, и задачи разной степени трудности, и чуткие пальцы: эксперимент, радиотехника, электронные приборы, киноаппарат, проекционная аппаратура, телескоп, микроскоп, компьютер.

Нас научили составлять планы уроков, структурировать их в пределах классной доски, мела и тетрадей.

Но в прикладном, техническом плане я летом 1956 года был если не полным профаном, то близко к тому.

В процессе работы кое-что освоил, помогали лаборанты, коллеги и продвинутые учащиеся старших классов, знающие и умеющие многое, чего не умел я. Спасибо всем!

В пятидесятые — восьмидесятые годы мы жили в идеологизированной стране. Выпускники школ стремились стать общественно-активными людьми, любили свою великую страну, её историю. Определяющим являлся лозунг «Прежде думай о Родине, а потом о себе!»

Это направление пронизывало всю систему школьного образования и воспитания — и через уроки, и через внеклассную работу, через участие детей в конкретных общественно-полезных делах в ученических организациях: октябрятской, пионерской, комсомольской. Я был убеждён в правоте марксистско-ленинских идей; имел опыт комсомольской работы как член комитета ВЛКСМ всего института (один год), как член бюро факультета. Выполнял постоянно общественные поручения. Слыл оратором. Несколько раз избирался председателем общих комсомольских и студенческих собраний, весьма шумных, дискуссионных, с неожиданными перепадами. Критиковали за исполнение сей роли мало, больше сочувствовали.

В этом плане был готов вести за собой, агитировать, увлекать личным примером.

Даурский район (историческая справка)

Даурский район был создан в 1924 году. Он занимал огромную площадь в десять тысяч квадратных километров, тянулся вдоль Енисея на сто двадцать пять вёрст (от бывшего Скита — ныне города Дивногорска — до Новосёловских долин).

Вправо от Енисея уходил вглубь на сто километров, до Манских урманов тайги. Слева от Бирюсы до Чулыма, в районе Балахты, — тоже горно-таёжная местность. Там и там стоянок древних людей обнаружено мало.

В седьмом веке новой эры у рек Чулым, Большой и Малый Июс возник Киргизский каганат. Киргизы террасы у Енисея использовали как пастбища, на лодках плавали мало.

Известные краеведы, учёные — отец и сыновья Рыжако из Балахты — в своём обстоятельном труде «Открытая книга потомкам» пишут, что на территории будущего Даурского района первые русские поселения Сисим и Мало-Лопатино возникли в 1627 году.

Сомнительно, ибо с востока выход на Енисей, в район речек Сисим и Ижуль, преграждали сотни вёрст непроходимой тайги; с западной стороны не минуешь Чулым, где находился основной улус киргизов, и они вряд бы пришельцев пропустили. С севера, из Енисейска, даже после строительства Красноярского острога в 1628 году приход русских служилых на сто пятьдесят вёрст выше его маловероятен, с юга на лодках — тем более.

Ну ладно — Сисим, а при чём тут Мало-Лопатино вблизи Чулыма? Не исключено, что сам источник информации, используемый дотошными краеведами, — сомнительный (такое в своей полувековой практике встречал не раз).

Во многих трудах по истории Красноярья утверждается, что первым русским поселением на юге региона стал Караульный острог, основанный в 1665 году (почему-то Рыжако датой зачина его считают 1643). В нём несли караульную службу годовальщики. Проживая в Даурске в 1956–1962 годах, я десятки раз бывал в деревнях — в Остроге и в Караульной. Острог находился от райцентра на расстоянии десяти километров, из-за низких берегов стоял в версте от кромки Енисея. Издалека виднелся остов разрушенного храма из кирпича, построенного в конце восемнадцатого века, ибо до этого все церкви в Сибири были деревянными. Если поискать, то, возможно, нашлись бы артефакты из семнадцатого — восемнадцатого веков.

Через два километра вдоль берега Енисея тянулись улицы деревни Караульной, якобы основанной в 1762 году.

Думаю, что первые хозяйственные постройки и загоны для лошадей и скота соорудили здесь на сто лет раньше годовальщики.

В Остроге и в Караульной многие жители носили старинные красноярские фамилии: Потылицыны, Терсковы, Черкашины, Соломатовы, — то есть являлись потомками служилых и казаков.

По соседству с караульщиками, вдоль малого притока Енисея — речки Огур, кочевал улус князца Даура. Весьма интересен факт, что в списках жителей Красноярского уезда за 1671 год значится: «Пеший служилый человек Ивашко Алексеев сын Даур. Живёт в Ясаулово, а у него два пасынка»; «Акимка Яковлев сын Даурский живёт в городе, а у него сын Дейко, 16 лет».

Итак, в начале восемнадцатого века на Енисее возле устья Огура возникло русское поселение Даурское (Даурск).

Есть ли связь енисейского Даурска с забайкальской Даурией, установить вряд ли возможно. В пятидесятые годы двадцатого века к Даурскому району относились пятьдесят четыре населённых пункта: зачаты в семнадцатом веке — шесть;

в восемнадцатом — пять; в девятнадцатом — восемь; в двадцатом — тридцать пять. Жители занимались заготовкой и сплавом леса и в основном сельским хозяйством. Всё население составляло пятнадцать тысяч человек (по полторы души на квадратный километр). В конце 1955 года было принято решение о строительстве самой большой в мире Красноярской гэс, с плотиной в сто двадцать метров. Под затопление попадали две с половиной тысячи квадратных километров территории Даурского района.

Но он перестал существовать как отдельная административная единица, влившись в единый Балахтинский район, в 1962 году, ещё до подъёма воды.

Причина другая, политическая: спорный, однако осуществлённый проект Н.С. Хрущёва по объединению районов.

Здравствуй, Даурия!

В путь-дорогу на первый виток спирали трудовой жизни, в неизвестное пока и будоражащее кровь будущее проводил меня из Красноярска добрый, яркий человек — Георгий Александрович Городков.

Он родился на Волге, в городке Тутаеве Ярославской области. С братом Сашей росли сиротами.

Георгий пошёл добровольцем на фронт, устроив брата в детский дом. Смерть не раз покушалась на молодого, красивого, порывистого юношу и, махнув косой, тяжело ранила. В госпитале вспыхнула взаимная, не затухающая никогда после любовь между русым волжанином и медсестрой Клавдией Васильевной Лазаревой с Енисея, из Красноярска.

Он выздоровел, снова воевал, получил звание младшего лейтенанта, писал любимой складные весёлые письма, получал в ответ такие же. После войны поженились, приехали в Сибирь и стали жить в доме её бабушки Лазаревой-Сухоруковой Ирины Михайловны, по улице Бограда, напротив стадиона «Динамо».

Георгий Александрович работал тогда заместителем начальника Центрального отделения милиции (после несколько лет возглавлял большой отдел городского увд).

Был воскресный день. Мы с ним прошли по понтонному мосту, сразу за которым, справа у берега, стоял катер «Дербент», идущий вверх, кажется, до Новосёлово. Поцеловались, обнялись, помахали друг другу рукой. Вспоминаю его часто.

Катер пополз у береговой кромки, сто пятьдесят километров с остановками одолел за тринадцать часов.

Народ плыл сельский, доброжелательный, общительный. Центральной темой разговоров было строительство Красноярской гэс, создание водохранилища и переселение на новые места.

— Говорят, что все берега очистят от леса. Какой труд предстоит! Ладно, брёвна сплавят, а куда девать сучья, вершины? Сжигать?!

— А вы видели, как после наводнений хвоя становится коричневой, опадает? А стволы, если не спилить, стоят десятки лет, пока не сгниют, не упадут.

— Пусть через тридцать лет, через пятьдесят лет — всё равно всплывут. А ведь пишут, что по морю пароходы будут ходить.

— Я в краевом музее видел макет гэс с плотиной: сваривать будут гигантскую чашу для судов и поднимать её цепями по наклонным рельсам с зубьями.

— Уже определили места новых посёлков. Говорят, что из своих и ведомственных домов будут переселять в коттеджи.

— Слышал, появятся рыбозаводы!

Катер ткнулся носом в песчаный даурский берег уже в темноте. Речной порт в Даурском и Балахтинском районах был создан в начале тридцатых годов на версту ниже бывшего волостного села (с 1924 года — райцентра).

Старый Даурск с северо-востока огибал приток Енисея Огур, собирающий весной много воды со снежных полян и с логов, а потому с мая по июнь разливался широко. В устье размыл широкую долину, по которой летом и осенью тёк скромным малым потоком. За долиной-то и разместили пристань, причалы, нефтебазу, хлебоприёмный пункт.

Работников на госпредприятия из окрестных деревень наехало много, появился новый посёлок с непритязательным названием Пристань, в нём несколько улиц и даже семилетняя школа. Конкретно к причалу относились амбар, крытый навес, дебаркадер и малая избушка из тёса, в которой и документы оформлялись, и сторож железную печку топил, и ночевали поздние пассажиры вроде меня. На топчане, кроме соломенного матраца, — ничего. Положил чемодан под голову и заснул.

Оставлен в Даурске

Рабочий день в советских учреждениях начинался в восемь или в девять часов утра. Решил идти пораньше, сначала по мосткам через Огур, далее по центральной улице — она, как и повсеместно, называлась улицей Ленина — свернул в переулок («язык до Киева доведёт»), где напротив Дома культуры располагались районо и рядом двухэтажная деревянная школа. Дверь в отдел открыта, зашёл, сел на стул, и, вероятно, услышав звук, вышла из кабинета высокая и — лучше слова не подобрать — шикарная женщина.

— Вы ко мне?

— Да, учитель физики, с направлением в Сисимскую школу.

— Заходите.

Сбоку сидят двое солидных мужчин: один полноват, коренаст, смугл; другой русоволос и более подвижен. Заведующая районо Екатерина

Андреевна Абрамчик (фамилию и инициалы её я узнал ещё утром от сторожа) представила:
— Это директор Даурской школы Александр Тихонович Трегубенко и завуч Василий Иванович Богданов. Секретов у нас нет, рады, что вы прибыли.

Подаю направление, характеристику и диплом. Все посмотрели.
— С отличием. Не такой частый случай.

Заведующая просмотрела характеристику:
— Молодец: спортсмен, стихи пишете. Посидите в приёмной, подождите, мы посоветуемся.

И минут через восемь-десять трио «мастодонтов» народного образования района объявили решение:
— Оставляем вас в райцентре, в Даурской школе. Идите туда, подождите.

Конечно, обрадовался!

Как и история, биографии людей не имеют сослагательного наклонения. И всё же продолжим рассуждения по вопросу о возможностях самореализации и долга.

Предположим, если пришёл бы я к заведующей Даурским районо на час позже, то поехал бы, как указано в направлении, в Сисимскую СШ. Что бы изменилось в условиях жизни и работы? Бытовые условия такие же, как в Даурске: постой на квартире у какой-то старушки с льготами—двадцать кубометров дров за зиму и оплата за освещение. За согласие готовить завтраки, обеды и ужины—наём на личные деньги.

В социальной и культурной сферах условия похуже, чем в райцентре, но всё для нормального качества жизни было: магазины сельпо и орса (в сплавной), почта, участковая больница, пристань (ежедневно вверх-вниз ходили пассажирские суда), клуб, библиотека.

Для занятий лёгкой атлетикой с мая по ноябрь—дорожки и поляны вокруг села, знай бегай. Зимой—только школьный коридор. Для выражения общественной активности и другой своей страсти—творчества—возможности немалые.

Подряд три населённых пункта. Посередине—село Сисим с проживанием лесников и колхозников (тысяча человек). Выше него по Енисею в трёх километрах—старинная казачья станица Корякова и в ней центр большого колхоза (четыреста человек). А ниже, тоже недалеко, в устье речки Шахабаихи,—лесопункт и вторая сплавная: коттеджи для постоянных и общежития для временных рабочих (двести человек).

На противоположной стороне Енисея—два приличных колхозных села: Караульная (через неё зимой ездили в Даурск и далее) и Ижуль.

В сентябре ездил бы со старшеклассниками на уборочную в Коряково. Зимой ходил бы на фермы в красные уголки—лекции читать, боевые листки выпускать. В клубе—самодеятельность: читай свои стихи, создавай агитбригаду. Конечно, личная семейная жизнь пошла бы по-другому, но это уже возврат к дилемме: если бы да кабы. Главное—что был нужен, востребован!

В учительской семье

О педагогических коллективах приходилось слышать разные оценочные характеристики: сильные и слабые, скандальные, дружные, сборные, сложные, опытные. Я работал в двух сельских и в трёх городских школах: учителем, завучем, директором. Неплохо знал ещё четыре десятка педколлективов школ в Даурском, Сухобузимском районах и в Железногорске (Красноярске-26). Все вышеперечисленные характеристики педагогических коллективов имели и имеют место быть. Как гражданин, проживший долгую жизнь, как педагог с большим стажем и опытный руководитель, свидетельствую и утверждаю, что школы советского периода, их педколлективы заслуживают самой высокой оценки. Они давали неплохие знания по базисному курсу, выпускали юношей и девушек с активной гражданской позицией и высокими нравственными идеалами.

У большинства в трёх поколениях советских людей воспоминания о школе светлые и яркие. Негативно отзываются о ней в основном представители так называемой «пятой колонны», которые уже «в утробе матери» знали, какой общественный строй «самый лучший», и стали развитыми и умными не благодаря, а вопреки.

В Даурском районе было четыре средних школы. Причём по правую лесостепную сторону от Енисея—одна Даурская СШ. К ней примыкали шесть школ, дающих образование за семь (восемь, девять) классов, и, соответственно, через них, по нисходящей, восемь начальных.

Конечно, районное начальство прежде всего обеспечивало её добротными кадрами. Принципы создания профессиональных, дружных, хороших педколлективов сформулировал А. С. Макаренко: три поколения учителей и воспитателей, энергичных, любящих своё дело, с разными интересами, в том числе не менее одной трети (лучше половина) мужчин. Но реальность в стране сложилась такой, что школы держатся в основном на женщинах, спасибо им и слава им! Многие лета тянут женщины телегу народного образования по ухабам жёстких требований, поисков и реформ.

Коллектив Даурской СШ в те годы соответствовал макаренковским принципам—в нём работало достаточно мужчин: в 1956–1957 учебном году, кроме меня, ещё десять специалистов, весьма одарённых, любящих детей.

Директор школы Александр Тихонович Трегубенко был грузноват, одышлив, лобаст, мудр и относился к когорте тех народных педагогов, о которых

Педагогический коллектив Даурской средней школы (сентябрь, 1956 год). Сидит в центре директор А. Т. Трегубенко, слева от него — завуч В. И. Богданов. Стоит крайний справа — автор книги.

мечтала княгиня Тенишева: знал сельскую жизнь, стремился сделать её лучше, любил детей, всех учителей и девочек-старшеклассниц звал на «вы», требования предъявлял разумные, они неуклонно исполнялись. На педсоветах и на августовских учительских конференциях Трегубенко выступал без конъюнктурных изысков и лозунгов, по делу, по существу, авторитет в районе имел большой. Преподавал историю. Сходив с ребятами в поход к горе Чалпан, написал о том книгу «По таёжным тропам»; её, редкую в подобном жанре в те времена, в зелёном переплёте, я купил накануне, как любитель походов; и вот — увидел воочию автора.

Богданов Василий Иванович — известный в крае педагог-новатор, завуч (учитель учителей) от Бога. Приехал в Даурск в 1938 году молодым специалистом — учителем математики после окончания Московского областного пединститута имени В. И. Ленина.

Типичный русак: белобрыс, круглолиц, с большой головой, «ладно скроен, крепко сшит», с окающим выговором выходца из Центральной России. Сам вёл уроки блестяще, артистично. Присутствуя на них гостем-слушателем, я сидел, разинув рот. Василий Иванович предлагал много примеров, простых и сложных, написанных на листиках из ватмана, которые доставал из карманчика, как кудесник. Создавалось впечатление, что нет учащего и учащихся, старшеклассники сами познавали новое вместе с учителем. Постоянно посещать уроки у всех учителей — обязанность завуча. Богданов разбирал уроки дотошно, спокойно, не назидательно, указывал на плюсы и минусы, на находки и просчёты, причём в динамике — имел на каждого тетрадь. Однажды выдал мне комплимент: «Ты напоминаешь меня молодого!» Может быть. Но богдановского уровня я не достиг.

С Василием Ивановичем встретились через пятнадцать лет на краевом совещании; я — как директор школы №99 в Красноярске-26, он — в должности директора Зыковской средней школы. По ходу совещания понял, что Богданов известен в краевом педагогическом сообществе, его ценят.

Ячменев Александр Михайлович. Не знаю, какое образование имел этот незаурядный человек, но помню, что он интересно, с демонстрацией максимума возможных опытов, проводил уроки физики в шестых-седьмых классах, умел многое. Исполнял за условную плату обязанности лаборанта.

Школа имела две автомашины старых марок: полуторку АМО (на ней ездил завхоз, мужчина грамотный и деловой, по фамилии Черепанов) и газогенераторный ЗИС с двумя большими автоклавами по бокам, в которых сжигались чурочки без доступа воздуха, и на газе работал мотор. Этот раритет, этот «монстр» слушался только Ячменева. В хрущёвские годы в сёлах всё должно было служить сельхозпроизводству, потому агитбригада школы ежегодно в период уборочной разъезжала на газоходе. Александр Михайлович не только шоферил, но и концерты вёл, как заправский, обладающий юмором конферансье. Использовал он с успехом такой приём: знакомым зрителям незаметно раздавал вопросы, просил, чтобы они их озвучивали. Помню один из таких вопросов.

А. М. Ячменев: «Судя по аплодисментам, концерт вам нравится. Возможно, у вас вопросы возникли, советы, всё учтём».

Вопрос из зала: «А куда вы поедете дальше?»

А. М. Ячменев: «На следующий вечер будем в Коляжихе, далее намечаем путь в Огур. А если чурочки хватит, то думаем поехать в Москву!»

Оглушительный смех. Ту шутку использую и при прожектёрских планах говорю: «Сделаем (съездим, соорудим), если „чурочки хватит“!»

Сильнягин Иван Иванович. Мне в жизни удалось пообщаться со специалистами — выпускниками гимназий, семинарий, реальных училищ, родившимися в конце девятнадцатого века: со знаменитыми капитанами М. Е. Лиханским, М. Д. Селивановым, с врачами Г. Г. Тюменцевым, Я. М. Гершевичем, с агрономом В. В. Супруненко, с волостным писарем П. К. Матониным, с учительницей А. В. Григорьевой. К их числу относится и И. И. Сильнягин, работавший последний год перед пенсией в Даурской СШ.

Всегда поражала похожесть старых российских интеллигентов друг на друга по их отношению к служению делу своему как к долгу; по их манере общения — спокойной, уважительной; по чувству достоинства.

При встречах Иван Иванович подавал руку, как старший, первым. Был худощав, подвижен, но не суетлив; чувствовалось, что непрост, как бы хранит тайные особые знания. Много позже узнал, что он был участником Первой мировой и Гражданской войн; десятки лет руководил Даурской школой: министерской начальной, ставшей семилетней (ШКМ) и, наконец, средней. Уехав после затопления в Дивногорск, И. И. Сильнягин перед кончиной издал там книгу очерков по истории Даурского района.

Темеров Николай Иванович. У Темерова, как у потомка первых красноярских казаков-годовальщиков, была примесь угро-финской (от зырян) крови, что внешне выражалось в гибкой стати, в лице.

Говорил он нараспев, увлечённо, приятным баритоном; подростки любили слушать своего учителя литературы. Был аккуратен, щепетилен, постоянно подолгу сидел в учительской за проверкой тетрадей по русскому языку, делал комментарии, часто восторженные, иногда критические; лентяев не любил. Сам трудился истово. Основную площадь двора и значительную часть огорода занимали цветы. Нередко приносил букеты в учительскую и в классы. Многие коллеги заимствовали у Николая Ивановича рассаду, семена, многолетники.

Ананьев Василий Данилович. В истории рода Ананьевых из Даурска есть несколько удивительных страниц. Я два года (один год вдвоём с женой) жил у них на квартире, в комнате из двух половин с отдельным от хозяев входом из общих сеней.

Где родился хозяин, Ананьев Данила, не знаю, но, по его рассказам, он в начале двадцатого века уже служил на флоте в Кронштадте. В 1904–1905 годах на одном из кораблей русской эскадры проплыл по трём океанам. В Цусимском проливе тонул, его спасли, взяли в плен японцы. Известно, что освободили русских моряков по историческим меркам быстро, и Данила Ананьев вернулся домой по суше: часть пути — зимой на санях, часть — по Транссибу. Наверное, семья жила в Енисейской губернии, может, и в Даурске, где много видевший и много переживший солдат остановился, семью завёл. Как грамотного, опытного человека, избрали его в Даурске волостным старшиной. Когда мы квартировали с женой у Ананьевых, старый хозяин, уже немощный старик, читал без очков одну за другой книги.

Сын его Василий был энергичен и красив, преподавал математику, имел природный дар — голос, баритон красивого тембра. На сцене Дома культуры исполнял арию Гремина, гимн Гименею, романсы. Жаль — иногда чрезмерно поддавал. <…>

Итак, я работал в дружной учительской семье, жил у хорошей хозяйки на квартире, в добротном дому, вместе с учителем биологии П. И. Шатуновым, вёл дневник, читал книги и газеты, посещал Дом культуры, тренировался.

Конец того года ознаменовался важным событием: прошли Олимпийские игры в Мельбурне (Олимпиада Вл. Куца). За играми следил внимательно, пока без записей, слушал радио, читал «Советский спорт».

Вышло очень важное и своевременное постановление о школе, о трудовом обучении и воспитании — о введении в программу по два часа в неделю уроков труда в первых-седьмых классах. Началось создание специальных кабинетов, пришкольных участков, строительство мастерских. Вводилась обязательная трудовая практика в июне: в первых-четвёртых классах — в течение недели по два часа; в пятых-шестых — две недели по три часа; в восьмых-девятых классах — четыре недели по четыре часа.

Произошёл путч в Венгрии; фотографии коммунистов, приколотых через рот штыками к земле, вызывали жуткое впечатление и протест.

В зимние каникулы директор школы дал мне неделю отпуска, чтобы съездить в Красноярск и домой в Атаманово. В конце ноября — в декабре (в зависимости от погоды) Енисей окончательно застывал, и открывался маршрут Даурск — Красноярск, на две трети по льду, по торосам. Никто за этой «дорогой жизни» не следил; она возникала стихийно, определялась от деревни до деревни природными факторами. И полгода (до середины апреля) по этой сибирской, типично русской трассе и в морозные дни шли автомашины — грузовые с товарами, редко легковые, а также перевозили пассажиров за деньги таксомоторы — бортовые ГАЗ-51 с тентами из брезента на дугах. Туманным утром тридцать первого декабря 1956 года мы — человек пятнадцать пассажиров — расселись внутри

на скамейках вдоль бортов. Хорошо, что послушал хозяйку и надел валенки; попутчик—старшина в лёгких сапогах в обтяжку—всю дорогу стоял, «плясал», переобувался: тент спасал от ветра—хиуса, но не от мороза. «Газик» оказался старым, с изъяном: потёк радиатор. Шофёр заливал его не менее десятка раз, набирая воду в резиновый рукав в прорубях и полыньях.

Уже под Красноярском, после Скита (Дивногорска тогда не было), лопнула шина на заднем колесе. Таксомотор-инвалид тянулся по льду в наклон. Перед железнодорожным мостом изжёванная покрышка слетела с диска, шофёр приспособил палку, и так, оставляя линию за собой, добрались до подъёма на улицу Ломоносова.

С автобуса зашёл в магазин, купил бутылку вермута, чтобы ребят угостить, и—в альма-матер, на ёлку. Возникло ощущение, что за четыре месяца произошли видимые изменения—в расстановке товаров в магазине, в одежде студентов, ставшей более яркой; по-другому, по-новому украшена ёлка; из колонок громче и чище звучит музыка. Нет, то не показалось: начиналась «оттепель». Стало известно, что очередной, по счёту четвёртый, фестиваль молодёжи и студентов в августе 1957 года пройдёт в Москве, и заранее началась к нему подготовка. Было принято решение о проведении летом фестивалей во всех столицах республик, в центрах краёв и областей.

Третьего января посетил краевую выставку технического прикладного творчества школьников в самом широком диапазоне, от самодельных радиоприборов, макетов судов, токарных изделий, выпиленных лобзиком деревянных кружев до коллекций, гербариев, схем, рисунков, вышивок. Весьма впечатлило.

Весной подобная выставка прошла в школе, после—районная в ДК. Несколько экспонатов—набор электронных ламп, схему школьной электропроводки—представили мои кружковцы, среди которых выделялся технический «гений», по возрасту мне ровесник, Лёша Рогач, живущий в деревне Ермолаево.

Фестиваль-57

В четверг, пятнадцатого июня 1957 года, на даурской пристани собралась делегация комсомольцев и молодёжи района на краевой фестиваль. Ждали пассажирский пароход. В делегацию входили передовики производства—лучшие доярки, механизаторы, рабочие леспромхоза, лучшие специалисты разных профилей; концертная бригада и спортивные команды городошников, гиревиков, игроков в лапту и легкоатлетов (я в их числе). Праздничный настрой поддерживал активней всех Иосиф Чалкин. Его в 1951–1953 годах не раз встречал в Атаманово—Иосиф приезжал из Норильска воспитателем в пионерский лагерь.

Невысокий, крепко скроенный, ртутно-подвижный, с сильными ногами, он хорошо играл в футбол, сопровождая мощные удары не менее мощным криком. На сцене летнего клуба выступал в концертах—красивым бархатным баритоном исполнял популярные песни (там и объявляли его фамилию).

И вдруг в первый же день пребывания в Даурске в окно вижу: идёт Чалкин, в фуфайке, в кирзовых сапогах, в кепке. Неужели он? Откуда и почему? Спросил хозяйку.

— Да,—ответила она,—Чалкин уже второй год работает у нас председателем колхоза.

Одной из хрущёвских инициатив стала реанимация партийного проекта начала тридцатых годов—отправка коммунистов, так называемых двадцатипятитысячников, из городов в деревни для укрепления колхозных кадров. И. Чалкина—инструктора райкома КПСС (он переехал в Красноярск, женился на знакомой мне выпускнице КГПИ Лидии Калининой)—отправили в Даурский район, где он в райцентре возглавил колхоз «Путь к коммунизму».

Большие трудности не сломили его, иногда вечерами играл в футбол, участвовал в художественной самодеятельности. В делегации помогал руководителю—секретарю райкома ВЛКСМ П. Рябченко—и как член концертной бригады (пел арию Дон Кихота).

Раздался крик:

— Идёт!

И вот для меня и ещё многих даурчан сюрприз: причаливает не малый пароходишко «М. Литвинов», совершающий всю навигацию рейсы до Минусинска, а трёхэтажный лайнер-красавец «Серго Орджоникидзе». По Енисею плавал ещё точно такой же его собрат, флагман флота «Иосиф Сталин». Водил его знаменитый капитан Лобастов, с сыном которого Валерием дружил, обучаясь в одном классе в мужской десятой школе Красноярска. Теплоходы перевозили элитную публику до Дудинки. Двух-трёхэтажные пассажирские суда и мощные буксиры с осадкой более двух метров выше Красноярска ходили весьма редко.

В середине июня 1957 года вода стояла ещё большая, потому краевое начальство отправило столь популярный теплоход до Шушенского; он принял на борт более десяти делегаций из южных районов края; мы, даурчане, зашли на него последними. Через пять часов, в течение которых не заканчивалась будоражащая праздничная суета—знакомства, репетиции, танцы, песни,—лайнер причалил к речному вокзалу. Каждый район встречали волонтёры, всех разместили в гостиницах, в общежитиях, в спортзалах; раздали карточки участников, талоны на бесплатное питание в течение трёх дней.

Не знаю изнанку столь масштабного события, но с моей точки зрения участника и наблюдателя первый краевой фестиваль удался на славу.

На другой день прошло его открытие. От улицы Сурикова до площади Героев Гражданской войны состоялось грандиозное шествие. Более пятидесяти делегаций несли знамёна, эмблемы, лозунги, цветы, атрибуты своих деяний (снопы, макеты изделий). Звучала музыка. Почти в каждом коллективе наяривали баянисты, гармонисты, под притоп и прихлоп исполнялись частушки. После митинга, под вечер, началось гуляние, по центру города транспорт не ходил. Казалось, стихийно,— но думаю, что за этим стояла продуманная оргсистема,—то тут, то там возникали очаги зрелищ и общений, пляски, концерты, танцы на основе знаменитой триады: вальс, танго, фокстрот. С лотков продавали мороженое, газировку, алкоголь был под запретом. Погода стояла отменная—тёплые белые ночи, знай отдыхай.

Но главной моей целью было хорошее выступление на секторах и дорожках стадиона. На стадионе «Локомотив» соревновались легкоатлеты городов, на «Динамо»—спортсмены общества «Урожай» из сельских районов. Чувствовал себя превосходно; брат, студент лесотехнического института, подарил мне прекрасные—в обтяжку—шиповки. Легко выиграл стометровку, установил рекорд края для сельчан—одиннадцать целых три десятых секунды (он простоял пять лет). Каждый участник мог выступить только в трёх видах, меня заявили ещё в пятиборье и в беге на двести метров (с параллельным зачётом). Победил там и там, причём в каждом виде многоборья результаты оказались индивидуально лучшими. В эстафете 800-400-200-100 бежал второй этап. В общекомандную копилку мы с Иваном Подопригорой внесли существенный очковый вклад, и наш небольшой по числу жителей подтаёжный район занял неожиданно для многих второе место после объединённой команды Хакасии. Большой успех!

Вручили памятную медаль фестиваля, грамоты и приз—часы «Победа».

Из учителей— в комсомольские секретари

Второй учебный год в школе начался для меня необычно—с месячной командировки в большое село Красный Ключ. Его построили в начале двадцатого века переселенцы с Украины: кацапы (русские) и хохлы (украинцы). В таёжном углу, в верховьях речки Езагаш, они жили небедно, боевито, дружно.

В 1956 году село стало отделением Балахтинского молмясосовхоза. В восьмых-десятых классах в Даурске учились (жили на квартирах) тридцать ребят и девчат—выпускников Красноключинской семилетки. Поскольку в сёлах края старшеклассники месяц не учились—работали на уборке урожая, то в Красном Ключе на месте создали трудовой отряд, руководить которым направили меня.

Жил на квартире у старичков Перковских. Хозяин ночами сторожил в конторе. Хозяйка—добрейшей души человек—относилась ко мне как к родному сыну. Они вырастили пятерых детей: старший сын погиб на фронте, младший служил в армии, две семейных дочери жили тут же, в селе; младшая, Маша, училась в десятом классе. Перковские держали хозяйство, почти весь огромный, в двадцать пять соток, огород засаживали картошкой и целый месяц её убирали.

Своими задачами, как педагог, я считал разумную организацию труда и личный пример—всё время работал сам рядом с учениками.

Управляющий и бригадир это заметили и дали указание нормировщику в конторе оформить меня как временно работающего с начислением заработка.

Картофель, несмотря на ненастную погоду, мы вырвали, спасли от ранних морозов. Меня и ещё троих ребят четырнадцати-пятнадцати лет отправили за три километра от села на полевой стан, где размещалось немало строений, зерноток и работающая круглые сутки сушилка. Мы из бурта деревянными лопатами закидывали зерно в бункер. Электромотор медленно тянул вверх и спускал вниз ленту с металлическими стаканчиками; за один оборот зерно успевало высохнуть в потоке горячего воздуха. Его отгребали в другой бурт. Работа не без усилий, и главное—беспрерывная. Спали мы в теплушке на нарах, питались тут же в столовой.

В субботний день рабочие ночной смены из города вдруг уехали. Бригадир попросил:

— Виктор, может, с ребятишками поработаешь ночь?

— Попробуем,—ответил я.

В полночь сушильщик остановил агрегат на осмотр:

— Отдохните!

Показалось, что сразу же, как только нырнул в сон, он поднял меня:

— Буди пацанов, лента пошла!

Как ни расталкивал их—бесполезно: мычат, стонут, переворачиваются, садятся и вновь падают, объятые сном. Жаль ребят. И я один несколько часов работал за двоих взрослых—помогла спортивная закалка; устал, конечно, и тоже отключился.

Только начались занятия в начале октября, вызвал меня в военкомат молодой офицер Гриша Трофимов:

— Нам из штаба округа пришло распоряжение: если есть перспективные спортсмены-разрядники

со средним, высшим образованием, то призвать их и направить в специальное воинское подразделение.

И Григорий ещё доверительно, как хорошо знакомому, сказал:
— Командующий округом генерал Бакланов, заслуженный мастер спорта по гимнастике, решил создать спортивную спецчасть. Поезжай туда, ведь мы тебя, скорее всего, призовём на два года на офицерскую должность!

Неожиданно! Но — закон есть закон: все, кто здоров, обязаны в Советской армии отслужить.

Через день новый вызов — к первому секретарю РК КПСС П. Ф. Губанову. Он, вероятно, навёл обо мне справки, потому отрубил без лишних разглагольствований:
— Комсомольского секретаря Павла Рябченко переводят в другое место, на повышение. Он вместо себя рекомендовал вас. Мы не против. Мне велено тебя направить на собеседование в крайком ВЛКСМ; в общем отделе возьми командировочное удостоверение.
— Но меня призывают в армию, — я рассказал о встрече с Трофимовым.
— Этот вопрос мы решим! Должность первого секретаря почище офицерской.

В Красноярске посоветовался с братьями, с друзьями, но решающий совет дала Тамара Шпагина — инструктор крайкома комсомола, выпускница истфака, знакомая по общественной работе в институте:
— Соглашайся! Я знаю тебя — романтика, лидера, всё равно не избежишь руководящей должности. Лучшей практики, чем в комсомоле, нет. А сколько будет встреч, поездок на пленумы, на семинары!

В конце октября 1957 года на районной комсомольской конференции меня избрали первым секретарём Даурского РК ВЛКСМ.

<…>

Вторые секретари по традиции отвечали за идеологию, за духовную сферу в молодёжной среде. Володя использовал свои умения, своё хобби, можно сказать, по максимуму, исходя из чувства долга и личных интересов.

Одной из многочисленных инициатив красноярского комсомола было распространение книг, прежде всего художественной литературы. К нам пришло положение о соревновании между районными организациями по данному направлению. Большой книгочей Каширин с энтузиазмом возглавил оргкомитет; хорошо помогал нам директор книжного магазина в Даурске Гена Коржавин. Ребята организовали сеть книгонош, провели несколько книжных ярмарок, пригласили в гости знаменитого писателя Алексея Черкасова, который в детстве жил в Даурской волости, в деревнях Потаповой и Покровке. Туда организовали ему

Аференко В. А. — первый секретарь Даурского РК ВЛКСМ (1957–1961 годы)

поездку. На вечере встречи с ним в ДК продали десятки книг с его автографами.

Наш райком стал победителем краевых соревнований, нам вручили приз — мотоцикл К-20.

В райцентре Владимир создал и тренировал несколько лет футбольную команду.

В 1958–1961 годах мы проигрывали соседям из Балахты: там жителей в два раза больше, к тому же имелась автоколонна, где молодые мощные парни играли в футбол хорошо, даже на первенство края по какой-то группе.

Но вот в августе 1962 года наши «кудесники мяча», ведомые виртуозом Кашириным, дважды балахтинцев обыграли.

Мы оба выписывали «Советский спорт», были у нас свои кумиры: у меня — по лёгкой атлетике, у Володи — в футболе. Он боготворил зимой 1957–1958 годов Эдуарда Стрельцова и команду «Торпедо», на базе которой должна была выступить наша сборная на первенстве мира в 1958 году. Но людям нашего поколения, а также историкам и знатокам спорта известно, что Э. Стрельцов накануне совершил преступление, был осуждён. Основу сборной составили игроки московского «Динамо». Мы, конечно, болели за наших, но на том первенстве лучше играли великолепные команды Бразилии с восемнадцатилетним Пеле, Франции, Швеции.

Активная «закваска»

Закваску — кусок теста на хмелю — сибиряки клали в хлебную квашню, в квас и в солод для браги. Содержимое пузырилось и бродило, придавая особый вкус ковригам, шаньгам и напиткам.

Завершая дискуссию о выборе жизненного пути, о личных интересах и долге, напомню напутствие А. С. Пушкина своим друзьям-декабристам:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Отсидев сроки в тюрьмах, они в местах поселений оставили добрую память как просветители, как этнографы, коллекционеры, садоводы. Также вклад в культуру «тёмных углов» империи внесли народники, земские врачи, учителя.

И в советское время на окраинах СССР, прежде всего в Сибири, многие ссыльнопоселенцы служили народу.

Я упоминал уже о специалистах высокого класса в совхозе «Таёжном», о физике Б.Ф. Цомакионе в КГПИ, о хирурге М.С. Ржезникове в Сухобузимском: ссыльные в райцентре в 1946–1953 годах реанимировали электростанцию, угольные шахты, подняли уровень мероприятий в Доме культуры, вели уроки по основным предметам в старших классах школы. Из её двенадцати выпускников 1947 года Б.С. Маслов стал вице-президентом сельхозакадемии, трое — докторами наук, остальные — хорошими специалистами. Они съезжались с разных мест Союза ССР через каждые пять лет на встречу в Сухобузимскую СШ, вспоминали не раз.

В 1983 году я был в Москве, в Долгопрудном, в МФТИ, где, кстати, учился мой сын, — находился на курсах повышения квалификации учителей физики.

Лекции нам читали крупные учёные: например, знакомил с новой отраслью — с акустоэлектроникой — академик В. Гуляев, руководитель Саратовского филиала АН СССР. Ему задали вопрос:
— А где вы оканчивали школу?
— В посёлке на севере Кировской области. Не удивляйтесь, у нас учителями работали ссыльнопоселенцы из известных учёных.

Если ты готов к передаче людям больших знаний, умений, опыта, то результаты будут даже в глухомани, попал ли ты туда вынужденно, по направлению государственных структур, или абсолютно добровольно.

С учётом вековых традиций по освоению и развитию Сибири оправданной была инициатива Н.С. Хрущёва по отправке за Урал выпускников училищ, техникумов и вузов из центральных областей СССР.

У нас в подтаёжном Даурском районе на комсомольском учёте стояли более трёхсот молодых специалистов: учителя, медработники, инженеры и техники ЛПУ и сплавных, МТС, зоотехники, агрономы, бухгалтера, экономисты, культработники, офицеры военкомата, нарсудья — «закваска», «затравка» в насыщенном «растворе» бытия в годы общего, в том числе духовного, подъёма в стране. Кроме своих прямых обязанностей, все они (во всяком случае, абсолютное большинство) участвовали в безвозмездных общественных деяниях.

Восемьдесят процентов секретарей комсомольских организаций колхозов, ЛЗУ, учреждений были молодые специалисты. Дважды, в 1958 и в 1962 годах, мы приглашали их в райцентр на слёты, старались создать праздничную атмосферу (торговля, буфеты, концерты, танцы). Примерно половина из трёхсот приехала издалека, из европейской части страны. Как, например, учителя В.С. Каширин и Р.М. Черкасова, ставшие мужем и женой. Но браки за два положенных года «отработки» девушки заключали с местными парнями, как и парни с местными девушками, и оставались в Сибири. Ныне, к сожалению, наблюдается процесс обратный: массовый отъезд из Сибири и с Дальнего Востока молодёжи — выпускников школ и вузов — в Санкт-Петербург, в Краснодарский край и в другие места, где теплее или ближе к заграничью. Немало их болтается, по пословице, ненужным балластом «в проруби» на иждивении оставшихся за Уралом родителей (только я знаю десятки таких). Процесс, думаю, уже не остановить; последствия предсказать трудно.

Ныне мнение абсолютного большинства учёных, историков, политологов, экспертов таково: комсомол за семьдесят лет вписал в историю страны наиболее яркие страницы. Вспомним поколения корчагинцев, стахановцев и ударников, покорителей пятого океана и космоса, героев Великой Отечественной войны, девушек-трактористок сороковых годов, строителей новых городов, заводов, шахт, плотин, победителей Олимпиад.

Для миллионов юношей и девушек лозунг «Если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими» не был пустым звуком, имел призывный, буквальный, для многих романтический смысл. А проявить себя в славных делах было где; мы, райкомовцы, поддерживали, развивали спектр возможностей: воскресники, агитационная работа в период выборов в красных уголках, чтение лекций, организация праздников, соревнований, участие в художественной самодеятельности, шефство над пионерами.

Райком ВЛКСМ в Даурске располагался в бывшем крестьянском доме. На платной основе, с зарплатами пятьдесят-шестьдесят рублей в месяц, работали пять человек: два секретаря, два инструктора и две девушки, заведующие отделами — пионерским и учёта (она же секретарь-машинистка и кассир).

Наша главная задача состояла в том, чтобы сохранить жизнедеятельность общественно политической молодёжной системы (комсомола) — первичных комсомольских организаций — на всех предприятиях, во всех бригадах, в учреждениях, в классах, с обязательным проведением запротоколированных собраний (один-три раза в квартал), с поручениями, с уплатой членских взносов. Причём система, говоря языком физики, находилась в состоянии динамического равновесия: в комсомоле состояли подростки и молодёжь в возрасте четырнадцати — двадцати восьми лет; «нижняя планка» для нашего района — полторы тысячи человек.

Кроме того, что комсомольцы старались хорошо трудиться и осуществляли массу полезных дел, в ходе их организации, в дискуссиях на комсомольских собраниях, в процессе общения со многими людьми приобретали они навыки будущих крепких хозяйственников, руководителей, лидеров—то была школа развития и личностного роста. Без опыта райкомовской работы я бы не смог на должном уровне исполнять должность завуча и директора школ—девять лет в селе и семнадцать в городе.

У лесников

Н. С. Хрущёв для развития сельского хозяйства в стране сделал многое, вытащил колхозы из вынужденного рабства 1942–1953 годов.

Подтаёжный Даурский район тоже относили к южным, сельскохозяйственным, хотя восемьдесят процентов его территории—восемь тысяч квадратных километров и с правой, и с левой стороны Енисея—занимала горная тайга.

Основной спрос с районных властей свыше был по линии развития сельхозпроизводства. Конечно, комсомол в колхозах и на отделениях совхоза активно участвовал во всех сельхозкампаниях. О его делах нужна отдельная книга, потому предлагаю современным читателям, думаю, интересную главку о комсомольцах Даурского леспромхоза.

Центр ЛПХ находился в селе Усть-Дербино на Енисее. Лес заготавливали на четырёх ЛЗУ, на девяти лесопунктах. Всего к лесникам относилось в районе восемнадцать поселений, в них в первичных организациях состояло до пятисот комсомольцев.

Зимой 1960 года в кабине лесовоза я съездил на участок Тубиль, расположенный в ста километрах от Енисея. Летом туда добирались на тракторах, верхом на лошадях или даже пешком.

В посёлке доживали последние дни постройки двадцатых-тридцатых годов; основу его составляли новые двухквартирные коттеджи. Утром и вечером подавался электрический ток от местного динамо; имелись семилетняя школа, медпункт, почта, общежитие, столовая и магазин УРСа. Основную рабочую силу в двадцатых-тридцатых годах составляли приехавшие по оргнабору или добровольно граждане СССР из разных мест, многие—из соседних сёл.

После войны основным стал контингент ссыльнопоселенцев из Прибалтики и Западной Украины, получившие сроки за преступления в годы войны.

В начале шестидесятых годов они почти все уехали, получив амнистию. И общежития заселили молодые ребята—контрактники, «перекати-поле», тридцать процентов—с комсомольскими билетами.

Остановился у секретаря комсомольской организации ЛЗУ Пети Елисеенко. Он окончил семь классов в Покровке, десять классов в Дербино, лесоинженерный факультет СибЛТИ, получил, как и жена-однокурсница, направление в Тубиль.

Утром, в семь часов, на мотоботе лесозаготовители по узкоколейке поехали на лесосеку и ещё на одиннадцать километров приблизились к границе с Манским районом. День не актированный—всего минус двадцать по Цельсию; актируют при минус тридцати и ниже. Затрещали трелёвочные трактора, завизжали бензопилы, сучкорубы (в основном девушки) взяли топоры. Петя рабочим процессом руководил не торопясь, умело и умно. Я ходил от звена к звену, общался, помогал девчатам—сбрасывал ветки на вершину разделанных дерев. Обедали в мотоботе. Минут пятнадцать отвечал на разные вопросы.

Вечером в клубе провели комсомольско-молодёжное собрание. На третий день посетил общежитие, школу, почту; на урсовском вездеходе вернулся в Усть-Дербино, ночевал там и завершил командировку беседой по острым вопросам с руководителями ЛПХ.

Технологическая цепь лесопроизводства от дерева в лесу до его доставки в Красноярский ДОК была такой. Брёвна возили из лесосек на нижние склады на берегах горных речек. Хороших дорог не было, только лесовозные, зимние. В тайге морозы прихватывали и в апреле. Приспосабливали режим работы шофёров на лесовозах: выезжали ночью по новому насту, делали два-три рейса до снежной каши, тающей под действием солнечных лучей.

В июне несколько дней на притоках шла большая вода. Объявлялся аврал. Почти все жители посёлков, даже домохозяйки, учителя, служащие, старшеклассники, принимали участие в скатке леса.

Конечно, основные кубы сталкивали бульдозеры, но и всем работы хватало: в руках—ломы, багры, ваги, выдавали спецовку, рукавицы, по сто граммов спирта на день.

До запаней доходило в лучшем случае три четверти брёвен, обычно—две трети; тысячи кубометров задерживались на поворотах, в кустах, на островах. И целое лето специальные бригады

гнали так называемое мулё. Присутствовал на этом этапе на речке Езагаш. В её верховьях находился лесоучасток с оригинальным названием Малашка. Звено парней из восьми человек закрывало створки плотины там, где берега повыше. Когда вода набиралась, створки открывали, и ребята без перерыва час-два короткими баграми стаскивали в поток сутунки с мелей, кустов, с островов.

В запанях лес сортировали, набивали и увязывали плоты. Леспромхоз имел два катера, которые буксировали плоты мимо проток, островов и мелей в Красноярский ДОК. Плавали на катерах по три-четыре человека, комсомольцы. Совершил с ними и я один рейс. Внутри в продолговатом трюме по бокам тянулись лежаки, между ними стоял столик с едой, книгами, газетами, судовым журналом.

В 1961 году Даурский ЛПХ сплав закончил «рано» — в сентябре. Катера арендовало объединение «Хакаслес». В конце октября начались холода, пошла шуга, катера вернуться не успели. Директор ЛПХ Шкаберин получил странную телеграмму: «Замёрзли в ботинках» (?). Оказалось, что суда зазимовали в посёлке Батени Краснотуранского района; на почте телеграфист вместо «в Батенях» написал — «в ботинках».

После создания водохранилища центр леспромхоза переместили в новый посёлок Черёмушки. Лес вывозили сюда в залив; кранами грузили на площадки, которые самоходные суда буксировали до Абакана.

Дороги и ночлеги

Примерно одна треть времени в годы работы секретарём РК ВЛКМ в 1957–1962 годах прошла в командировках. В Красноярск ездил в среднем один раз в квартал, то есть за пять лет — не менее двадцати раз. Летом плавал на судах. Регулярные рейсы до Минусинска и обратно совершали из Красноярска два миниатюрных теплохода на двести мест, построенные в ГДР и доставленные на Енисей, носящие названия «И. Тургенев» и «Н. Некрасов». Выходили они от речного вокзала вечером, приплывали на даурскую пристань рано утром. Пассажиры дремали сидя. Крутая лестница вела вниз, где находились четыре каюты, всегда кем-то «бронированные». Осенью 1958 года я спросил штурмана:

— Можно мне полежать на полу коридора между каютами?

— Можно, при условии, что не будешь мешать другим.

Конечно, в костюме я тогда не стал там валяться. Но после постоянно внизу спал-дремал: брал старый плащ, клал под голову балетку. Неприхотливость — наша семейная черта, с детства спали на полу, на полатях, на сеновале, в балаганах.

Зимой дорога шла по льду Енисея; о том, что она представляла собой, написано выше (с. 29).

Расскажу об одном памятном рейсе в середине апреля 1962 года. Ехали мы в кабине ЗИСа, вёл который шофёр райпотребсоюза Борис Соломатов. От плотины шло два пути: через Слизнево по горам, по долам правого берега, по ещё не асфальтированному тогда шоссе, — и по льду, ровному до самого железнодорожного моста. Конечно, Борис выбрал второй путь, ведь без цепей на горки не забраться. Проехали несколько километров, а впереди по всему плёсу поверх льда разлилась вода, колея едва просматривается. Что делать? Возвращаться обратно, надевать цепи?

— Рискнём?! — не то спросил, не то известил мне шофёр. — Поедем с открытыми дверцами.

Он вёл грузовик, наполовину высунувшись из кабины; был готов к прыжку и я. От колёс расходились небольшие волны. Доехали. Но после стало известно, что здесь ушли под лёд колёсный трактор с прицепом и легковой автомобиль, были жертвы. Так в седьмой раз в жизни что-то отвело от меня старуху с косой.

В русском языке есть оригинальное слово «исколесил» — в смысле, побывал в большинстве мест города, района, угодий. Смысл-то термина определяет корень «колес» — значит, на колёсах.

Да, по дорогам Даурии я проехал тысячи километров на телегах, на велосипеде, на мотоцикле и, конечно же, на автомобилях, посетив не по одному разу все (!) пятьдесят поселений.

Если понятие «исколесил» — от слова «колёса», то, по такому принципу словообразования, о моём передвижении по району можно сказать: «исползил», «исподошвил».

Райком партии содержал конюшню и лошадей. Нам выделили мерина Каурку. Зимами Каурка возил нас с ветерком в кошеве по шоссе и по побочным снежным просёлкам. Под седло он не годился, потому я ездил верхом в седле на более крупных лошадях. И, наконец, пешком по дорогам и тропам Даурии пройдены сотни вёрст. И по необходимости — в распутицу от бригады до бригады по полям, и по желанию — для поддержания формы. Полностью согласен с великим ходоком по Руси Максимом Горьким, сказавшим: «Когда идёшь пешком, то дышишь глубже и видишь дальше».

Во время ходьбы сочинял стихи и читал, бывало, лекции вслух встречным соснам и берёзам. Однажды в дороге подсчитал число ночлежных мест в домах даурчан, в общежитиях, на полевых станах, в конторах, в зданиях школ и даже однажды в кабине трактора. Получилось круглое число — пятьдесят!

Можно подумать, что автор книги — оригинал, человек со странностями. Но это — с нынешней, рациональной точки зрения. Я — сторонник термина

«оттепель». Время было другим, послекультовым, с распахнутой свободой. Дух созидательной романтики двадцатых годов, дух Великой Победы проявился в осуществлении сотен великих строек, в «хрущёвских» десантах «город—село», во всплеске молодёжных инициатив в самых разных сферах жизни, в том числе в спорте и в туризме. Стремление к лучшим результатам, к покорению маршрутов высокой категории сложности, к совершению походов с песнями у костра под гитару стали в пятидесятых-семидесятых годах повсеместными, массовыми.

Уже тринадцать лет приковано внимание россиян к перевалу Дятлова, к загадочной гибели девяти туристов из Свердловска в начале февраля 1959 года. Версий много, истинную причину трагедии вряд ли удастся узнать. Я, как ровесник погибших парней и девчат, хочу обратить внимание на две стороны события. Что подвигло их на труднейший поход? Только стремление проявить себя, возможность этого и, конечно, романтика. В дневниках они не жалуются на дискомфорт, на трудности переездов, переходов, ночлегов; воспринимали их как ожидаемые—знали, куда и зачем шли. Пишут о том, что постоянно пели, дискутировали на тему любви (смотри книгу А. Макаровой «Перевал Дятлова», Москва, ООО «Издательство АТС», 2005).

В таком же настроении жили за три тысячи километров, в центре Сибири, и мы—молодые даурчане. Уверенность в себе, в благополучном исходе перехлёстывала через край. Система государственных органов и общественных организаций страдала бюрократизмом, но не была, как кое-кто пытается представить, безразличной к судьбам людей. К сожалению, с опозданием, но были предприняты меры по поиску группы на приличном уровне: вертолёты, группы поиска в десятки человек, ещё многое необходимое. И опять же, к сожалению, гибли и продолжают гибнуть неискоренимые и неисправимые романтики. Я отношу себя к ним.

Конечно же, спорт в те годы, как и во всей последующей жизни, не отпускал меня ни на день из своих цепких (но добровольных) объятий. Я оставался его активной боевой единицей, организатором, пропагандистом и «суперболельщиком».

В 1958 и 1959 годах тренировался, используя любые возможности; выступал на районных соревнованиях. Результаты оставались на уровне лучших среди сельских спортсменов края: 100 м—11,02-11,5 с, 200 м—23,8-24,0 с; прыжки в длину—за 6 метров, пятиборье—около 3000 очков. В 1958 году в Красноярске прошло первенство общества «Урожай» по лёгкой атлетике среди регионов Сибири. После побед в 1957 году входил в сборную края, готовился к отъезду. Вдруг в субботу звонит директор «Заготзерна» Курбатов:

—Виктор Александрович, выручай. Пришла баржа за овсом, надо срочно загрузить её, иначе предъявят немалую плату за простой!

До этого один раз хлебоприёмный пункт мы выручили, понравилось на дармовщинку. С Курбатовым мы члены бюро райкома КПСС, на заседаниях сидим рядом.

—Ладно,—говорю,—поможем.

Пошёл на погрузку сам, позвал двух инструкторов, организатора из Дома культуры. Мешки с овсом не так тяжелы—пятьдесят-шестьдесят килограммов, подхватываем с транспортёра и кидаем в бурт в чрево баржи. Вдруг напарник поскользнулся, и, пока мы убирали куль, другой с транспортёра ударил меня по ноге. Хрустнуло в колене. Не перелом, но сдвиг чашечки, захромал. Прощай, сезон! На соревнования поехал как зритель.

В 1959 году ситуация повторилась. Перед краевым первенством в Ачинске при беге в сырую погоду растянул связку сзади стопы. На тех соревнованиях блистал мой коллега—первый секретарь соседнего Балахтинского района Толя Склепин. В пятиборье его и мои результаты в прыжках в длину и в беге на двести метров были одинаковы; я дальше его метал диск и копьё, зато Анатолий хорошо бегал полтора километра. Жаль, что не встретились. Не состоялся «зарубан» комсомольских вожаков соседних районов.

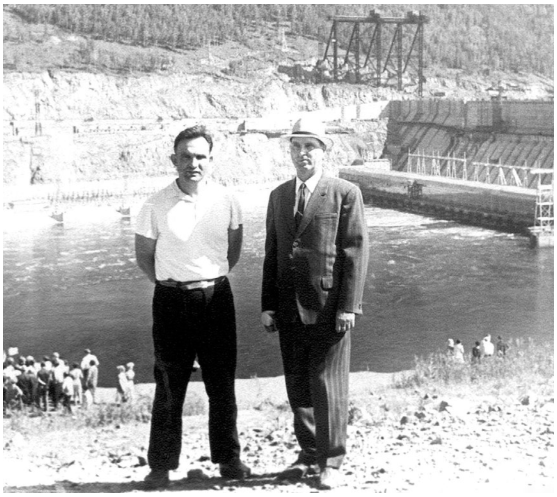
В 1961 году всё же скомпоновал команду легкоатлетов, и мы съездили на краевое первенство общества «Урожай» в город Канск.

Плоды великого проекта

Все годы прошли под знаком строительства Красноярской ГЭС и наполнения водохранилища. Немало славных ребят покинули район, обосновавшись в Дивногорске.

Прочёл я десятки лекций о великой стройке при переполненных залах: даурчан волновал вопрос о переселении, ведь подлежали сносу тридцать семь населённых пунктов из пятидесяти пяти, да и остальные становились бесперспективными. Надо сказать, что процессы заполнения водохранилища и переселения были продуманы, обеспечены финансово и прошли без каких-либо эксцессов. Комиссия провела обмер и общую оценку всех строений вплоть до изгородей, каждый кубометр дерева хорошо оплачивался. Специально созданные бригады по очистке ложа вывозили или сжигали остатки строений.

На новых местах были построены новые же посёлки, в них переехали те, кто жил в ведомственных домах. Владельцы частных усадеб уезжали кто куда хотел. Частники получал половину денег сразу, а вторую им высылали при предъявлении справок о полной зачистке бывших домов и дворов.



Переехали жить в Атомград (Красноярск-26), к старшей дочери, и родители моей жены из Езагаша. Вдруг звонит тесть:
— Виктор, съезди в Езагаш, убери столбы прежних ворот, сельсовет в Александровке не даёт справку по зачистке.

Ещё ходил катер и причаливал к берегам у прежних поселений. Приплыл в Езагаш. Вся площадь прежнего немалого села заросла крапивой, коноплёй, лопухами. Ни одного человека.

Хорошо, что догадался прихватить лопату. Да, у входа на прежний двор торчали два толстых листвяжных столба. Целый час затратил, чтобы выкопать яму вокруг одного из них. Сибирские крестьяне строили всё на века, вкапывали столбы на глубину больше метра, в землю вокруг них бросали камни, кирпичи и трамбовали. Да за полсотни лет ещё сверху нарос слой плотной земли. Попробовал столб вытащить вверх—и не шевельнулся он, имея вес полтора-два центнера. Выход один: выкопать от столба канаву длиной два метра и уложить столб в неё. Что и сделал, затратив ещё около часа. Так же и за то же время управился со вторым листвягом.

Подошёл сторож, выдал с подписью стандартную справку о зачистке участка. Я едва не опоздал на идущий снизу катер. Та процедура относилась к разряду перегибов, дури. Первоначально шёл разговор о полной зачистке от деревьев всего будущего ложа водохранилища. Но убрали поселения, забетонировали кладбища, а лес ушёл под воду. После пуска ГЭС пассажиропоток уменьшился мало. Из Красноярска «Ракеты» привозили людей на пристань в Дивногорск, оттуда по мосту на автобусах за плотину, там от дебаркадеров совершали рейсы малые пассажирские суда и «Метеоры». Плавал несколько раз на них до Черёмушек, куда перенесли центр Даурского леспромхоза и где жили родственники жены. По окраине рукотворного моря, где помельче, торчали верхушки берёз и сосен, с сучьями без игл и листьев, напоминавшие просящие о помощи старческие руки. «Метеоры» совершали рейсы и ночью, освещая себе путь впереди прожекторами. И ни одной аварии. В застойной воде корни не подмывало, а заиливало, отдельные стволы всё же всплывали, но, пропитанные водой, так и оставались на плаву на одном месте. Разве могли всплыть те листвяжные столбы с удельным весом выше, чем H_2O?

Итак, наш народ совершил очередной подвиг—построил Красноярскую ГЭС. Грандиозный проект на грани фантастики был в главном осуществлён: плещется рукотворное море, ходят по нему суда, на его берегах ежегодно отдыхают тысячи туристов. Уже миллиарды киловатт-часов выработали гидроагрегаты. В созидательном ритме живёт город Дивногорск, есть прекрасные смотровые площадки с Царь-рыбой. Не всё удалось воплотить в жизнь. Не дали ожидаемого эффекта рыбозаводы. Рыбы в водохранилище много, но её непросто ловить. Берега по краям затопленных логов высоки, заросли кустарником, осыпаются. Гниющие под водой деревья выделяют вредные для рыбы вещества, многие особи болеют, заражены солитёрами и всплывают ближе к поверхности. Бывая в Черёмушках, ездил на рыбалку летом и зимой. Местные рыбаки приспособились, лески с наживкой опускают глубоко, ловят здоровые особи сорожек, окуней, ельцов.

Подъёмник—это небывалое сооружение—построили. Планировалось ванную с водой и с кораблём поднимать цепями по гигантским зубцам. Но затраты электроэнергии оказались слишком большими, что не оправдывало сплошные рейсы, да и необходимости в них большой нет: пассажиропоток не очень большой, лес грузят на площадки, которые буксируют до Абакана. На территории Балахтинского района, справа от водохранилища, на бывших землях Даурии, народу живёт мало, тайга наступает. Стало больше зверей, дичи, грибов, дикоросов.

Шесть лет жизни в стране Даурии пролетели быстро. Здесь я приобрёл много знакомых и друзей; опыт и навыки работы с людьми, то есть основу для дальнейших деяний как учителя и директора школы.

Здесь женился, стал членом большого даурского родственного клана; здесь родился сын. Был в добром контакте с руководителями красноярского комсомола, ставшими известными в крае и стране: Юрием Афанасьевым, К. М. Черновым, Л. В. Сизовым, П. С. Федирко, Л. М. Балашовым.

Иногда я смотрю на старые карты и вспоминаю реки, дороги и тропы, по которым плавал, ездил и ходил в годы комсомольской юности.

Алексей Бондаренко

Вынужденная посадка

В который раз пришёл он сюда, когда спала деревня и всё живое на земле ещё не порхало, не ползало, не шевелилось. Теперь он был один не только здесь, но и на всей большой земле, ходил тенью, никому не нужный, измочаленный нелёгкой жизнью, позабытый людьми и временем.

Он стоял над холмиком, тронутым шелковистой, не окрепшей ещё травой, вспоминал недавно пережитое и всё никак не мог простить себе того, что произошло, что оставило на сердце горький осадок, уничтожило его, опрокинуло навзничь, заставило ходить с опущенной головой.

И с горечью думал, что никогда уже теперь ему не выправиться, не разогнуть спины, не начать всё сначала.

Каждую осень в один и тот же день приходил он сюда, на кладбище, и стоял в состоянии зыбкого небытия, в подсознании отмечая, что в этот день над высокими густыми елями всегда светило солнце.

Под угором торопилась река в низовье. Крепкие, но уже отжившие разноцветные листья кружили в воздухе. Удерживаясь ещё некоторое время на подхватившем их воздушном потоке, покачиваясь, как маленькие кораблики на волнах, описывали круг, а потом медленно, всеми силами сопротивляясь земному притяжению, в надежде продлить свою жизнь, цеплялись зубчатыми краями за ветки ели, скользили лоснящейся гладью по хвоинкам, обрывались и неохотно ложились на голову и плечи одиноко стоящего человека. Затем, обессилев, падали на землю, густо закрывая могильный холмик, землю вокруг него.

Он находил на кладбище успокоение, давая себе обещание не забывать её, помучиться ещё на земле немного и прийти к ней навсегда. Особое состояние души руководило им здесь.

Скорбь и боль трогали его сердце, и ему было страшно думать о завтрашнем дне.

К концу дня резко усилился ветер. Вертолёт бросало из стороны в сторону, заваливало набок.

Инженер леспромхоза Андрей Васильевич Сизов словно влип в стекло. В иллюминатор были видны крутящиеся лопасти. Покачивался потемневший горизонт. Машина, прорывая сплошную завесу хмари, сопротивлялась порывам ветра, усиленно урчала; казалось, силы её были на исходе, но мотор работал ровно, без перебоев.

Сизов внешне был спокоен, но душу подъедал внутренний червячок. За последние дни он устал: измотала нелёгкая работа, раскалывалась голова.

Который день он кружил над приенисейской тайгой. Внизу, сквозь обрывки туч, он видел чашечки озёр, петли колодистых лесных рек, травянистые старицы, покоящиеся на груди остывающей земли.

Сизов, глянув на карту, без особого труда определил мелькающие реки: Сочур, Болотная, Сережкина, Кас…

После долгих поисков он, наконец, нашёл нетронутые леса. Здесь же, в вертолёте, набросал на бумагу штрихи будущих лесосек, взвесил расчёты «за» и «против», мысленно расквартовал дремучую тайгу. Он уже чётко видел новые вахтовые посёлки, вертолётные площадки, волоки. Через квадраты на карте по диагонали карандашной линией пролегла лесовозная дорога.

Но на сердце было неспокойно. Примут ли предложение в леспромхозе? Или начнутся пустозвонные заседания, которые, кроме споров и вреда, ни к чему не приведут?

Он вспомнил, как на одном из заседаний из кабинета выскочил главный бухгалтер и, пошмыгивая утиным носиком, накинулся, не разобравшись:

— Ты подумал, Сизов, такое предлагать? Это надо же до такого додуматься! Только одна заброска и вывозка людей на вахту в копеечку обойдётся. Ближе нельзя?

— Ближе сплошные кедрачи,— тихо ответил Сизов.

— Да и чёрт с ними, твоими кедрачами.

— Ты что?

— Разуй глаза… На карте ближе к Сочуру — смешанные леса. Верхнепашинская вахта близко, Усть-Кемцы в десяти километрах. Значит, дорог меньше надо. Кто их будет зимой содержать? Ванька Ветров. О рентабельности надо думать, а не саблей размахивать.

— Руки бы оборвать, кто рисовал эти карты! — вспыхнул Сизов.

— Ишь ты! Умник выискался… — не отступал главбух. — Не глупей тебя там были.

Сизов, обтерев тыльной стороной руки вспотевший лоб, ответил:

— Карты были сделаны много лет назад. Всё изменилось за эти годы.
— Конечно, всё течёт... Ну, попадёт под пилу одиночный кедришка. Трагедия теперь строить!

Директор леспромхоза Кузнецов молчал. Когда спор начал накаляться, он, отложив в сторону бумаги, заметил:
— Ну, хватит. К единому мнению надо приходить. Из двух зол выбирать меньшее. Надо думать, как выживать в нынешних условиях.
— А я что говорю!—запальчиво воскликнул главбух, свирепо глянув на инженера.—Рыночные отношения, браток, не каждому по уму.
— Так что теперь... можно пластать всё подряд?—стоял на своём Сизов.—Много у нас кедрачей в районе осталось? Нашиковали, наруководили! А подрост? Трактору под гусеницы?
— Насчёт руководства, Сизов, ты бы поаккуратней,—вступил в разговор начальник отдела кадров Галкин, сидевший в углу кабинета, заискивающе поглядывая на директора.—Безработица и Енисейск не обошла стороной. Люди за место держатся.
— Вот как?!—удивился Сизов.—Заговор, что ли, против меня? Сегодня заявление подавать на увольнение или подождать немного?
— Как хочешь,—сдержанно ответил Галкин, вопросительно посмотрев на Кузнецова.—Никто тебя силком не держит.
— Ну зачем так сразу?—перебил его директор и пристально поглядел на Сизова.—По-моему, Андрей Васильевич свою задачу, как инженер, понимает. Не так ли? Я переговорю с директором лесхоза Железовским.
— Уж ящик-то водки всегда найдём для лесничих,—подсказал главбух.
— Купить хочешь?—резанул ему в упор Сизов.
— Купить не купить, но куда деваться?—развёл руками главбух.—Так уж испокон веков повелось: не подмажешь—не поедешь.
— А я вот что скажу вам, господа хорошие,—до щёлочек сузив глаза, нервно начал Сизов.—Во-первых, вы плохо знаете Железовского. Дмитрий Фёдорович прямой человек и на поводу у вас не пойдёт. Во-вторых, кедрачи губить я вам всё равно не дам. До президента дойду, если надо будет. А ты можешь деньги на водку поберечь до лучших времён. Не из своего кармана легко швыряться.
— Да ты кто такой—грозить? Не да-а-ам... Ты знаешь, как нам с директором зарплата достаётся, чтобы тебе же вовремя дать? Инфляция, налоги непомерные, хоть вой. А мы всё же скрипим ещё, мало-помалу сводим концы с концами. Подумал об этом? То-то...—резко говорил главбух, постукивая пальчиками по столешнице. Правая щека его нервно дёргалась.
— Так, может, мне здесь финансами заняться вместо тебя,—иронично спросил Сизов,—если уж тебе непомерно трудно?
— Не паясничай,—остановил главбух.—Леса-а-а, кедрачи... Заладил как попугай. Чего они сейчас стоят, твои леса? Перевозка куба по железной дороге в два раза дороже, чем заготовка его. А если мы с вами будем брать этот куб у чёрта на куличках? Во что он обойдётся?
— Ну, так,—решительно сказал Кузнецов.—Сколько тебе времени надо, Андрей Васильевич, для обследования лесов? Чтобы резонно, со всеми выкладками, обстоятельно, грамотно?
— Пару дней,—не задумываясь, ответил Сизов.
— Раскатал губу,—опять встрял в разговор главбух.—Каждый час вертолёта сегодня к полутора миллионов тянет. Раньше на лошадях не гнушались объезжать лесосеки. Пешком, в конечном счёте...
— Пешком вместе отправимся попозже,—разозлился вконец Сизов и пристально посмотрел на директора.—Два дня.
— День...—отрезал Кузнецов, поднимаясь со стула.

...Под вертолётом, стиснутая со всех сторон тайгою, как бочка обручем, проплыла деревенька. Серой и неприглядной просматривалась она сверху. Под горою темнело большое плёсо. Низкие плотные тучи мешали разглядеть всё, что проплывало за вертолётом.

Положив на колени планшетку, он вынул карту района. Глянул на часы и снова посмотрел на карту. От деревни Разлог до аэропорта оставалось лёту около часа. Приближалась ночь. Сизов раздражённо подумал: «Не повезло с погодой—не даёт работать».
— Будем садиться,—прервал размышления Сизова командир.

Инженер неопределённо пожал плечами.
— В светлое время не уложились,—снова прокричал пилот.
— Вижу...—буркнул Сизов.
— В порту погоды нет. Облачность низкая. Ветер до двадцати метров обещают,—крикнул командир.
— Что делать?—встревожился Сизов.

Пилот, не услышав вопроса, оторвал руку от ларингофона и, обернувшись к инженеру, снова крикнул. Шум двигателя, свист винтов заглушали голос. Сизов вопросительно глянул на него. Командир показал вниз и качнул ручку управления.

Сизов понял: идём на посадку. Командир, наклонив голову к боковому стеклу, глазами стал искать подходящую площадку. Вертолёт, описав круг, завис над деревней. Внизу дома расположились по бокам двух небольших улочек, чернели землёй убранные огороды, чуть дальше змеёй извивалась Кеть. Она смирно несла свои воды в низовье, в большую Обь. На другом берегу её табунились оголённые берёзовые колки, дальше просматривалась старая гарь.

Машину тряхнуло, точно телегу на большом ухабе, стремительно потянуло к земле. Приземлившись, вертолёт сотрясался ещё некоторое время от работы винтов, потом затих. Сизов открыл дверь и первым спрыгнул на землю.

Непогодье обещало быть затяжным: сверху давили тяжёлые тучи, сыростью тянуло с гнилого юго-западного угла. Резкий ветер рвал, швырял в лицо мокрые сгустки снега. Лес стонал, отчаянно сопротивляясь ветру, отбиваясь голыми ветками.

Сизов с наслаждением прошёлся по земле, пробуя ногами её твердь. Голова немного кружилась, в ушах стоял неумолкающий шум.

— Не жди нас,— сказал командир, глянув в сторону деревни,— подбери подходящую хату, пока мы закрепим машину. Ветер крепчает.

— Помочь?

— Иди, иди… Дел на пятнадцать минут. Лучше подыщи хату да прокочегарь печку.

— Хорошо,— согласился Сизов и, вскинув на плечо порожний рюкзак, шагнул в перелесок.

Сизов шагал споро и не заметил, как остался позади пихтовый перелесок, в который одним концом упиралась деревенская улица. По ней тянулся жидкий тротуарчик в три неширокие доски. Здесь уж ветру приволье: он метался из конца в конец улицы, глухо завывая.

Сизов не раз бывал в сибирских селениях, отдалённых от мира густой тайгой. Но странным показалось, что деревня совсем не подавала признаков жизни. Обычно, когда неожиданно садился вертолёт, бóльшая часть сельчан, в первую очередь ребятишек, сбегалась на площадку: то ли от любопытства, то ли из интереса посмотреть на городских, узнать новости.

Чем дальше Сизов углублялся в деревню, тем тревожнее становилось на сердце. Уж есть ли кто живой? Наконец в отдалении он увидел дымок. От покосившейся избы, стукнув цепью о деревянный настил, выскочил матёрый кобель. Сизов остановился, попятился к дороге и резко прыгнул с тротуара на обочину. Сапог утонул в жирном месиве, и ему ничего не оставалось делать, как развернуться и брести напрямик.

— Ты не с вертолёта?

Оглянувшись, Сизов увидел рядом низкорослого широкоплечего мужчину, одетого в старую телогрейку, охотничьи шальвары с широкой мотнёй. Ему было лет тридцать. «Приодеть бы поопрятнее, снять кудлатую бороду, волосьев на голове поубавить — стал бы приятной наружности»,— мельком подумал инженер. И сразу же почувствовал в незнакомце защиту от напористой собаки.

Хмурый мужчина с силой ударил разъярённого пса в бок носком кирзового сапога. Кобель взвизгнул, поджал хвост и опрометью нырнул в подворотню.

— Земляк, где Дозморов живёт?

— Там,— махнул рукой мужик.

Сизов недоуменно посмотрел вслед: «Поддатый, видно».

Ветер расходился. На крыше дома громыхал оторванный лист железа. Большие хлопья снега метались по деревне. Они тонким и липким слоем покрывали землю, таяли на лице.

Сизов, накинув на голову капюшон, медленно шёл по тротуару.

На душе было тоскливо от ненастной погоды, от вынужденной посадки, от недовольства начальства и в конечном счёте — от личной неустроенности.

«Невезуха»,— поморщился Сизов. Он подумал, что за эту посадку и незаконченную работу в конторе его обязательно доконают, всыплют по первое число. Главбуху на руку. Этот церемониться не станет.

В голове ещё шумело. Тело было будто в невесомости, просило отдыха. Сизов снова глянул на небо, тяжело вздохнул: сколько придётся здесь сидеть? Бездействие для него хуже неволи. Но своей вины Сизов не чувствовал, и это успокаивало его. Так ведь беда: несогласованность администрации леспромхоза, ослиное упрямство главбуха, он будто специально тянул с перечислением денег авиапредприятию. Кого ещё винить?

По сути дела, теперь все поисковые работы закончены. Только бы побыстрее добраться до Енисейска и заняться отводом лесосек под рубку. Всё дело в погоде. Вон, оказывается, где причина кроется! Сизову сразу полегчало. Он обрадовался своей маленькой находке.

— Ты не с вертолёта?

Сизов от неожиданности вздрогнул. Рядом с ним стоял всё тот же мужик.

— Ну, с него,— ответил Сизов.

— Послушай…

— Ну…

— Когда летите?

Мужчина, пристроившись следом, шагал нога в ногу. Он, заглядывая Сизову в глаза, заискивающе бубнил:

— Погодишка-то, будь она проклята.

Слева потянулись полуразрушенные бывшие колхозные дворы. Громко заржал жеребёнок. С конца пригона ему ответила кобылица. Чуть поодаль тарахтел дизель, пуская в небо чёрные клубы.

— Свет гоняют! — удивился Сизов — Значит, живут.

— Кажный день по два часа для пекарни, понимашь ли,— пояснил мужчина.

— Не балуют вас.

— Соляра на исходе. На какие шиши покупать? Говорят, с населения по пятнадцать тысяч собирать будут.

— Что поделаешь,— вздохнул миролюбиво инженер.— Всем нелегко. Как-то надо выходить из положения. Телевизоры-то хоть есть?

— Накупили до перестройки ещё. Теперь в кажном углу немые памятники стоят.
— А газеты, почта?
— Раз в месяц привозят.
— Бедно живёте.
— Богаты у нас только пенсионеры — вовремя деньги получают. На хлеб хватат, понимашь ли. А нашему брату, работяге, хошь воруй, — откровенничал мужчина.
— Магазин где у вас? Сигарет купить надо. Закончились…
— Нету… Одна икра кабачковая осталась.
— Да ну?!
— Недавно привезли десять мешков муки да полсамолёта спирта. Погудели маненько, понимашь ли. Расправились с ним махом, — довольно рассмеялся мужчина, озорно сверкнув глазами.

Свернули к большому пятистенному дому, крытому шифером на четыре ската. Окна украшены резными наличниками, новые глухие ворота на листвяжных столбах, голубой палисадник. Из ограды несло запахом свежей стружки.

Под навесом, низко склонившись над верстаком, резко шаркал рубанком седой, как лунь, старик в белой рубахе, сутуловатый, узкий в плечах.
— Гости, дядя Захар, понимашь ли, — представил мужчина, шмыгнув носом.

Дозморов медленно снял очки, тяжело расправил спину, отложил в сторону рубанок, подслеповато прищурил глаза.

Сизов поздоровался за руку, подал вчетверо сложенный лист бумаги:
— Стас передал…

Дозморов с любопытством посмотрел на инженера и, примостив очки на мясистом носу, стал медленно читать, шевеля губами.
— Давно у сына были?
— На днях заезжал. Если случится, велел вам кланяться. Я и не думал, что так быстро придётся.
— Что ж… Соловья баснями не кормят. Ты чего, Степан, стоишь? Веди гостя в дом. Я пока тут в ямку загляну.

За столом сидели непринуждённо. В избе вкусно пахло жареной картошкой, луком, свежей рыбой. Командир вертолёта, высокий горбоносый Аркадий, развалился на диване. Тряхнув смолистой шевелюрой, от медовухи отказался. Освоился быстро. Из глиняной крынки, чудом сохранившейся со старых времён, наливал третью кружку молока. Бортмеханик Володя, пригубив немного, с аппетитом уплетал карасей, жаренных в сметане.

Сизов, опрокинув стаканчик, расслабился. Славно вот так сидеть в тепле с кружкой медовухи, с хорошей компанией, ни о чём не думать. Пускай в стены колотится ветер, сыплет на землю мокрый снег. Жизнь с её чёрными полосами оставалась далеко позади. Сизов думал так, и у него теплело на сердце. На щеках выступил здоровый румянец, от головы к ногам медленно опускалась приятная томная благодать.

Степан, осушив кружку тремя большими глотками, вытер губы рукавом цветастой рубахи.
— Меньше хлебай, — предупредил Дозморов. — Подливай лучше гостям.
— С меня хватит, — отказался инженер, отодвинув кружку на край стола, и в первый раз за последние дни рассмеялся. — А то говорят, что сладкая медовуха к заду липнет — не оторвёшь его потом от стула.
— Значит, недалеко от нас лес валить будете? — спросил Дозморов.
— Близко…
— Мы покорим тайгу, — бухнул захмелевший Степан, стукнув кулаком по столешнице.
— Покоритель! — кольнул его глазами старик и вопросительно глянул на инженера: — Дорога будет?
— Без неё не обойтись, — согласился инженер.
— Нам полегче станет. С горючкой беда для станции, да и не только. Живём в лесу, молимся колесу.
— Я, собственно, вот по какому делу, — посерьёзнел Сизов. — Стас говорил, что вы лесником работали, места эти хорошо знаете. Не было бы счастья, да несчастье помогло…

Старик, выпрямив сгорбленную спину, внимательно посмотрел на Сизова.
— Облетели вот мы с ребятами лесные массивы, — продолжал Сизов. — На глаз прикинул запас древесины, думаю, её хватит леспромхозу этак лет на пятнадцать, а то и боле. Знаете Барсучью падь?
— Как не знать! Не раз там шишковать приходилось. Зимовья у меня рядом. Моими угодьями числятся. Неужели смахнут кедрачи? — печально покачал головой старик.
— Захар Моисеевич, надо срочно обойти или объехать леса, что задумали рубить, спелость их определить. Но главное заключается в том, чтобы стороной обойти Барсучью падь, не потревожить кедрачи. Начальство пугает содержание дорог. Нам надо наметить основную из них, как говорится, пойти по пути наименьшего зла. Позже узаконить в леспромхозе всё это. Понимаете?
— Та же мучка, да другие ручки, — немного повеселел старик.
— Без опытного проводника не обойтись, — признался инженер, хитро прищурившись.

Он поправил разметавшиеся тёмные волосы с ранней проседью, улыбнулся глазами.
— Чую, куда узу забрасываешь. Не клюну… — немного помедлив, Дозморов добавил: — Отпрыгал я своё. Спина не сдюжит, да и ноги по ровной дороге уже спотыкаются.
— Жалко, — вздохнул инженер.
— Найдём проводника дюжего, — успокоил Дозморов. — Степан вон не выболелся. Всё равно по деревне шевяки пинает, лагуны с брагой вынюхивает.
— Лады… — согласился Сизов.

В трубе свистел ветер. Он перебирал за окном провода — они звенели, как струны гитары. Поскрипывали на шарнирах ставни. Сумерки подкрадывались к горенке. В печке, сделанной из толстого железа, задорно играл огонь, искрами отплёвывались смолистые дрова. Живые угольки, как стрижи из приярья, вылетали из круглых отверстий, просверленных в дверке, падали на железный лист, прибитый у топки.

В избе тепло и уютно. Сизов, поглядывая на огонь, думал, что вот так же бушует его жизнь: в работе, заботах, полётах… Для чего он себя истязает? Не лучше ли завернуть в тихую заводь, раствориться, затеряться, чтобы ни от кого не зависеть, ни перед кем не кланяться? Но сердцем понимал: нельзя оставлять начатое дело по охране лесов.

Никогда леспромхозы этим не занимались. Им до лампочки, что останется после них. Настаивал: в старых лесосеках надо должным образом заняться восстановительными работами. Кроме директора лесхоза Железовского, никто не поддерживает. В леспромхозе недовольно отмахиваются. Но, как бы то ни было, перед свиньями не буду метать бисер, твёрдо решил Сизов.

Степан заметно хмелел. Разгладив большой ладонью бороду, коснулся рукой плеча инженера.

— Эх, жись-житуха, понимашь ли! С какой стороны ни крути, всюду худо. А, анжинер?

— Дай с человеком поговорить, — резко оборвал его старик. — Одно у тебя на уме…

— Не троньте его, Захар Моисеевич. Пусть выговорится, легче станет, — улыбнулся Сизов, глотнув из кружки.

Старик вышел на кухню, стал зажигать керосиновую лампу. Аркадий, уронив голову на спинку дивана, дремал, Володя, придвинувшись к окну, листал охотничий журнал. Мутный свет с улицы слабо пробивался в окно.

Вечерело.

Степан, заручившись вниманием гостя, продолжал:

— Вот говорю я: вещует сердце Как барометр чует погоду, так и оно — завтрашний день. Всё подскажет. Ждал я гостей, понимашь ли. Да-а-а. Последнее время поджидал кого-то. Будто они помогут мне начать всё сызнова, понимашь ли.

— Откуда гостя-то?

— Не знаю… Ждал, и всё. И дурак, что не веришь. Сердце, оно, понимашь ли, всё чувствует. Да-а-а… Горе у тебя будет, радость ли — всё подскажет. Не может быть? Может, анжинер, может. Бывало, из дома носа не высунешь. Непогодье другой раз почище этого. С бабой токо и балушься… Хи-хи-хи… Правда, Зойка у меня ляглив ая, брыкатся, как молодая. Ни с заду к ней, ни с переду. Такая, понимашь ли, баба на свет уродилась. Дух захватыват другой раз. Но я ж с понятием мужик. Любовь ей подавай. Да что тако любовь? Скажи, ты же грамотный. Так я про сердце… Ноет оно порой и ноет, как при ревматизме, понимашь ли. В тайгу зовёт…

— Испытал?

— Как же!.. День мучусь, другой, а оно рвётся в клочья, кровью обливатся. Да-а-а… Турнёт баба в тайгу чуть свет. Глядишь, к вечеру соболишку принёс, а то и другого. Кто фарт подсунул, скажи? Не верь вот после этого.

Дозморов поставил лампу на середину стола. Она слабо уронила тусклый свет вокруг себя и чуть дальше высветила избу. Старик сел на своё место. Его раздражала пустая болтовня Степана.

— Не знаю, что с народом у нас в деревне случилось. Будто мертвечиной понесло. Каждый в свой угол норовит забиться. Раньше концертишки мало-мальски сколачивали, в гости друг к другу ходили. Теперь двери клуба досками забиты, про кино забыли, школу прикрывают. Дожили. Уколы людям Мотька-уборщица ставит.

— Никто не помер, — вставил Степан.

Его руки не находили места. Он залпом выпростал пару кружек медовухи, опершись руками о столешницу, пытаясь подняться.

— Не померли, так помрут, не дай Бог, — вспылил Дозморов. — Наш доктор Мотька всадит конскую иглу в заднее место, а вытаскивать мужика кличет. По санзаданию врачи прилетают, когда уж шибко приспичит. Коммерсанты вот сопливые объявились, возят спиртишко. Вот и Стёпка, образина непутёвая, рад нализаться лишний раз.

— Тебе, чё ль, на лапу наступил? — огрызнулся Степан

— Разговор не о тебе. Живица не нужна стала — закрыли участок. Про людей забыли. Промышляет каждый, кто как может. Одни в тайге в закрытые сроки постреливают, другие — рыбёшку мелкой ячеёй черпают, третьи — ягоду ещё зелёную берут. Во как! А ещё пьют. На что, спрашивается?

— Не на твоё же, — снова недовольно буркнул Степан.

— Помолчи… Неделями не просыхаешь. В верхах-то о чём думают?

— О себе пекутся. Депутаты считают, что песня «Раньше думай о Родине, а потом о себе» устарела…

— Зойка в город собралась, — перебил Сизова Степан. — Хошь на себе ташши, понимашь ли. Пристала, как репей. Возьмёте? — вдруг упавшим голосом попросил Степан.

— Верно. Не на чем выехать. Старуха моя после покоса укатила к внучатам. Не знаю, как добывать её домой стану. Не откажите Степану. Он правду говорит, в город Зойке надо, — попросил Дозморов.

— Пара соболишек с меня.

— Сиди ты со своими соболишками, — вспыхнул Сизов и отвернулся к окну.

На улице расходилась ночь. Отчаянно хлестали по стеклу ветки берёзы.

Дозморов поднялся, пошёл к рукомойнику, взял ведро с помоями, стукнул дверью.

«И у него Зоя…»—пронеслось у Сизова в голове.

Далёкое и дорогое придвинулось, очутилось рядом. Сердце тронула грусть, налетела, сжала до боли. Будто вчера была весна, хмельная, душистая, с мохнатой вербой, душистой черёмухой.

Чистые, ясные глаза Зои. Будто вчера это было. Раздольно разлилась Кеть. Вон и школа покосившаяся стоит ещё, убегают улочки кривые под угор. Зоя…

Ему стало душно. В горле пересохло, хмеля как не бывало.

Медленно поднялся, вышел на улицу. Хмурый предзимний день угас. Над деревней густо кружил снег.

Сизов на ощупь вынул из кармана сигарету, закурил. Привалившись плечом к палисаднику, поглядывая на пушистый снег, нервно глотал едкий дым, глубоко, взатяжку. Вспомнилось, с каким трудом ему пришлось выбивать вертолёт. Хоть и сто́ит он больших денег, но подкатила нелёгкая пора лесных пожаров: горел Сым, горела тайга в районе Назимово. Краевой администрацией Енисейский район был зачислен в число чрезвычайных. Местный аэропорт еле сводил концы с концами. До этого лётчики мучились от безделья в ожидании работы. Мало стало заказчиков на дорогое удовольствие. Безденежье, как холера, расползалась по енисейским предприятиям. Прошла летняя горячка, кончились дотации из бюджета на «чрезвычайку», и теперь не на что купить керосина. Разгул, развал, произвол царят повсюду.

Сизов живо представил тучного седовласого начальника отдела перевозок авиапредприятия. Он машет короткими руками: «Нет, нет, милейший… Лучше не проси сегодня. Не мешай работать». И Кузнецов, директор леспромхоза, рядом. Его напутственные слова запали в душу: «За каждый час бестолковой работы или простоя вертолёта буду строго наказывать, привлекать к ответственности».

Что он подразумевал под «толковой» работой? Простой машины—другое дело. Как можно назвать работу по исследованию лесных массивов «толковой» или «бестолковой»? Время рассудит, расставит всё на свои места: найдены ли подходящие леса, или все усилия потрачены попусту.

Вот выстроятся на площадках штабеля высокосортного экспортного леса, отыщется надёжный потребитель, появятся на счёте леспромхоза в банке деньги, чтобы дальше крутиться без долгов, вот тогда можно с облегчением вздохнуть и ответить про себя: поработал «толково».

Сизова приводило в беспокойство и то, что каждый раз ему приходилось доказывать начальству прописные истины: весь сложный технологический процесс работы леспромхоза начинается с поисков, утверждения их в жизнь. Конечно, любое дело не обходится без ошибок.

Теперь проблема поиска для Сизова стала главной, но в ней тоже есть свои закавыки: надо подобрать леса спелые или перестойные, чтобы сохранить молодые. При всей сложности дел, при, казалось бы, неразрешимой ситуации ни в коей мере нельзя трогать кедрачи.

Ветер разгулялся, и снег сплошной стеной стоял перед глазами у Сизова Кто-то будто позвал его раз, другой, тихо так, знакомо. Сизов нервно бросил недокуренную сигарету, подумал: нервы. Сколько можно рвать сердце попусту? Здесь, в деревне, да ещё в такую погоду, проблем производственных ему не решить однозначно. Зоя? Зоя далеко где-то, наверное, и забыла про него вовсе. А может, помнит, что был вот такой Андрюшка, бойкий деревенский паренёк, предводитель ватаги ребячьей. Успокойся, Сизов, приди в себя и занимайся своим главным делом, упрекнул он себя.

— Андрюша…

Голос позвал снова. Её это голос, разве его забудешь!

Сизов сжал руками виски, тряхнул головой, желая освободиться от наваждения. «Верно говорят знающие люди, что после медовухи голова и ноги чужими делаются. Слуховые галлюцинации начались»,—горько улыбнулся он своим мыслям и повернулся вполоборота к воротам.

— Не узнал?

Пламя охватило щёки, тело прошила острая искра, саданула в голову и ноги, больно, точно шилом, воткнулась в сердце.

Завернувшись в полушалок, у другого конца палисада стояла Зоя. Но даже в сумерках Сизов смог разглядеть её бледное лицо.

— Что за наваждение!—тряхнул головой Сизов.

Он снял и протёр очки. А когда надел их, то снова увидел тёмное, неясное лицо.

Отвернувшись, снова достал сигарету и, прикуривая, подумал: кто-то злую шутку собирается с ним сыграть. Ходит же легенда в народе, что в такой ветер черти свадьбу правят. Могут утащить за собой или ещё хуже—в петлю сунут.

— Дура. Ой дура! В окно тебя увидела,—шептала Зоя и вдруг отвернулась и пошла от палисада.

— Погоди, Зоя!—вдруг спохватился Сизов, приходя в себя. Он схватил её за плечи.—Зоя, ты?!

— Прости меня,—слабо пыталась она освободиться от цепких рук Сизова.—Не смогла… в окно увидела.

— Постой же… Зоя!

— Муж сейчас выйдет! Пусти, пойду я.

— Какой муж?—удивился Сизов, не понимая.

— Законный…—выдохнула Зоя и канула в ночь.

За спиной Сизова скрипнула дверь. Затем громко стукнули калитка. Покачиваясь, из ограды вывалился Степан. Сизова охватило отчаяние.

Опустив руки, стоял он в растерянности, не зная, что делать. «Муж, муж…»—кружилось в голове.

— Ну чё пялишься, анжинер? Не узнал?

Степан едва стоял на ногах. Его качало из стороны в сторону, как скрипучий кедр в ветряную погоду. Вот его невидимой силой потянуло от ворот, и он, сильно наклонившись вперёд, распростёрши руки, вылетел на Сизова. Тот не удержался, и оба упали на скамью. Она треснула, закачалась. Сизов, ткнувшись о щетинистый подбородок пьяного, повалился на землю, но быстро вскочил на ноги. Степан на четвереньках штурмовал головой неподатливый палисад, шаркал о снег осклизшими подошвами сапог. Затем, цепко ухватившись руками за штакетник, попытался подняться, но снова ничком ткнулся в снег, в кровь разбив губы и нос.

Наконец Степан с трудом приподнялся и, навалившись спиной на штакетник, глухо выдавил потолстевшим языком:

— Ишшо по одной, друг, за знакомство…

— Мотай домой,—нервно ответил Сизов, обдумывая создавшееся положение.

Степан, ухватившись за рукав энцефалитки, потянул его к себе.

— Пойдём, а?

— Будет… Твоими бы руками молотом в кузне, а ты за кружку,—упрекнул Сизов.—Топай давай.

— Ко мне пошли. Угошшаю,—корячился Степан, широко расставив ноги.

— Ну навязался… Давай отведу. Куда тебе?

— На-а-апротив,—еле выдавил Степан, безвольно упав на лавку.

Сизов, закинув руки пьяного себе на плечи, приподняв его, медленно повёл через дорогу.

Шарахаясь, прошли тёмные сени с прогибающимися полами, одолели порог, ввалились в дом.

Небольшой квадратный столик в углу. На нём чадит фитилём лампа. Прибранная горенка с тёмными углами, аккуратненькая кухонька—два шага вперёд и в сторону, слева спаленка, беленькая такая, прибранная, у порога другая койка, поскромнее.

На шум из спаленки вышла женщина и, зажав рот рукой, чтобы не вскрикнуть, растерянно стояла посреди избы, бледная, с широко раскрытыми глазами. Зоя!.. Сизова враз обдало жаром от мысли, что Зоя—жена Степана. Всё спуталось в его голове, дрожь в руках и во всём теле не унималась.

Степан посмотрел на жену, виновато скривился (опять, мол…), качнулся и, не раздеваясь, в сапогах, ничком рухнул на кровать у порога.

Зоя так и застыла посреди избы в цветастом лёгком халатике.

Сизов рванул застёжку энцефалитки—было душно, не хватало воздуха. И, не сказав ни слова, вышел на крылечко.

Ледяным ветром обдало лицо. Стало полегче. На небе мельтешила луна. Рваные тучи то закрывали её, то выбрасывали из глубины, и она слабо освещала землю.

У дозморовских ворот Зоя догнала Сизова, снова невидимкой выпорхнула из темноты, очутилась рядом.

Сизов не осознавал, что делал. Он молча притянул Зою к себе и стал целовать. Потом заговорил быстро, бессвязно, не подбирая слов. Его горячность передалась Зое, и она вся потянулась к нему, не сопротивляясь его порывам. Сердце гулко колотилось, готовое вырваться наружу, улететь.

Зоя не помнила, как они очутились на краю деревни. Только настораживающий писк мышей в стогу, которых она боялась с детства, леденящий осенний ветер на склоне угора разбудили её. Внизу, под горою, хлестались о берег волны. Они бились о приярье, брызгами разлетались по сторонам. Неумолкаемый шум переката доносился из-за поворота реки. В заводи вскрикнула потревоженная—наверное, последняя в этом году,—стая уток-чернетей.

Как сквозь сон она слышала ласковые завораживающие слова, которые плохо доходили до её сознания, но задевали теплом, задерживались внутри, всё больше расслабляя тело. Прикосновение крепких рук заставляло трепетать её как от сильного озноба.

Зоя не хотела ни о чём думать: где она, что с нею. А может, совсем не она здесь, на берегу, где хлещет в пологую стену стога ветер, беспрестанно идёт снег. И всё сыплет и сыплет сверху, будто стараясь спрятать их двоих от постороннего завистливого глаза.

Нежные прикосновения губ Андрея волновали её, тёплая волна поднялась по её ногам, подошла к сердцу, и комок, подкатившись к горлу, стал душить. Зоя с приглушённым стоном откинулась, едва шевеля губами:

— Андрюша, Андрюша…

Ещё некоторое время Зоя лежала в сладком забытьи, устало прикрыв глаза. Расслабляющая истома охватила всё тело, не хватало сил пошевелиться. Какое-то неясное желание пробуждалось в ней, чего она не испытывала совсем и не знала за годы супружеской жизни со Степаном. Только бережное прикосновение рук Андрея и тихий его голос привели её в себя. Она вздрогнула, пытаясь прогнать оцепенение, и, очнувшись, села рядом на тёплое, нагретое ими сено, глядя на него сквозь выступившие на глазах слёзы. Готовая вспорхнуть от счастья, она прижалась к нему, засмеялась тихо, почти беззвучно. И снова томно и радостно стало ей.

— Искал я тебя, Зоюшка. Столько лет искал,—торопливо начал он, снова притягивая её к себе.

— Не судьба, видно…

— Потерялись мы после школы, ты же поступать поехала. В армию не написала. Почему?
— Не знаю, жизнь закрутила. Да и обидел ты тогда меня своим недоверием. Ну что теперь, некого судить,— вздохнула она.
— Как здесь оказалась?
— После педучилища, по распределению. Тут вот и к Степану приклонилась. Сам знаешь — безродная я. Устала одна. После спохватилась, что натворила, да поздно. Куда убежишь? Обвыклась… Кукую теперь одинокой кукушкой при живом муже.

Зоя примолкла. Потом заговорила снова:
— Тебя всё ждала. Мечтала: приедешь — увезёшь… Встретила вот — голову потеряла.
— Приедешь — увезёшь,— вспыхнул Сизов и почувствовал, что получилось грубовато.— Летим со мной, Зоя?

Сказал — и обрадовался, и сам не поверил, как просто всё получилось.
— Поздно, Андрюша… поздно, милый.

Но он вдруг поверил в себя, в свои непомерные силы. Ему стало легко и хорошо. Но только шевельнулась мысль, что она может не согласиться. Он запальчиво стал говорить, старался убедить больше себя, чем её:
— Что было, то кануло. К чёртовой матери всё. Мы должны быть вместе, понимаешь? Вместе. Видишь, нас сама судьба сводит. Разве я думал, что нелётная погода и вынужденная посадка так помогут мне? Не смогу я больше без тебя, Зоя. Ты мне нужна. Я люблю тебя, Зоюшка. Всю жизнь люблю.

Сколько нежности, страсти было в его словах. Сизов и сам не подозревал, что способен на это.

Зоя обхватила его руками за шею, повалила на сено, стала целовать жадно, ненасытно. Её длинные волосы рассыпались, касались его щёк, щекотали шею. Затем она откинулась от него и, привалившись спиной к отвесной стене стога, засмеялась беззаботно, как в юности:
— Целоваться так и не научился…

Сизов потрогал в кармане раздавленные очки, смутился, покраснел:
— Я же говорю — тебя ждал.

…Светлело небо, отбеливался горизонт. На краю угора стали смутно проступать одинокие деревья. Холодом несло из низины. В травянистой курье всплеснула воду щука, гонявшая мелюзгу. В конце улицы залаяла собака, стукнули ворота. Но начинающаяся с рассветом жизнь в деревне и на реке совершенно не касалась их двоих. И то, что происходило здесь, на угоре, случилось вовсе не с ними. Это был сон. Обыкновенный короткий сон людей, уставших от жизни, которые всеми силами хоть ненадолго хотят продлить его.

Раздваивая успокоившуюся за ночь воду, под угором в верховья реки промчалась моторная лодка. Зоя будто очнулась, к ней возвращалась реальность.
— Вот и всё,— грустно сказала она.
— Деревня просыпается,— вздохнул Сизов.— Иди… Собирайся. Я ждать буду тебя.

Зоя кивнула головой, отряхнула с платья сено.
— Погибнет Стёпа. Он только мной и живёт. Давно бы уж под забором замёрз.
— Любит?
— Наверно…
— А ты?

Опустив голову, Зоя тихо сказала:
— Какая любовь, Андрюша? Разве была бы я здесь?

Сизов запальчиво заговорил:
— Я скажу ему обо всём. Должен понять. Не поймёт — всё равно увезу тебя.
— Не горячись… Не надо,— тихо попросила Зоя.— Пусть пока останется всё как было. Там видно будет… Нужна буду — позовёшь…
— Зоюшка…

Сизов обнял её за талию, притянул к себе. Она робко отстранилась и, низко опустив голову, медленно пошла в сторону деревни, не таясь, не прячась.

Сизов ринулся было за ней, остановился. Посмотрел на присмиревшую реку, на тёмную гряду леса за ней, на высветленное небо. Светлая полоска показалась на востоке. Она ширилась, росла. Восход копил силу. В мохнатых лапах осанистой пихты последние минуты доживал ветер.

Сизов с тревогой поглядывал в сторону деревни, заложив руки за спину, ходил вокруг вертолёта. Аркадий, нахмурившись, склонился над картой, водил по ней карандашом. Володя, позёвывая, скучал в машине. От вчерашней непогоды не осталось и следа. Над лесом поднималось солнце. Будто алмазами сверкала по всему простору заснеженная даль. В колках перекликались оставшиеся зимовать пичуги.

Мысленно Сизов вновь и вновь возвращался к Зое. И терпеливо ждал, надеясь, что она придёт, потому что он сильно этого хотел. Он как бы слышал её голос, трогал каштановые волосы, нежно брал за талию, тонкую, как у берёзки. И сама она пахла лесной земляникой, ароматной, душистой.

Сердце дрогнуло, когда он увидел тень в перелеске. Рванулся было с места, но вдруг как вкопанный остановился. К вертолёту медленно, вразвалку, шёл Степан, шёл тяжело, набычившись.

И напрямик к Сизову. Со свистом набрав полные лёгкие воздуха, с силой вытолкнул его обратно:
— Чё ждёшь? Лети…

Сизов понял сразу: там, в деревне, что-то произошло. Лицо у Степана припухшее, на щеках и на шее не то чтобы царапины, а чуть видимые розовые полоски.

Он больно прикусил губу, растерялся. Зои не было. Бежать ли в деревню, ждать ли её здесь?

— Ну что, летим? — нетерпеливо крикнул командир, включая двигатель.

Лопасти вертолёта дрогнули, медленно пошли по кругу, а через минуту уже стали хлёстко рубить воздух.

— Чё ждёшь? Не придёт она, — прохрипел Степан, наклонившись вперёд от сильного потока воздуха.

— А ты за нас не решай, — разозлился Сизов, придерживая рукой кепку, сделав шаг вперёд.

Степан замешкался, но, найдя силы, стукнул пудовым кулаком себя в грудь:

— Вот здесь горит. Добром прошу… Улетай.

— Без неё не полечу, — твёрдо ответил Сизов, в упор посмотрев на Степана подслеповатыми глазами.

Степан сорвался. Дохнув инженеру перегаром в лицо, крикнул:

— Сволочь ты… споил меня, а сам к бабе.

— Не понять тебе, иди проспись.

Степан взмахнул огромными руками, с силой потёр ладонь о ладонь, прошипел:

— Сотру… обоих. Тебя и шлюху.

Кровь шибанула в голову. Сизов ухватил Степана за ворот телогрейки:

— Где она?

Уверенность и настойчивость инженера на короткое время остановили пыл Степана. Он, приоткрыв рот, отвесил разбитые толстые губы.

— Я сам хотел объясниться с тобой, — почти шёпотом начал Сизов, приходя в себя. — Любовь у нас со школы ещё. Где тебе знать, что это такое?!

— Значит, не впервой ты с ней, — затрясло Степана. Он дёрнул большой головой, глаза налились злобой: — Убью!..

И пошёл на Сизова.

Они не слышали, как перестал работать вертолёт, очнулись лишь тогда, когда пилоты растащили их, окровавленных, по сторонам.

Энцефалитка Сизова лопнула по швам, застёжка болталась на груди, еле удерживаясь на одной нитке.

Степан вытирал рукавом разорванной рубахи разбитые губы, ненавидящими глазами смотрел на инженера. Рядом лежала втоптанная в грязь фуфайка.

— Пришибить тебя мало, сам жизни за водкой не видишь и другим не даёшь, — сквозь зубы процедил Сизов.

— Не твоё дело. Улетай от беды подальше.

— Сказал же: без Зои не полечу.

Откуда у Степана и взялась такая прыть? Одним прыжком оказавшись рядом с Сизовым, он так хлёстко огрел того кулаком в лицо, что инженер, нелепо взмахнув руками, упал. Обессилев от крепкого удара, от пережитого нервного потрясения, он полулежал на земле, отплёвываясь, вытирая разбитый нос. Потом приподнялся на четвереньки, выпрямился и двинулся на Степана.

Прямо над головой снова взлетел кулак-кувалда, и одновременно резанул уши женский крик:

— Степа-а-ан!

Отчаянный вскрик заставил оглянуться всех. К вертолёту бежала Зоя. В шляпке, в синем полупальто, маленьких игрушечных сапожках с высокой голяшкой, с небольшим чемоданом в руке.

Глаза Степана, казалось, вылезут из орбит, наливаясь кровью. Широкие плечи стали ещё шире. Он до скрежета стиснул зубы… Потом никто из стоящих рядом не смог объяснить, как всё произошло. Степан сделал шаг вперёд, наклонился, будто споткнувшись, нырнул рукой в голенище сапога, резко выпрямился.

Зоя не вскрикнула, не ойкнула. Ноги её подкосились, и она медленно опустилась на сырую землю. Шляпка откатилась к вертолёту, длинные волосы, растрепавшись, прикрыли бледное лицо.

Сразу крови не было. Лишь немного позже расползлась она тёмным пятном по притоптанной земле.

Большой охотничий нож с широким лезвием валялся рядом.

…Слабое солнце с трудом поднялось над макушками заречной тайги и там спряталось в тяжёлых рваных тучах. На деревню, на поляну, на вертолёт, на непокрытые опущенные головы людей, на лежащую на земле женщину всё сыпал и сыпал снег, густой, непроглядный…

Игорь Костиков, Михаил Тарковский

«Каждый писатель в одно прекрасное утро произносит слово „пора“»

Мы договаривались об интервью с Михаилом в те дни, когда жюри Патриаршей премии по литературе 2019 года включило его имя в короткий список претендентов. Темой нашего интервью должна была стать его работа над новой книгой, посвящённой бабушке писателя, Марии Ивановне Вишняковой, женщине, сыгравшей исключительную роль в судьбе трёх Тарковских: поэта Арсения, режиссёра Андрея и писателя Михаила. В своих произведениях Михаил не раз говорил, что именно Мария Ивановна открыла для него двери в храм. И вот 23 мая, в канун Дня славянской письменности, Михаил Тарковский объявлен лауреатом Патриаршей премии.

Награда

— Михаил, позвольте поздравить вас с присуждением высокого звания лауреата Патриаршей премии. Что значит для вас это звание? Можете сказать, какую роль играло православие в судьбе вашего рода в двадцатом веке?

— Думаю, что Патриаршая премия — первой руки награда сегодня. Конечно, это огромная честь и ответственность. Ну и… можно успокоиться по премиальной части. И работать.

По роли православной веры — могу ответить в ключе нынешней своей работы над книгой: предки бабушки Марии Ивановны были священниками в Калужской губернии, причём в нескольких поколениях. О её прадеде Гаврииле Петровиче вот что написано в послужном списке тысяча восемьсот тридцать третьего года: «Поведения отличного, доброго, в должности при всегдашнем усердии и деятельности всегда исправен и при всём очень благонадёжен». Россия по-настоящему была православной страной. Вторая моя бабушка, Мария Макаровна, когда я маленьким чертыхнулся, одёрнула меня: «Нельзя чёрта поминать». Даже в шестидесятые годы двадцатого века у выходцев из крестьянства представления о Боге и враге рода человеческого крепко сидели в крови.

Посвящение

— Кратко — в вашем очерке «Бабушкин внук», подробно — в «Осколках зеркала» Марины Арсеньевны Тарковской, вашей мамы, в кино — в бессмертном «Зеркале» Андрея Тарковского. Все эти произведения так или иначе посвящены вашей бабушке, Марии Вишняковой. Что заставляет вас сегодня снова обратиться к воспоминаниям о ней?

— О самой книге нельзя сказать, что она только о бабушке. Хотя посвящена именно ей — примерно так же, как и фильм «Замороженное время», но с той разницей, что в этой книге (дай Бог её написать) бабушки намного больше, чем в фильме. Обратился к этой теме вновь по простой причине — время подошло. *Каждый писатель в одно прекрасное утро произносит слово «пора»*. Пора написать о детстве. Это было и с Толстым, и с Буниным, и с Астафьевым. Только некоторые сразу разрешались этими воспоминаниями, а другие отодвигали время, и причины могли быть различными.

Книга, о которой идёт речь, называется «42-й до востребования». Она состоит из двух, что ли, основ, половин: первая — сборник рассказов о детстве, расположенных в хронологическом порядке; вторая — рассказ о бабушкиной доле, своеобразная даже её биография. В первой половине, естественно, образ бабушки тоже должен быть дан. Я так уверенно говорю: «дан», «состоит», — будто книга уже готова. К сожалению, это не так, и предстоит ещё большая работа.

— Каково это — писать воспоминания о близком человеке, имя и образ которого уже известны всему миру?

— Во-первых, я не думаю, что образ Марии Ивановны Вишняковой известен всему миру, — по-моему, это преувеличение; а во-вторых, мне не приходило в голову рассуждать с этой точки. Наоборот, бабушка моя мне казалась всегда полной противоположностью «знаменитым представителям» именно в плане своего положения в тени. Скромности, простоты. К тому же для меня бабушка — это *моя* бабушка, и это чувство собственности, чувство *нашего* с ней давало и даёт такое плотное поле, что всё остальное остаётся за межой.

— Так чтó значит в жизни для вас сегодня это имя: «моя бабушка Мария Ивановна Вишнякова»?

— Вопрос-то серьёзный. Мне долгое время бабушка снилась каждую ночь, я писал об этом в повести «Отдай моё». Конечно, просыпался под впечатлением, иногда даже душевно измученный… Теперь снится реже, и меня это беспокоит. Что она значит для меня? Ради этого книгу заварил целую. Вечный вопрос, вечная загадка: какая она была? Как жила? Почему я так мало о ней знаю? Конечно, и её душевное родство с моею матушкой… И что у меня маленький сын… И смотрит ли она на нас? Что чувствует? И эта вот его связь через меня с ней — тоже целый мир, целое дело. И, глядя на него, я будто гляжу на себя маленького бабушкиными глазами. В общем, отвечая на вопрос «что она значит сегодня»: и загадка, и боль, и жизнь, и исток. Да всё значит.

Круг

— Круг знакомых ваших деда и бабушки, Арсения Александровича и Марии Ивановны, — Сологуб, Бальмонт, Даниил Андреев, Маяковский. В родовом дереве Марии Ивановны среди столбовых дворян Дубасовых можно обнаружить фигуры исторические, такие, например, как адмирал Дубасов. Вы сами не могли бы выделить среди предков деда и бабушки три-четыре имени, особо значимых для истории вашего рода?

— Хочется ещё раз сказать, что в книге речь идёт именно о предках Марии Ивановны. В книге присутствует исторический, так сказать, архивный момент, так же как и история бабушкиных предков, каковые были дворянского происхождения по линии бабушкиной мамы, в то время как родова её по линии, как я уже говорил, отца происходила из династии священников, хотя сам отец её, Иван Иванович, был судьёй в двух достославных городах — Козельске и Малоярославце. Малоярославец славен премногим, в частности, следами французских ядер на воротах монастыря (напротив которого и жили Вишняковы), а с градом Козельском, я думаю, у всех нас связан образ «злого» города-героя, не сдававшегося Батыю и утопленного им в крови. Ну и, конечно же, города Скотопригоньевска из «Братьев Карамазовых», прототипом которого, естественно, и был Козельск, поскольку Оптина пустынь от него в четырёх верстах.

Что касается предков, то бабушке был духовно близок её дядя по отцу — Евгений Иванович Вишняков, или дядя Геня, который учился в Московском университете на филологическом факультете и, видимо, имел в бабушкиной жизни большое значение. Для меня целая отдельная история — бабушка Вера, бабушкина мать, моя прабабушка.

С Сологубом дед, Арсений Тарковский, виделся однажды, совсем юным, когда только приехал в столицу и пришёл к классику. Как своё время молодой Бунин пришёл к Толстому. А к Бунину — Валентин Катаев. Прикоснуться, прислониться, получить совет. Или благословение. Почему именно к Сологубу — я не знаю.

Про Бальмонта. Он жил в Шуе Ивановской губернии, и второй муж моей прабабушки Веры Николаевны, бабушкин отчим Николай Матвеевич Петров, студентом у него в дому учительствовал.

Мария и Арсений

— Мария Ивановна и Арсений Александрович расстались, когда их дети, Марина (то есть ваша мама Мария Арсеньевна Тарковская) и Андрей (режиссёр Андрей Тарковский) были маленькими. До вас дошли отголоски этого расставания?

— Конечно дошли, но задумываться об этом я стал уже подростком, в раннем детстве ты всё вокруг воспринимаешь как есть, и мне не приходил в голову сам вопрос: а почему бабушка одна живёт, без мужа?

— А уже вы — часто видели Марию Ивановну и Арсения Александровича вместе?

— Не часто, но были кое-какие запомнившиеся встречи.

Помню, когда дед сломал ребро, я уже был подростком, и мы с бабушкой поехали на выручку. Даже описал эту сцену в повести «Девятнадцать писем». Это не биографическое воспоминание, а скорее художественное размышление на тему…

«Дмитрий вспомнил своего деда, тоже ходившего на протезе.

Он ушёл от бабушки, когда матери было четыре года, и через некоторое время попытался вернуться в семью, но бабушка его не пустила. Тут началась война, он потерял ногу и вскоре женился на медсестре из полевого госпиталя. Мать время от времени возила маленького Дмитрия к дедушке, чья нога составляла главную загадку его детства. То он видел деда в двух стройных брючинах, в одинаковых блестящих ботинках, то на костылях с подвёрнутой штаниной. И потом, когда он понял, что дело в этой красноватой и лакированной, как плавунец, штуковине, загадка всё равно осталась и была теперь в том, как же дед пережил эту нестерпимую боль и нестерпимую жалость к своей отрезанной ноге. Потом, уже гораздо позже, когда жена-медсестра лежала в больнице, дед упал у себя дома и сломал два ребра. Мать работала, и они поехали с бабушкой, которая так больше и не вышла замуж. Дед лежал на полу рядом с телефоном и стонал. Они подняли его и усадили на стул. Он был в простых ситцевых трусах, из трусов торчала белая, как тесто, культя, и дед сидел на стуле и плакал. А бабушка говорила с ним странным негромким голосом, и Дмитрий безошибочным детским чутьём уловил между ней и дедом напряжение какой-то до предела сжатой пружины

длиной в целую жизнь—именно того единственного, что и имеет право называться любовью…»

Внук

—В детстве вы много хлопот доставляли бабушке?

—Хочется сказать «нет», но прекрасно понимаю, что доставлял—и упрямством, и неважнецкой учёбой; но с другой стороны, если б меня не было—наверное, и бабушкина жизнь была бы лишена чего-то… Я имею в виду, что забота даёт смысл, наполняет нашу жизнь, спасает от одиночества.

—Марина Арсеньевна и Андрей Арсеньевич получали от родителей разные прозвища—например, Мышик и Рыська. Вам бабушка дала какое-нибудь?

—Нет, у меня не было подобного прозвания. Я звался Мишкой.

—«Бедное, глупое детство»,—говорит в «Осколках зеркала», возможно, с грустной иронией, о своём детстве ваша мама Марина Арсеньевна. Вы своё назвали бы по-другому?

—Конечно! Какое-то заворожённое пространство… окутанное такой тайной и притяжением, что я долго не мог к нему прикоснуться. Конечно, у нас не было войны, голода, эвакуации, поэтому мне легко говорить про своё заворожённое состояние. Послевоенная пора была счастливой передышкой для нашего народа.

Коренная Россия

—Юрьевец, Козельск, Завражье… Вам не кажется, что Москва, как магнит вытягивающая население из малых городов, их просто отменила? Важнейший слой русской культуры, формировавшийся здесь, перестал плодоносить. И ваши с бабушкой постоянные поездки по городам и весям были её долгим прощанием—с той, старой, уходящей Россией?

—Я почему-то не думал с этой стороны—с точки зрения вытягивания… Наверное, для бабушки это было и жизнью, и прощаньем, и потребностью—поделиться с внуком, а может, и передать ключи… Но, по-моему, никто ничего не отменял, и сейчас старинные те места ещё больше излучают древней силы. А в Оптину со всей страны люди едут. Когда там бываешь, то силу земли ощущаешь гораздо сильней, чем в Москве, где урбанистический и транснациональный фон настолько заутюживает очаги чего-либо старинного, древле-живого, что выйти на них и припасть—отдельная работа.

Тоска

—Вспоминается также ваш рассказ о том, как ещё в молодости вы с приятелем-шотландцем приехали глубокой осенью в Игнатьево, на место съёмок «Зеркала», выпили там, вы вспомнили, как подростком жили вместе с бабушкой на съёмках фильма… Ностальгия вам свойственна? Как вы считаете: это действительно черта русского характера?

—Не сказать, что меня восхищает это слово («ностальгия»). Не совсем понимаю нужду его вводить для замены уже существующего и весьма точного русского слова «тоска». Тоска—по пережитому, по переживаемому. Разве что для экономии слов… Достоевский в начале «Подростка» обранивается о сочинителе, одержимом «тоской по текущему»,—она, несомненно, является одним из главных условий существования художника, его формирования. Если честно, я не был в шкуре иностранца, поэтому не знаю, насколько они подвержены тоске. Допускаю, что тоска—свойство многих людей, но при этом русская тоска по Родине—это штука совершенно особая и вряд ли на что похожая. Опять же удивительно, как именно русские дерут порой за границу, будто не боятся себя. Может, ностальгия не у каждого в душе сидит? В общем, не знаю.

О тоске у меня—имею в виду тоску саму по себе, будто беспричинную: помню, наваливалась в детстве, и я на неё обращал внимание, подпадал под чары, а потом пошла жизнь, и я понял, что есть поважней вещи. А с другой стороны, она (тоска эта самая) настолько привыкла входить без стука, что я её моментально беру в оборот и приспосабливаю к делу (сочинительскому), что ей проще носу не казать.

Имена

—Кого из знакомых или известных людей бабушка ставила вам в пример?

—Своего сына Андрея ставила, но только не впрямую, а путём постоянных рассказов-воспоминаний о том, каким он был мальчишкой: как он хорошо пел, как запоминал мелодии с первого раза, какой был на все руки способный, как всем интересовался. Так порой хвалила, что я полным дуралеем себя чувствовал, но, слава Богу, не страдал ущемлением самолюбия и не переживал—жить было слишком интересно. Или рассказ о том, как Андрей Рублёв шарахнул о стену кусок глины, не в силах писать Страшный суд. Шарахнул (она показывает размашисто рукой). И всё! Без объяснений. Просто—называньем. Раз уж о Рублёве—просто говорила: «Троица»,—как будто этого было достаточно, будто вбивала репер в душу: мол, смотри—я тут поставила бакен, потом разберёшься. У неё отсутствовала способность к пространным рассуждениям, раскрыванию смыслов. Она лишь обозначала направления.

А о людях-примерах—вообще солдаты, которые терпят. Суворов—это в случае прищемлённого

дверью пальца и моего воя, или когда пить охота. Кутузов, конечно же. Из писателей ей почему-то ещё и Горький нравился, не знаю только насколько. В Горьком-городе ходили в музей, когда путешествовали на пароходе по Волге.

— Вообще, был у Марии Ивановны любимый автор? В чём ваши литературные пристрастия расходились или расходятся сейчас?

— Пушкин, Толстой, Достоевский. Но, повторюсь, она не делала заявлений навроде: «Толстого я очень люблю». Она рассказывала о его героях, сначала, допустим, просто произносила имя, забивала образ, а потом могла пересказать кусочек сюжета. Наверное, само называние предполагало её расположение и к автору, и к героям. А герои книг были для неё старинные и абсолютно живые знакомые: Каратаев, князь Андрей, княжна Марья, Алёша Карамазов, старец Зосима. При этом она могла также умиляться каким-нибудь Дарреллом и его юморком, хотя, я думаю, внутри себя она понимала, кто чего стоит. Вообще, у неё не было границ, как у нас, — такого жёсткого и священного деления на русское — не русское, своё — не своё, какое бывает, когда крепко прижмёт враг и живёшь будто в оккупации. Тогда и русское, и советское семейно-многонациональное не находилось под таким ударом, как теперь, и они были дома и из его уюта позволяли себе интересоваться всем земным шариком. А может быть, сказывалось унаследованное отношение — такое… что ли, русский вселенский подход к культуре, о котором писали Достоевский и Блок. Да, в принципе, всё это одно и то же.

В шкале её ценностей главным было *упоминание* — эта забивка сваи, о которой я давеча говорил. Сваи были двух типов: сваи-имена — и сваи-книги, сваи-стихотворения. Сваями-именами были — Блок, Гумилёв, Толстой. Сваями-стихотворениями — «Дай, Джим, на счастье лапу мне…», «Белеет парус одинокий…», «Люблю грозу в начале мая…», «Ещё бокалов жажда просит…».

Совершенно не упоминала Бунина. Как будто его не было, хотя в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году уже вышел пятитомник. А насчёт несогласий с её пристрастиями… Сказать сложно. Она читала и давала мне читать огромное количество разной, даже, скажем, разносортной литературы. И образовательной, и переводной, и всякой-разной. Но мне сейчас трудно сказать о её истинном отношении к той или иной беллетристике.

Крещение

— Вашего дядю, Андрея Тарковского, родители крестили в православие вскоре после его рождения, в храме Рождества Богородицы в Завражье. Вы крестились самостоятельно, в православном храме Вильнюса, уже взрослым, женатым человеком. Можно сказать, почему этого не случилось в детстве?

— В детстве как-то вопрос не стоял… И я не знаю, почему бабушка меня не крестила… Скорее всего, в моё время уже общий фон не тот сделался. Примеров не было… а тогда ещё прабабушка Вера жива была. Ну да, никто и не повёл меня крестить… Может, это сложно было… А может, Господь Бог сам так управил — чтоб человек пошёл в храм осознанно. Когда подрос, и обозначился-вызрел круг представлений о мироустройстве. («Уважаемые пассажиры, наш самолёт набрал заданную высоту, можно расстегнуть привязные ремни и задуматься о главном…») Во многом, и даже в основном, круг этот был сформирован русской литературой, общим духом прежней жизни, образом русского человека именно как человека православного. И представлением о служении России именно в этом образе. И необходимостью принять эстафету. Хотя и окружающие люди тоже повлияли, конечно же. Да и походы в церковь с бабушкой.

Времена

— Не замечали, Мария Ивановна разделяла времена своей жизни на «хорошие» и «плохие», вспоминала какую-нибудь пору как самую важную или самую счастливую для себя?

— На плохие-хорошие — не знаю. Она никогда не жаловалась. Не рассуждала, не обобщала. Были обиды на людей… А по счастливой поре — возможно, это пора её жизни на Волге, уже взрослеющей, в последних классах школы.

— Вспомнить энтузиазм и жажду обновления, которые охватили значительную часть населения после революций тысяча девятьсот семнадцатого и Гражданской войны, и — разброд, шатание и апатию, постигшие нас после относительно мирного переворота тысяча девятьсот девяносто первого и распада Союза. Не думаете, что это очень похоже на завязку одной истории в тысяча девятьсот семнадцатом и её развязку в тысяча девятьсот девяносто первом? Истории, которая по завязке почти совпала с вхождением в жизнь ваших деда и бабушки?

— Мне кажется, чего-чего, а апатии не было в девяностых, были надежды, разочарования, но ярость и тугота выживания были настолько сильными, что с апатией были несовместимы… Была надежда на народное разрешение картины — за счёт энтузиазма, смекалки, трудолюбия. Про города не берусь судить, там было по-другому, но именно мы в те годы занимались освоением тайги, а кое-кто и освоением литературной тайги, поэтому никак не могу назвать апатичной ту пору, наверняка более жестокую в остальной, городской

России, чем в тайге… Эх, было наивное ощущение, что справимся сами, только не мешайте, не суйте несуразицу, а помогайте тем-то, тем-то, разумным. нужным. Ради нас, не ради себя… И, конечно же, была ещё и гордость за эту брошенность; наверное, в «Гостинице „Океан“» это ощущение… прописано.

А потом открылась сущность буржуазного переворота… Да, более, конечно, мирного, чем та революция, но обернувшегося скидыванием с корабля современности всей русской истории, уже и православно-самодержавной, и социалистической. Причём таким, я бы сказал, сподтишковым ползучим способом. При хороших вроде бы словах даже о патриотизме, но параллельном пересмотре вековечных основ. Вот, например, что любой школьник может в свободном доступе нарыть на экранчике телефона: «Энциклопедия юриста: „*Свобода совести—это свобода морально-этических воззрений человека (т. е. что считать добром и злом, добродетелью или подлостью, хорошим или плохим поступком, честным или бесчестным поведением и т. д.)*“». Ребят, это, без смеха, написано на третьей или второй позиции, как только наберёшь словосочетание «свобода совести». Вопрос задал мой сын—в школьной программе есть такая тема.

Поэтому, конечно, есть общее и в той революции, и в этой, за исключением одного важного момента: та революция совершалась во имя трудового народа. А эта во имя кого? Трудовой народ нынче с повестки дня вы-ки-нут.

Свет и любовь

— И всё-таки: один, для вас самый светлый и памятный, день, проведённый с бабушкой—можно назвать такой?

— Неохота, конечно, отнимать от книги раньше времени… Поход за грибами, когда я уже по-взрослому с ней соревновался… Ну и, конечно, Пасха в Новодевичьем и в Лавре в Ленинграде.

— В этом году исполняется сорок лет с того дня, как Мария Ивановна ушла из жизни. О чём вы спросили бы Марию Ивановну сегодня?

— Сокровенный вопрос. Сначала ломал голову… Потом перестал. Вот вопрос: чувствует ли она, как я её люблю.

ДиН симметрия

Павел Антокольский

Последний

Над роком. Над рокотом траурных маршей.
    Над конским затравленным скоком.
Когда ж это было, что призрак монарший
    Расстрелян и в землю закопан?

Где чёрный орёл на штандарте летучем
    В огнях черноморской эскадры?
Опущен штандарт, и под чёрную тучу
    Наш красный петух будет задран.

Когда гренадеры в мохнатых папахах
    Шагали—ты помнишь их ропот?
Ты помнишь, что был он как пороха запах
    И как «на краул» пол-Европы?

Ты помнишь ту осень под музыку ливней?
    То шли эшелоны к границам.
Та осень! Лишь выдыхи маршей росли в ней
    И встали столбом над гранитом.

Под занавес ливней заливистых проседь
    Закрыла военный театр.
Лишь стаям вороньим под занавес бросить
    Осталось: «Прощай, император!»

Осенние рощи ему салютуют
    Свистящими саблями сучьев.
И слышит он, слышит стрельбу холостую
    Всех вахту ночную несущих.

То он, идиот, подсудимый, носимый
    По серым низинам и взгорьям,
От чёрной Ходынки до жёлтой Цусимы,
    С молебном, гармоникой, горем…

На пир, на расправу, без права на милость,
    В сорвавшийся крутень столетья
Он с мальчиком мчится.
    А лошадь взмолилась,
    Как видно, пора околеть ей.

Зафыркала, искры по слякоти сея,
    Храпит ошалевшая лошадь…
. . . .
— Отец, мы доехали? Где мы?—В России.
    Мы в землю зарыты, Алёша.

1919

Виталий Молчанов

Никандрова пустынь

1.

Скинь суету на ходу, на бегу, на лету,
Лямки проблем упадут, и расправятся плечи.
Ближе к обеду затеплятся в трапезной печи,
Странникам Божьим насущную грея еду.

Тонкие жерди — елового царства мостки —
Между ключами целебными хвойные смычки.
Жизнь прогорает мгновенно, подобная спичке,
Мысли живут, к небесам устремляя ростки.

В шаге от гати уходит земля из-под ног,
Топкое место прикрыто охапкой иголок,
Щедрой черники откинь зеленеющий полог —
Словно роса потемневшая спрятана впрок.

Сосны качают на мощных корнях валуны,
Мохом подбитые, будто стрелецкие шапки.
Помнят они, как бежали домой без оглядки
Битые крепко под Псковом лихие паны.

Скинь суету за порогом, войди в монастырь,
Именем светлым Никандра в миру наречённый.
Мысли монахов белы, одеяния чёрны —
Каждый из них нашей Веры Святой поводырь.

Выпей воды ключевой леденящий глоток
В древнем краю заповедном, не знающем скверны.
Вспомни, кто спичку зажёг вдруг движением верным,
В складки хламиды заветный убрав коробок…

2.

На дубах резные листья в клочья рвут сырой туман,
У ватажки ловкость крысья — шмыг к лачужке сквозь бурьян.
В дверь — плечом, дубинки — в дело: «Отдавай добро, старик!»
…Солнце в ранний час не грело, был истошен птичий крик.

Не прогнать врага ветвями, зря стараетесь, дубы,
Топчут, подлые, ногами, кровь струится из губы.
Волокут наружу книги, совлекают образа,
Лишь звенят в ответ вериги, застит белый свет слеза.

Нет отшельнику заступы — вчетвером на одного.
Вострубите, Божьи трубы, возгласите гнев Его!..
— Книги ценности великой, оторвём немалый куш, —
В Псков брели чащобой дикой тати человечьих душ.

— Нам коней бы за иконы да булатные мечи,
А монах пусть бьёт поклоны пред мерцанием свечи…
День прошёл, подкрался вечер, в град пути не отыскать.
— Вправо, влево, чёт ли нечет? Бесы кружат,—молвил тать.

Между Порховым и Псковом, у Демьянки у реки,
Злая брань, до хрипа споры—волком смотрят мужики.
Двое требуют вернуться и покаяться в грехах,
Им в ответ:
— Тут с чаем блюдце—мелко, позабудьте страх!

Парой в омут сиганули, звёзды смыв крутой волной,
Всплыли пузыри, как дули, под краснеющей луной…
Поутру явились воры возвращать добро назад.
Ни проклятья, ни укора. У Никандра добрый взгляд.

Татям он простил обиды, осенил Святым Крестом.
Солнце греет, гнёзда свиты, шевелит резным листом
На ветвях спокойный ветер, наступила благодать—
Две души заблудших эти стали Бога почитать.

3.

Смотрит малютка Никон[1]—ласточки в небе пляшут,
В поисках пищи сущей вечное их круженье,
Крылышками сбивают воздух в тугую пряжу,
Ткут мимолётный ветер с тщанием и терпеньем.

Прямо под кровлей храма, слепленные на диво,
Тесно друг к другу жмутся гнёздышки-невелички.
Божьему слову внемля, носят корм торопливо
Птенчикам желторотым долгими днями птички.

«Вот бы и мне, ребёнку, гнёздышко свить на храме,
Ласточкой обернувшись… Певчих бы вечно слушал
И пред иконой древней в тяжкой дубовой раме
Вымолил бы прощенье всем неспасённым душам!»—

Думал малютка Никон, взор устремляя к Богу…
— Вот и сбылись мечтанья!—молвил Никандр-отшельник.—
Выстроил я лачугу, Божью приняв подмогу,
Будет гнездом надёжным вырванный с корнем ельник.

Ласточкой быстрокрылой станет моя молитва,
Низко кладу поклоны с тщанием и терпеньем…
«Здесь обретёшь покой ты, праведна с бесами битва»,—
Было явлено ночью Божие мне знаменье!

Смотрит малютка Никон—ласточки в небе пляшут.
Видит Никандр—молитвы в Божьи спешат десницы,
Крылышками взбивают воздух в тугую пряжу,
С ветром несут спасенье братии и сестрицам.

1. Преподобный Никандр получил в святом крещении имя Никон.

4.

Льёт из тучи, точит камень и не держится в горстях,
Влага жизни сохнет, парень, на предельных скоростях.
Присмотрись, не сразу кушай: вдруг червяк испортил плод?
Говорят, что в грешных душах бесы водят хоровод.

Пусть печаль смывают слёзы, пыль—весенние дожди.
Жарким днём мешают грозы, ночью пред иконой бди,
Возноси молитву Богу выше сосен, дальше гор…
Временами бей тревогу—бесы прут, как пот из пор.

Утлых стен трясутся ветви, наступают глад и хлад.
Прочь гони, ничуть не медли, возвращай отребье в ад!
Бей распятием наотмашь, на соблазны не ведись,
Тешит в каждом слабость чёрт наш, ядом отравляя жизнь.

Превратился бес в красотку и в забытый кошелёк,
Лил вино слюнтяю в глотку, лести бросил уголёк,
Раздувая до пожара злой гордыни миражи…
Хороводит бес недаром—ради праведной души.

На отшельника Никандра наскочил дурной медведь.
Бес в него вцепился жадно, думал страхом одолеть.
Но креста живого сила обратила беса вспять,
И медведь, как цуцик милый, стал монаху длань лизать.

Лейся, дождь, дырявя камни, смой нечистое с пути.
В монастырских стенах парни молят: «Господи, прости!»
Отвернётся вражье племя, и червя исторгнет плод,
В скоростное наше время Вера бесов изведёт.

Д*и*Н симметрия

Аделаида Герцык

Иконе Скоропослушнице в храме Николы Явленного в Москве

В любимом Храме моя Заступница сбирает всех.
Толпятся люди и к плитам каменным с тоскою льнут.
Чуть дышат свечи из воска тёмного. Прохлада, муть.
«Уж чаша наша вся переполнена и силы нет,
Скорей, скорей, Скоропослушница, яви нам свет!
От бед избавь, хоть луч спасения дай увидать!»
С печалью кроткою глядит таинственно Святая Мать.
И мне оттуда терпеньем светится пречистый взгляд,
Ей всё открыто: ключи от Царства в руке дрожат.
Лишь станет можно—откроет двери нам в тот самый час.
О сбереги себя, Скоропослушница, для горьких нас.

1919

к 70-летию

Евгений Минин

Иерусалимские дожди

Пасхальные дожди

Пасхальные дожди в святом Ерусалиме,
Из бурых облаков наброшенный талит,
И в каждом чужаке, в бродячем пилигриме
Всевышний в этот миг надежду затаит,
Что будет взмах руки, что белая ослица
С молчащим седоком найдёт дорогу в храм.
Пасхальные дожди…
Так будем веселиться
И радоваться вслух Всевышнего дарам.

Израильский дождик

Израильский дождик—небесная манна,
Прохладно ночами, а утром туманно,
И свежая лужа лежит, лужебока,
И думает, что она—зеркальце Бога.
Так просто воде стать водою святою,
Когда она в каждом селенье желанна,
И кажется прочее всё—суетою…
Израильский дождик—небесная манна.

Дождик зимний

Дождь декабрьский—он не грустный,
Льётся из последних сил,
Словно бы экзамен устный:
Отболтал—и позабыл.
Дождик странный, дождик зимний,
Добрый спутник птичьих стай,
Младший брат январских ливней,
Не стесняйся—подрастай!

Ливень

По улицам ливень, шатаясь, идёт,
как пьяная в дупель шпана.
И мне не свернуть в переулочек тот,
где спрячет в себе тишина.
Спасения нету—беги не беги,
стою, прижимаясь к стене,
но Бог положил коромысло дуги
уже на плечо в вышине…

• • •

Этот дождик ночной одурел не на шутку,
Он по улицам катится валко и шатко.
И не скажешь ему: «Тормозни на минутку».
И за вожжи не взять, да и дождь—не лошадка.
Ах ты, дождик февральский—холодная влага,
Поливай-поливай, чтоб полней был Кинерет.
И меня согревает шотландская брага,
А скажу, что не пью,—так никто не поверит…

Зимние дожди

Зимнее солнце уже ненадёжно,
тучи по хмурому небу бредут,
и без зонта выходить невозможно—
дождь за спиной притаился, как Брут.
Бахает гром из небесной зенитки,
и в синагогу несётся хасид
сквозь непогоду, промокший до нитки,
жизнь на которой, качаясь, висит…

Новогодняя импровизация

А у нас—новогодний дождь…
С Новым годом поздравил вождь.
Выпил с красным вином бокал.
По тв послушал вокал.
А потом покормил котов.
Пожелал жене: лайла тов.
По домам разбежался люд.
Новогодний дождя салют…

После дождя…

После дождя легко дышится:
Воздуха набрал—и лети…
Самолётом в небе рисуется ижица,
и солнце, сидящее взаперти,
словно смайлик или детская рожица,
улыбается сверху изогнутым лучом.
Чувствуешь—внутри печаль крошится…
И всё—нипочём…
И всё—нипочём…

Серый дождик

Серый дождь по серой кровле,
Сыр и холоден мой кров.
— Ах, мой ангел, ты здоров ли?
— Нет, мой ангел, нездоров!
Виски пью, варю крупу я,
Еле теплится камин.
Я болею,
Я гриппую.
Бог зовет: come in, come in!
— Отчего же по-английски
Бог зовёт тебя, чудак?
— Оттого, что пью я виски,
А не водку и коньяк!

Майский дождь

А у нас майский дождь вроде бы экзотики,
Потому что в стране всё наоборот.
Если дождик пошёл, барабаня в зонтики,
Ты не трогай его — пусть себе идёт.
И, строчек ритмику ломая,
Кричу с улыбкой на лице:
«Люблю грозу в начале мая!»
И в середине…
И в конце!

«Гудекс»

Сыну Виталию

Сегодня задержался на работе — срочно надо было заканчивать материал о европейских браконьерах, ведущих нелегальную охоту на львов в заповеднике на юге страны. Только решил пять минут передохнуть, как позвонил кузен:
— Слышал о новом интернет-поисковике «Godex»?
— Ну, слышал, — лениво ответил я.
— А то, что он даёт подарки своим постоянным подписчикам?
— Ну и что? Сплетни, рекламный ход, не более.
— Ты знаешь, вчера получил задание — купить игрушку и занести по заданному адресу ребёнку. Всё выполнил — ради интереса. И сегодня чек пришёл — пятьдесят рандов.
— Ничего себе, — присвистнул я. — И как часто высылаются задания?
— Я поспрашивал. Кому-то нужно было поехать на вокзал — помочь старушкам, кому-то — час постоять на площади с флагом страны, кому-то — подмести в парке. Всевозможные, иногда дурацкие, задания. Но оплачивает щедро. Полстраны подписалось на его сеть, забросив привычные поисковики «Гугл» с «Яндексом». Видимо, у этого портала деньги куры не клюют.
— Спасибо за информацию. Деньги мне не помешают, — поблагодарил я кузена и вернулся к правке статьи.

Утром за завтраком просмотрел электронную почту и зарегистрировался на новом портале. Задание пришло через три дня: посидеть в парке с трёх до четырёх часов дня, — а через неделю получил чек на двадцать рандов и новое задание: простоять час с флагом страны в любое удобное для меня время, — и получил уже пятьдесят рандов. Казалось, что администратор портала является владельцем золотых рудников на севере страны, — так он разбрасывался деньгами.

Я навёл справки о владельце портала. Им оказался миллионер и бизнесмен Гунор Декселе. История происхождения его миллионов нигде не освещалась, Он был вариантом африканского графа Монте-Кристо. Какая-то тайна стояла за этой фигурой. Я попросил главного редактора моей газеты разрешения отправиться к владельцу портала «Гудекс» за получением интервью.

Тот посоветовался с боссом и нехотя разрешил, сказав, что не гарантирует публикацию этого интервью. Такие условия я услышал впервые, что меня озадачило, и стало понятно, что что-то тут не то с этим новоявленным миллионером.

Я созвонился с представителями Декселе, и через неделю мне была назначена встреча.

Вилла у миллионера оказалась достаточно скромной — всего два этажа. Внизу кухня, компьютерные центры; возможно, там занимались производством криптовалюты — майнингом, в наше время прибыльным делом. Две комнаты для прислуги. На втором этаже большой пресс-центр, балкон, нависающий над входом на виллу, и кабинет самого хозяина. Толстая служанка, родом из Южной Африки, как мне показалось, принесла кофе с круассанами в антикварных чашках. Вошёл хозяин виллы, дружелюбно улыбнулся. Я уселся в кресло напротив хозяина и включил диктофон.
— Я родился в очень бедной семье, — начал свой рассказ Гунор. — Родители старались сэкономить каждый ранд, чтобы собрать необходимую сумму на обучение в метрополии. Едва сводили концы с концами, и родители, как и все родители в бедных семьях, не хотели, чтобы дети повторяли их судьбу. Так жили тысячи людей, потому что у власти стояли местные нувориши, думающие только о своём банковском счёте. Когда-то страна была колонией Франции, и французский язык был в стране вторым государственным языком, если не первым, поэтому вся молодёжь училась в университетах Франции. Денег на обучение, конечно же, не хватило бы, но я был первым учеником

в колледже и потому получил городскую стипендию из фонда помощи одарённым детям. Это было чудо, в которое сложно поверить. Конечно же, я выбрал Сорбонну. Учил экономику, бизнес и программирование. И я хотел своими знаниями, как это ни пафосно звучит, помочь своему народу…
—…ага, рассылая чеки за всякие непонятные задания вашим порталом-поисковиком? И насколько хватит ваших миллионов на эту помощь людям?

Декселе поднял на меня тяжёлый взгляд:
— Я думал, что журналисты вашего уровня более сообразительны. Выключите, пожалуйста, диктофон. Поговорим без технических свидетелей.

Заинтригованный просьбой, я выключил прибор и настороженно уселся в кресле.
— Вы, как и все, учились в школе и помните опыт, который любят все дети. С магнитом и металлической крошкой, рассыпанной на бумаге. Стоит снизу подложить магнит, как…
—…крошки сориентируются в одном направлении…— подхватил я.
— Ну вот, вы начали соображать,— довольно улыбнулся миллионер.— То есть крошки металла, будучи индивидуальными объектами, превращаются практически в однородную массу, ориентированную в определённом направлении. Теперь догадываетесь?
— Ваш портал выполняет функцию магнита?— озарило меня.— То есть в определённый момент вы…
— Браво, господин Джасти. Да, в заранее назначенный момент народ выйдет на главную площадь и свергнет антинародный строй. Хватит людям жить в нищете в стране, где добывают нефть, алмазы и уран. Они имеют право иметь свою часть от доходов, получаемых нуворишами от эксплуатации недр страны.
— А если магнит выпадет из ваших рук, господин Гунор?
— Кто-то его подберёт. Возможно, этим человеком окажетесь вы, господин Джасти,— конечно, если вы не равнодушны к судьбе своего народа.
— Я — возглавлю борьбу?— мне стало смешно.— Народ, конечно, дело святое, но только журналистика даёт силу и право его защищать. А политика, где одни подковёрные игры,— не для меня…
— Не мы выбираем время, господин Джасти, когда нам жить. Время выбирает нас для преобразования судеб народов и изменения истории. И мы будем ждать часа «Х».
— И что тогда?
— И тогда всем будет разослано одно и то же задание — выйти на площадь перед дворцом. И требовать смены власти. Только так. Это срабатывало во многих странах.
— То есть вы хотите использовать людей вслепую? А если начнут стрелять?
— Борьба требует жертв.

Гунор перевёл взгляд с меня на портрет Фиделя Кастро, висевший на стене слева от него. А напротив портрета лидера кубинской революции висела хорошая копия картины Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ на баррикады».

«Да, интересные идеалы у моего собеседника»,— подумалось мне, и я не смог промолчать.
— На ваших стенах не хватает портретов Томаса Мора и Бенедикта Спинозы,— съязвил я.
— Мы построим свою Утопию, существенно отличающуюся от придуманной Мором. И у нас не будет рабства и прочих отрыжек средних веков. Вот увидите,— убеждённо возразил Гунор и продолжил:— В нас, как и в компьютере, сидит невидимый чип, который сработает в нужное время помимо нашего желания,— Декселе поднялся с кресла, подошёл ко мне сзади и положил руки на плечи.— Можно, я вас буду звать по имени, Бенти?

Поймав мой кивок, хозяин дома продолжил:
— Я чувствую, Бенти, вы — порядочный человек. Я знаю, что вы тоже из небогатой семьи. Всего добились упорным трудом и талантом журналиста. Я читал ваши статьи в газете, а потому, возможно, как говорят во Франции, встретимся на баррикадах. И, естественно, надеюсь, что эта беседа не попадёт на страницы вашей газеты — понимаете почему. А теперь вынужден распрощаться. Дела, дела.

Хозяин виллы протянул мне руку. Рукопожатие было сильным. «Видимо, много занимается спортом»,— предположил я.

Час «Х» наступил где-то через полгода.

В это время Декселе входил в состав правительства, которое рассыпалось после недолгого стояния на площади. Появились люди с плакатами, а полиция на удивление вела себя очень неактивно. Всё было срежиссировано точно и умно. Депутаты ушли в отставку, временный совет возглавил Декселе, который тут же взялся за исполнение своей мечты во благо народа. Алмазные компании были национализированы. Пошли инвестиции в экономику страны. Создавались новые рабочие места, начался строительный бум. Строительные бригады из Китая сносили районы лачуг и строили дома, работали профессиональные курсы по обучению безработных.

Но в главном новый хозяин страны сделал верное решение — удвоил зарплату военным, и в командование армии выдвинулись выходцы из бедных семей, вызвав недовольство олигархической элиты.

Как возрождалась наша Низабия, с восхищеньем и изумлением смотрели не только окружающие нас страны, но и многие европейские. Конечно, став президентом, победив на выборах с огромным перевесом, Декселе предложил мне пост министра печати, от которого я уклонился. А вот свою газету, поскольку бывший редактор эмигрировал, я согласился возглавить.

Однажды Декселе, уже будучи президентом, приехал в редакцию. Оставил охрану за дверью, и мы уединились в моём кабинете. Президент подарил мне шикарную бутылку коньяка, которую тут же открыли и выпили за свободу.

— Ну что, эффект магнита сработал?—подколол я Гунора.

— Магнит—это первая ступень к победе. Главное—эффект резонанса.

— Ну, вы были отличником по физике, вам видней,—я налил ещё по чуть-чуть.

— Вы же знаете, по мосту солдатам запрещают идти в ногу. Совпав с амплитудой шагов, мост может рухнуть. Магнит построил народ в шеренги, а когда он пошёл в ногу—правительство рухнуло, как по законам физики тот мост.

Выпив за будущее страны, мы расстались.

Однажды я уехал в командировку в Париж—хотел взять интервью у лидеров страны, узнать, как они оценивают расцвет Низабии, купить новое оборудование для редакции.

Я спешил в отель. Уже было сделано много дел. Подписал контракты на покупку компьютеров и типографского оборудования для газеты. Назавтра договорился через секретаря взять интервью у председателя партии «Национальная сила» Мэри Лепан. У входа купил газету и вошёл в номер. День выдался сложным, и хотелось отдохнуть.

Перекусив и присев в кресло, раскрыл газету. У меня потемнело в глазах: на первой странице—сообщение о попытке военного переворота в Низабии. Президент Гунор Декселе во время переворота застрелен, якобы при оказании сопротивления. Усталость исчезла мгновенно. Тут же позвонил в «Эйр Франс», попросил перебронировать билет на ближайший рейс.

Ожидая звонка из авиакомпании, я подошёл к окну. На площади с плакатами, требующими свободы, равенства и любви, ходили африканские мигранты, которыми кишел Париж в последние двадцать лет.

«Сукины дети,—думал я.—Вы не пролили ни капли крови, не рисковали жизнью, чтобы во Франции наступили свобода и равенство. Отъели на „социалке“ морды, а теперь вынь да положь вам кусок от чужого пирога. Нет чтобы ехать в свои ганы, суданы и эритреи и добиваться свободы там, на своей родине, где жили ваши предки…»

От злых мыслей отвлёк звонок: рейс будет через три часа. Я поспешил. Сдал номер, поймал такси и помчался в Шарль-де-Голль. Я понимал, что народ, после веков нищеты начав жить по-человечески, не захочет возвращаться в прежнее бесправное и нищенское существование.

В мозгу звучали слова Декселе: «Я должен помочь народу сделать первый шаг. Главное, чтобы он удался. А потом, если меня не станет, найдётся человек, который продолжит моё дело. Возможно, этим человеком окажетесь вы, если не будете равнодушны к судьбе своего народа».

Когда вышел из самолёта, ко мне подбежала президентская охрана, усадила в бронированный автомобиль и привезла во дворец. Собрался Народный совет Низабии, на котором зачитали политическое завещание убитого президента. В нём мне предлагалось возглавить правительство до предстоящих выборов. И я понимал: выхода нет. Дело Декселе надо довести до конца—в таких вещах никогда нельзя останавливаться на полпути.

Неделю назад я возвращался из самого бедного округа страны, где были обнаружены большие запасы нефти. Там был построен новый микрорайон, небольшая больница. Я ехал на открытие школы—посмотреть на радостные лица детей и их родителей, начавших привыкать к нормальной цивилизованной жизни.

Да, поверьте, это окрыляет, когда видишь светлые взгляды людей, красивые города. На обратном пути наш кортеж обстреляли. Охранник погиб, а я был тяжело ранен. Неделю меня готовили к операции. За эту неделю я написал этот рассказ о дружбе с необыкновенным человеком, который в одиночку, с помощью Интернета и силы воли, изменил историю своей страны, которую любил больше, чем свою жизнь.

Врачи опасаются, что после операции я могу не выйти из наркоза. Если выйду—напишу книгу о своём друге, а нет—так останется эта история в моём ноутбуке.

Может быть, кому-то она пригодится.

P. S. На площади перед президентским дворцом был поставлен бронзовый памятник убитому президенту Низабии Гунору Декселе и застреленному во время теракта главному редактору крупнейшей газеты страны Бенти Джасти, заменившему президента до выборов.

Отлили памятник местные скульпторы.

Президент Декселе стоит и показывает рукой на президентский дворец, словно призывает к штурму, а у его ног за маленьким столом, на котором стоит ноутбук, сидит журналист Джасти, возможно, пишущий свою последнюю статью.

Злые языки утверждают, что это плохая копия московского памятника Минину и Пожарскому, и обвиняют местных скульпторов в плагиате, но, к радости обеих сторон, до дипломатических конфликтов между странами дело не дошло.

Андрей Расторгуев

Свитки Геркуланума

● ● ●

Когда на закате укажет заря—
не преобразиться, так переодеться,—
глубокие реки впадают в моря,
а люди впадают в глубокое детство.

Что перетекло в деловой календарь,
начислено в столбик, написано в строчку—
как телекартинка двуцветная встарь,
сливается в луч, собирается в точку.

И ты остаёшься один на один
с волною, отзывчивой на непогоду…
Так рыба летучая или дельфин,
взойдя из воды, возвращается в воду.

Но, чуя аортою вечную связь,
гребёшь к небосводу, противясь измору…
Предтечи твои, до крови просолясь,
решились—и всё-таки вышли из моря.

● ● ●

Хочешь не хочешь—ступай за порог:
псу моему выходной ли, рабочий…
Утро холодное. Тёплый парок
овеществляется в пасти собачьей.
Солнце восходит при рыхлой луне—
скоро она до заката растает…
Азия стынет—иначе бы не
ветер её холодел в Казахстане.
Что Kazakhstan? Из такой же земли—
исполу мы олатинились тоже…

Дочери к дальнему морю ушли:
где нарыбалятся, чем подытожат?
Нечего спрашивать, кто разлучил:
сам, от земной перемены немея,
речи иной их не ты ли учил,
странной любви передать не умея?
Вот и не рви на себе волоса—
в них без того не застрянет гребёнка…
Вот и осталось—выгуливать пса
утром и вечером, точно ребёнка.

Поздние яблоки

На деле на яблоневом теле
они бы ещё провисели неделю—
за холод июня теплом сентября
тягучая осень платила не зря.
Зачатые пчёлами или шмелями,
литыми боками они шевелили,
соседу стучали в зелёный висок,
нещедрый копили, а всё-таки сок…

Но этой недели, недолгой на деле,
до первого снега мы не дотерпели,
древесные тонкие шеи крутя
и тем ожидание укоротя.
А яблоня точно крыла подняла
и серое небо на них приняла,
и нам показалось на малость,
что лапами переминалась—
ждала, осыпаемая дождём,
когда мы домой наконец-то пойдём…

Быть может, не мёрзнущее воронье
зимою баюкают ветки её,
а только что выкормленных скворчат
у дальнего озера Чад.

Для яблонь и женщин одни отпуска,
когда истекли родовые срока.
А если летаешь, как птица,—
не можешь не возвратиться:
не то что до гроба обязан,
а просто землёю повязан.

● ● ●

Сторона бескрайняя—
глушь да белизна…
Нынче Пасха ранняя—
поздняя весна.
Теплоты немножко
в небе да в груди
намаши ладошкою,
Господи…

• • •

Когда по дороге ты заговоришь о любви—
судьба переменится, да от пути не убудет.
Всё должное сбудется—только с иными людьми,
а если желаешь с любимыми—будет что будет…

Ногами по суше теперь или вплавь кораблём,
удача попрёт косяком или вылезет боком—
сорвалось летучее слово живым воробьём,
да на сердце выпало неодолимым зароком.

Что сбило его, отчего подломилось крыло?
С налёта ударилось оземь, водой отразилось,
природою и оболочкою преобразилось,
иные желания облаком оболокло?

Живи как получится или прицельно живи,
лозой на ветру или не уклоняясь от ветра,
а силы свои перечти, ожидая ответа,
когда по дороге ты заговорил о любви…

• • •

Поменяла весна времена и цвета—
молодая листва на просвет золотá:
невесомую дымку едва окропил
осторожною прозеленью хлорофилл.

Да не долгую пору она молода,
а покуда черёмуховые холода,
и ладони живой чешуи листовой
над землёю древесною и кустовой
непременно сомкнутся ступенью
между яростным светом и тенью.

Ибо всё в равномерном пути бытия
обращается снова на круги своя,
но—всегда в кулачке зажимая
лоскуток золотистого мая.

• • •

По мольбе твоей или судьбе
на ожесточающем ветру
по тебе, живая, по тебе
руки мои сохнут поутру.

На пути недолгом, налегке
редко перехожем для двоих,
губы мои сохнут вдалеке
от короткой щедрости твоих.

Но опять становится вода
в первородной дымке голубой
влагою телесною, когда
мы соединяемся с тобой.

Лишь глотком, закинутым рывком,
в пересохшей напрочь глубине
горло перехватывает ком
от восторга быть наедине.

• • •

В расплав осенний окуная ноги,
наги, но беззастенчиво легки,
берёзы у далматовской дороги
рябы, как далматинские щенки.
А вдалеке за монотонным лесом,
где в небо утыкается земля,
вода висит завесою белесой,
опущенной из тучи на поля.
И зябкий сгусток ёжится и ноет
в груди от неизбежного дождя…

Но всё, что время выцветшее моет,
оно же укрывает погодя.
И хочется вынашивать и нянчить
в несвойственных глубинах естества
комочек беззащитности щенячьей,
зачатый в ожиданье Покрова.

• • •

Когда Алма-Ату карагачи
сиюминутным золотом омыли,
мы яблоко с тобою преломили
душистое в густеющей ночи.
Глубинами осенней немоты
мы—прежние, но, зрелости согласно,
былого нет у яблока соблазна,
и нет Алма-Аты—есть Алматы.

Как под напором селевой воды,
что движется безмолвно и упёрто,
не только легендарного апорта
не уцелели многие сады.
Но снова темноту и немоту
года переступают осторожно,
когда всё было ясно и возможно—
лишь лёгкая оскомина во рту…

• • •

До настоящего романа
собой, увы, не доходя,
жизнь, точно повесть графомана,
оскальзывается, хотя,
когда, как юноша бездомный,
оказываешься в былом,
открыв бездонный многотомный
картонный или электронный
фотографический альбом,
где, оживая—помяните,
во испытание уму
кровят оборванные нити,
собравшиеся в бахрому,—
от созерцания светлеешь,
как будто заново прочёл,
и ни о чём не сожалеешь,
не забывая ни о чём.

В золотом жерновке на руке перемелется жизнь, не хрустя,—
прохлаждаться не надо, да незачем и в огород торопиться…
Плоть от жилистой плоти устроивших город железа живучих крестьян,
временами отец говорил нам: учите язык—пригодится.

Что он знал о Востоке и Западе, дальше Болгарии не побывав?
Сыновьям на дорогу какие раздумывал верные метки?
В родовом почитании отчества или на собственный разум и нрав
я по юности ранней довольно умел по-немецки.Р

Но живая вода выгибает и сносит затворы лежачих плотин,
глину лижет и камень грызёт после вешней оттайки…
Обе дочери знают английский, а младшая—греческий и латынь,
а учить, получается, следовало китайский.

Да не время метаться, и некуда, и не к лицу,
словно юркие стайки у края земли начинающих рыбок…
И всего-то вдогонку могу я сегодня ответить отцу,
что по-русски пишу, говорю и читаю почти без ошибок.

Свитки Геркуланума

*Папирусы из античного Геркуланума, залитого в 79 г. н. э.
лавой Везувия, дожидаются нового читателя две тысячи лет.*

Ненасытная меленка времени схрупает всё, что ни попадя ей:
яровое, людское, кофейное пережуёт без оскомины…
Пепел сыпался медленно на черепичные крыши Помпей,
набирался, давил—и стропила ломал, как соломины.
Эта сказка стара, ей довольно и нескольких слов—
остальное давно написал утончённый Брюллов.
А в меня заселился, как неубиваемый вирус,
опалённый дыханием магмы копчёный папирус.

Был соседний посад победней или жить норовил по уму—
то ли помнил о чём, то ли сам докопался до главного…
А иначе, быльё и жильё побросав, почему
горожане ушли из оставленного Геркуланума?
Полстолетья спустя, как Христа опустили с креста,
запечённая в трубку египетская береста
что за истину запечатлела, чтоб люди живые
через камень и вечность пошли в кладовые былые?

Кто рубил этот камень, философом был не бог весть—
что ему египтяне с латинянами да греками?
Это люди учёные возятся, силясь насквозь просветить и прочесть
испарённое с древними библиотеками.
Коль не переведутся, тогда по иным временам
счастье быть перечтёнными светит, возможно, и нам,
если новый Везувий, сказав беспощадное Dixi,
не сожрёт наши жёсткие межпозвоночные диски.

● ● ●

Оставленные прошлому не в теме—
хотя бы электронного письма.
Зато их тени пощадило время—
беззубое, но едкое весьма.

И, узелками лет не различая
переплетённых нацело времён,
наедине с тобой не замечаю
течения телесных перемен…

От ветхости людской не зарекайся,
но—таймеры торопятся пускай—
вновь дальних повстречать остерегайся
и ближних далеко не отпускай.

● ● ●

Не дай, Господь, с ума сойти—
до помрачения влюбиться,
как полю, что перекати,
в неё—летящую, как птица.

Не дай отыскивать слова,
давно оставленные втуне,
для оперённого едва
птенца, клюющего с ладони.

И всё-таки благослови
плоды нечаянной любви—
двенадцать стихотворных строчек,
положенные на листочек…

● ● ●

Вызвездило за окнами—
можно ложиться спать…
Между детьми и внуками
есть небольшая падь:
краткое колыхание
на столбовом пути—
перевести дыхание,
душу перевести,
словно через границу,
да не заночевать—
рано ещё страницу
переворачивать…

● ● ●

В лете, погодой пегом,
невдалеке воды
по молодым побегам
лиственницы седы.

Над купиной палимой—
знойный калёный дух…
Это всё тополиный,
лишь тополиный пух.

Пекло—ещё не спелость.
На глубине глотка
песня ещё не спелась
до пустяка.

● ● ●

Да всякий ли шляхтич из вышедших ныне на торный шлях?
Лукавое эхо в Анголу заманит его или в Англию?
Надолго ли наживо выстоят на земляных полях
комментарии наши глубокомысленные к Евангелию?
Не здесь и сейчас, но в иной равнозначный час,
когда отдалится земля обглоданными берегами,
найдётся ли тот, кто положит пускай не на музыку нас—
хотя бы на доску, хребет переломанный оберегая?

Положит, да с перекладиной—крест-накрест или глаголь:
на выбор, мол, рассчитайся на журавель-синица—
пой или насвистывай, гугли или глаголь…
У этой развилки спокойно можно остановиться.
Да всякий себя вопрошает, зачем живём—
от заморозка нутро ни водка не упасёт, ни наглость…
Как временные подпорки небу мы ходим или плывём
на ощупь сквозь морока́ на живой человечий голос.

Монахиня Амвросия

Так хочется тепла небесного

● ● ●

Зима такая мягкая была,
Что снились вербам белые серёжки.
Крошился снег, как будто понарошку,
И стужа не нашла себе угла—

Задумчивою странницей ушла.
Клевали птицы мёрзлую калину,
Мне жизнь впервые не казалась длинной—
Её пределы смертность обожгла.

С прощеньем снова распахнулась жизнь,
И стало всё так радостно и просто,
Душе хотелось скорости и роста,
Меня остерегли: угомонись…

Живу, как будто прежде не жила,
И плачу о себе, пока живая,
Лишь благодарно кислород вдыхаю
За то, что грех не сжёг меня дотла.

● ● ●

На Страстной всегда темнее ночи,
Как себя от них ни обособь,
Каждый раз настойчивей и громче
Сквозь века протянутая скорбь.

После непрерывного смятенья—
Первый робкий и неровный шаг:
Это жаждою преображенья
Ожила и вздрогнула душа.

Контур жизни проступил слезами
На лице окаменелых дней,
И распятие перед глазами—
Жертвенность, открывшаяся мне.

● ● ●

М. А.

Для сердца нужно так немного:
Не видеть в людях мелочей,
Просить прощения у Бога,
Звенеть и плакать, как ручей.
Звезду увидеть в мелкой луже,
Сиянье в музыку вдохнуть,
А после напряжённо слушать
Обветренную тишину.

● ● ●

Облокотись на эти облака,
Ещё не опечатанные тьмою,
Пока судьба как пёрышко легка,
Облокотись на эти облака.

Прислушайся, как флейты зазвучат
Сквозь суматоху раннею весною,
Встречая чей-то потемневший взгляд,
Прислушайся, как флейты зазвучат
Ни с кем не разделённою мечтою.

Пока он не погас и не исчез,
Пока поверить в высоту боится,
Отдай ему нетронутость чудес,
Которой своевременность стыдится.

● ● ●

Оставь мне этот свет как проводник
Пока ещё слепого вдохновенья.
Я ничего не знаю о творенье,
Преобрази мой немощный язык.

Превозмогая невесомость слов,
Превозмогая собственную малость,
Излом тысячелетий и веков,
Превозмогаю смертную усталость.

Пока мой дух к паденью не привык,
Дай силы, Боже, осознать паденье,
Дай скорби тишь, а слепоте—прозренье,
Оставь мне этот свет как проводник.

● ● ●

Земным земное уготовано—
Ждать птичьих песен и весны,
Сердца их к дольнему прикованы—
Живут, не зная тишины.

Но иногда тоска излучиной
Заставит обмелеть, застыть,
И не хватает слов заученных,
Чтобы причину объяснить.

Так хочется тепла небесного,
Что тесен им земной приют.
Преображения чудесного
Они, как дети праздник, ждут.

• • •

Ветер гонит стадо туч сердито,
Будто взял у жизни напрокат,
Хмурится погонщик деловитый,
Как коров, их лупит по бокам.
Гонит, гонит с беспощадным свистом,
В ярости не отдыхает кнут,
А они, угрюмо-неказисты,
Серой цепью по небу бегут.
Я навстречу вышла б из окошка,
Преграждая ветряную стыль,
И брала бы каждую в ладошку,
Бережно сдувая с каждой пыль.
Молчаливо-пристально сначала
В каждой тучке разглядела б жизнь,
Лёгким светом их полировала,
Чтобы им обрадовалась высь!
Осыпала б нежно жемчугами,
Молоком поила б добела
И лучами, словно колосками,
Краешки узорно убрала.
Омывала б радужной лазурью,
Чтоб простилась повседневность ран,
Чтобы жили, грубостью не хмурясь,
А в улыбках расцветал шафран.
Чтоб они под чуткими руками
Изживали, забывали скорбь,
Становились снова облаками,
Убегая радостно враздробь.

• • •

Когда из бытия уходит тайна,
Непоправимо старится душа.
Мир кажется холодным и печальным,
И тяжелей становится дышать.
Дни истекают медленно, с укором,
Уходит жизнь, не дав себя понять,
Бессмысленным и мёртвым разговором,
И остаётся только Чуда ждать.
Но в этот миг из холода земного,
Из прежних заблуждений и утрат
Животворящее родится Слово,
И встретится родной и тёплый взгляд!

• • •

Когда человеку больно,
Глаза отводить не надо,
Даже если ушком игольным
Та беда покажется рядом
С тем, что ты пережил когда-то.
Может быть, перед Божьим оком
Эта скорбь стала самой глубокой,
А слезинка такою горькой—
Осолились ей все утраты.

• • •

Всё цельное родится в тишине,
Глазёрства и цинизма опасаясь.
Карета Золушки в осенней спит траве,
Для любопытных тыквой притворяясь.
А в бельевой верёвке спит струна,
Сквозь хлопоты дневные не слышна,
Она поёт дождю, двум жёлтым клёнам,
С которыми так крепко сплетена,
Чтоб стать с утра качелькой для вороны,
Опорою для мокрого белья,
Растянутою, толстой и знакомой,
Растратиться под взглядами боясь.

• • •

Как странно петь о том, что в сердце тихо,
Как без листвы остался березняк,
О том, что на безвыходье есть выход,
О том, что дух для оправданья наг,

О том, что ветер сухостой полощет,
Чтоб всё слилось в один поющий звук,
Я становлюсь трезвей, обычней, проще:
К зиме не тянет с птицами на юг.

• • •

В природе честно всё: и первый снег
Родился с декабрём одновременно,
Шипит сырое на углях полено,
И радуется хлопьям человек.

Вчера ещё—оборванные струны,
И слякотно и грустно на душе,
А нынче суть открылась всех вещей,
День озарился этим снегом юным.

Вчера ещё—сомненье, теснота,
А нынче—храм, молитвою согретый.
Душе дано во тьме прозреть победы
И разрешить от немоты уста…

• • •

Пью крепкий чай, смотрю на крыши,
В окне холодный белый март.
День солнцем и метелью вышит—
Невольно радуется взгляд.
Невольно радуются души,
Что день к преображенью дан,
Придёт весна, тепло обрушит
И стаи птиц из дальних стран.
И будет всё, как было прежде,
Но только глубже и светлей,
Ворвётся в окна воздух свежий,
И станет легче поступь дней!

● ● ●

Из заморских лесов прибежали ко мне котофеи,
Всех мастей и характеров, чтобы на печке пожить,
Прибалтийскую сырость схватив, понемногу болеют,
Полотняный туман превратился в дождливую нить.
Стерегут мой очаг и роняют отчаянно грабли,
Убегают под стол, за дрова, поджимая хвосты,
О бетонный помост разбиваются вдребезги капли,
Печь гудит, и мурлыкают кошки мотивом простым.
Печь гудит, и в ковчеге моём все находят защиту,
Бесприютность и сырость подкидышам не по плечу.
В поддувале печётся картошка, жизнь чуду открыта,
Тишины и гармонии в днях проходимых хочу.

● ● ●

Когда прощаешь, прошлого не жалко,
В другое сердце открываешь дверь.
Так в глухоте возможно брешь проплакать,
Чтобы услышать на земле капéль.

Изобильное ночью

По мостику я осторожно шла,
Душа моя ждала успокоенья,
Окутывала мир ночная мгла.
Всё скрылось в ней… Лишь храма отраженье
На тёмных водах озера светилось.
Покой деревья сонные вдыхали,
И я, взглянув на храм, остановилась.
Стояла молча, затаив дыханье,
Боясь вспугнуть такую тишину.
За облаками звёзды мирно спали,
Пришли слова, рассеяв скорбь, как дым:
«Мир освятился Именем Твоим,
И отошли вчерашние печали».

● ● ●

На тропинке резвятся котята,
У забора созрел виноград,
И сентябрь стоит виноватый
В том, что листья желтеть не хотят.
Всё по-летнему дышится травам,
От земли ещё веет теплом,
И по-своему ласточки правы—
Покидать им не хочется дом.
Небосвод стал прозрачней и чище,
По утрам даже ярче, синей,
Щебет птиц льётся с солнечной крыши,
С ним как будто пространство щедрей!
Солнце в озере ярко играет,
Не торопится лето ветшать.
Пусть картина привычно-простая—
Очарована ею душа!

● ● ●

Рос, совершался день седьмой,
Как будто умерли заботы,
Сроднилось сердце с простотой—
Не билось до седьмого пота.
Пред этой тайной бытия
Ни удивленья, ни загадок—
Так крепко сшита жизнь моя,
Что перекраивать не надо.
И если жизни всех родных
Перекроить—не станет легче,
Ведь из намерений благих
Вернее душу покалечить.
Читать в их судьбах не дано,
Осталось лишь смотреть ребёнком,
Как ветки просятся в окно
И лает пёс на воронёнка.

● ● ●

Только петь, пока поётся,
На рассвете, на закате,
Стих, как цвет с черешни, льётся,
Не боясь себя растратить.
Радужным пасхальным солнцем,
Рассыпающимся ярко,
Петь, как ветренка смеётся,
Как поёт по тесту скалка,
Как с молитвою творится
Хлеб насущный и желанный,
Как заботою сестрицы
Он становится румяным.
Петь об этой жизни вешней,
Петь с ликующей природой!
В повечерье слышен нежный
Запах ладана и мёда.

● ● ●

Только неба кусочек
В крестовине окна.
Нерасслышанных строчек
Звуковая стена.
Переплётом мотивов
До смыканья имён.
Глубиной прозорливых,
Тех, что не побеждён.
Единичность творенья
До касанья руки,
И души пробужденье
Оттого, что близки
Красота и смиренье
Этих щедрых небес,
Тёмных веток скрещенье
И оттаявший лес.

Виктор Мельников

Стихи о Сибири

Моя сибирячка

Сестрёнке Стасии посвящается

Ранняя осень в Сибири настала,
Край отдыхает от летней жары.
Пó небу солнце крадётся устало,
Там и снега заметелят дворы.

Сколько воды убежало в Чулыме—
Неугомонной таёжной реке…
С воспоминаниями своими
В школьное детство бреду налегке.

В городе Ачинске все мне знакомы
Тропки, поросшие мягкой травой.
Мама в окошке родильного дома,
Словно Сикстинская смотрит мадонна,
Держит сестричку—кулёчек живой.

Я—старший брат! Это многое значит.
Это меняет моё бытиё.
Не разглядел я сестру-сибирячку,
Понял зато: я защитник её.

Так и живу с этим чувством доныне,
И умирать мне пока что нельзя.
Если любовь моя с сердцем остынет—
Может твоя оборваться стезя.

Мы ведь с тобою—как две половинки
Яблока алого, будто заря.
Помню, как падали чудо-снежинки
В хвою ресниц твоих, сказку творя.

Вдаль над Чулымом проносятся ветры,
Лёгкими крыльями в небе звеня.
Имя твоё—талисман мой заветный—
Обогревает, спасает меня.

Над таёжной рекою Чулым

Над таёжной рекою Чулым
До рассвета сидели с тобой.
Вился в воздухе призрачный дым
Под высокой звездой голубой.

Я пьянел в этом синем дыму,
И кружилась моя голова.
И откуда брались—не пойму—
Сумасбродные эти слова?

В небе сокол далёкий парил,
Расправляя под ветром крыло.
Но о чём я тебе говорил—
То холодной волной унесло.

Говорил: «Этот вечер—для нас:
Мы отмечены там, наверху…»—
Не сводя с тебя ласковых глаз,
И другую молол чепуху.

Но судьбы нашей—не изменить:
Развела… Что поделаешь тут?—
И пошёл я солдатом служить,
Ты же—в город родной, в институт.

Лет потерянных нам не вернуть.
Так же льётся Чулыма волна,
Омывая мой горестный путь,
Да порошит виски седина.

Нам с тобой не сойтись никогда.
Наша юность ушла в забытьё.
Но цветёт над Чулымом звезда
И стучится в окошко твоё.

Город Ачинск

Ты мне снишься морозом бодрящим,
Снежной веткой тайги голубой.
В моём суетном дне настоящем,
Город юности, всё я с тобой.

Город Ачинск… Во сне я, влюблённый,
Прохожу по твоим площадям.
Я тобою навек полонённый.
Никому я тебя не отдам.

Но уже нашей встрече не сбыться,
Хоть надежда не гаснет, маня.
Помнишь, как, будто вольную птицу,
В мир огромный отправил меня,

Чтобы я состоялся на свете—
Уж какая там ляжет судьба…
Город Ачинск! Всю жизнь я в ответе
За судьбу свою и за тебя.

Моя память с тобой не рассталась
В суете долгих прожитых лет.
И желанное состоялось:
На родимой земле я—поэт!

Судьбу свою благодарю

Мой день отлетел, успокоясь,
Я детство увидел во сне.
В Сибири—сугробы по пояс
Высокой и крепкой сосне.

Я был коренастым и рослым,
Ещё—непокорным ветрам.
В обнимку с сибирским морозом
Я в школу ходил по утрам.

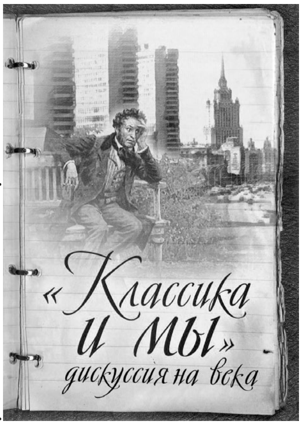
Как все одногодки-ребята—
Ну как же того не хотеть?—
Мечтал я с мотором крылатым
В высокое небо взлететь.

Взглянуть на далёкий мой Ачинск
С небес необъятных мечтал.
Но в жизни сложилось иначе:
Пилотом я так и не стал.

Пора мне свой путь подытожить.
В высокое небо смотрю,
Я с ним не сроднился… Но всё же
Судьбу свою благодарю

За то, что к труду приучила
В рассветные годы мои,
За то, что дарила мне силу
И крепость сибирской земли!

ДиН ревю



«Классика и мы»
дискуссия на века

Москва: «Алгоритм», 2016

Дискуссия «Классика и мы», проведённая творческим бюро критиков и литературоведов Московской писательской организации 21 декабря 1977 года в Большом зале Центрального Дома литераторов, стала знаковым событием того времени—при том, что в советской прессе о ней невозможно было прочесть ни слова вплоть до 1990 года, когда журнал «Москва» опубликовал тексты выступлений по сохранившейся магнитофонной записи. Люди пользовались слухами и сплетнями, кое-как записанными обрывками тех или иных речей и на основании этих «записей» составляли совершенно превратное представление о происшедшем. В ходу были намеренно передёрнутые и тенденциозно вывернутые отдельные положения отдельных ораторов.

В настоящей книге мы представляем возможно полный текст дискуссии в том виде, в каком он был опубликован в «Москве» в сопутствии статей, написанных на её материале по горячим следам, а также по следам журнальной публикации.

Современность прозвучавшего 40 лет назад для наших дней—дней намеренно похабного обращения с классикой—удивляет и приглашает к серьёзному размышлению о судьбе русской литературы.

Александр Ёлтышев

Беспилотник

* * *

А в душе полыхает свет
не с утра, а с прошедшей ночи,
настроение — лучше нет,
от восторга весь мир всклокочен!

Прибываю в аэропорт
без волнений и опозданий,
всюду техника — высший сорт,
чудо-сервис, уют, комфорт,
зал несбыточных ожиданий.

Пьяная баржá

О бесшабашной той поре
шрам на губе напоминает.
Буксир-толкач по Ангаре
баржу с водярою толкает.

По вечерам под фальштрубой,
где так уютно и прохладно,
бутылки, списанные «в бой»,
вскрывает резвая команда.

Царил обманчивый покой,
когда не приглашали в гости,
когда закон полусухой
мозги высушивал до злости.

По перекатам — пилотаж:
«Вихрями» поднимая пену,
берут баржу на абордаж
сибирские аборигены.

Пред ними мрачно предстаёт
старпом, он зол и безобразен:
— Здесь доблестный ангарский флот,
а не какой-нибудь магáзин.
Вот так, шпана, надеюсь, ясно!
Но это он уже напрасно…

Наш залихватский экипаж
(такая горькая умора)
познал, что значит абордаж,
не из романов Фенимора.
. . . .
С тех пор лихих прошли века,
иного не хватило б срока
понять: жизнь — вечная река,
и нет в ней устья и истока.

Снег

Вдали белел саянский позвонок,
понтонный мост был инеем усеян.
Мой первый снег растаял в Енисее,
свой первый снег запомнить я не мог.

А раздирает память грохот льдин
на всём пути сквозь время и пространство.
…Какая тишь. Покой и постоянство —
и мягкий свет нетающих седин.

Друзьям

Даже не имея ни гроша,
из себя не корчите страдальцев;
если не нашли карандаша,
то пишите кончиками пальцев.

Истину вбирая на скаку,
часто невпопад и с опозданием,
выводите за строкой строку
в воздухе прерывистым дыханием.

Манускрипт, застывший над Землшаром,
не подвластен мировым пожарам.

Чёрная сопка

Густою волною таёжная хвоя
закутала бережно огненный след.
Вулкан отгремевший оплывшей свечою
стекает в притихший Саянский хребет.

Тревожным покоем просторы обдало,
ему здесь вовеки царить суждено.
Но всё-таки магма не зря клокотала,
а может, напрасно… Не всё ли равно?

Выступление

Мы в зоне строгого режима
читаем вольные стихи.
И клуб — как сжатая пружина
страданий, злобы и тоски.

Сомнений нет: гнетущим шрамом
на сердце ляжет этот край,
где крест над православным храмом
целует сонный вертухай.

Беспилотник

От платформы пробудившейся со свистом
разбегается экспресс без машиниста.

Пассажиры, устремлённые вперёд,
перепуганы — их оторопь берёт

и гнетёт неистребимая тоска,
словно стая потеряла вожака.

Вдаль несётся обезглавленный экспресс
сквозь научно-человеческий прогресс.

Он прибудет в расчудесный новый мир,
где не будет нужен даже пассажир,

где, безлюдные связуя города,
так и мечутся пустые поезда.

В них порядок, тишина и чистота —
человечества всегдашняя мечта…

Но пока ещё несовершенен мир,
и трясётся беспризорный пассажир.

Не терзай себя: идиллия близка,
всё закончится — и страхи, и тоска.

Старый скалолаз

Васе Гладкову

Бывает, рухнешь, злобный и усталый,
в глубокий сон.
Но вдруг Морфей тебе подарит скалы,
и ты спасён

от самобичеваний, словоблудий
и от хандры,
когда тебя безжалостно разбудит
призыв горы.

Что умный в горы силы не потратил
(в обход готов),
известно. Скалы сотворил Создатель
для мудрецов.

Караульная гора

Противясь катаклизмам и пожарам,
наш город охраняем Красным яром.

Укрытая надёжной звёздной кровлей,
вершина коронована часовней.

И вздрагивает стойко лик святого
от грохота снаряда холостого.

Большой взрыв

— Что было до Большого взрыва,
до детонации его?
Мудрец ответил чуть тоскливо:
— Одно сплошное Ничего.

Эффектно вкрученное слово —
как трюк с гадюкой в шапито.
Выходит, что всему основа —
Фундаментальное Ничто!

Мильярды лет растёт и множится,
по сути, полное ничтожество!
И эту весть во все концы
разносят наши мудрецы…

Двуединство

Основались Лыко и Мочало
у реки, где вольница скучала,
туча в небесах луну качала,
катер отрывался от причала,
птичья стая в небесах кричала,
радио настойчиво вещало,
сердце воспалённое стучало,
грозно шило из мешка торчало…

…Истина суровая крепчала,
вырываясь искрой из кресала:
там фундаментальное начало,
где царит, достойно пьедестала,
двуединство Лыка и Мочала!

Николай Ерёмин

Вифлеемская ночь

Памяти Бориса Рыжего

Попасть в Свердловск…
Нет, в Екатеринбург—
Случайно, из эпохи Ренессанса…
Писать стихи, картины…

Чтобы вдруг
Впасть в состояние прозрения и транса…
И возвратиться в свой родимый век,
Где ты, поэт, не раб—но человек…

● ● ●

Я слышу ласковый мотив…
Я чувствую
Императив:
Увы, забыться
И заснуть…
И всё же,
Продолжая путь,
Иду, пропитанный слезами…
И сплю
С открытыми глазами…

Старый поэт

Поэту нельзя ни курить,
Ни пить, ни стихи писать…
По мнению докторов,
Льзя—
Жить, чтоб себя спасать,—
И тех вспоминать в пути,
Кого—не вернуть,
Не спасти…

Штампы

Меня твои стихи не убедили!
Мы эти штампы
В школе проходили…

Мне жаль,
Что заштампована душа
Твоя…

Да и моя нехороша—
Живёт себе, не ведая вины,
Вдали от красоты и новизны…

День рожденья Пушкина

(6 июня 1992 г.)

Цвела вовсю июньская сирень…
Я сочинял, хмелея от стихов,
И рифму мне подсказывал—«свирель»—
Непьющий Анатолий Третьяков…

И день рожденья Пушкина царил
Во всех аллеях ЦПКИО—
И в микрофон кто мог, тот говорил
О сущности поэзии его…

О, в этот день и счастлив был, и пьян,
Кто хоть немного с музами знаком.
Нас угощал поэт Арутюнян
Прелестнейшим армянским коньяком…

Не жаль мне тех, кто в этот славный день
Был ненароком друг на друга зол,
А жаль мне тех, кого сковала лень,
Кто просто так на праздник не пришёл…

Ах, как цвела июньская сирень!
И, нам прощая смертные грехи,
Звучал оркестр (особенно—свирель)
И Пушкина бессмертные стихи…

● ● ●

Всё тяжелей походы на Парнас…
Всё напряжённей дышит мой Пегас…
Всё медленнее движется за мной
Восторженная Муза, ангел мой…
Какой простор для чувств, очей и уст!
Всё тяжелей подъём…
Труднее спуск…

● ● ●

—В тебе—
Бог Дух, Бог Сын и Бог Отец!—
Сказала Муза мне…—
Чего надулся?—

И подтвердила:
—Да, ты—молодец!
Я выслушал её…
И улыбнулся…

• • •

Он мне сказал,
Но под большим секретом:
— Я перестал считать себя поэтом…
Поскольку
Никакого
Смысла нет
Доказывать всю жизнь, что ты — поэт…
И год за годом
Книги издавать,
Когда никто не хочет их читать…
Ни покупать…
Ни даже даром брать! —
Он так сказал,
И это не секрет…
Увы, его уже на свете нет…
Но книги…
До сих пор живут:
— Привет! —
И излучают тихий
Вечный свет…

Вифлеемская ночь

Отвар ночной травы —
Отрада и отрава…

Волхвы несут дары
Любви… Им — честь и слава!

Несут — и смех и грех —
Земной дорогой в рай…

Поэт, туда за всех,
Не медля, вылетай!

Мчись налегке, без груза,
Мчись, вдохновенью рад…

Крылат Пегас и Муза
Позднее прилетят…

Зачем лететь? Ну вот
Ты и изрёк вопрос…

Знай, что тебя там ждёт
Твой сын — Иисус Христос!

Надежда

Почему
Сегодня снова
Греет сердце человека
Поэтическое слово
Девятнадцатого века?

Потому, что в слове том
Есть надежда на
Потом…

• • •

Не вытесняй меня, пространство,
Пока,
У времени в плену,
Я вновь —
Слуга непостоянства —
Влюблён в черёмуху-весну…
Нам вместе горе —
Не беда.
Вот кончится любовь —
Тогда…

Старый актёр

— Интриганы, интриганки,
Помню, при социализме
Мы, актёры на Таганке,
Дружно радовались жизни…

Потому что нас Любимов
И лелеял, и любил —
Посреди огня и дыма
Запретителей-бомбил…

Хорошо нам было вместе
В театральном терему!
Выживали честь по чести
Из ума — по одному…

Я — актёр. А вы — поэт?..
В честь прекрасных юных лет —
Вот, дарю вам, интриган,
Свой игрушечный наган…

В нём недаром с тех времён
Дремлет боевой патрон…

Деньги на мечту

Мне предлагает «деньги на мечту»
Сосед-банкир,
Наивный кредитор…

Его мечте —
На выпивку-еду —
Вполне хватает денег с неких пор…

Не верит он,
Что у меня мечта —
Бесценна…

И совсем-
совсем
не та…

Алёна Самсонова

Выше крыши!

● ● ●

Поговорили.
Вроде складно.
В окно мне льётся
свет и пыль…

Твой голос—
хоть далёк,
но быль—
звучал как будто
в лист тетрадный,
линованный,
что вырван из
той прошлой жизни
и прошедшей,
весёлой,
малость сумасшедшей,
где было,
было что творить,
вписалось
слово «вечерело».

Я встала.
Я взялась за дело.
И, не взглянув на календарь,
а только на часы стенные,
подумала, что выходные
невыездными будут лишь.
Такой вот, девушка, Париж!..
Наполеоновские планы
в отдельно взятой голове…
Забот немного:
двести? две?..
решу по мере поступленья!

Тепла большого наступленье
в Самаре, скажем, иль в Москве
уже вот-вот совсем случится.
И нету смысла торопиться,
тянуть за солнечную нить.

И что тут можно изменить?..

● ● ●

упасть на белое, льняное
упасть в траву
уйти в дневное как в ночное
живу

● ● ●

Оставь бессонницу для сов,
Уже пора, пора!..
Хотя средь мачт и парусов
запутались ветра…

Но в ленте сует и трудов
и призрачных рублей
есть расписанье поездов,
как список кораблей…

● ● ●

Варила,
гладила,
читала о мышах,
сменила то,
что названо постелью,
умыла фикус,
чтобы не зачах,
кормила мужа—
в общем,
с той же целью.

Купила сахар,
масло и вино,
искала фото,
вспомнила из детства…

В окно смотрела—
чёрт, уже темно!
И в зеркало—
из чистого эстетства.

Крутила кудри
на карандашах,
сменила мысль
с практичной—
на шальную,
вновь
перед сном
читала о мышах
летучих—
где живут
и как зимуют.

• • •

Хорошего — понемножку,
а прочего — выше крыши!
На выбор есть крылья, рожки…
А Бог — ной не ной! — не слышит.

Ковчег, на волне качаясь,
баюкает спящих тварей.
Им всем для тепла ночами —
ах, счастье! — дано по паре.

Иное — для человеков.
Да с них и побольше спроса.
Им мелочи есть — в утеху,
а судьбы даны — торосы.

Поэту несут морошку,
полковнику кто-то пишет…
Хорошего — понемножку,
а прочего — выше крыши!

• • •

А ночь за окном
движется.
Мерцает.
Блестит в лужицах.
Деревья стоят — ижицы.
И тучи висят — тужатся.
И вот уже ночь
крапает.
По стёклам течёт
слёзками.
По чёрному
процарапаны
пунктиры пути
берёзками.

ДиН симметрия

Марина Цветаева

Тебе — через сто лет

К тебе, имеющему быть рождённым
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр — как на смерть осуждённый,
Своей рукой пишу:

— Друг! не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
— Ртом не достать! — Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу — в ад —
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру.

На встречных женщин — тех, живых, счастливых,
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
— Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад её перстней!
Грабительницы мёртвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, —
Тебя не дождалась!

И грустно мне ещё, что в этот вечер,
Сегодняшний — так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, — и навстречу
Тебе — через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
— Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! — Нет, я корыстна!
Раз не убьёшь, — корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей,
И ты окажешь перлу всех любовниц
Во имя той — костей.

Август 1919

Светлана Леонтьева

Иной не надо доли

● ● ●

Всего два дня, а кажется, все сто.
Так медленно восходит солнце в Нижнем!
Так полнонебно! Пушкина пальто
немного запылилось. Знойно-рыжий
луч на окне. В гостинице, вот здесь,
в её котле, в её глубоком чане,
вы, барин, барин, просто почивали.
А нам как быть? Откос, овраги, съезд
кидаются с размаху под колёса.
Не быть поэтом—это разве просто?
О, правда ли, как под ружьё не лезть?
О, правда ль, не давиться чтоб тоской?
О, правда ль, не вмещать в груди чтоб город?
Коль умираю каждою строкой,
занёсшей надо мною жаркий молот.
Наверно, лучше не поэтом быть,
о, кто бы научил—не быть поэтом!
Вот здесь, в гостинице,—два века лишь ходьбы—
был Пушкин в день сентябрьский, в бабье лето!
И в ночь сентябрьскую. Так долго почивать
ужели сладко? Солоно? Рябинно?
Широкая старинная кровать,
и в доме пахнет ягодой, малиной,
бараньим жиром, луком, чесноком,
тулупом из овчины. Плачут дети
у ключницы. Мы позже козырнём
тузом и дамой пик. Поэт в ответе
за этот Божий и пред-Божий мир.
За христианский, доязыческий, дозвёздный.
Но здесь, в гостинице,—гусаровый мундир,
но здесь, в гостинице,—в слова спекались слёзы.
Но здесь, в гостинице, как в чреве расписной
кометы Галилея век от века,
стекало, проникало, словно в пекло,
в её огонь тугой, огонь сквозной.
Я много раз бывала в городах
различных и в гостиницах бывала.
Но сердце чтоб выламывать вот так
и город чтоб держать, кипящий шквалом,
ах, не жалеемый, вы пожалейте, что ль,
Истерзанный, вы не терзайте, что ли!
Всего два дня…но жизнь, но смоль, но боль,
о Господи, иной не надо доли!

● ● ●

Я не размениваюсь на обиды.
Я не растрачиваюсь на них.
Хочу, как солнце, кричать: «Гори ты!»,
хочу Дантесом я быть убитой
в российских рваных снегах живых!
Хочу—как травы.
Хочу—как рыбы.
Хочу молчать. И не помнить бед.
Пусть камни вслед—но какие обиды?
Пусть раны в сердце—но в ранах свет!
Опять же солнце. Опять же люди.
Обиды—слабым, пустым, что дым,
а мне прощение—как орудье,
а мне любовь к не прощавшим им—
мужчинам, женщинам. Мерить ссорами
ужель возможно короткий век?
Раздраем, сварами и раздорами,
затменьем, мщением и укорами.
Уймись, бессолнечный человек!
Уймись, обиженный и нанизанный
на острый сабельный штык обид!
Ты мной ушибленный укоризною,
в тебе мой весь Арарат болит.
В тебе все нити мои Ариадновы,
в тебе, о мстительный, зуб за зуб,
своей обидой навек обкраденный
иль на два века—в соцсеть, в «Ютьюб»!
А ты мне дорог. А ты мне люб.
Пусть буду я эпицентром Дантовым,
пусть все круги—я как есть вокруг.
А китежградским тире атлантовым,
нет, не присущ мне обид недуг!
Вот сердце, сердце да в рёбра—вожжами,
вот мысли, думы—в разрыв, клубя.
…А я готова рубаху с кожей хоть
отдать последнюю за тебя!
И жизнь готова—бери всю, властвуя,
себя готова—в горнило дня.
Глоток последний воды ли. Яства ли.
Прости меня!

• • •

Как хотелось бы всем мне ответить добром!
Оплатить всем добром за добро и не только,
чтоб добром—за все боли, когда в горле ком,
пусть последней рубахой, последним куском,
но соломку—под каждой размолвкой,
и чтоб шёлком—ответить проклятьям вослед.
Чтоб на двери закрытые, что предо мною,
мне открытой калиткой ответить в рассвет,
а не крепостью, башнею, Плача Стеною.
Я платки бы расшила цветами, чтоб вы
утирать могли слёзы, и стоны, и вопли.
Эти кличи сквозь время и горе вдовы,
Эвридиковы и Пенелопьи!
О, как мне б научиться людей утешать?
Как умеет зверьё утешать—нате шкуры!
Как рыбёха, что поймана на голыша
на приманку и варится что не спеша,
как лекарство, сбивает что температуру!
Утешать, словно музыки сливовый сок,
утешать, как полотна, как мягонький ягель,
но меня покартинно вовсю Верещагин
распрямил всею болью своей на восток.
Вот бы бабочкой лёгкой, стрекозьей игрой
или чем-то неслышимым, словно касанье,
чем-то лёгким, изящным, ни целой горой,
ни лавиной кипящей, ни чашей из камня.

Ни сама чтобы в камень! Но так невозможно…
Ибо на баррикады, иль тешиться ложью.
Шкурой под ноги—каждому!
Мясом чтоб в супе,
хлебом чтоб и водою. Перстом на распутье.
Виноградом, что в чане (по мне пляшут ноги!),
но добром отвечаю я в о́гибь и про́гиб!
Да, добром. Да, добром. Только им. Им—и всё тут,
сколько раз—не считаю, хоть в первый, хоть в сотый.
Отвечаю: таков русский крест, что несу я,
может, тем вас спасу я взаправду, не всуе.
Я пою заблудившихся, как и заблудших,
ибо я заблуждалась, булыжников рюши
тоже так же носила. Была не прощённой,
не прощающей, мстительной, не отомщённой.
Не жар-птицей, жар-птицей была, огневицей
и орлицей, зегзицей,
и плач мой был вплавлен
в самый горький, безудержный плач Ярославнин!

Но пришло моё время, добром отвечать чтоб
на всемирное зло, на всеобщую гибель,
что потомкам и прадедам—
словно причастье
и как исповедь, как спаси Бог, как спасибо!

• • •

Полынно-цветастые тёплые дали,
и марево леса, и зёрнышки поля.
Не это ли всё предки мне завещали?
Не эту ли долю, не эту ли волю?
И глобус, и карту, где Русь—красным цветом,
где белой зимою и радужным летом?
Но вместо всего—у больницы старуха,
огромное кладбище с видом на стройку,
базар, где по-русски не имут. Опойки
у мусорных баков. И слух, что без слуха.
И зренье без зренья. И мальчик со скрипкой,
глухой от рожденья.
О, как мне смириться с такою ошибкой,
где сломано всё, перекручено, где я?
Затоплен Калязин, и вымер мой город,
где я родилась. И мне стыдно. Так стыдно.
Где я—как предатель наивный! Серп-молот
в орла, что двуглав, переплавлен элитно.
И царь мой расстрелян. И звёзды в гранитах
размяты, разломаны, вынуты, крыты.
Теперь звёзды—символ удобства гостиниц.
Наследие где моё? Мамы гостинец?
Пуховые шали, носочки из шерсти
и эта рабочая кость Демиурга?
И Слово в начале без лажы и лести,
и праздник отцовский мой, День металлурга?
Кто с нами содеял так? Прочь драматурга
из пьесы, театра по имени—правда.
По имени родина. Лозунги дайте
иные! Народу—земля и зарплата.
Рабочим—работу. Культуре—культуру.
А Каина в каинскую снова шкуру,
в уста ему фразу: «Не сторож я брату!»
Верните пятнадцать республик отъятых!
О, мы отречённее всех, кто отрёкся,
о, мы всех сожжённее тех, кто стал пеплом!
И как мне хранить эти бури и ветры,
И цельность, которая стала полоской,
Коль я на слона экой маленькой моськой,
коль я на чудовище—капелькой, веткой?..
Одно упованье—на небо весною!
Оно не затоптано.
Не подытожно.
Его завещали родители тоже!
Вот с этой целебною раной живою!

Марина Пономарёва

Здесь рукою подать до Бога

Антрацит

Антрацит — город в Луганской области

Маленький осенний город. Мягкий, будто кошки лапа.
Хаты, белые как сахар, приютились вдоль дорог.
Маленький осенний город. Город, где родился папа.
Город ягодный и сдобный! Город — бабушкин пирог.

Город нежный, город колкий: ноют раны на лодыжках —
Травы, что острее бритвы, не скупятся на следы.
Город спелых абрикосов — круглощёкая кубышка!
Здесь чернеющие шахты, здесь вишнёвые сады.

Город содранных коленок, прыгалок, велосипедов.
Город, где ситро в стакане — позолоченный корунд.
Под окном весёлый хор: «Я гулять! Вернусь к обеду!»
Нам с тобой пока неведом… лиха пресловутый фунт.

По углам советской «двушки» расфасованы загадки:
Граммофонные пластинки, бледный фосфорный орёл.
Город этот — отраженье моей вечной лихорадки…
Город, трепетно хранящий детства хрупкий ореол.

Гумвойска (волонтёрское)

Запах горелых шин. «Слушай, не мельтеши!
Женщину в дальний путь? Брать опасно!»
Колонна ржавых машин в жаркой степной глуши.
До смерти один аршин, а я с атласной
Лентой! Куда глупей?!.. Крики: «Живей-живей!
В ящиках всё проверь — бинты, лекарства!»
Звоны мёртвых церквей. Дует в лицо суховей.
Отдай матерям сыновей — а я полцарства

Отдам за букет цветов из бабушкиных садов!
Господи! Я-то вернусь… Близка граница!
Но стонет степная Русь, полная новых вдов!
Руки истерты в кровь. Жара — под тридцать.

Скрип тяжёлых сапог. «Возьмите с собой пирог!»
Местные крестят вслед. Грохочет кузов.
Здесь каждый отдаст кусок, затянет на ране платок,
Но слабость стучит в висок — попутным грузом.

Сегодня не взяли в путь. Войны закипает ртуть.
Ленту стащу с волос: пропахла дымом.
Попробуй теперь уснуть, попробуй теперь забудь
Сгоревшую свидину… над чёрным тыном.

Луганщина

Боково-Платово — село
в Луганской области

Тихо. Ставнями хата не хлопала.
Как глазурь с куличей — наличники.
Жили хлопцами там — не холопами —
Мои прадеды. Не опричники,
Не рабы, не крестьяне! Лукавые
Казаки и казачки луганские.
У прабабок глаза тёмно-карие.
Косы чёрные — косы цыганские!
Степи жаркие да колючие
Пролегли между шахт неласково.
Под ногами песок. Да жгучие
Травы сохнут под крышей. Наскоро
Умываюсь водой родниковою.
Звон церковный взлетает и радует!
Выгибается солнце подковою,
Сквозь прозрачное облако падает…
Вместе с белыми абрикосами,
Лепестками, цветками, сливами,
Были босыми и курносыми,
Были грязными, но счастливыми.
Антрацит всё хрустит да крошится.
Терриконы в небо впиваются.
А могилы на кладбище множатся —
От бугра до бугра расползаются.
Старики, как деревья, сгорбились.
Белый сахар с хат весь осыпался.
Дети в городе — приспособились.
Кто-то в люди заметные выбился.
Но приводит дорога разбитая
Меня к небу опять через Боково!
Деревенька, мной не забытая, —
Словно царство вишнёвое, Богово!

Руза

Ах, Руза, Руза! Звон на языке!
И хочется зарифмовать с арбузом.
Еловый бор в промокшем сюртуке
Растерян и взъерошен, точно Крузо.
На подоконнике томится пара груш.
Полуденницы в поле варят донник.
И сумерки свой не раскроют сонник,
Пока на небе облачный картуш.
До станции—полжизни наугад.
Чаёвничает за сараем банник.
Нам вечером привидится овсяник,
Ворующий по зёрнам звездопад.
Ах, Руза, Руза! Капает с ресниц
Зарниц роса, пропахшая метлицей.
Гуляет солнце в пыльной колеснице
По трещинам дубовых половиц!

Здесь рукою подать до Бога…

Мои чёрные терриконы
Подпоясаны бузиной.
«Папа, пап! Наверху драконы!
Белохвостые! Надо мной!»
Мама выбьет из кукол крошку,
Мелкий щебень, цветной песок.
Наругается—понарошку!
Поцелует потом в висок.
По разбитой дороге (к небу)
Деда жёлтые «Жигули»
Мчатся в город—за чёрным хлебом[1].
А я грязная—вся в пыли!
В погребах пауки да банки.
Сладкий холод, запретный мёд.
Это детство ручной огранки:
Кто с Луганщины—всё поймёт.
У забора—седой бессмертник,
Тонет в мареве абрикос.
Помнишь бабу, её передник?
Помнишь тяжесть её волос?
Ну а запах воды в бидоне?
А журчание всех криниц?
Хруст побелки в отцовском доме?
И отсутствие двух границ—
От вокзала и до порога
Мамин лес и отцова степь.
Здесь рукою подать до Бога—
Здесь сплошная стальная крепь.
—Папа, па, ну а что же с хатой?
Вас в живых никого уж нет…
Ах, какой я была богатой
В свои пять с половиной лет!

Офицер

Ты помнишь наши встречи, офицер?
Я красный крест с покорностью казарки
Носила на груди. Чуму и скрип шарманки
Алхимия соединяла в колбе. Во дворце,
На поле брани, через синь люцерн
Чад всюду пробивался. Мой камлот
Не усмиряет плоть, но впитывает пот,
Что по спине течёт. У городских ворот
Старуха-смерть, вся в оспе и веснушках,
Как мартовская злая потаскушка,
К мужчинам прижималась и платком
Махала вслед. Не лавровым венком,
Гербом фамильным, а гнилой культёй,
Семейным склепом, рисовой кутьёй
Вам обернулся поиск золота и славы.
А время шло и с прыткостью менялы
Кидало нас в водоворот пиалы.
И вот алмазом по стеклу «Авроры»
Черчу инициалы, а впотьмах затворы
Щелчком команду к бою подают!
И в тесноте удушливых кают
Мать-революция ласкает байстрюков,
Льёт кислое в стаканы молоко,
А после, с дракой, пьяным матерком,
За шиворот своих—да сапогом…
Могилки разбросав почти валетом,
Из Зимнего нам шлёт свои приветы!
А время в таз стекало по бедру,
Меняло парики и вот, не по нутру,
Валькирией (небезопасно даже).
Мы партизаны—в копоти и саже.
Костров лесных калиновая рябь,
Болот и чащ нехоженая хлябь.
Землянки ледяные и теплушки,
Душистый хлеб, палёный по краям,
Плач матерей, сожжённые избушки…
И снова мы достанемся червям.

И снова три ромашки в кулаке,
Жар поцелуя на моей щеке.
И снова залпы. Двадцать первый век
Плодит бездомных, босяков, калек.
Бог—как струна на замолчавшей цитре.
Мы у подножия седеющих бугров,
Погрязшие в дроблёном антраците,—
Нарыв и гнойник в глотке у врагов.
—Мой офицер, мы вовсе не бессмертны!
Перерождений кончится шаблон.
Пишу тебе на пачке сигаретной
Свой нынешний домашний телефон!

1. Во времена моего детства в этих местах продавался не чёрный хлеб (как в Москве), а «серый». Из другого теста. Для ребёнка это была целая трагедия. Родным приходилось добывать чёрный хлеб, дабы избежать слёз—периодически для этого приходилось ездить в ближайшие крупные сёла или города.

Вечер в военном госпитале

Стеклянные листья ольхи нефритовой белою крошкой
Облеплены, словно ладонь — тугим эластичным бинтом.
Часовня в ноябрьской тьме, как птица, стучится в окошко —
Влетает, ластится, воркует — и боль превращает в фантом.

Два пропуска сунув в карман (или в пакет к мандаринам),
Ныряем в больничную мглу. Ночь съёжилась у проходной.
Во встречных читаю глазах: «Прошу от души — подари нам,
Мать Божия, выпить, курнуть… жену и дорогу домой!»

Своими ногами бредём? Мы все в должниках у Фортуны!
Здесь эхо протезом стучит — пугает дежурных сестёр.
В палатах плескается свет тяжёлый и рыже-латунный.
Крадётся украдкой курить из «лёгких» один бузотёр.

Нам кажется — груз не тяжёл. В контейнерах каша из риса,
Лекарства, черничный пирог и фрукты на всех — ерунда!
Туннель прогрызает внутри здоровая тучная крыса,
И мчатся по этим туннелям свинцовой тоски поезда.

На могилах друзей не распустится мирт

На могилах друзей не распустится мирт.
Погорельцы спустились с пригорка.
В погребах распивают этиловый спирт —
Это лучше, чем чистая хлорка.

Позывные заменят нам всем имена.
Чья-то жизнь оплывает огарком.
Ночь в Луганске особенно летом темна.
Что на ужин? Труха и заварка!

В буйном Киеве-граде цветёт бузина.
В огородах — полынь и репейник.
Расползается всюду слепая война —
Нацепить бы на псину ошейник!

На Пасхальной неделе светло помирать —
Куличами помянут и квасом.
У соседки снаряд залетел под кровать…
Кто был против — стал пушечным мясом.

На могилах друзей бесполезно кричать —
Здесь земля насыпалась по горсти.
На луганско-донецких дорогах — печать
Непокорной и праведной злости.

Отцовская земля

Отцовская земля — особый полигон,
Военное кострище с гулким эхом.
Здесь каждая семья — живой заслон,
Здесь года три уже как не до смеха.
Взлетает копоть, прилипает пыль
На лодочки девичьих босоножек.
С настойкой виноградною бутыль
Сегодня открываем осторожно.
Мы пьём до дна и бьёмся до конца.
У хаты абрикос нагнулся хмурый —
Он пережил и деда, и отца.
Копаются в траве седые куры.
Здесь мама изнывала от жары,
А я — степная жгучая колючка.
В себя вместила север и бугры
Московская чудная белоручка.

Поблажек от врагов земля не ждёт.
Всё красное (а кажется — тюльпаны!).
И всё ж цветёт! Земля отца — цветёт,
Зализывая по-щенячьи раны.

Больше чем…

Из цикла «Положительный резонанс»

Зима хранит кристаллы разговоров,
Луны облатку, бисер ночника…
В себя приду. Но, видимо, не скоро:
Владеет сердцем твёрдая рука!
Моих чудовищ, нежных и домашних,
С цветочной, лепестковой чешуёй,
Рисую солью, рассадив по башням.
Я вас считаю больше чем семьёй.

Моих чудовищ выдают не вздохи,
Не музыка душевных мандолин…
Мои драконы — страшные пройдохи
По части тайн! Глотаю аспирин,
К себе прижав диванную подушку.
Чудовища девичьих мыслеформ,
Убив во мне кокетку и простушку,
Меняют кварц на родовой фарфор…

Александр Орлов

Кравотынский плёс

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы.
Мф. 4:18

Я подплыл к берегу, затащил байдарку. Внезапно из тростниковой гущи возник приземистый старик в длинном кожаном фартуке и кожаных сапогах.
— Бог в помощь. Зачем пожаловал?
— Добрый день. Передохнуть захотелось, напекло, и ветер встречный утомил, вот залив ваш внимание и привлёк,— отвечал я.

Прошло семь дней моего пребывания на Селигере, и я успел приметить этого одинокого рыболова. Ранним утром он подплывал к торгующим женщинам и выгружал рыбный запас. Изобилие свежей, сушёной, солёной и копчёной рыбы всегда удивляло.
— Ветра испугался? Понятно всё с тобой, лодочник,— неохотно протянул старик.
— Вы извините меня, пожалуйста, если я вас потревожил,— оправдывался я.
— Это хорошо, что от сердца вещаешь,— подметил хмурый старик.— Правду в тесный приток не упрячешь, она обширной воды требует. Ну, пойдём, непрошеный гость, время обедать.

На берегу лежали две перевёрнутые лодки, рядом четыре весла и мотор. Жилище обхватывали развешанные самодельные снасти. Никакой ограды, только деревянный домик и маленькая часовня на берегу— вот и всё владение. Напротив лачуги— две лавки, два пня и сосновый стол, на нём горячая уха в котле, варёная картошка в чугунке, соленья в деревянной посуде, чёрный хлеб, жареный судак и пара копчёных угрей. Перед обедом старик помолился, а когда мы перешли к земляничному отвару, я отважился спросить:
— А вы всю жизнь здесь живёте?
— А ты, видимо, решил, что я бездомок?— неожиданно рассмеялся старик.

Он продолжил:
— После войны я в доме этом обосновался, его ещё в начале тридцатых братья Ионовы выстроили. Я мало что изменил, обновил дом пару раз в шестидесятые и в конце восьмидесятых. Братья Ионовы жилище добротное оставили. До войны в окрестности старший из братьев Ионовых считался человеком добрым, хотя и запальчивым. Горячность эту он не раз подтверждал в спорах, на охоте, промысле и в деревенских междоусобицах. Как-то раз, в запале вступившись за блаженного плотника, у которого слыл в подмастерьях, Семён оторвал в драке ухо одному из обидчиков. Заступник был крепкого склада, смуглый, зачастую первенствовал среди односельчан, вставал с первым петушиным криком, был отзывчив, а за голенищем носил кожевенный нож, приобретённый у осташковских сапожников (почти такой же нож старик продемонстрировал и мне). За всё время войны я встретил Семёна только один раз. В сорок первом в госпитале, в Осташкове. Помню гнетущий дух от разложившихся тел, санитара с киплой бородёнкой, он вынес перебинтованного Ионова-старшего из госпиталя. Контуженый, израненный Семён с окаменелым от боли лицом подозвал меня, надорвал край окровавленной гимнастёрки, извлёк из потаённого кармана осиновый крест и чёрный пояс, протянул мне. На распустившейся ленте было написано: «*Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него*». Спустя годы я узнал, что после исцеления Ионов-старший воевал под Сталинградом и Будапештом, был тяжело ранен, попал в плен. Потом концлагерь, побег и снова концлагерь. Весной сорок пятого Ионов-старший был изуверски замучен «Больцанским Чудовищем». Убийцу его, зверя лютого, несколько лет назад сыскали в Америке, будь она неладна. Я вот бесенёнка этого имя записал…
— А младший?— спросил я.
— Куда ты всё спешишь? Все вы такие, спешка— она не от Бога, даром ли в народе приговаривают: «Поспешишь— нагрешишь». Вот ты умный, из Москвы, а знаешь, что поговорка эта от преподобного Амвросия Оптинского в народ пришла? Не знаешь,— проворчал старик.— Об Андрее Ионове мало что знаю, он вообще кроткий был. Хотя и первым во многом оказывался. Как-то к осени ближе мы по грибы отправились, я не заметил, как наступил на гадюку, точнее, на выводок змеиный, вот мамаша ихняя меня и куснула. Да ещё как! Думал, Богу душу отдам! Меня и воротило, и нога

отекла, и голова раскалывалась, и сотрясало, да вот Андрей подоспел, надрезал рану и долго выдавливал кровь и причитывал: «*На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое*». После того как в кампанию тысяча восемьсот двенадцатого года осташи обули всю русскую армию, слава о городе и ремесленниках прошла по всей России и облетела Европу. Андрей некоторое время обучался кожевенному ремеслу у ершеедов, но по рыбацкой части; сапоги, фартуки, варежки шить учился. Он первым услышал призыв по радио, первым явился в военкомат, первым добровольцем отправился на фронт. Андрей служил на флоте. Оборонял Севастополь, а во время Эльтигенской операции, когда эвакуировали десант, обустроил отправку раненых. Сорок морпехов спас! Был ранен при освобождении Херсона, а в сорок пятом в Болгарии пропал без вести. Более ничего,—горько выдохнул старик.

— А семьи, дети у Ионовых были?

Старик разгладил бороду и ответил:

— Старший-то был женат. У озера Стерж стоял одинокий дом на обросшем кургане, где в древности городище располагалось, там любовь свою Семён и нашёл. Так на месте впадения Волги в озеро Стерж у каменного креста они и повстречались.

— А Андрей был женат?

— В летописи своей преподобный Нестор писал об оковском непроглядном захолустье, в котором затерялись полчища Батыя, вот за ним, на соединении Селижаровки и Волги, есть селенье Оковцы, там и проживала невеста Андрея. Дальше только дело не зашло. Война разлучила. В нашей стороне война, как одичалая блудница, до сих пор живёт, пришла с Батыем и память о себе оставила из частокола с человеческими головами, отсюда и название Кровавый тын, прижилась и прячется в окопах, рвах, блиндажах, дотах, могилах братских.

— Так что получается: от братьев Ионовых после войны ничего не осталось? Ни фотографий, ни писем? Ничего?

— Вона самая большая память, что от братьев осталась. Любуйся!—старик указал рукой на деревянную постройку чёрного цвета.

Он встал и пошёл к постройке, я последовал за ним.

— Вот посмотри, какая божница, и создана из ели, без единого гвоздя, без единой скобы,—важно проговорил старик.

— А как же скрепляли брёвна между собой?

— Ионовы свежий еловый выруб выдерживали до двух лет, потом тесали, строгали, коловоротом сверлили и прошивали тоненьким и длиннющим берёзовым корешком. Так и лодки встарь делали. Потом освящали. И ни гниль, ни течь, ни огонь такому деревянному сооружению нипочём!

Старик бодро рассказывал о постройке, потом открыл часовню и пригласил меня внутрь. Зайдя, я ощутил необъяснимую твёрдость под ногами, в храме был каменный пол, я наклонился, чтобы убедиться, а старик, понимая моё недоумение, проговорил:

— В месте этом великий языческий камень лежал, может, сто лет, а может, и тысячи, вот на нём Семён святилище и воздвиг с Божьей помощью. Сотворённому на камне водяное нашествие нипочём. Так было, так есть и так будет.

Солнечные лучи осветили резной иконостас. Старик перекрестился и продолжил:

— Здесь всё как положено: лики Пресвятой Девы Марии, все, что благодать нашему брату рыбарю несут,—Селигерская, Озерянская, Оковецко-Ржевская, и апостольское рыбацкое братство: Андрей и Пётр, а за ними Иоанн, Иаков, Филипп, Фома, а вот и святитель Никола—как без него?—вот и Иоанн Кронштадтский.

Краснощёкое солнце погружалось в летне-зелёное раздолье. Моросило. Проворный ветер затихал. У храма старик посмотрел на меня внимательно и посоветовал:

— Самое время сейчас—ветер стихает, и ещё светло, пойдёшь на Нилову пустынь—будь аккуратен. Как увидишь размашистый пролив, что разделяет Кличен и Городомлю,—знай: гиблое место. Эти Чёртовы ворота многих в бесовскую бучу сопроводили.

Мы подошли к байдарке, с ухмылкой старик посмотрел на связку окуней и сказал:

— Негусто окунёк, негусто, но по рыбарю и улов. Сам-то я какую только рыбину не вылавливал—почитай, всю: и тщедушный снеток, и нахрапистая щука, и разбойный судак, и жадный терпуг, и пугливая плотва, и бойкий окунь, и скромняга лещ, и мудрёный налим, и капризный ёрш, и ехидный угорь—все в мой намёт попадались!

Я отплыл. Старик стоял на берегу болотного залива, а набегающие волны приносили напутствие созерцателя: «*Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое…*»

Андрей Тесленко

Казачка и Дюма

На рассвете дорожная карета Александра Дюма выехала из крепости Кизляр. Заря — подружка солнца — золотисто-розовым покрывалом накрыла снежные вершины гор, призывая к новым приключениям. Мысли писателя горели ярким пламенем, обжигая сердце и душу. У него была заветная мечта, появившаяся после прочтения одного стихотворения русского поэта. Во многом благодаря этому он и приехал в Россию. Отряд терских казаков сопровождал знаменитого француза на протяжении всего путешествия по Кавказу. Время было опасное: уже больше сорока лет шла война с горцами. В это утро тишину нарушали лишь пение птиц, звон серебряных колокольчиков на кожаных хомутах и цоканье копыт лошадей по чистым булыжникам на грязной дороге. Спутники знаменитого француза дружно зевали, укутавшись в верблюжьи одеяла, подаренные калмыцким князем Тюменом.

— Как прикоснусь к этой верблюжьей шерсти, сразу вспоминаю, как мы пировали в Астрахани, — начал разговор художник Жан Муан. — Они подали варёную лошадиную голову, начинённую жареными черепахами. Налили в пиалы их национальный напиток. Забыл, как называется, прокисшее не то кобылье, не то верблюжье молоко. Глядя на калмыцкие счастливые лица, и мы дружно начали есть конское сырое мясо с зелёным луком.

— Кумыс и водка мне сразу не понравились, хотя горькую под селёдочку я люблю, — нехотя поддержал разговор Дюма, как тонкий гурман и ценитель кухни, — а остальное довольно-таки вкусно, та же европейская кухня. Если бы не отсутствие элементарной мебели, всё было бы замечательно. Я ж не могу сидеть часами, скрестив ноги. Ел и то лёжа на коврах, обложенный шёлковыми подушками. Так и до пролежней недалеко.

— Шаманы у них сильные, — поддержал разговор практикующий маг Дэниел Денглас Юм. — Есть чему поучиться…

Следующий обитатель кареты, переводчик, студент московского университета Алексей Калино, притворялся спящим. Он был агентом царской охранки. Регулярно отправлял похожие один на другой отчёты начальнику Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии тайной полиции князю Василию Андреевичу Долгорукову: «Благодаря исправности вашей тайной полиции путешествие месье Дюма проходит в высшей степени благополучно».

За окном кареты моросило. Ноябрь вступал в свои права. Осень рисовала в яркие краски горы, покрытые лугами, берёзово-кленовым криволесьем и сосново-буковым смешанным лесом. Показавшееся из-за облаков солнце осветило снежные вершины Кавказского хребта. Северный ветер разогнал тучи. Любвеобильный Дюма прищурился и прошептал:

— Исключительно чистый и прозрачный воздух. Красота какая! Природа умирает, а мне хочется всё новых и новых впечатлений и любви. Как бы к Шамилю в гости попасть? Я мечтаю написать про его доблесть, бесстрашие и о романтике страны гор.

— Кстати, господа, Гаити в переводе — страна гор. В плен захотели, господин Дюма? — прошептал переводчик в тон, подражая писателю. — Неизвестно чем это интервью для нас кончится. В данном случае мечтать не только вредно, но и опасно для жизни. Зря я согласился на эту авантюру — сопровождать вас. Надо было остаться в Кизляре.

— А я думал, вы спите, — удивился Жан. — Будьте снисходительны к нашему другу. Это просто очередная рискованная забава.

— Друзья, хочу вам напомнить, что у нас есть разрешение не более чем на десять часов отклониться от маршрута, — продолжил разговор великий забияка. — Если мы боимся попасть в плен к горцам, то давайте попадём в плен к казачкам. Я ещё в Париже слышал о восхитительной красоте и добром характере женщин из очаровательной деревни Червелон. Только ради этого надо было бы посетить Россию. «Ветер раздувает пламя! Господь воспламеняет душу!» — процитировал Дюма девиз своего прославленного рода.

Дюма приоткрыл створку кареты и крикнул своему слуге:

— Бланше, останови карету!

Казачий хорунжий Георгий Каглик был явно недоволен решением французов. Но потом успокоился, подумав: «Много казаков отпрашивалось у меня погулять в здешних станицах… Находили там гарных девок, да и оставались после службы навсегда. Может, и я найду там свою судьбу и наконец-то женюсь. С казачками шутить нельзя,

их надо сразу в жёны брать». После короткого отдыха он отправил в станицу вестовых.

К вечеру подъехали на окраину станицы Червлённая. Эскорт Александра Дюма встретил атаман Степан Колодяжный со станичным хором весёлых казаков и казачек. Одна из девушек поднесла ему каравай тёплого пшеничного хлеба и звонко засмеялась. Дюма, заворожённый красавицей, сразу влюбился в неё и чуть не подавился, уронив остаток отломленного кусочка хлеба в солонку. Мурашки вдохновения пробежались по его могучей спине. Он тихо спросил:
— Звать-то тебя как, милое создание?
— Меня не зовут, я сама прихожу,— пошутила девушка, низко поклонившись знаменитому писателю.— Ульяна я. Даданицкого Ивана дочка.

Её отец и братья строго переглянулись между собой и фыркнули на девушку:
— Цыть, шельма! Знай своё место, дурная девка…
— Да ладно вам! Слова не скажи доброму человеку,— огрызнулась она и пошла к девчатам.

Девушки были все как на подбор: чернявые, с голубыми глазами и прекрасными русскими лицами. Семнадцатилетняя Ульяна, как бриллиант чистой воды в мутной горсти жемчужин, выделялась на фоне красавиц своей поразительной кавказской красотой и статью. Её мать привёз отец после успешного похода за Каспий. Она досталась ему по жребию, который он вытянул после захвата в плен шахского гарема. От смешения казаков с народами, проживающими за Тереком, произошли чрезвычайно красивые люди. Особой красотой отличались и славились червлёнские красавицы. Породнившись с кавказцами, терские казаки сохранили в чистоте родной язык и старую веру. Переняли одежду горцев, признаки горского характера и некоторые обычаи.

Атаман подал гостю полный рог красного виноградного вина. Дюма уже был научен на горьком опыте, как пить вино из такого сосуда, чтобы не облиться и не поперхнуться. Александр осторожно взял рог буйвола, в который вмещалось восемь стаканов вина, поднёс его к припухшим обветренным губам и, оставив сверху место для воздуха, медленно отпил около литра божественного напитка. Передохнул. На душе стало хорошо и спокойно. Краски природы и казачьих костюмов стали ещё ярче. На лбу и висках выступили слегка заметные капельки пота. Обтерев лицо и чёрные усы платком, Дюма спросил:
— Вино какого года?
— Моего года,— пошутил атаман.— Как я народился, батька враз три бочки в саду зарыл, на случай знатного праздника. Чихирь это, месье, чихирь — молодое вино последнего урожая. У нас это добро долго не задерживается.

Станичники дружно запели хором:

Там, где свистящие картечи,
Металла бранная гроза,
Лежит в пыли на поле сечи
В три грани чёрная коса…
Она в крови и без ответа,
Но тайный голос произнёс:
«Булат, противник Магомета,
Меня с главы девичьей снёс!..»

Девушки с любопытством рассматривали знаменитого француза. Пузатый великан, под два метра ростом, с густыми мелко вьющимися волосами, унаследовал от бабушки Мари-Кессет из города Порт-о-Пренса, который находится на острове Гаити, неудержимый темперамент и силу. Он походил на африканского льва, вышедшего на охоту. В больших тёмно-карих, как две смородины, глазах сверкали отблески солнца, заходящего за горы мятежного Кавказа. На широкой груди писателя красовались три ордена: бельгийский орден Льва, орден Почётного легиона и орден Изабеллы Католической. На указательном пальце правой руки сверкал редкой красоты перстень с большим бриллиантом и вензелем императора всея Руси Николая I. Перстень был для него как виза пребывания в России и имел бóльшую силу, чем охранная грамота. Он был одет в костюм горца. Бурка, бешмет и калмыцкая папаха, закрывающая его верхнюю часть лица не хуже, чем вуаль на шляпках французских модниц, придавали ему вид казачьего генерала.
— Пока я здесь, я бы очень хотел, чтобы отец и братья Ульяны всегда были рядом,— настойчиво попросил Дюма.— Непременно поселите меня к ним в дом.

После короткого разговора с Иваном Ивановичем атаман сказал:
— Казачина Даданицкий дюже суров. Мужик он тёртый: кого попало в свою хату не пустит. В самой столице служил и там грамоте обучен. Газеты читал. Он отказался принять вас на постой. Станица населена староверами. По нашим законам, мы даже православным не разрешаем у нас жить. А у Ивана ещё и две дочки на выданье… Служить вам согласны. А гостей мы обычно принимаем в бывшей ставке генерала Ермолова. Сейчас там контора Терского казачьего войска, где мы и встречаем всех высокопоставленных путешественников. Пошли, што ль, до штабной хаты?
— Да уж,— опечалился Дюма,— если бы не царь Александр-реформатор, я бы ещё долго был в России нежелательным лицом.

Каменный, белённый известью дом с верандой, где поселились французы, стоял на центральной площади станицы, возле старообрядческой церкви. Рядом располагались две лавки, рынок и чайная. Высокий деревянный забор и дубовые ворота,

крашенные зелёной краской, надёжно оберегали гостей от людских глаз и злых помыслов. Рубленная из кедра баня встретила путешественников нестерпимым жаром, разнообразными вениками и ключевой водой. Местный писарь Васька, по совместительству банщик, от всей души старался угодить иноземцам. Добавив в ковшик с кипятком хлебного квасу и напитка из чабреца, донника, гвоздики и имбиря, он то и дело поддавал лечебной смеси на каменку. Воздух в парилке наполнился запахом хлеба и мёда. Взяв в левую руку эвкалиптовый, а в правую можжевеловый веники, банщик слегка встряхнул их и на мгновение замер. Вид у него при этом был причудковатый: расплющенные от самогона очи сверкали, как угли в каменке, на маленькой опухшей голове с всклокоченными патлами. Слегка подпалённые огнём усы постоянно дёргались от приветливой улыбки. Васёк прошёлся вениками по писателю, как учил его нынешний командующий армией — генерал Муравьёв. Дюма, не выдержав, выскочил в предбанник и окатился холодной водой.

— Ух! Я в шоке от России и их привычки париться, — воскликнул он, переведя дух, в поисках чего-нибудь попить. — Литературным критикам далеко до этого казачины. Пропарил меня от и до, как «откорректировал и отредактировал», — добавил он, смотря на поднос со стаканом прозрачного, как слеза, самогона и солёным огурцом, который подал ему Васька.

— Казаки — народ терпячий и по части хвороб дюже крепкий! Господин мусье, после баньки — продай последние портки, но выпей! — пошутил банщик, забыв, как звать знаменитого француза.

Дюма залпом выпил и, задыхаясь, проглотил огурец. От неожиданности, что это не вода, не в силах сказать даже слова, он замахал руками, требуя простой воды. Василий подал ему крынку кваса из тёрна. Напиток пузырился и шипел, слегка охладив «мушкетёра».

— Это французское шампанское, а не квас! — воскликнул Дюма и, захмелев, сел на лавку. — Я слышал, что старообрядцы не пьют спиртного…

— Это когда просто староверы, без всяких примесей, — серьёзно пояснил Василий. — А мы ещё и казаки… Какой казак не пьёт самогонку, пусть первый кинет в меня каменюку.

В доме накрыли столы. Время вечерять. Гуляли с размахом, как на свадьбе, только жениха и невесты не хватало. Местные женщины ухаживали за гостями и особо уважаемыми казаками, приглашёнными на ужин. Дюма с восторгом смотрел на Ульяну, которая крутилась вокруг него. Она ловко подавала на стол жареных уток, кур, поросёнка, пельмени с начинкой из трёх видов мяса, казацкую торбу из мясного фарша и грибов, щуку со свиным салом, раков «по-праздничному» — в вине и сметане, круглик, таранчук, различные соленья, шиши, вытушки, блины с икрой и многое другое. Красота. От выпивки и запаха мяса, укропа, кинзы и тмина у французов разыгрался нешуточный аппетит.

— За честь и правду! — сказал атаман очередной тост. — Веселы привалы, где казаки запевалы.

Когда казаки изрядно выпили и запели, отец Ульяны с сыновьями лихо станцевали гопака, потом казачка, тут же перейдя на наурскую лезгинку.

У реки у Терека
Казаки гуляли
И калёную стрелу
За реку пущали.
Казаки не простаки —
Славные ребята:
Песни весело поют
И живут богато…

В это время Дюма осторожно касался одежды девушки, отчего ощущал давно забытый любовный трепет молодости. Он подарил Ульяне свой парижский набор разнообразных предметов для туалета, духи и французскую бижутерию. Девушка была в восторге. Она тут же сняла золотые серёжки и надела стеклянные клипсы. Когда отец и братья уснули прямо за столом, их тут же увели домой. Гости разошлись, а Ульяна даже не заметила, как оказалась на коленях у знаменитого француза.

— Пристал, яки степной репей, — говорила Ульяна, слегка сопротивляясь и робко смотря в пылающие страстью глаза чужестранца. — Колючий вы, барин, яки ижина, — тихо смеялась она.

— Я отвезу вас в Париж, — не успевал переводить Алёшка пламенные обещания Дюма. — Вы затмите своей красотой не только всех наших француженок, но и всю Европу. Я давно слышал, что русские женщины самые красивые на свете. Я отдам всё, что имею, только согласитесь ехать со мной. Легче всего осуществимы те мечты, в которых не сомневаются.

— Да я знаю, шо в Париже гораздо краше, чем у нас в станице, — поддерживала разговор очарованная обаянием и напором девушка. — Мой дедушка Ваня был там, когда наши казаки в четырнадцатом году добивали армию Наполеона. Он часто рассказывал под хмельком, яки там хорошо… Там такие модницы-молодайки — не нам чета.

— Принеси корзину шампанского, — приказал Дюма своему слуге, — и сделай так, чтобы здесь никого не было.

На улице пьяные ликующие хлопцы стреляли в небо из ружей, пытаясь попасть в Большую Медведицу. Они устроили фейерверк в честь французов. Взволнованный Дюма сам открыл бутылку шампанского, эффектно выстрелив пробкой в потолок.

Дэниел Юм, чуть заметно улыбнувшись, высокомерно вздёрнул острый подбородок, зевнул и вышел из-за стола. Дюма с надеждой посмотрел

в сторону удаляющегося медиума и нечаянно опрокинул бокал шампанского на чистую скатерть.

«Будь шампанское плохим, Ульяна бы усомнилось в моей искренности, но шампанское превосходное, и она обязательно мне поверит. У пьяных и влюблённых свой ангел-хранитель…» — думал Дюма.

Когда волшебный напиток окончательно растопил лёд на душе девушки и кровь побежала значительно быстрей, затмив разум неприкосновенности, в её глазах засверкали огоньки затухающих свечей, напоминающих Ульяне фейерверки в Париже. Француз уже не казался ей таким старым и страшным. Она опустила вниз глазки и глубоко вздохнула, прижавшись к своей мечте.

Несмотря на строгие нравы, казачки позволяли себе многое. Мужья служили царю-батюшке и подолгу не бывали дома. Станичники с пониманием относились к молодым вдовушкам и замужним вынуждено одиноким женщинам, пригревшим у себя мужчин. Совсем другое отношение было к девушкам, которые не были замужем. Девичья честь играла огромную роль в дальнейшей судьбе казачки. До сих пор существует старинный обычай: после первой брачной ночи перед свадебным столом вывешивается, как знамя непорочности, белоснежная простынь с доказательствами невинности невесты.

Ульяна, боясь позора, рано утром в бане застирала ночные «грехи» и побежала домой. Закричали первые петухи, заглушая лай уставших за ночь собак. Заголосила скотина, прося воды и дойки. Родственники ещё спали, даже не подозревая, что случилось с их девочкой. Она быстро управилась по хозяйству и приготовила завтрак. Набрала ковшик капустного рассола, достала солонины и поставила на стол начатую четверть первача.

— От так любо! Какая ты у меня умница, — сказал отец, опохмелившись. — Ёк-макалёк, от это бодун!.. Какая гадость это пойло! Как погано на душе. Голова гудит, как Царь-колокол! Как там наши французы, не померли после вчерашнего?

— А мне откуда знать? — ответила Ульяна и, покраснев, вышла в сени.

В это время Александр Дюма, откушав куриного бульона, выпив кружку чая с лимоном и мёдом, писал очередной очерк для журнала «Монте-Кристо», а его переводчик Лёша строчил подробное донесение о приключениях писателя.

— Вы тоже писатель? — пошутил Дюма. — Разрешите взглянуть?

— Нет, я больше читатель, — пошутил переводчик, выпив чарку кисловато-горького нарзана. — Сразу пьём, тут же лечимся. Вот набросал вам подстрочник к посланию в Сибирь «Во глубине сибирских руд», — сказал он, побледнев. — Как вы просили. Для издания во Франции.

Душа у Дюма, как у молодого любовника, изнывала от счастья и предвкушения новых встреч с юной красавицей. Он пригласил её с родителями на очередной ужин, но они не пришли, сославшись на занятость.

— Этому битюгу французскому, сыночку генерала, нечего делать. Вчера похвастался, что на него литературные рабы пашут, а нам, простым казакам, самим пахать надо, — заявил Иван Иванович посыльному, почувствовав нездоровый интерес к их семейству. — Захотел сметаны с клубникой. Положил глаз на дочку. А ещё умничал, шо занятым людям некогда разглядывать женщин. Чай, не свадьба — в загул уходить.

Вечером искатель приключений и новых сюжетов залпом выпил пару кружек дьявольского замеса крепкого красного вина, водки, холодного кофе и сахара. Слегка захмелев, Дюма пошутил:

— С такого кофе «по-казацки» — не ходить будешь, а подпрыгивать!

Потом хитростью выманил девушку прямо из хоровода на сеновал и до рассвета сквозь щели крыши сарая любовался с нею грешным полнолунием и сказочной нитью из звёздного хрусталя, улетая в чудесное будущее. Они лежали, обнявшись, мечтая о блеске и триумфе их жизни в Париже. Девушка, зажмурившись от счастья, уже видела себя среди знатных дам и кавалеров на балу у маркиза де ля Пайетри. Она мысленно проносилась из ложи театра в апартаменты замков и дворцов. Вот она уже, как легендарная амазонка, при свете высокой луны и многочисленных факелов гарцует на белом коне, в белоснежном шёлковом платье и с тёмно-зелёном лавровым венком на голове, совершает иппогиннес — танец женщины на лошади. Чёрные, длинные, развевающиеся на ветру кудри, белоснежная кожа безукоризненного женского тела, пронзительный взгляд сине-голубых, блестящих, как озёра, глаз приводят в восторг аристократов и простолюдинов. Прекрасная казачка ели сдерживает себя от джигитовки: ей так хочется промчаться на коне, выполняя лихие выкрутасы, с которыми она была знакома с детства. Толпа влюблённых поклонников дарит ей бриллианты, цветы и безграничную любовь.

Лёгкая дымка окутала станицу. Вдалеке в горах сверкала молния. Предчувствие дождя вызывало лёгкое волнение и ожидание раскатов грома. Первые признаки утра вернули влюблённых из сказочной поэзии в прозу реальной жизни.

— Соловушки поют, кузнечики стрекочут, пчёлки с шмелями гудят, ёжики в кустах плодятся, и я хочу, хочу всего и сейчас! — страстно шептала Ульяна своими прелестными губками, полностью подчинившись воле парижанина.

Душа желторотого птенчика сорвалась со своего места, упала вниз и затрепыхалась в ожидании чуда.

— Я люблю только тех, кто любит меня!..— тихо говорил Дюма.— А ты читала мои романы?..
— Нет, конечно,— смутилась девушка, покраснев.— Я, кроме Библии, ни одной книги в глаза не видела.

На третий день, ни свет ни заря, не попрощавшись ни с кем, Александр Дюма с друзьями промчались в своей карете с плотно зашторенными окнами, запряжённой четвёркой карачаевских лошадей, по центральной улице станицы и скрылись в грешном тумане, сатанившемся из туч вниз по склонам гор в долину. Они направились в Темир-Хан-Шуру, так раньше назывался город Буйнакск. Следом ехали полусонные казаки. Они даже не подозревали, что с французами убегает молодая казачка.

Возле караульной избы, выпучив сонные глазищи, эскорту отдал честь молоденький казачок Дмитрий и спокойно пошёл досматривать военные сны.

Отец с братьями, перекусив приготовленным Ульяной завтраком, уехали на мельницу. Только вечером до них дошло, что случилось горе.
— Французы-то ещё здесь?— спросил Иван супружницу, распрягая вороного коня.
— Бабы говорят, шо уехали. Ещё скотину в стадо не выгнали, как они пронеслись, шо угорелые.
— А Ульяна где?— крикнул казак и сел на завалинку.
— Тю, ты как вчера на свет народился! Где ж ей быть?— удивилась женщина.— У подружек!

Не успело солнце спрятаться за гребни посеревших склонов Терского хребта, как отряд лихих казачков кинулся в погоню за французами. На сторожевых башнях Ивану Ивановичу чётко докладывали о беглецах.

А влюблённые успокоились и были счастливы приятному приключению, несмотря на то, что по дороге кортеж несколько раз обстреливали. Однажды слегка отставшего от отряда молоденького казака Петро заарканил абрек. Он затащил его на скалу и, отрубив голову, закричал:
— Аллах акбар! Ухады с наша земля, шайтан!

Затем, кинув голову на камни, смачно сплюнул.
— Микола, опусти энтого орла на землю,— тихо скомандовал хорунжий,— а то шибко шустро летает!
— С Богом!— тихо сказал казак, быстро перекрестившись.

Затем казак ловко поднялся к врагу и молча сделал то же самое зверство с убийцей своего товарища.

Дюма, переполненный творческим вдохновением и страхом, не выпускал рук любимой девушки, думая про себя: «Какая варварская страна! Несмотря ни на что, Терек принёс свои воды седому Каспию». Его бил лёгкий озноб от пережитых событий, но он постоянно развлекал спутницу рассказами, экспромтами и притчами, которые сочинял на ходу. Переводчик им был уже не нужен— они и так понимали друг друга...

Вдалеке показалось синяя полоска Каспийского моря. Вдоль дороги запахло полынью. Заросли тамариска и фригану напоминали путешественникам Италию. Лёгкий бриз окончательно развеял все сомнения беглянки. В крепости Дербент французы остановились на постой. После пышного приёма в Дагестане знаменитого писателя короновали императором литературы. Ульяна чувствовала себя императрицей.

Пролетели как сон медовые недели счастья. Ночью червлёнские казаки окружили дом, где квартировали французы, и приготовились к штурму.
— Тихо, Гриня, не пыли! Не надо шума!— строго прошипел Иван Иванович на ухо командиру охраны, вышедшему до ветра.— Не будем зря казацкую кровушку проливать. Как же ты допустил, шо со мной так поступили?

Казаки заскочили во двор. Засверкали сабли. Заклацали железом курки и магазины пистолетов и ружей. Воздух, как перед грозой, наполнился напряжением и тревогой. Ещё мгновение— и под «колокольный» звон булатных клинков полетят казацкие головушки за чужой грех.
— Так у них всё по-доброму, полюбовно,— оторопел хорунжий, поправив Георгиевский крест на своей широкой груди.
— Пусти, заберу девку с миром,— сказал Иван и отстранил казака от калитки.— Не бойся, международнего скандалу не будет! Я ж не дуб грузинский— с мушкетёрами воевать.

Если раньше для горцев считалось преступлением убить поэта или писателя, то для казаков тем более.
— Пустите его!— приказал казакам командир охраны.

Иван Иванович тихо зашёл в спальню. От увиденной картины он заскрипел зубами. Ошеломлённый отец схватил хлыст и отстегал влюблённую парочку. Дюма вскочил и, наткнувшись на холодное дуло пистолета, сел на край топчана.
— Как же ты могла так опозорить отца и нашу семью?!— кричал на дочь старый воин.— Как же я упустил из узды твои помыслы? Вспомни судьбу твоей сестры Авдотки, после того стихотворения, которое ей написал сотник Михайло Лермонтов. А он— духовный брат и сват твоего француза. Собирайся немедленно до хаты. Казак скорей умрёт, чем с родной земли уйдёт! Он же старше меня... Совсем сдурела? Или тебя заворожил его колдун швед Юм?
— Стар дуб, да корень свеж. Вольная казачка я, батька, а не казак! Не хочу домой!— умоляла, обливалась слезами девушка.— Лучше в петлю, чем такая жизнь. Живём как на фронте: каждый день стреляют. Работаем как каторжные: с рассвета

до заката. Страшно становится, что так вся жизнь пройдёт. У меня всего одна жизнь, и я хочу счастья!
— От умеет он тёткам головы дурить да мужикам ветвистые рога ставить. Сбил девицу с панталыку! Мало ли чего ты хочешь? Казаки от казаков ведутся. Воля отца — закон для семьи! — взревел Иван. — Знала бы, что тебя там ждёт с иноверцами, впереди моего коня бежала бы в родную станицу. С чужого коня среди грязи долой.

В комнату заскочил переводчик и начал упрашивать казака успокоиться:
— Дядя Ваня, убери оружие, а то недалеко до греха! Не выдержишь каторги, не молодой уже!
— Не пугай, «племянничек», пуганые! Не гони коней, студент, уж приехали! — кричал казак, брызгая слюной. — Переведи своему кобзарю французскому, что если хочет остаться в живых, пусть даст честное слово, что не будет писать про мою дочь. У меня папаха черна, зато душа светла. Ни рукобития, ни тем более буйства не будет, хотя и опорочил её этот «воловий хвост» перед станичниками на всю оставшуюся жизнь.

Дюма дал слово, что не заденет даже строчкой чести девицы, и попросил проститься с Ульяной. Девушка бросилась на шею Александру Александровичу, целуя его и умоляя не отдавать отцу. Обезумевший от происходящего Иван Иванович взвёл курок, вытянув вперёд крепкую руку с пистолетом.
— Лучше пусть убьёт меня, — просила она, — только не отпускай меня! Не бойся его! Не будет мне теперь никакой жизни… Живьём съедят… Казачий аркан — не таракан, зубов нет, а шею ест.

Дюма осторожно поцеловал девушку в лоб и медленно отстранил от себя. С трудом сорвал со своей руки тяжёлый перстень с вензелем российского императора и вложил его в правую ладонь Ульяны, сжав её нежные пальчики, трепетно поцеловал их. Александр с болью на сердце воскликнул:
— О Мария-Луиза! — вспомнил он мать. — Никогда не бывает проявлением трусости подчинение силе, стоящей над вами. Редко случается, чтобы то, чего пламенно желаешь, столь же пламенно не оберегали другие люди. У меня никогда не было такой сказочной принцессы! Ты для меня лучше и дороже всех женщин на свете! Пройдёт время, про тебя напишут другие писатели, и тобой будет гордиться весь мир.

По возвращении в родную вотчину Ульяна ловко соскочила с вороного коня и гордо посмотрела на казачек. Она была одета как графиня, только что вернувшаяся из Парижа, что делало её ещё прекрасней.
— Подивись, бабы, Даданиха-то наша — что француженка! Гляньте, как нос задрала! — шептались от зависти ядовитые червлёнки необъятных форм, лузгая семечки и соря от них луштайками. — Ведёт себя как королевна! Тьфу на тебя! И хто ж оно теперь?

Теперь молодёжь, проходя мимо дома, где тосковала Ульяна, с издёвкой затягивали свадебную песню:

Пьяница-пропойца
Ульянин батюшка.
Пьяница-пропойца
Ульянина матушка.
Ой, пропили доченьку
За мёд да за горилку…

Пьяный в дымину казачара Петро, который раньше любил Ульяну и хотел посвататься, ночью с молодыми парубками измазал её забор и ворота дёгтем. Девушка перестала общаться с односельчанами. Жизнь превратилась в ад. Когда стало ясно, что будет ребёнок, её отправили к родственникам в крепость Ведено. Но и там ей не дали спокойно жить. Все домочадцы не скрывали своего презрения к ней.

Не выдержав такой жизни, она убежала дальше в горы и нашла убежище в чеченском ауле возле древнего храма горцев. Скалистые пики гор, сверкающие синевой ледники, мрачные глубокие ущелья стали ей родней и ближе, чем зелёные поля и сады родной станицы. Когда родилась кучерявая девочка, как две капли похожая на Дюма, её назвали Александрой в честь знаменитого отца.

Эпилог

Ульяна приняла мусульманство и вышла замуж за старого чеченца, от которого родила ещё девятерых детей. А дочь Дюма, которую местные жители звали Саной, росла как родная среди горцев, чувствуя себя счастливой возле сводных сестёр и братьев. На краю горной тундры, где царствуют лишь снег, лёд и камни, возле шумящей водопадами и перекатами речки Хулхулуа, в облаках и лучах солнца, Сана быстро выросла и стала красивой, как мать. Выйдя замуж за местного джигита, родила трёх сыновей.

Дочь и внуки, с гордостью и благодарностью за то, что во многом благодаря Александру Дюма появились на свет Божий, часто перечитывали романы своего отца и деда. «Вот и в России появились три мушкетёра!» — не раз шутила Сана, обнимая своих сыновей.

За участие в восстании под руководством Алибека-хаджи мужа Александры со всей семьёй выслали в Тамбовскую область. Двое внуков Александра Дюма погибли в боях с повстанцами Антонова. Третий, кавказский внук Дмитрий, приезжал на родину накануне Второй мировой войны, где многим показывал перстень своего деда. Знал бы Иван Иванович Даданицкий, с каким уважением будут относиться к детям и внукам Александра Дюма-отца, не был бы так суров к своей дочери.

Были бы станичники истинно православными христианами, могли бы прощать и любить друг друга по-настоящему — может быть, и сложилась бы судьба Ульяны по-другому.

Прошло сто пятьдесят два года российских лихолетий. Теперь жители станицы Червлённая с гордостью рассказывают про то, что к ним приезжали в разное время Александр Грибоедов, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой и Александр Дюма, который полюбил их местную красавицу, подарив ей дочь и перстень с алмазом и вензелем императора всея Руси.

Владимир Щербинин

Маятник лета прошёл середину

• • •

С чего начинать отсчёт дня?
С утра или от прошедшей ночи?
Начало и конец всегда условны.

Дети грелись на горячем песке.
Рыбки сновали в тёплой воде.
Белые и синие цветы покачивались в высокой траве.

Воды горной реки уносят
Упавшие листья.
Приносят свежесть растаявших снегов.

День тянулся как год.
События и далёкие горизонты.
Завтра будет ещё один день.

• • •

Днём в саду расцвёл куст белых пионов.
Отец хотел подарить их дочери на юбилей.
Ночью отца не стало.

Суматоха большого города.
Мелькание лиц.
Где же журчание ручьёв и шелест трав?

Мысли… мысли…
Куда направить их бег?
Где искать новые дороги?

Ягоды вишни —
Как крупные слёзы.
Много их пролито деревом.

Маятник лета прошёл середину.
День начинает уступать ночи.
Первые жёлтые листья роняют деревья.

• • •

Ясное и тихое утро,
Рыбаки с восхода стоят вдоль берега.
Бег и вода прогнали остатки сна.

На сине-сиреневом небе поднялась полная луна.
Жаркий день позади.
Комары не забывают своих дел.

• • •

Бабочка на вишне.
Подул ветерок.
Была ли она?

Собачий лай
Ветер уносит.
Его слышат звёзды.

Ветер и тучи
Прогнали детей с берега.
Река опустела.

В небе, среди туч,
Одинокая птица.
Ищет место на земле.

Острые макушки высоких елей
Прокололи хмурое небо.
Они увидели солнце

Маленькая мушка
Бьётся о стекло.
Куда она стремится?

Дождь. За открытым окном
Капли дождя
Говорят о вечном.

Сергей Петров

Париж, Париж...

Вера шла к Дворцу оперы по улице с музыкальным названием Опера.

«Надо же, чуть ли не каждый второй здесь — негр»,— думала она, испуганно оглядываясь, словно её мысли могли подслушать. Во Франции за это самое «негр» можно и пострадать.

Лет пять назад ей уже довелось побывать в этой стране: приезжала по турпутёвке на неделю. От той поездки в памяти остался калейдоскоп сменяющихся картинок. Приехали. Заселились в отель. Утром, в семь часов,— завтрак, дальше — обзорная экскурсия, обед, Лувр, вечером — снова отель, ужин. Всё расписано. Всё на потоке. На обратном пути в Москву в голове крутились слова одной и той же песни: «Скованные одной цепью, связанные одной целью». Таковы реалии любой туристической поездки.

То путешествие Вера прозвала для себя «материнским». Мать была учительницей французского языка и почитательницей культуры Франции. Она с упоением читала Оноре де Бальзака, Виктора Гюго, Флобера, Стендаля, де Сент-Экзюпери и всю жизнь мечтала побывать в обожаемой ею стране. Но тогда, в СССР, поехать за границу могли только привилегированные особы, простым смертным такая возможность открывалась по весьма ограниченному числу специальных обстоятельств. А когда Советский Союз распался и поехать за рубеж стало можно, решиться на такую поездку матери уже не позволяло здоровье. Потом она умерла. Через год, постоянно чувствуя за собой непонятную вину, Вера поехала в город маминой мечты, убеждая себя, что необходимо хоть так осуществить её желания. Возможно, когда-нибудь потом она сможет там, в лучшем мире, рассказать маме обо всём. Брат был «по уши» в своих делах, и она поехала одна.

От поездки осталась пустота. Что она могла бы рассказать матери? Как в толпе экскурсантов неслась к Лувру? Как толкались локтями в Версале? Кроме суеты и мелькания картинок, в памяти ничего не осталось. Вера понимала, что мама хотела иного: атмосферы Парижа, чего-то возбуждающего чувства, прекрасного. А этого не было.

И Вера решилась на новую поездку. Кредит она погасила. Накопления имелись. Позвонила брату, тому снова было некогда. В Интернете выбрала первый попавшийся отель в центре Парижа. Понравилась разумная цена. Отзывы тоже были сносные. Зашла на сайт Аэрофлота: билеты на эти дни продавались. «А вдруг разрешение не дадут?» — то ли с надеждой, то ли с досадой подумала девушка и отправилась в визовый центр. Визу выдали.

Время летит быстро, и вот Вера входит в парижский отель.

— Бонжур,— произносит она и, поскольку на этом её знание французского исчерпывается, молча подаёт квитанцию прыщавой девушке на reception. Прочитав текст, та улыбается и говорит по-русски:

— Здравствуйте!

Оказывается, её родители — русские, давно перебравшиеся в Париж.

Тесноватый номер с обшарпанными стенами, но разве это для Веры главное? Одно дело, когда едешь развлечься на курорт, другое... Что — другое, она ещё не решила. Но понимала, что для начала надо не спешить, попытаться понять Париж, вдохнуть его жизнь. А дальше видно будет.

В детстве она читала книгу о великом марафонце, который объездил весь мир. Запомнилось, что спортсмен старался узнать каждый город, в который приезжал, изучал его, просто гуляя по улицам. По его мнению, каждый очередной город имел свой нрав, характер, свою душу. И, как орденами, он награждал их эпитетами: пасмурный Лондон, пёстрый Бомбей, блистающий Париж, изящная Прага.

«Каким для меня будет Париж? — спрашивала себя Вера и пожимала плечами.— Утро вечера мудренее».

В последнее время ей постоянно хотелось спать: могла уснуть в очереди в поликлинике, в метро, завалиться в постель часов в восемь вечера. Вот и сейчас клонило ко сну.

Однако на гостиничной кровати долго не засыпалось. Вера открыла глаза из-за невнятного шума с улицы. Светало. На цыпочках она подошла к окну и осторожно приоткрыла штору, почему-то высунув язык. На узкой улочке в доме напротив два пьяных француза, один толстый, другой тонкий, устроили представление. Толстый открыл дверь в подъезд, чтобы войти в дом, а второй настойчиво

желал попасть к нему в гости. Толстый отталкивал его лениво руками и что-то объяснял.

— Наверное, поздно… или, наоборот, рано,— улыбнулась девушка.

Но тонкий продолжал настойчиво напирать на товарища, чтобы войти, а толстый интеллигентно отталкивал его.

— Французы тоже люди и пьют как русские,— хмыкнула Вера и пошла в душ.

Но, увы, завтрак в отеле оказался французским, а не русским: кофе, круассаны, сыр, ветчина, джем, и — привет, Париж!

Пять минут — и она в саду Тюильри, вытянувшемся вдоль Сены. Геометрически правильные, щепетильно причёсанные аллеи. Надменные, сверкающие белизной скульптуры, большие чопорные клумбы и вазы, окружённые каштанами. Парижане лениво беседуют на зелёных металлических стульях у мутного пруда.

«Значит, в этом саду Францию носили на руках?!» — Вера вспомнила вошедший в историю случай. Петр Первый, выскочив из кареты, подхватил здесь на руки семилетнего короля Людовика Пятнадцатого и понёс его в зал для аудиенций, обращаясь к ошеломлённым придворным: «Несу всю Францию!»

«Мило, всё мило… но и только»,— думала девушка. Какое-то странное предчувствие не покидало её.

Дальше через площадь Согласия можно выйти к Елисейским полям, где самые прославленные модные дома, мировые ювелирные и антикварные магазины. Но именно туда её вовсе не тянуло. К тому же скромность французского завтрака дала о себе знать, и к одиннадцати часам захотелось настоящего русского обеда.

В двух первых попавшихся по пути кафе меню было на французском. Но, собственно, на каком языке должно быть меню во Франции?

Нерешительно, но определённо стал накрапывать дождь.

«Бог троицу любит»,— решила Вера. И в третьем кафе с независимым видом решительно села за стол.

«Как-нибудь объясню, что хочу заказать. В крайнем случае, ткну пальцем в любую строчку меню. А то так с голода умру во Франции!» — она невольно усмехнулась.

Французы за соседним столиком вежливо улыбнулись.

Подбежавшая официантка что-то затараторила.

— Если бы я понимала, о чём вы говорите,— вяло пробубнила Вера.

— Русо? — воскликнула француженка.

И, как по мановению волшебной палочки, перед Верой оказалось меню на русском языке!

«В Париже жить можно, точнее, есть можно»,— удовлетворённо подумала девушка, заказывая знаменитый французский луковый суп и фирменный бифштекс из говядины с кровью.

По пути к отелю она с удивлением несколько раз различала русскую речь.

«Русские есть везде»,— улыбаясь, думала Вера, бросая оценивающие взгляды на идущих навстречу женщин и машинально кивая… Да-да, конечно. Парижанки одеваются скромно и практично, избегают вызывающего макияжа, но любят яркую губную помаду.

Во время отпуска девушка привыкла днём ложиться на некоторое время вздремнуть, но было похоже, что на этот раз поспать у неё не получится. В номере трудилась горничная. Потом позвонили и пригласили на reception: возникли вопросы по анкете, которую она заполнила накануне.

Вечером, не выспавшаяся и потому всем недовольная, она шла по улице Опера. Рядом двигалась разношёрстная толпа. Всё как в Москве. «Только у нас мелькают таджики, а здесь чернокожие»,— размышляла девушка. Она вся сжалась, кожей ощущая, как идущие навстречу пристально вглядываются в неё, будто хотят уличить в чём-то. Их голоса на непонятном языке сливались в монотонный раздражающий шум. Не было чувства чего-то важного. Не было ощущения Парижа. Та же московская суета. Всё как всегда. Она, словно повзрослевшая девочка, потерялась в этой толпе. И эта масса людей уже казалась ей особым единым существом, обнюхивающим её и готовящим подвох. Замкнутое пространство Веру не угнетало, но в толпе было неуютно и тревожно. Зачем она сюда приехала? Что тут делает?

И вдруг, ошеломлённая, Вера остановилась. Перед ней во всей красе возвышалось здание «Гранд-оперá», или так называемая «Оперá Гарнье». Собственно, сюда она и шла, и нельзя было сказать, что перед её глазами впервые нечто подобное. Видела она Большой театр в Москве, не раз была в Эрмитаже и Петродворце в Санкт-Петербурге, в Париже, в первый ещё приезд, изучила Версаль и Лувр.

Но тут с ней произошло что-то необыкновенное! Шла в толпе, и вдруг всё исчезло, обыденность отступила, и перед ней выросли стремительно возносящиеся колонны, вздымающиеся в скачке лошади, блаженно парящие ангелы в переливах белого, розового и зелёного мрамора — словно застывший танец. И всё это великолепие венчали статуи, символизирующие Поэзию и Гармонию, сам Аполлон смотрел величественно с купола, словно понимая, что творится у неё на душе, и дышал величием, покоем и умиротворением.

Ярко-оранжевые лучи заката осветили здание, и оно затрепетало в нанизанных на купол, подсвечиваемых теперь солнцем снизу розовых облаках. Небо остывало от дневного марева, дожидаясь захода солнца, и по строению пробежала странная тень.

Вера знала о тайнах и мистических символах, не покидающих этот театральный дворец на протяжении всего его существования. Она вычитала, что один из мистических знаков здания — число 13. Это тринадцатый театр на территории Франции. На тринадцатой ступеньке этого театра умерла одна из балерин. Во время оперы «Фауст» упала люстра, и погиб зритель, сидящий в тринадцатом кресле зрительного зала. Другая тайна: в «Гранд-опера» жило привидение, о существовании которого знали все. Именно из-за него покидали свои посты директора. Об этом — роман Гастона Леру «Призрак Оперы».

Вот и сейчас что-то таинственное окружало здание.

Она вздрогнула... Кто-то осторожно коснулся её плеча.

Импозантный парень лет тридцати с модной двухдневной щетиной на щеках и подбородке, в дорогом сером костюме, с бабочкой, в начищенных до блеска туфлях, стоял рядом и доброжелательно смотрел на неё. Он что-то сказал по-французски и помахал билетом.

— Извините, не понимаю, — вырвалось у Веры.

Парень улыбнулся и — о чудо! — на чистейшем русском сказал:

— Девушка, у меня мама заболела, и приходится продавать билет в оперу. Купите?

«Побывать в „Опера Гарнье“ — немыслимо! Туда билеты за полгода покупают!» — у неё захватило дух.

— А сколько стоит?

— Сто двадцать евро, — буднично сказал парень.

«Девять тысяч рублей», — мысленно подсчитала девушка и удручённо замерла.

— Это реальная цена билета. Я не спекулянт, — покраснев, заверил парень и указал пальцем на цифру.

— Я вам верю, но дело в другом. Увы, этого я себе не могу позволить, мне ещё уехать отсюда надо.

— Жаль, — ответил парень и нерешительно замялся.

Затем, подумав, выпалил:

— Бог с ним, вряд ли я найду кого-то, до начала осталось тридцать минут. Как вас зовут, девушка?

— Вера, — пролепетала она.

— Я вам дарю билет.

— Что вы! — выпалила она, протестуя, и даже сделала отталкивающее движение рукой.

Парень улыбнулся и сказал торжественно:

— Зря. Тогда порву билет у вас на глазах! Раз! Два!

Он держал билет двумя руками.

— Согласна, — растерянно пролепетала Вера. — Будем считать, что сегодня... так сложились звёзды!

— Верно, — парень поднял указательный палец. — В жизни всегда должно быть место удаче и волшебству!

Дальше всё и происходило как в сказке.

Они поднялись по парадной, выложенной мрамором лестнице. Вокруг гранит, оникс, яшма, сусальное золото, зеркала, бархат. Великолепие снаружи, изящество внутри. Вот и фойе, украшенное позолотой, мозаикой, зеркалами и росписью.

— Дворец Гарнье был построен в девятнадцатом веке, — важно говорил Олег. — Лучшим был признан проект Шарля Гарнье, ещё никому не известного архитектора. На своих эскизах он соединил признаки совершенно разных стилей, благодаря чему получил уникальное великолепие волшебства. Ходит легенда, что якобы императрица Эжени с недоумением спросила у Гарнье, что это за стиль. Гарнье, не растерявшись, ответил: «Стиль императора Наполеона Третьего».

— Это общеизвестно, — снисходительно ответила Вера. — А о мистических знаках здания вы знаете?

Олег растерянно заморгал.

— Так слушайте, — девушка уверенно перехватила инициативу.

Вот и красно-золотой подковообразный зрительный зал с огромной хрустальной люстрой.

— Надеюсь, у нас не тринадцатый ряд или место? — улыбаясь, поинтересовалась Вера.

— Нет, — засмеялся её спутник.

Замолкают последние аплодисменты. Гаснет свет. Надрывно взмывает скрипка. Но вот её пение перекрывают, усиливаясь, звуки литавр, подобно надвигающимся раскатам грома. И плавно, в унисон, начинают звучать, сливаясь, виолончели, контрабасы и фаготы. Ощущение, будто тихо наплывают, иногда приостанавливаясь, таинственные тени. По спине Веры пробежали мурашки, её охватило тревожное предчувствие, смешанное с надеждой. Почему-то на ум пришла фраза Гейне: «Там, где кончаются слова, начинается музыка».

...Вера снова идёт по улице Опера, но рядом с ней — Олег. А навстречу движутся люди, милые и доброжелательные, словно понимающие, что в её душе до сих пор звучит мелодия, полная светлой, наивной грусти, далёкая от будничных забот и суетной жизни.

Между тем вечерняя жизнь в Париже только пробуждается: загораются фонари и красные таблички, лениво заполняются террасы кафе со столиками впритык. Питейные заведения растянулись гирляндами по улице в окружении домов с фасадами, похожими на пирожные с кремом, пестреющими кружевными балкончиками.

— Спасибо вам. Вот и мой отель, — она замялась. — Чем вас отблагодарить? Могу пригласить в кафе на чашечку кофе. Но только завтра, сегодня уже засыпаю.

— Завтра мы улетаем, — эхом прозвучал ответ.

Вера огорчённо поджала губы.

— На чашечку кофе можно зайти и в Москве, — улыбаясь, заметил Олег. — Если вы дадите телефон.

Ойкнув, она с радостью продиктовала номер.

— Всё, я спать, — виновато вздохнула Вера.

— Знаете, есть птичка, которую прозвали в народе сплюшка. Она примерно через каждые пять секунд методично восклицает: «Сплю… Сплю… Сплю…» И самое главное, что с последними звуками её песни наступает темень. Побегу, пока не стемнело,— закончил парень и зашагал прочь, что-то напевая.

«Похоже, он теперь так и будет называть меня „сплюшкой“».

У неё не было чувства, будто она видит Олега в последний раз… Наоборот. Это было чувство совсем недолгой, может быть, даже мгновенной — как внезапно прервавшийся сон — разлуки.

Д*и*Н ревю

Михаил Тарковский

Не в своей шкуре

Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2019

Михаил Александрович Тарковский — писатель, чьё творчество вызывает неподдельный интерес не только у публицистов и литературоведов, но и у широкой читательской аудитории. Сибирский мастер является преемником традиций «деревенской прозы», которая в современном литературоведении получила иное наименование — традиционалистская. Да и сам писатель, определяя своё место в современном литературном процессе, называет свою прозу «деревенской».

В своих произведениях М. Тарковский рассказывает о том, насколько загадочна и притягательна енисейская таёжная жизнь. Читателю предоставляется шанс ощутить душевную гармонию между тайгой как некой хранительницей природной вневременной мудрости и охотником-промысловиком. Онтологические мотивы, которые постоянно звучат на страницах его рассказов, очерков и повестей, по проблематике, поэтике, идейно-тематическому наполнению, стилевому обозначению сближают произведения автора с творчеством В. Астафьева. <…>

Художественные произведения М. Тарковского, написанные в 1990-е годы, принято считать ранней прозой, итог которой — выход в свет издания «За пять лет до счастья» (2001). Это первая книга прозы, в которой обобщается начальный этап творчества писателя, здесь же определена центральная тема его зрелого письма — тема человека и природы. Ранний (и отчасти зрелый) этап творчества писателя ознаменован произведениями традиционалистской направленности. Это концептуальные тексты, завершающие эстетические искания классической «деревенской прозы». М. Тарковский акцентирует внимание на процессах разрушения национальной культуры, традиции, крестьянского дома, семьи. К произведениям названного ряда следует отнести рассказы «Ледоход» (2001), «Вековечно» (2001), «Петрович» (2001), «Фундамент» (2004), повести «Стройка бани» (1998), «Ложка супа» (1999), «Бабушкин спирт» (2004). Тексты пронизаны ностальгическими мотивами, сохраняют представление о патриархальной деревне как избранном месте, писатель разрабатывает традиционные литературные образы (крестьянин, народный праведник, «хранитель древностей»), которые постепенно сменяются персонажем кризисного мышления (человеком границы), вводится автобиографический образ героя-интеллигента, сквозными становятся образы охотника-промысловика. Сюжетной основой художественного повествования раннего М. Тарковского можно назвать мотив ухода-прощания-расставания, идейно вписанный в историко-литературную ситуацию рубежа XX–XXI веков. <…>

Избранным, идиллическим пространством в прозе М. Тарковского является тайга. Это пространство занимает большую часть авторского повествования и представлено весьма разнопланово: как место производительного труда, где организуется быт персонажа, как место самоопределения, открытости Богу. Для автобиографического героя это пространство инициации, где возможно постижение сакрального опыта — соприкосновения с почвой. Мужской труд на земле становится особым испытанием — в новом, осваиваемом пространстве герой меняет свой статус, взгляды, принципы отношения к людям, животным, судьбе. Братство охотников чем-то напоминает единение посвящённых — со своим уставом, законом и тайной.

Никита Вальянов

Андрей Дмитриев

Пропавший без вести

Старейшему нижегородскому журналисту, краеведу, писателю, старшему товарищу, коллеге и наставнику Вячеславу Вениаминовичу Фёдорову

1.

Поиском земляков, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, Кирилл Железовский занимался уже год. Конечно, исследовать электронные архивы и форумы волонтёров с целью обнаружить там вновь открывшиеся факты — это не самому раскапывать траншеи и блиндажи посреди болот под проливным дождём, но труд тоже кропотливый, требующий определённых знаний, терпения и чутья настоящего охотника. Стоит заметить, что многие пропавшие числились таковыми лишь по причине затерявшихся в бюрократическом омуте бумаг. Учётная документация 1940-х, постепенно рассекречиваемая и переводимая Министерством обороны в цифровой формат в свободном доступе, стала проливать свет на многие тёмные страницы войны. Хотя эти разрозненные сведения пока ещё рассеяны по просторам Интернета, и чтобы их собрать, нужно хорошо ориентироваться в хронологии сражений, в номерах и наименованиях войсковых частей — словом, понимать, где и что конкретно искать.

Памятник на центральной улице посёлка Волчий Овраг хранил десятилетиями имена мужиков, ушедших отсюда на фронт, но так и не вернувшихся домой. Увы, судьба далеко не всех была установлена. Кто-то, вероятно, сгинул в фашистском плену, кто-то не смог выйти из окружения, пробиваясь к своим, чьё-то тело засыпало чернозёмом в дьявольском смерче вражеского артобстрела. И вот ровно год назад на одного пропавшего без вести солдата в Волчьем Овраге стало меньше. Год назад Кирилл Железовский открыл свой счёт возращённых имён. Всё началось с прадеда Светы Измайловой — с Василия Прокоповича Жаркова.

Однако тут нужна небольшая предыстория. Кирилл начал встречаться со Светланой прошлым летом. Была она на пару лет его младше и только-только окончила среднюю школу. К тому времени сам он уже успел отслужить на флоте — на Тихом океане — и, вернувшись в посёлок, подумывал о поступлении в институт, на историко-филологический факультет. История и литература у Железовских были в чести. Папа — Анатолий Фёдорович — работал терапевтом в поселковой больнице и, как истинный представитель провинциальной интеллигенции, вернувшись с дежурства, предпочитал книгу вечерним посиделкам у телевизора. Читал преимущественно психологическую прозу, мемуары и исторические романы. Чтение напоминало ему осмотр пациента, когда подмечаются еле уловимые симптомы и уже по ним определяются особенности организма и возможные патологии, ну а дальше — пути профилактики или лечения. Этот метод познания касался и художественных образов, и описываемых эпох, так как в обоих случаях для вынесения вердикта требуется тщательная диагностика.

Мама — Лариса Сергеевна — заведовала библиотекой и считалась в семье настоящим лоцманом в бескрайнем море прозы и поэзии. По возможности она приносила своим мужчинам что-нибудь почитать, если в книжные фонды приходило пополнение. Особое внимание уделяла развитию сына, не пытаясь что-то навязывать, но чутко реагируя на смещение его интересов. Обнаружила симпатию к фильмам ужасов — в доме появились Лавкрафт, По и Кинг, почувствовала склонность к самокопанию — подсунула Кафку, Набокова и Цвейга, уловила радикальный юношеский максимализм — настал черёд Достоевского. Попадаясь на эти провокации, Кирилл с ранних лет привык воспринимать литературный текст как множество дверей, пространство за которыми при длительном проживании постепенно обретает очертания собственной комнаты. Впрочем, такое воспитание пытливости ума имело и побочный эффект — самонадеянность и, как следствие, упрямство.

К концу школы и того, и другого в юноше хватало с избытком, но родители старались сохранить свою пусть конституционную, но всё-таки монархию. Кирилла готовили сначала в медики, на чём настаивал отец — мысль о семейной династии грела его достаточно честолюбивую душу, потом в инженеры, так как мама в техническом образовании видела наиболее широкие перспективы в век развития высоких технологий.

— Станешь инженером, грамотным специалистом — будешь жить в большом городе, получишь престижную должность на каком-нибудь

производстве, а то в нашем Овраге только и дел-то — по-волчьи выть, более-менее приличного места уже не найдёшь, — говорила сыну Лариса Сергеевна.

Но чаянья родителей не сбылись, Кирилл был тогда слишком юн, чтобы глядеть в будущее настолько прагматично, да и дворовая компания влекла совсем в иную сторону. Увы, с годами в тесной комнате обживаемого пространства стало слишком много запертых дверей, вот и возникла блажь воспользоваться распахнутым окном. Ромыч, Пафнутий, Серёга Мякишев — школьные друзья — спешили поскорее стать взрослыми, хотя критерии взрослости видели только в отмене всяческих запретов. И всё же для Кирилла это было свежо, смело и потому соблазнительно. Однако жизнь молодого нигилиста кажется яркой и увлекательной лишь до того момента, когда все шлагбаумы уже сломаны и всюду зияет пропасть. В каком-то смысле от падения в неё спас призыв в армию. Командир тральщика в короткий срок не только вернул приоритет обязанностей над правами, но и сформировал волевой стержень, на который к концу службы старшина второй статьи Железовский сумел нанизать свой тонкий, но на поверку бесформенный внутренний мир. Вернувшемуся домой Кириллу показалось, что вот именно сейчас он, наконец, и стал взрослым. Любовь же, внезапно встреченная им где-то на перепутье поселковой молодёжной жизни, дополнила это ощущение недостающим светом. Впрочем, её и звали Светой.

Вчерашний моряк готовился к поступлению в вуз, а чтобы иметь средства к существованию устроился корреспондентом в районную газету «Земля людей». Когда-то в школе Кирилл был признанным мастером сочинений, да и стенгазеты из-под его пера выходили по-репортёрски хлёсткими. Став журналистом, он начал писать репортажи и очерки о местной жизни, попутно увлёкся краеведением, историей Волчьего Оврага. Отдельным циклом у него шли рассказы про участников Великой Отечественной войны. Увы, среди ветеранов в живых остался на тот момент только Кузьма Петрович Синицын, воевавший совсем мальчишкой в партизанском отряде где-то в Белоруссии. Интервью с ним получилось увлекательным и вызвало немало откликов. Ну а про тех, кто уже ушёл в мир иной, вспоминали их родственники, подкрепляя воспоминания фотографиями из семейных архивов и подлинными письмами с фронта. И тут Светка рассказала о своём прадеде — Василии Прокоповиче, о котором известно было лишь то, что он пропал без вести где-то под Ржевом.

— Знаешь, я тут недавно опробовал пару сайтов, где собраны тысячи документов о погибших в войну; может, там и про твоего прадеда что-то есть, — сказал Кирилл, включая ноутбук.

— Ой, ладно тебе, прабабушка до самой своей смерти искала его могилу, сотни инстанций обошла, да так ничего и не выяснила…

Но новичкам, как известно, везёт. Едва Кирилл ввёл искомые фамилию, имя, отчество и дату рождения, как на мониторе высветилась учётная карточка одного из фашистских концлагерей. Наши «особисты», разбиравшие после войны трофейную документацию, здесь же, на бланке, карандашом оставили перевод всех надписей. По данным лагерной канцелярии выходило, что старшина пехотного полка Василий Жарков, попавший в плен под Ржевом летом 1942 года, умер от тифа в феврале 1944-го. Благодаря немецкой любви к порядку удалось обнаружить и фотографию Василия Прокоповича. Измождённое, но мужественное лицо русского солдата смотрело с чёрно-белого снимка, и казалось, что это взгляд нечаянно встреченной вечности. Из глаз Светы хлынули слёзы. Она сразу вспомнила прабабушку. Тамара Аркадьевна прожила длинную и нелёгкую жизнь, но её всё равно не хватило, чтобы отыскать прах мужа или хоть какой-нибудь след. Впрочем, любая тайна является таковой лишь по эту сторону бытия, где всё конечно, а потому — зыбко, призрачно и неуловимо. Но там — за гранью — хочется думать, все обретают то, что искали или заслуживали. Света верила в это, и слёзы её были от радости…

2.

Кирилл продолжал поиски бойцов, призванных на фронт из Волчьего Оврага. Раз за разом сбрасывал пелену забвения и восстанавливал судьбы солдат и офицеров. В «Земле людей» появились его очерки о стрелке-радисте дальней авиации, останки которого поисковый отряд обнаружил в новгородских лесах под грудой поржавевшего железа; об артиллеристе — участнике обороны Смоленска, чьё имя определили по номеру медали, полученной ещё за «финскую»; о бежавшем из плена пограничнике, погибшем в повстанческом отряде на территории бывшей Югославии, где более чем через семьдесят лет турист-соотечественник случайно наткнулся на его неприметную могилу с надписью на славянском языке. Факты, собираемые Кириллом по крупицам в самых отдалённых закоулках Интернета, становились обретённой памятью посёлка Волчий Овраг. Те, кто в силу трагических и непреодолимых обстоятельств уже не мог заявить о себе, получили, наконец, право голоса и вернулись домой — если не в прямом смысле, так хотя бы воскрешёнными строчками биографии, а их семьи — восполнили пробелы, тяготившие десятилетиями. Однако последний случай для Кирилла стал особым — он вывел поиск из области военной истории в разряд очевидного, но совершенно невероятного…

Василий — старший брат Светланы — летом ездил с друзьями отдыхать на Кубань. Побывали много где, исколесили побережье Чёрного и Азовского морей вдоль и поперёк, прошли путь от кубанских степей до начала Кавказских гор. Однажды, когда остановились в тихой станице Тамань, смотрящей через Керченский пролив на Крымский полуостров, Вася случайно нашёл у берега алюминиевую ложку, на которой было что-то написано. В жаркий день хотелось искупаться, и тут нога нащупала на дне что-то небольшое и вытянутое. Слегка разрыв мелкую гальку, пальцы извлекли на свет, увы, не греческий наконечник копья, не генуэзское серебряное украшение, а обычную на вид ложку. Если бы не грубо нацарапанные на ней буквы — находка неминуемо бы отправилось обратно в море. Уже на суше, почистив потускневший от времени и влаги металл, Василий прочёл надпись: «Кирилл Железовский, 1941». Прочитав, ухмыльнулся: надо же — зовут в точности как сеструхиного парня. Дата говорила о том, что вещь эта, скорее всего, покоилась на дне со времён Великой Отечественной. Бои в здешних краях шли жестокие, о чём свидетельствовали многочисленные обелиски и остатки фортификационных сооружений. По возвращении Вася подарил ложку Кириллу.

— Не ты ли в Азовском море случайно утопил? — протянул он довольно странный подарок.

— Ничего себе, — разобрав имя и фамилию владельца, ответил Кирилл. — Надо бы, конечно, по базам пробить, вдруг по нему что-то есть.

— Давай-давай, следопыт, — не зря же я эту штуку сюда вёз. Мне самому интересно, кем был этот человек и какова его судьба.

В электронном архиве Министерства обороны среди воинов, безвозвратно выбывших из списков войсковых частей, оказалось трое Кириллов Железовских, но внимание сразу привлёк тот, что пропал без вести в сентябре 1942-го, — матрос Черноморского флота, боец отдельного батальона морской пехоты. Безусловно, владельцем ложки был именно он. Как раз в этот период фашисты захватили Таманский полуостров, в ожесточённой и неравной борьбе сломив последнее сопротивление его защитников. Информацию Кирилл почерпнул из найденных воспоминаний уцелевших участников тех сражений. Морпехи — преимущественно набранные из экипажей кораблей Азовской флотилии — обеспечивали тогда безопасность эвакуации нескольких тысяч бойцов и командиров на судах, подошедших к ещё свободному клочку берега. Стояли до конца, с лихвой доказав врагу, что не зря он нарёк их «чёрной смертью».

Более полные данные о матросе Кирилле Железовском содержал обнаруженный список потерь частей Черноморского флота. Первое, что поразило поисковика, — отчество: Анатольевич — то есть полный тёзка. Полнее некуда. Вот ведь! Прямо-таки мистика какая-то. Но это было ещё не всё. Дата рождения моряка — пятнадцатое июля 1919 года. Кирилл тоже родился пятнадцатого июля, только в 1997-м — ровно через семьдесят шесть лет, день в день. Цифры застыли в глазах. Всё никак не верилось в реальность открывшихся фактов. Оцепенение нарушил визит Светы. Она решил заглянуть по пути из магазина, ведь Железовские жили как раз в двух шагах от него.

— Ты сейчас обалдеешь от того, что я тебе покажу, — вместо приветствия выпалил Кирилл, открыв гостье дверь.

— Звучит интригующе. Уж не пропавшую ли в войну Янтарную комнату ты там в Интернете обнаружил? Сайт гестапо взломал?

Но по лицу Кирилла было видно, что иронию он сейчас не готов воспринимать.

Рассказ о ложке, найденной близ Тамани, и о моряке — её владельце, чьи анкетные данные, кроме года рождения, практически полностью совпадают с данными Кирилла, действительно впечатлял. Но Света не спешила впадать в мистицизм, а попыталась найти логическую нить.

— Стоп! Смотри: видишь, у него место рождения — Ростов-на-Дону, а не посёлок Волчий Овраг, значит, различий-то всё-таки больше, — резонно заметила она.

— В том-то и дело, что родился я именно в Ростове-на-Дону, — Кирилл многозначительно поднял вверх указательный палец. — Папа учился в Ростовском медицинском университете и встретился с мамой — коренной ростовчанкой. После того как я появился на свет, отец по окончании вуза получил распределение в Волчий Овраг, и мы переехали.

— Ого, то есть вот так. Ну, тогда даже не знаю, как прокомментировать. Ты веришь в переселение душ?

— Погоди, это ведь ещё не все сюрпризы. Тут его домашний адрес и жена указаны: Будённовский проспект, 68/81, Светлана Фёдоровна Железовская. А ты же по батюшке — Фёдоровна.

— Ничего себе. Но её девичью фамилию мы всё-таки не знаем.

— Уверен, до замужества она носила фамилию Измайлова. К гадалке не ходи — Измайлова.

— Это уже твои какие-то тайные фантазии, Кирилл, — Света засмеялась.

— Мы, кстати, с ним оба на флоте служили. Представляешь? Между прочим, если уж всё так тютелька в тютельку сходится, то жить-то мне всего года два осталось. Тому Железовскому в роковом для него тысяча девятьсот сорок втором было двадцать три, мне недавно исполнилось двадцать один. А он наверняка погиб, тут и сомнений быть не может. Там такой ад царил, что море вскипало. Интересно, остались ли у него родственники — ну,

там, дети, внуки? Женился он, понятное дело, ещё до войны. Наверное, в моём возрасте.
— Это можно рассматривать как такое тонкое и ненавязчивое предложение? — Света заговорщицки сощурила глаза.
— Перечить судьбе — бессмысленно, — Кирилл ответил таким же лукавым взглядом.
— А насчёт смерти ты брось — ничья судьба не предопределена, — и, чтобы поставить точку, не дав теме развиться, Света нежно поцеловала Кирилла, так что из мрачных фаталистов он быстро и с большим удовольствием вернулся в ряды романтиков.

3.

И всё же необходимо было проверить, остались ли в Ростове-на-Дону Железовские. В соцсетях ростовчан с такой фамилией оказалось человек пять. На вопрос: «Не приходится ли вам родственником Кирилл Анатольевич Железовский 1919 года рождения?» — трое ничего не ответили, а двое сказали, что в их семье таких нет. Нынче в сети многие заняты поиском информации о своих корнях, пытаются разыскать следы предков, поэтому логично было бы предположить, что и пропавшего без вести морпеха кто-нибудь ищет. Кирилл снова начал бродить по Интернету. Между делом наткнулся на Книгу памяти Ростовской области, куда было вписано и имя Железовского, а также обнаружил его в списке погибших защитников Таманского полуострова. И вот когда, казалось бы, все доступные возможности были исчерпаны, на одном из форумов всплыло сообщение: «Ищу сведения о своём отце — Кирилле Анатольевиче Железовском, моряке Черноморского флота». Автором была некая Екатерина Кирилловна Соболева из Санкт-Петербурга. Из её довольно объёмного текста следовало, что в семье существовала версия о гибели Кирилла Анатольевича где-то под Новороссийском в ходе масштабной битвы за Кавказ.

Версия строилась на том, что непосредственный начальник Железовского — командир 305-го отдельного батальона морской пехоты майор Цезарь Куников, впоследствии посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, — осенью 1942 года, пополнив своё поредевшее подразделение, сражался на тех самых рубежах. О подвиге морпехов и их легендарного комбата написано немало. Все доступные литературные источники Екатерина Кирилловна проштудировала до мельчайших деталей, но даже мимолётного упоминания о своём отце в них обнаружить не смогла. Это было немудрено — в батальоне числилось несколько сотен бойцов.

Кирилла воодушевила такая неожиданная удача. Ему хотелось поскорее рассказать дочери героя про найденную в Тамани ложку и договориться о передаче ей этой семейной реликвии, но тут же представил, как сообщит Екатерине Кирилловне свои имя, фамилию и отчество. Со стороны это показалось бы злой шуткой, и неизвестно, как пожилая женщина отреагировала бы на такое подозрительное совпадение. Пришлось попросить Свету помочь выйти из щепетильной ситуации.

Светлана согласилась, тут действительно требовался тонкий подход, а возвращение частички памяти о чьём-то отце и ей казалось священной миссией. Ах, если бы в своё время прабабушка — Тамара Аркадьевна — дождалась подобного момента после десятилетий тщетных попыток узнать хоть что-нибудь о своём муже. Нельзя медлить, никак нельзя. Сев за компьютер и найдя нужную страничку на форуме, девушка написала письмо петербуржскому адресату:

«Уважаемая Екатерина Кирилловна, здравствуйте! Пишет Вам Светлана Измайлова из посёлка Волчий Овраг. Случайно наткнулась в сети на Ваш пост про отца и очень обрадовалась тому, что волею судеб, кажется, могу Вам помочь. Недавно мой брат с друзьями отдыхал на Таманском полуострове и на морском берегу в районе станицы Тамань обнаружил алюминиевую ложку, вероятно, времён войны. По крайней мере, на ней был нацарапан год — 1941-й. А ещё имя и фамилия владельца — Кирилл Железовский. Так же звали и Вашего отца, который, как следует из рассказа, воевал в тех краях. Мне бы очень хотелось передать Вам эту именную ложку, она, возможно, станет ниточкой, ведущей к разгадке тайны судьбы Кирилла Анатольевича. А если нет, то хотя бы послужит вещественной памятью о нём. Сообщите мне свой домашний адрес, чтобы я могла поскорее отправить Вам дорогую находку».

Ответ пришёл буквально на следующий день. Был он, как и предполагалось, очень эмоциональным.

«Светлана, милая, здравствуйте! Вы не представляете, насколько Ваше сообщение потрясло меня. Я своим глазам поверить не могла, перечитывала письмо несколько раз подряд. Знаете что? У меня возникло к Вам предложение, хотя оно может показаться несколько поспешным и прямолинейным. Не могли бы Вы приехать ко мне в гости? Я живу одна в большой квартире практически в центре Петербурга. Если у Вас есть муж или молодой человек, можете взять его с собой. С удовольствием предоставлю отдельную комнату на столько дней, на сколько захотите. Посмотрите город, я покажу интересные места... Мне необходимо встретиться с Вами лично, посмотреть на Вас, пообщаться. Совсем недавно освоила компьютер, не знаю, поэтому ли путаюсь в клавишах или всё-таки от волнения. Я ведь родилась, когда папа уже был на фронте. Он ни разу в жизни так и не подержал меня на руках. А тут... Уж и не надеялась. Я не суеверный человек, но мне кажется, что Вы посланы мне небом. С нетерпением буду ждать ответа».

Светлана показала переписку Кириллу, нужно было что-то решать.
— Ты хотела бы поехать? — спросил он.
— Знаешь, я никогда не была в Питере.
— Я тоже…
— Эта женщина, судя по всему, очень одинока. Для неё поиск сведений об отце, возможно, последний живой узелок, связывающий с тем, что когда-то было семьёй. Меня почему-то тоже тянет к ней, будто и я пытаюсь что-то найти, а потому цепляюсь за любую руку, протянутую навстречу.
— Свет, тогда я покупаю билеты. Как ты понимаешь, для меня эта встреча имеет ещё более сакральный смысл. Это в некоем роде путь к самому себе через неожиданно обретённых посредников. У меня такое ощущение, что в Питере должно произойти нечто важное.

Светлана сообщила Екатерине Кирилловне, что едет к ней со своим молодым человеком — Кириллом. Та выразила искренний восторг и прислала домашний адрес. С этой минуты указанный в нём знаменитый Лиговский проспект стал продолжением линии судьбы, роль которой на время пути в Питер взяла на себя железная дорога…

4.

В Санкт-Петербурге стояла дождливая погода. Город предстал в точности таким, каким Кирилл знал его по книгам Гоголя и Достоевского, — русской Венецией, где чёрный от влаги гранит вбирает жар человечьих сердец, чтобы отогреться, Северной Пальмирой, где величественная архитектура зовёт раствориться в ней без остатка, пока ты сам — словно сошедшая с постамента статуя из Летнего сада — не попросишь участливого тепла.

Не хотелось обременять Екатерину Кирилловну хлопотами, связанными со встречей на вокзале, к тому же на Лиговку иногороднему можно легко попасть даже с минимальным знанием карты. Дом, где жила дочь защитника Тамани, оказался старой постройки — имел вместительные подъезды, широкие лестничные клетки, высокие потолки. Дверь, за которой хозяйка ждала гостей из глубинки, тоже соответствовала представлениям о дореволюционном быте — деревянная, массивная, терпко пахнущая мебельным лаком.

Когда дверной звонок закончил свою приглушённую трель, по ту сторону — в прихожей — послышались шаркающие шаги, а потом щёлкнул замок. Створка полуоткрылась, и на пороге появилась благовидная старушка. Жизнь в большом городе, по всему, приучила её к соблюдению элементарных мер безопасности, поэтому в возникшем проёме из-за стальной цепочки сначала показалось только лицо.
— Здравствуйте, Екатерина Кирилловна. Я — Света из Волчьего Оврага, а это — Кирилл, — Светлана пыталась казаться максимально вежливой и учтивой.
— А, батюшки! — воскликнула старушка. — А я-то думала, это опять из какой-нибудь фирмы пришли с очередным специальным предложением. Ради Бога, простите, Светочка! Проходите скорее в дом.

Дряблые худые пальцы сняли цепочку, и дверь широко распахнулась. Квартира показалась очень просторной и уютной. В ней не было никаких предметов роскоши, и всё же интерьер стремился к аристократизму благодаря строгому вкусу и единообразию незатейливых предметов, расставленных с шахматной аккуратностью. Разве что видавший виды буфет на правах антиквариата добавлял необходимого веса всей композиции.
— Вы, наверное, очень устали с дороги и успели проголодаться. Сейчас будем пить чай, — Екатерина Кирилловна предоставила гостям тёплые тапки, проводила в отведённую комнату и отправилась хозяйничать на кухню.

Чаепитие организовали в зале, рассевшись за приземистым круглым столом на рассохшихся стульях, поскрипывающих при каждом движении. Конечно, в такой консервативной и камерной обстановке был бы уместен какой-нибудь блестящий самовар, с генеральской выправкой командующий фарфоровым и сдобным парадом, но внутренняя тяга пространства к ретро всё же находилась в зависимости от напористой современности, поэтому чай оказался в пакетиках, а вместо свежей выпечки на блюде лежали вафли и печенье из супермаркета.

Екатерина Кирилловна, делая очередной медленный глоток из белой чашки, изучала украдкой своих гостей, робко прячась за поднесённую ко рту руку с горячим напитком. Едва уловимое облачко пара поднималось перед её уже выцветшими глазами и через мгновение таяло, оставляя пристальный взгляд один на один с действительностью. Излучающее какой-то глубинный свет лицо сразу расположило к себе. Кирилл и Света будто вернулись в раннее детство, когда всякая добрая сказка непременно должна была звучать вот таким же бархатным голосом, вселяющим чувство защищённости.
— Екатерина Кирилловна, мы привезли вам ту самую ложку, — переходя к делу, Кирилл бережно извлёк реликвию из импровизированного чехольчика и протянул той, кому она принадлежала по праву.

Как ни силилась старушка, но слёз сдержать не смогла. Трясущимися от волнения руками она взяла ложку, пытаясь прочесть заветную надпись, а когда, наконец, это у неё получилось, прижала её к сердцу, прикрыла глаза и тихонько заплакала.

Кирилл и Света сидели молча. Воздух вокруг застыл, часы остановились, и только электрический чайник на подоконнике продолжал бурлить, оставаясь частью реальности. Через несколько секунд Екатерина Кирилловна снова открыла глаза.

— Спасибо вам огромное, ребятки мои,— голос её дрожал.— Даже не знаю, как вас благодарить. Я никогда не знала прикосновений своего папы, а теперь у меня в руках ложка, помнящая тепло его пальцев. Выходит, через неё мы наконец-то смогли притронуться друг к другу…

5.

Во второй половине дня все трое пошли к Обводному каналу просвежиться. По пути обратно заглянули в Воронежский сад. Августовские дожди немного схлынули, и появилась прекрасная возможность посидеть на лавочке в тени деревьев. Правда, найти свободное место оказалось непросто из-за обилия праздной молодёжи, которая, как птичьи стайки, облюбовала практически каждую свободную жёрдочку. Сад открыли сравнительно недавно, долгое время он находился в запустении, но Екатерина Кирилловна уже успела сделать доброй традицией приходить сюда, чтобы в этом маленьком оазисе дать волю воспоминаниям и покормить городских птиц. Птицы — они же сами как воспоминания: дай им хотя бы кроху того, что осталось, и они слетятся к тебе, а насытившись, вспорхнут и исчезнут в небе, в которое ты потом ещё долго будешь смотреть…

— Моя единственная дочь, наш поздний ребёнок,— Галина — погибла совсем молодой, не успев ни повзрослеть, ни познать любви, ни ощутить счастья материнства,— сказала, будто выдохнула, Екатерина Кирилловна, бросив голубям очередной кусочек батона.— Сбила насмерть машина, прямо на углу нашего дома. Муж — коренной петербуржец, привёзший когда-то меня в этот прекрасный город,— много лет переживал трагедию, не в силах смириться с ней, и в конце концов занемог. Его тоже давно нет со мной рядом. Не раз думала уехать отсюда. Одиночество сводило с ума. Но куда я уеду, если тут навсегда остались они? Бывает, кормишь птиц, а какая-нибудь одна, с виду неприметная, вдруг начинает смотреть как-то по-особому, будто прямо в душу, не спеша примкнуть к сородичам, делящим хлеб. И ловишь себя на мысли: да ведь это Галочка — мой Галчонок. А в следующий раз нет-нет да начнёт в ближайшей кроне о чём-то ворчать ворон. Ну это точно Аркаша — вечно был чем-то недоволен. Правда, когда умирал, сделался каким-то просветлённым, словно осенний лес. В своё последнее утро неожиданно произнёс: «Прости меня, Катя, за то, что ты так редко улыбалась». А вот теперь стала явственно чувствовать и присутствие папы. Вон тот серый голубь — вероятно, он. У меня осталась единственная довоенная фотография Кирилла Анатольевича, где он с такой же слегка горделивой осанкой смотрит вполоборота. Кстати, Кирилл, мне показалось, у вас тоже есть общие черты, я обязательно покажу этот снимок. Надо же, вас и зовут одинаково…

— Екатерина Кирилловна, даже не знаю, как вам объяснить, не посчитайте, умоляю, что это какой-то розыгрыш,— Кирилл понял: настало время открыться.— Видите ли, я не просто тёзка вашего отца. Моя фамилия тоже Железовский, и отчество моё — Анатольевич. Родился я, как и он, пятнадцатого июля. И появился на свет, между прочим, тоже в Ростове-на-Дону. Я не знаю, что это — совпадение, редкое стечение обстоятельств или мистика. По правде говоря, отправляясь в Петербург, надеялся найти здесь ответы. Надежда до сих пор теплится, и каким-то шестым чувством ощущаю близость разгадки. Простите меня, если чем-то оскорбил вас и память вашей семьи… Понимаю, всё это выглядит нелепо, абсурдно и даже некрасиво. Простите меня за то, что я тоже — Кирилл Железовский. Так совестно — будто украл чужое имя… Несколько лет я занимаюсь поиском пропавших без вести во время Великой Отечественной войны, но в данном случае это даже не поиск, это уже что-то совсем другое…

Екатерина Кирилловна замолчала. В её глазах дрожала то ли слеза, то ли само питерское небо. Она как-то по-матерински бережно взяла Кирилла за руку, а потом мягко улыбнулась. По уголкам улыбки скатилось несколько маленьких капель.

— Я знала, я была уверена, что будет какой-то знак,— сказала она.— Три месяца назад я впервые посетила храм Покрова на улице Боровой. Эта церковь с очень тяжёлой судьбой, но, несмотря на то, что она сейчас находится фактически в руинах, там идут службы. На одну из них попала и я. Как-то сразу привлекла меня икона святого мученика Вонифатия с частицей мощей. По преданию, был он рабом у богатой римлянки Аглаиды, с которой состоял в беззаконном сожительстве. Оба они чувствовали за это вину перед Богом и хотели снять с себя грех. Такая возможность им была предоставлена свыше. Вонифатий отправился на Восток, где происходили жестокие гонения на христиан, чтобы привезти оттуда мощи какого-нибудь мученика и тем самым очистить себя и хозяйку. Аглаида осталась ждать. Но только в виде мощей вернулся сам раб, приняв мученическую смерть за Христа. Стоя у этой иконы, вспомнила я об отце и о десятках тысяч других сгинувших на войне. Где-то в неведомой земле лежит родной мне прах, прах человека, принявшего мученическую смерть за свою Родину, за свой народ. Попросила я у Вонифатия успокоения души моего папы, а также всех павших, и скорейшего возвращения из безвестности. И вот молитвы, кажется, услышаны. Да ещё и чудо явлено…

— Похоже, начинается дождь. Екатерина Кирилловна, думаю, лучше вернуться домой,— Света подставила раскрытую ладонь навстречу первым дождинкам и почувствовала их лёгкие, но зябкие уколы.— Хотелось бы сказать от себя: мы очень

рады, что приехали к вам. Лично во мне здесь что-то переменилось, словно дыхание, будучи врождённым рефлексом, стало вдруг осмысленным. Я ощутила себя вовлечённой в какое-то доброе волшебство…

Екатерина Кирилловна снова улыбнулась, но теперь её улыбка была не трогательным изумлением, не птицей, вспорхнувшей от внезапного выстрела, а светлой радостью долгожданного обретения. Три фигуры, будто пытаясь раствориться в остывающем воздухе, выплыли из Воронежского сада. Дождь деликатно подождал, пока они окажутся внутри старого петербуржского подъезда, и только потом разошёлся в полную силу.

6.

На выцветшем от времени снимке Кирилл Железовский 1919 года рождения казался несколько старше своих лет. Впрочем, в этом особенность всех фотопортретов из уже минувших эпох. Вряд ли дело в допотопности оборудования, просто суровая, а порой даже жестокая реальность заставляла людей быстрее взрослеть. Хорошо это или плохо — нельзя сказать однозначно. С одной стороны — каждый сызмальства приобретал хватку, а с другой — прерванное детство делало жизнь если не хронологически, то как бы качественно короче.

Кирилл всё пытался примерить на себя черты этого парня, навсегда оставшегося двадцатитрёхлетним. Действительно ли похож? Снимок был довольно размытым, потому сопоставить мельчайшие подробности не представлялось возможным. Длинный нос — вроде такой же. Большие глаза, тонкие губы, тёмные волосы. Всё так, но уж как-то слишком общо — будто ведёшь интуитивные игры с фотороботом.

— Свет, как ты считаешь, мы с ним похожи?

— Родинка…

— Что родинка?

— Разве ты не заметил родинку на его правой щеке? У тебя в точности такая же.

И правда, ища портретные сходства, Кирилл упустил из внимания столь очевидную деталь. Впрочем, могут ли идентичные родинки быть признаком кровного родства? Родинки по воле причудливой генетики появляются где угодно, а значит, возможны случайные совпадения, как при раскладывании пасьянса.

— Свою фамилию папа получил в детском доме; в стране, пережившей Гражданскую войну, царила беспризорность, — раздался голос Екатерины Кирилловны, вернувшейся из кухни, откуда она принесла запахи почти уже готового ужина. — Трудиться он начал с ранних лет. Был и разнорабочим, и посыльным, и сторожем, пока не устроился кочегаром на буксир. Попутно начал писать заметки в местную «Морскую газету», обнаружив в себе талант журналиста. Встретил мою маму, и вскоре они поженились. А потом началась эта проклятая война. Папу мобилизовали, призвали в Азовскую флотилию Черноморского флота. К середине осени сорок первого немцы подошли к Ростову. Я родилась уже в эвакуации — в Нижнем Новгороде, тогда он назывался Горьким. Мы прожили там практически до самой победы, но я мало что помню — слишком маленькая была. Пожалуй, только широкую Волгу да возвышающуюся над ней красную крепость Нижегородского кремля. Вероятно, лишь такие яркие и масштабные образы способны остаться в новорождённом сознании.

— Вы знаете, Екатерина Кирилловна, а я ведь тоже служил в Военно-морском флоте и тоже пишу в газету, — произнёс Кирилл, продолжая держать в пальцах фотографию. — Всё-таки никак не могу привыкнуть к этим мистическим параллелям и пересечениям.

— Это не мистика, это закономерное движение времени по кругу. Я сама теперь будто вернулась к отправной точке, успев появиться за несколько мгновений до того, как неведомая рука толкнула скрипучее колесо и оно, сделав оборот, остановилось посреди мерцающей пустоты. И вот передо мной Кирилл Железовский. Как же тянет поверить, что он — мой папа, которого никогда не видела, ведь он такой, каким я его всю жизнь и представляла, — молодой и влюблённый. Даже Света рядом кажется похожей на мою ещё юную маму, ушедшую в мир иной в две тысячи первом. Её, между прочим, тоже звали Светланой. Когда ждала вашего приезда, всё крутила в уме: ко мне едут Света и Кирилл — как же замечательно это звучит. Словно возвращаюсь домой — в утраченное детство, а точнее, наоборот — оно ко мне само возвращается.

— Екатерина Кирилловна, кажется, вот только теперь ко мне стало приходить истинное понимание сути всей этой поисковой работы: мы ищем не просто пропавших без вести, мы в какой-то степени каждый раз ищем и самих себя, — Кирилл задумчиво смотрел в окно, где в пасмурном пространстве тянулась грибница крыш, готовая кануть в подступающем мороке. — А найти себя, пожалуй, гораздо сложнее…

— Папа прожил короткую жизнь, не успев реализовать многие замыслы. Помешала война — жуткая катастрофа, столкнувшая в пропасть миллионы судеб. Он погиб ради того, чтобы грядущие поколения имели возможность воплотить в реальность то, чему на его веку не суждено было сбыться. Что ж, Кирилл Железовский снова вернулся в этот мир, имея, как мне кажется, шансы достигнуть любых поставленных целей.

Екатерина Кирилловна открыла дверцу буфета и начала перебирать бумаги в нижнем ящичке. Перебрав небольшую стопку, она извлекла из неё пожелтевший тетрадный лист, сложенный

в треугольник,—фронтовое письмо. Протянула его Кириллу, и тот бережно—будто боясь стряхнуть со страниц золотую пыльцу времени—развернул его и начал читать:

«Здравствуйте, дорогие мои Света и Катя (ведь ты, дочка, должна была уже родиться)!

Со мной всё в порядке. Бьём фашистов, которые рвутся на Кубань, а дальше—на Кавказ. Нужно во что бы то ни стало их остановить. Азовское море уже под контролем врага. Теперь приходится драться на берегу, но моряки и в пешем строю—грозная сила. Скоро нам предстоят решительные сражения, из которых не всем выйти живыми. Что бы ни случилось, знайте: я вас очень сильно люблю! Как же я ненавижу эту проклятую войну, сколько она уже успела принести горя и сколько ещё принесёт. Я мечтал о многом. Мне хотелось работать на совесть, иметь уютный дом и большую семью. Хотелось выучиться, получить знания, достигнуть чего-то в жизни. Мне нравилось писать в газету, рассказывать о нелёгкой профессии корабелов и портовиков. Нынче же печатаю заметки в „Красном черноморце“ и „На страже“, один раз даже опубликовали в главной военно-морской газете страны „Красный флот“. Статьи эти, увы, не о созидании, не об открытиях, не о прогрессе человечества, не о людях мирного труда, а о жестоких боях и горьких утратах, о чёрном времени, когда смерть—единственное мерило судьбы. Но уверен: однажды всё это кончится, не может быть иначе. И тогда я вернусь. Вернусь к вам. Вернусь, чтобы продолжить начатое, чтобы снова радоваться жизни. Ждите и, пожалуйста, берегите себя!

Ваш Кирилл Железовский.
Август 1942 года, Темрюк».

—Писем за всю войну мама успела получить только три, это последнее,—Екатерина Кирилловна присела рядом с Кириллом за круглый стол.—Он сдержал слово—вернулся. И теперь обязательно всё успеет, всего добьётся… Я тут подумала и решила: ложка, найденная там, у Тамани, должна остаться у тебя, ведь на ней твои имя и фамилия. Только, прошу, не спорь со мной. Если вещь у хозяина—значит, он по-прежнему жив. Пусть она будет служить тебе напоминанием о своих обязательствах—обязательствах не растратить впустую щедро подаренную жизнь. Аркаша и Галочка со мной наверняка согласились бы, да и мама не была бы против—она до конца своих дней верила словам, сказанным в последнем письме отца…

7.

Целую неделю Кирилл и Света путешествовали по сказочному Петербургу и его живописным пригородам. Тщательно инструктируемые Екатериной Кирилловной, которая в силу возраста уже не могла присоединиться к многочасовым прогулкам, они жадно поглощали пространства и расстояния. Величественный Зимний дворец, исполненные холодной строгостью Петропавловская крепость и Кронштадт, уводящий, кажется, в другое измерение Невский проспект, пушкинское Царское Село, барочный Петергоф, таящая призрак Павла Первого Гатчина—всё это вобрало в себя красочное полотно впечатлений.

—Как же нам теперь возвращаться в свой маленький Волчий Овраг из такого-то Зазеркалья?—шутливо спросила Света, облокотившись о перила Дворцового моста над Невой.—Мне ведь теперь всего этого великолепия будет жутко не хватать.

—А как же речка Нуженка с её левым лесистым берегом и холмистым правым?—Кирилл озорно посмотрел на Свету.—А березняк вдоль дороги? А Кузьминское озеро? А заливные луга? С другой стороны, всегда можно сюда вернуться, мы свободные люди, и по большому счёту весь этот мир—наш. Между прочим, я обещал Екатерине Кирилловне, что в следующем году мы её обязательно навестим.

—О, это было бы очень здорово. За последние дни родным успел стать не только город, но и она тоже.

—А ещё я обещал ей, что успею сделать одно важное дело до отъезда из Петербурга.

—Какое дело?

—Света, мы с тобой уже достаточно давно знакомы, и, как мне кажется, между нами возникло настоящее чувство. Мне трудно сейчас формулировать мысли, потому что я сильно волнуюсь. В общем… Выходи за меня замуж. Вот… Считаю, что лучшего места для подобных признаний и вообразить было бы сложно. Ну что, согласна?

—Кирилл, скажи, а может, всю эту запутанную мистическую историю ты придумал лишь для того, чтобы привезти меня в Петербург и в его изысканных декорациях предложить мне руку и сердце?—на лице Светланы сияла ослепительная улыбка.—Знаю, что нет, но я бы с удовольствием поверила—очень уж романтично.

—Так ты согласна?

Света приблизилась к Кириллу, взяла за руки и пристально посмотрела в глаза. Потом прижалась обветренной щекой к его груди и произнесла:

—Да, конечно же, да.

Екатерина Кирилловна проводила гостей до Московского вокзала. Расставаться ей очень не хотелось, и она наслаждалась последними минутами. Скоро вновь вернётся одиночество. Впрочем, нет—многое успело измениться. Теперь уже не будет как раньше—в темноте забрезжил свет, и жизнь опять обрела очертания.

—Кирилл, ну так ты всё успел сделать, что запланировал?

—Абсолютно всё, Екатерина Кирилловна, спасибо вам огромное!

— Молодец! Точнее, оба вы молодцы!

В глазах старушки появился огонёк, которого прежде Света у неё не замечала. Тем временем диспетчер объявил о начале посадки на поезд. Настала пора прощаться. Екатерина Кирилловна по очереди обняла каждого, а когда ребята, подхватив дорожные сумки, направились к вагону, украдкой перекрестила их. Долго ещё стояла она на перроне, мысленно мчась следом вдоль железнодорожного полотна, уводящего далеко на восток — туда, где течёт неспешная речка Нуженка и отражает бездонное небо Кузьминское озеро.

По дороге обратно нужно было зайти в храм Покрова, чтобы поставить свечку святому мученику Вонифатию, да и две другие святыни нельзя было обделить вниманием — чудотворную икону преподобного Антония Дымского и икону преподобной Марии Гатчинской. Внутри тонко щемило от чувства, что сегодня все живые и мёртвые нуждаются в простой, но чистосердечной молитве за них.

Через три дня после свадьбы Кирилл наткнулся в Интернете на сообщение о том, что поисковый отряд «Тамань» вблизи мыса Панагия, где располагалась когда-то артиллерийская батарея Керченской военно-морской базы, обнаружила останки трёх краснофлотцев. У одного из моряков оказался посмертный медальон, из которого удалось извлечь свёрнутый бланк с учётными данными. Текст сильно пострадал от времени, но какие-то фрагменты удалось восстановить. Фамилия найденного предположительно Жилковский или Желтковский. «А может, Железовский?» — так и хотелось закричать Кириллу.

В акафисте святому мученику Вонифатию, о котором он собрал подробную информацию, сказано: «Благодать исцелений точащия мощи твоя егда к Риму приближахуся, Ангел Господень явися Аглаиде, глаголя: Бывшаго ти древле раба, ныне же нашего брата и сослужебника приими, якоже владыку, и упокой добре, да грехи твоя оставятся, той бо с нами ныне в Небесных поёт Всевышнему Богу: Аллилуиа». Эх, принёс бы ангел и в этот раз благую весть. Впрочем, нужно, чтобы не только в этот, а в отношении каждого, чей прах ждёт своего возвращения с той уже далёкой войны, ведь Екатерина Кирилловна молилась за всех…

ДиН ревю

Белой Руси голоса

Белорусские авторы о поэзии Валерия Хатюшина
Москва: «Молодая гвардия», 2018

Книга издана к 70-летию поэта.

Эту небольшую книгу составили статьи трёх белорусских авторов, откликнувшихся на творчество современного поэта России Валерия Хатюшина. Три автора, живущие в разных городах Белоруссии, независимо друг от друга прониклись поэзией российского современника, подкупившей их необычайно лирической исповедальностью и философской глубиной, и с такой же искренностью поведали читателям о своих чувствах и мыслях, навеянных замечательным творчеством широко известного русского поэта. Завершают книгу стихи Валерия Хатюшина.

Валерий Хатюшин

• • •

В прошлом уже не проснуться,
сколько мечту ни проси…
Всё же в Россию вернутся
аисты Белой Руси.

Мир усмехнётся. И всё же
в прошлое — сердцем вернусь.
Верю, что станет мне тоже
Родиной Белая Русь.

Вместе — уймём ностальгию.
Сильно, мой друг, не грусти.
Верю, вернутся в Россию
певчие Белой Руси.

Песней прольются родною
реки её и леса…
…Звонко плывут надо мною
Белой Руси голоса.

Михаил Артюшин

Салют

Иван Дубровин сидел дома за столом в горнице. На столе стояли бутылка водки и тарелки с остатками закуски.

Пить он начал ещё днём, во время обеда. По радио шёл репортаж с Красной площади. Зашёл сосед Степан. Выпили за Победу. Потом за родителей. Их отцы ставили дома ещё до войны. Оба с фронта не вернулись. Со Стёпкой они дружили с малолетства. К вечеру захмелевшего Степана увела домой жена.

Радио работало на полную громкость, фронтовыми песнями возвращая его память в послевоенные годы его юности. Подпевая звучащим из динамика знакомым мелодиям, он думал об отце, ушедшем на фронт в сорок втором, когда ему было пять лет, которого он толком то и не помнил. Расчувствовавшись от музыки, от жалости к себе, сдерживая слёзы, он выпивал, размышляя о своей не сложившейся судьбе, мрачнея и наливаясь злостью на окружающий мир с каждой выпитой рюмкой. Жена с дочкой ещё днём ушли к тёще сажать картошку.

Иван сидел у отрытого окна, изредка бросая затуманенный взгляд на лежащую внизу, под горой, ленту реки и прилегающие к ней кварталы. Поток свежего воздуха, влетая в окно, освежал лицо, вспотевший лоб, помогая бороться со сном. Проходящие вдоль реки составы редкими гудками тепловозов и перестуком колёс заглушали звуки летящей из окон домов музыки. Вереница крыш вагонов, уходящих и исчезающих за поворотом, каждый раз напоминала ему о том, что где-то там, за поворотом, далеко, есть другая жизнь, другие города, которых он не видел.

Услышав радостный крик сына:

— Батя! Салют! — Дубровин-старший очнулся от раздумий и тяжело поднялся из-за стола.

Сняв со стены ружьё, прихватив патронташ, пошатываясь, он медленно вышел из дома и, встав между грядок, бросив патронташ на вкопанный в землю столик, зарядил стволы. Беспорядочная стрельба, свистящие звуки взлетающих ракет, крики, летящие со всех сторон, слились в один нескончаемый гул.

— Победа-а-а! — донеслось от соседних домов.

Подняв в руке ружьё, Иван молча два раза подряд выстрелил в небо. Сквозь рассеивающийся звук выстрела он услышал залихватский свист сына. Заложив два пальца в рот, Вовка отчаянно свистел при появлении новых всполохов над городом. Подсвеченная огнями салюта фигура сына внезапно напомнила ему тестя. Вовка унаследовал от деда не только черты лица, но и походку, движения рук, поворот головы — всё было в точности как у тестя. Воспоминания об отце жены всегда вызывали у него чувство досады.

Когда Иван начал ухаживать за Валентиной, тесть, заметив как-то слёзы на глазах дочери, сказал ему коротко и резко: «Обидишь Валентину — я тебя вот на этот штык, как муху на иголку, насажу», — загнав при этом страшным ударом трёхгранное остриё в доску деревянных ворот. Мужик он был крутой, и Иван не сомневался в его словах. Отца Валентины уважали в посёлке. По слухам, до войны в драке ему не было равных. В сорок втором Семён Михалыч ушёл на фронт. Ему было тогда сорок лет. Дома остались жена и маленькая пятилетняя дочка. Вернулся Семён в сорок пятом, с двумя орденами Славы, медалями и тяжёлым ранением.

Свадьбу Иван с Валентиной сыграли за месяц до его призыва в армию. Потом Валентина забеременела. Вовку она родила в пятьдесят шестом, когда Иван, уже после «учебки» в Ленинграде, попал на эсминец в Севастополь. За четыре года службы в отпуск домой он приезжал два раза. В Севастополе, на второй год службы, в увольнении он познакомился с Тамарой, дочкой офицера штаба флота. Жаркие летние вечера, море, походы в кино, прогулки по набережной — и Иван влюбился в юную морячку без памяти. Когда пришло время демобилизоваться, надо было принимать судьбоносное решение. Чтó его тогда склонило не ломать жизнь и не начинать её заново, с чистого листа? Больше всего чаша весов склонилась к возвращению в семью из-за отца жены. При воспоминании о том разговоре, когда тесть сравнил его с мухой, у Ивана холодело внутри. Он избежал сцены расставания с Тамарой, не сказав ей о дне демобилизации. На вокзале, перед отходом поезда, Иван написал ей короткое прощальное письмо и не оставил обратного адреса. Сейчас он жалел об этом. Тесть ушёл в мир иной три года назад. Засевший в голове Ивана панический страх перед

ним исчез, и с того момента он запил, понимая, что живёт не своей жизнью. Вымещая своё зло на жене, он частенько по пьяни пускал в ход кулаки. Когда сын заступался за мать, то доставалось и ему.

Иван машинально перезарядил стволы и салютовал ещё раз двумя выстрелами в небо. Вовка подошёл к отцу.

— Батя! Дай стрельнуть.

Вытащив из стволов отстрелянные гильзы, отец молча протянул ему ружьё. Вернувшись в дом, Иван налил полстакана водки и выпил, не закусывая. Праздник его не радовал. Наоборот, неподдельная радость Вовки ещё больше распалила его злость на то, что сын родился до кончиков волос в породу жены. С затуманенным взором, опираясь руками на стены, шатаясь, он снова вышел из дома.

Вовка, видя состояние отца, молча протянул ему ружьё и отбежал в сторону смотреть салют, где дом не загораживал лежащий внизу город.

Иван зарядил двустволку и выстрелил в небо. Внезапно из наступающей на посёлок темноты слабый свет от падающих вниз угасающих огней последних ракет выхватил на несколько секунд стоящую на краю огорода спиной к нему тёмную расплывчатую фигуру.

Иван от неожиданности вздрогнул. Земля уплывала у него из-под ног.

— Семён Михалыч?! — прошептал он испуганно.

Контуры фигуры Семёна Прохорова расплывались в глазах, и в пьяной голове в памяти возникло лицо тестя, его гипнотизирующий голос и пронизывающий взгляд.

Иван вытер испарину со лба, соображая, где он и что же ему делать. Сердце колотилось сотней ударов в минуту. Многолетний страх, сидевший в нём глубоко внутри, внезапно выплеснулся наружу.

Машинально открыв стволы для заряжания, он начал вытаскивать отстреленные патроны, как вдруг спасительная мысль молнией пробила его сознание: «Может, закончить всё одним выстрелом?» Тогда, в том памятном разговоре с Семёном Михалычем, он был беззащитен, а в этот раз ружьё у него в руках, и он сможет постоять за себя!

Внезапно подумав об этом, он тут же утвердился в своём решении, что только выстрел из обоих стволов в эту мерцающую фигуру, сейчас и немедленно, двумя жаканами, которые разорвут эту тень из прошлого в клочья, станет его единственным спасением от засевшего в голове занозой многолетнего страха, возникающего каждый раз холодом внутри, когда память при взгляде на сына возвращает ему из прошлого леденящий взгляд тестя — Семёна Прохорова.

Непослушными пальцами он взял из патронташа последние два патрона. Обычно легко и плотно заполняющие пространство воронёных стволов, в этот раз, словно прочитав его мысли, картонные цилиндры, начинённые порохом, не хотели вставать на предназначенное им место. Но вот жёлтые латунные основания смертельных зарядов с кругляшками капсюлей прикрыли срезы стволов.

Из открытого окна донеслась музыка. «На рейде большом стоит тишина», — услышал он слова знакомой песни, и память вернула его туда где он был юн и счастлив. Яркой вспышкой перед глазами возникла картина набережной Севастополя, всплеск волн, набегающих на берег. Туда! Туда он должен вернуться! Начать всё сначала! Там! Там, в шуме моря, во влажном воздухе прибоя, должна проходить его жизнь!

Бросив последний взгляд на блестящие латунные гильзы, Иван защёлкнул стволы, медленно поднял ружьё и, прижавшись щекой к прикладу, прицелился в тёмную фигуру. Ствол ружья шатался и падал вниз в непослушных руках. Мушка и фигура в уже сумеречном свете расплывались в глазах. Рука и палец на спусковом крючке стали мокрыми от пота.

«Не будет больше прохоровской породы, и кончатся твои страдания! Стреляй! Ну же! — шептал ему внутренний голос. — Стреляй!»

Вдруг неожиданно вышедшая из-за облака полная луна осветила дом, огород, блеснув жёлтым лучом с воронёного ствола ему в прицелившийся глаз. Иван вздрогнул и, оторвав голову от приклада, вернулся в реальность, разглядев в расплывчатой фигуре стоящего на линии огня сына. Вовка стоял к нему спиной, по-прежнему рассматривая лежащий внизу город. Иван почувствовал, как внутри всё похолодело, тонкая струйка пота покатилась по спине между лопаток.

Иван обернулся по сторонам и, испугавшись, что кто-то из соседей заметит, что он целится в сына, опустил ружьё, застыв на месте. Всё его тело сотрясала мелкая дрожь.

— Батя! Дай ещё раз стрельнуть! — голос сына вывел его из оцепенения.

Глаза его закрывались от усталости, смертельно хотелось спать. Протянув сыну оружие, он усилием воли ещё смог выговорить:

— Повесь ружьё. Патронов больше нет!

Сделав шаг к дому, Иван потерял равновесие и чуть не свалился на землю, но, подхваченный Вовкой, устоял. Опираясь на плечи сына, он добрёл до дивана и упал на него, заснув смертельным сном.

Уложив отца, Вовка повесил ружьё на стену. Свинцовые жаканы, зажатые в картонную оболочку патронов, остались в стволах, готовые выполнить волю человека. Они не набрали скорость в полёте от взорвавшихся в стволе ружья пороховых газов. Не вылетев из ствола, они не набрали энергию разрушения и убийства. Мягкий свинец впитал в себя нечто другое: предначертанное

человеком, оставившим его в стволе, сакральное назначение—убивать.

Вовка возвращался из школы. Зайдя во двор, он услышал крики матери, доносившиеся из раскрытого окна кухни, вперемешку с громкой матерщиной отца, громившего посуду. Вовка залетел в дом. Отец избивал мать, доставая её кулаком в закутке между печкой и стеной, куда она забилась, ища спасения.

Ухватив отца сзади за плечи, Вовка резко, что есть силы, оторвал его от матери. Пошатнувшийся отец удержал равновесие, ухватившись за выступ печи.

— Не трогай мать!—закричал Вовка на отца.

Пьяный отец, развернувшийся к Вовке, пошатнувшись на нетвёрдых ногах, с перекошенным от злости лицом заорал:

— Ах ты, сопляк! Да я тебя!..

Он замахнулся на Вовку, пытаясь ударить его в лицо. Вовка поднырнул под вылетевшую ему навстречу руку и с левой, сжав пальцы в кулак, ударил отца в лицо. Удар пришёлся между носом и глазом. Опешивший отец чуть покачнулся, потрогал рукой место удара и провёл рукой под носом, размазывая текущую из ноздри кровь. Увидев на руке следы собственной крови, он взревел от бешенства:

— Что-о-о?! Ты на отца! Руку поднял?! Убью-ю!

Он схватил подвернувшуюся под руку стоящую у печки кочергу и, замахнувшись, нанёс удар по отступающему к выходу из дома сыну. Вовка увернулся. Кочерга врезалась в выбеленную стену, раскрошив в брызги белую известковую штукатурку. От второго удара он тоже ушёл, броском прыгнув в дверной проём комнаты. Залетев в комнату, он инстинктивно бросился к висящему на стене охотничьему ружью. Отец забежал в комнату следом.

— Я тебя, мать твою! Отучу, как на отца руку поднимать! Не трожь ружьё!

Удар кочерги догнал Вовку в тот момент, когда он срывал ружьё со стены. Резкая боль на секунду парализовала его, но, понимая, что за этим ударом сейчас последует другой, он повернулся, держа ружьё двумя руками. Поднятое над головой ружьё приняло следующий удар, защитив Володькину голову от смертельной опасности. На следующем замахе отца поднятая вверх кочерга задела люстру на потолке. Во время этой двухсекундной заминки Вовка взвёл курки и направил ствол ружья на отца, в надежде угрозой оружия остановить драку, отчаянно крикнув:

— Батя, не подходи!!

— Да оно не заряжено! Щенок! Убью!—заорал отец, шагнув вперёд, в слепой ярости нанося очередной удар по Володьке.

Рука с кочергой летела вниз, грозя размозжить Вовке голову, когда он инстинктивно нажал на спусковой крючок. Неожиданно прогремел выстрел. Вылетевший из ствола свинцовый жакан двенадцатого калибра отбросил отца к окну, пробив ему грудь в районе сердца сквозным смертельным ранением, разбив следом вдребезги одно из стёкол в окне, вмиг окрасив окно и белые шторы красными пятнами. Отлетевший спиной к окну отец тяжестью тела вынес из оконного проёма наружу летнюю раму, которая со звоном упала на траву в палисаднике. На секунду отец задержался в падении на подоконнике, в недоумении бросив последний затухающий взгляд на сына. Выпустив из руки кочергу, зазвеневшую на полу, в неожиданно наступившей тишине, нарушаемой тяжёлым дыханием Володьки, он с хрипом, медленно, головою вниз перевалился через подоконник.

Забежавшая в комнату на грохот выстрела мать, увидев стоящего с ружьём трясущегося сына и забрызганную кровью занавеску, подбежала к окну. Раздался дикий визг. Вовке показалось, что этот нестерпимый звук никогда не кончится! Мать то истошно визжала, смотря в окно, то, повернувшись и глядя на тяжело дышащего сына, переходила на рёв и вой, перемешанный со всхлипыванием и перехватом дыхания, и снова после взгляда в окно издавала дикий визг обезумевшего человека.

На ватных ногах, волоча по полу ружьё за брезентовый ремень, Вовка заставил себя подойти к окну. Бросив взгляд на окровавленное тело отца, он резко отвернулся и упёрся лбом в прохладную штукатурку стены.

«Как так?! Что это?! Почему?!—лихорадочно думал он.—Откуда здесь патрон?»

— Патронов же не было!—с надрывом в голосе заорал он, ломая ружьё, открывая заднюю часть стволов.

В каждом стволе желтело по патрону!

— Как же так?! Почему?!—он застонал и непослушными пальцами машинально вытащил правый отстреленный патрон, который зачем-то сунул в карман, затем поднял и защёлкнул стволы.

Он стоял, ничего не видя перед собой, словно в тумане, и очнулся, только когда в комнате вдруг стало тихо. Звенящая тишина длилась не больше двух-трёх секунд—и снова взорвалась отчаянным, безысходным плачем матери. Она уже стояла перед ним на коленях, зажав опущенную вниз голову обеими руками, и, раскачиваясь всем телом из стороны в сторону, хватая ртом воздух, голосила.

— Что ты на-аде-ела-ал! А-а-а-а! Что ты на-аде-ела-ал! А-а-а-а!—повторяла она без конца, постепенно всё тише и тише, повторяя одну и ту же фразу.

Силы оставили её, и она беззвучно повалилась набок. Володька, тяжело дыша, наклонился к матери.

— Мама! Мама!—зашептал он, тряся её правой свободной рукой за плечо.

Несколько нескончаемых минут он тряс её обеими руками за плечи, бросив на пол ружьё, пытаясь привести в чувство. Пульс на её руке от дрожания его собственных пальцев не прослушивался. Вовка стонал и подвывал одновременно, в горячке повторяя:

— Мама! Мама! Мама!

Он прикладывался ухом к её лицу, пытаясь уловить дыхание, и на фоне собственного бешеного дыхания ничего не слышал.

«Сердце не бьётся! Не бьётся! Не бьётся!!» — мысль стучала в висок с каждым ударом пульса.

Он стоял перед матерью на коленях, держа её за руку. Но вот он захотел встать, в надежде бежать куда-то за помощью, и, поднимаясь с колен, разжал ладонь. Рука матери со стуком упала на пол. Застыв на мгновение от этого звука, он удивлённо посмотрел на безжизненно упавшую руку.

Страшная мысль, как молния, пробила его сознание: «Это я убил её! Я!»

Вовка схватил с пола ружьё и, размазывая по лицу слёзы, попятился к открытым дверям. Сквозь пелену, расплывающуюся перед глазами, он ещё несколько секунд посмотрел на лежащее на полу тело матери и, рыдая, выбежал из дома. Забежав в сарай, воя от накатившегося на него горя и ужаса, он торопливо скинул с ноги правый полуботинок и взвёл курок на левом стволе. Прислонившись к стене сарая, Вовка опустил ружьё прикладом на землю, уперев стволы ружья себе в грудь. Большим пальцем ноги нащупал изгиб спускового крючка, зажмурил глаза и, издав мучительный крик, резко надавил ногой вниз. Выстрела он уже не услышал.

Прибежавшие на выстрелы соседи вызвали милицию и скорую помощь. Валентину увезли на скорой в больницу.

ДиН ревю

Литературные диалоги

Переписка Н. Н. Яновского с В. П. Астафьевым (1965–1991)

Составитель В. Н. Яранцев. Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2018

Эта книга представляет собой собрание писем друг к другу двух сибиряков: писателя Виктора Петровича Астафьева (1924–2001) и новосибирского литературоведа Николая Николаевича Яновского (1914–1990). Переписка эта длилась 25 лет, с 1965 года и до самой кончины Н. Н. Яновского, так что теперь, когда все их письма собраны вместе (кроме тех, которые утеряны и, возможно, ещё будут в будущем найдены), стало понятно, что переписка эта — во всяком случае, для В. П. Астафьева — оказалась, пожалуй, самой интенсивной в сравнении с перепиской с другими его адресатами.

Труд разыскать их письма, систематизировать, дать комментарии к ним, а затем составить из этого материала книгу и написать к ней предисловие взял на себя один из ведущих современных российских критиков, кандидат филологических наук Владимир Николаевич Яранцев, автор многочисленных критических статей, публиковавшихся в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия», а также автор монументального исследования творчества репрессированного в своё время сибирского писателя В. Зазубрина.

В своём предисловии под названием «Не перестаю удивляться Вашему мужеству, трудолюбию…» В. Яранцев тщательно обрисовал ситуацию в литературной жизни страны, во время которой велась эта переписка (с тем, чтобы читателю стали более понятны проблемы, вокруг которых идёт эпистолярный диалог), так что, казалось бы, дополнительное предисловие к книге не нужно. Однако у красноярских читателей, пристрастно любящих своего знаменитого земляка В. П. Астафьева, могут возникнуть вопросы при знакомстве с этой книгой: в частности, каково было литературное соотношение между упомянутыми выше авторами писем и что за личностью был новосибирский литературовед Н. Н. Яновский? — поскольку их отношения с В. П. Астафьевым, начавшиеся как вежливо-деловая переписка, стремительно переросли в тесное дружеское общение с переходом на «ты», в знакомство семьями, в доверительные эпистолярные рассказы друг другу о проблемах своей творческой работы, о своём быте, в жалобы на жизненные обстоятельства, на непонимание их творчества и всяческие помехи со стороны окружающей литературной среды…

Александр Астраханцев

Никита Николаенко

Неретинский котёнок

Встряска

Полезно изредка встряхнуться, причём хорошенько так. И лучше всего—нежданно-негаданно. А то размеренный быт успокаивает. Создаётся ложное впечатление, что так оно и будет тянуться до бесконечности. Потихоньку. Ан нет! Отсидеться в сторонке без приключений в наше время вряд ли получится. Не время расслабляться, тем более творческой личности. Ответственность перед обществом большая. Сделать предстоит ещё много. Готовить себя надо к потрясениям. Мало ли что? В передрягу можно попасть в любой момент и в любом месте! Итак!

До отъезда дочери и её подруги на вокзал оставалось каких-то сорок минут, дело было к вечеру, а их всё не было. Зайдя в квартиру, я на мгновение задержался: закрывать ли дверь на замок? Всё равно выходить скоро. А, ладно! Машинально повернул ключ в замке, раздался щелчок, и… И сразу осознал, что ключ в двери застрял намертво—ни туда, ни сюда! «Ой, я же не хотел закрываться-то!»—мелькнула мысль, да поздно! Хотел, не хотел—теперь не считается. Судорожные попытки повернуть его или вытащить ничего не дали. Ай-яй-яй! Застрял. Намертво. Самое время!

Из коридора я обвёл взглядом комнату. На полу лежал раскрытый чемодан дочери, ещё не убранные вещи виднелись на кровати. Рядом стояли сумка её подруги и пакеты с продуктами на дорогу. Понятно!

Подёргав ключ ещё пару минут безрезультатно, я взялся за мобильный телефон.

— Слушаю!—ответил мягкий женский голос через минуту.

Сбивчиво и путано я объяснил ситуацию, рассчитывая на немедленную помощь.

— Выручайте!

— Только вы не волнуйтесь, пожалуйста!—успокоила собеседница.

— Да как же не волноваться-то?! Через полчаса девушкам на вокзал пора уходить, а вещи заперты! И я, кстати, тоже.

— Как я поняла, угрозы жизни нет?—поинтересовалась женщина-оператор.

— Да нет вроде!—подтвердил я растерянно.

— Тогда это будет платный вызов.

— Да? И сколько это будет стоить?

— От трёх тысяч!

— А можно заплатить потом?

— Нельзя! Переключать?

— Нет, спасибо, не надо!

Три тысячи! Половина моего месячного бюджета! Опять голодать придётся! В жилищной конторе озвучили ту же цифру и предупредили, что вызволять придут только утром. Работнички!

А за окном уже темнело. Итак, первый блин комом. Что же делать? Время! Часы громко тикали над ухом, и стрелки шевелились. Три тысячи! Я бы отдал их не задумываясь в той ситуации, но их просто не было. Не было даже ста рублей в кармане. Издержки производства. И обратиться мне было не к кому: ни друзей, ни знакомых… Допустим, вещи можно сбросить с балкона. Высоковато, правда. А самому-то как быть? Продуктов только на неделю… Самая что ни на есть угроза! Воображение тут же нарисовало картину, как я машу с балкона белой простынёй и кричу на всю Москву: «Помогите!» Вздохнув, я вновь набрал номер спасительного телефона. Эх, не забыть бы добавить, что писатель.

— Слушаю!—ответил приятный женский голос.

— Я вот звонил вам минут пятнадцать назад, не могу открыть дверь, а дочери на вокзал пора,—робко напомнил я о себе.

Женщина-оператор уяснила ситуацию.

— Понимаю!

— Даже не знаю, что и делать. Осталось только вещи с балкона скидывать.

— А какой этаж?

— Одиннадцатый.

— Проще с соседями договориться и спустить с балкона вещи на верёвке.

— С соседями?

Тон разговора стал мягче, блеснула надежда.

— Так я же ещё сижу в заточении!—напомнил я о себе.—А то я так разволновался, так разволновался, что даже сердце прихватило,—добавил ещё для ясности.

— Скорую вызвали?

— Нет пока.

«Но вызову. Если надо». Последнюю фразу я произнёс про себя. Терять-то было нечего. Вызову!

— Но вы понимаете, что мы можем вам повредить дверь? — поинтересовалась собеседница.

— Да Бог с ней, с дверью, переживу как-нибудь! — воскликнул я не то чтобы радостно, но вполне удовлетворительно.

— Хорошо, ждите спасателей, скоро будут.

— Вот, спасибо!

Надежда! Как хорошо, когда она есть, и как трудно жить без неё!

С той стороны двери послышался лязг ключа. Это дочь с подругой пытались открыть дверь. Ничего, конечно, у них не получилось.

— Не получится, замок сломался! — объявил я девушкам. — Спасателей вызвал уже. Едут!

Хорошо, что дело продвинулось. Однако время шло, и сознание этого не давало покоя. Время! Оставалось десять минут до выхода. Что же ещё предпринять? Воспользуюсь-ка я дельным советом, спущу, пожалуй, вещи на верёвке! Всё лучше, чем выкидывать их из окна! Бог весть когда спасатели ещё подъедут!

Девушки по-прежнему стояли за дверью.

— Спускайтесь на десятый этаж и договоритесь с соседями, чтобы приняли вещи с балкона на верёвке! — прокричал я им через дверь и, войдя в комнату, оценил груз.

Чемодан, сумка, пакеты. Нормально! Но время! Скорее!

Переместившись на балкон, я перегнулся через перила и посмотрел вниз.

Этажом ниже на балконе уже стоял молодой парень. Задрав голову, он смотрел вверх и вытянул руки вперёд, показывая полную готовность.

— Сейчас-сейчас! — прокричал я ему и рванулся за вещами.

Верёвка! У меня нет верёвки такой длины! Значит, простыни, как в кинофильмах.

Связав две простыни и привязав к ним сумку, я вернулся на балкон. Парень по-прежнему стоял в той же позе. Ответственный!

— Принимай! — крикнул я ему и начал осторожно спускать груз.

Не удержавшись, я остановился на мгновение и обвёл взглядом окна дома напротив. Как бы бдительные соседи полицию не вызвали! Но нет. Обошлось без полиции, хотя в доме напротив наверняка были сторонние наблюдатели. Наконец-то сумка оказалась у парня в руках. За сумкой последовали чемодан и пакеты.

— Всё! — крикнул я ему.

Уже хорошо! Полдела сделано! Теперь за дверь! Интересно, сильно её повредят или не очень? Дверь-то жалко. Двадцать лет стоит уже!

Вернувшись в коридор, я услышал сдержанные мужские голоса и обратил внимание на то, что ключ в замке поворачивается!

— Ура! Крутится ключ! — воскликнул я радостно и, ловко подхватив его, вытащил из замка.

— Не крутите, не крутите пока! — раздался окрик за дверью.

— Не буду!

Не прошло и минуты, как дверь плавно открылась. Слава тебе Господи! Снова на воле! Кому обязан спасением?

За дверью стояли трое крепких коротко стриженных мужчин среднего возраста в спецовках. И дочь была с ними. На полу лежали инструменты. Мужчины внимательно посмотрели на меня.

— Вот молодцы! Проходите! — радостно приветствовал я их, делая жест рукой.

— Оружие в доме, оружие не применять! — произнёс один из них, по-видимому, старший, и уверенно переступил порог.

Двое других мужчин остались на месте.

— Паспорт предъявите, пожалуйста!

— Да-да, конечно, сейчас! — засуетился я и кинулся за паспортом. — Вот! Пожалуйста!

И про оружие им уже сообщили! Серьёзно у них дело поставлено! Мужчина внимательно изучил мой паспорт и ещё раз посмотрел на меня.

— А я так разволновался, так разволновался, что даже сердце прихватило, — пожаловался я ему, взволнованно и глубоко дыша.

— Вам придётся проехать с нами! — строго сказал один из мужчин за порогом.

Начинается! Шуточки пошли!

— Однако вы молодцы, быстро управились! — пропустил я слова спасателя мимо ушей, глядя на дверь. — Даже дверь не повредили!

Дверь действительно была без царапины.

— Такая наша работа! — охотно подтвердил другой мужчина за порогом.

— Да вы проходите, чайку попьём! — предложил я повторно, но никто не сдвинулся с места.

— А я говорю, даже сердце прихватило немного, — повторил я на всякий пожарный случай.

Как бы три тысячи с меня не потребовали! Но спасатели лишь расплылись в широкой улыбке. Понимаем, мол! Сердечник! Зато отреагировала дочурка.

— Вызвать скорую? — спросила она.

— Нет, пока не надо! — заволновался я.

Как тут объяснить поделикатнее?

— Проходит уже!

Тут я посмотрел на спасителей и добавил для страховки:

— Но ещё побаливает немножко!

Но спасатели лишь улыбались. Им всё стало понятно. Дело было сделано, порядок восстановлен, и чувствовалось, что люди удовлетворены своей работой.

— Ладно, ты беги! Пора уже! — предложил я дочери.

Махнув рукой, она удалилась. И здесь порядок!

Теперь торопиться было некуда. Мне, по крайней мере. В коридоре стояли трое крепких мужчин. Спасатели! Вот она, Русь, перед глазами! Иванов!

Петров! Сидоров! Макарова только не хватает! — переиначил я про себя известную строку из стихотворения Бориса Рыжего. Почему не пошутить? Незнакомые люди пришли на помощь, а потому вызывали симпатию. Они не начинали ныть: э-э, денег дай! Никто не лукавил: здесь надо то, а там надо это! Мужчины сделали своё дело, и сделали его быстро и грамотно. И дверь не повредили совсем. Вот уж действительно спасатели!

— Вам придётся проехать с нами! — повторил между тем один благодетель за порогом.

— Да шутит он! — улыбнулся стоящий рядом мужчина. — Такая специфика работы!

— Понятно.

Нашли кому объяснять — бывшему директору охранного предприятия. Они заулыбались, улыбнулся и я.

— Да проходите, чайку попьём! — предложил я ещё раз.

С приятными людьми почему не выпить чаю?

— Да нет, нам пора! — вздохнул стоящий рядом мужчина. — Спасибо за приглашение. Претензий к нам не имеете?

— Да что вы, какие претензии?! Благодарность выражаю, и только. Кстати, с замком-то что было?

— Заклинил! Давай уж доделаем дело до конца! — обратился мужчина к своему товарищу.

Тот безропотно взял отвёртку, и ещё через минуту сломанная личинка замка лежала у меня на ладони.

— Купите новую личинку за триста рублей — и все дела! — объяснили умельцы.

— Вот молодцы, ребята! Выручили!

— Ничего! Главное, что дочь уже на отдых едет! — улыбнулся старший спасатель.

— Это да!

Попрощавшись и пожелав удачи, спасатели удалились.

— Спасибо! — крикнул им вслед. — Вовек не забуду!

Проводив людей, я вышел на балкон и весьма охотно глотнул свежий воздух. Диск луны светил ярким белым светом. Дочь, наверное, уже на вокзале. Ну да ладно, их проводят! Тревоги позади! Прошло-то всего полтора часа с момента поломки, а сколько событий уместилось в это время! Я смотрел на белый диск над крышей дома напротив и думал о происшествии. Случайно ли свалилось очередное испытание? Поломка замка за полчаса до отправления на вокзал! Бывает и такое! Тёмный город внизу не казался уже враждебным, и я успокаивался всё больше. Замок, правда, один остался, ну да закрыться можно. Не украдут теперь! Сколько ребята сказали — триста рублей? Справиться можно! Кошмары о тысячных тратах уже и не вспоминались. В который раз удалось отделаться малой кровью. Вовремя они приехали! Навели порядок и денег не взяли. Можно жить дальше. А то сидел бы сейчас за закрытой дверью, томился бы… Вот тоска!

Хорошую, хоть и короткую встряску получил я тогда. Напоминание о том, что следует быть готовым к любому развитию событий. И неплохо, если есть на кого положиться! А если нет? Если нет, то выбираться придётся самому. Как? А как угодно! И, глубоко глотнув свежий воздух, я подвёл итог дня: встряхнуло немного, и ладно! А всё-таки хорошо, что такие крепкие ребята вовремя пришли на помощь.

Неретинский котёнок

Неретинским котёнок стал называться потому, что его хозяин носил фамилию Неретин. Это был один из приятелей моей дочери, который поручил ей котёнка на время своего двухнедельного отсутствия, а она, собравшись на дачу, перепоручила это ответственное дело мне.

Вместе с котёнком в квартире появился лоток в виде домика с наполнителем, блюдца с сухим кормом и водой. Из Интернета стало понятно, что кошка сама знает, когда ей есть, главное, чтобы рядом с кормом стояла свежая вода.

— Ну и ладненько! Купишь корма ему ещё! — строго наказала дочурка перед отъездом.

— Понятно!

Ни имени, ни пола котёнка мне не сообщили, да это было и ни к чему, всё равно нам предстояло вскоре расставаться, две недели пролетят — оглянуться не успеешь!

Устроившись в кресле, я посмотрел на котёнка. Что за зверь? Окраска у него была самая обыкновенная, серая с полосками, только задние лапки были белые, ну и грудка немножко. Красавец!

Начались изменения. Вместо послеобеденного сна я направился в магазин за кормом.

— Где корм для кошек? — обратился я к женщине средних лет в униформе, которая раскладывала товар по полкам.

— Пойдёмте, я покажу! — охотно откликнулась она.

Мы переместились в соседний отдел.

— Вот здесь! Сокращают нас, некому работать будет! — вздохнула она. — Семь лет здесь отработала!

— Много платили? — поинтересовался я учтиво.

— Двадцать семь тысяч!

— Неплохая прибавка к пенсии!

— А, всё равно! — воскликнула работница прилавка.

— Почему так?

— Грядёт денежная реформа, опять без денег останемся.

— Да, похоже, что назревает что-то, — кивнул я в ответ.

— А пахали как лошади! — продолжила она. — Теперь вот их набирают, они согласны работать и за меньшие деньги, — махнула рукой собеседница

в сторону молодой узбечки с тележкой, полной товара.

Поблагодарив женщину и прихватив корм, я отправился домой к питомцу.

Котёнок сидел под дверью. И всё же — кот это или кошка? Но акцентировать внимание на этом вопросе я не стал, решив, что определю пол по поведению питомца — так интереснее.

— Котёнок! — весело воскликнула вернувшаяся с работы девушка-жиличка. — Кто это — он или она?

— Не знаю, — пожал я плечами равнодушно.

— Ну хоть зовут-то его как?

— Не знаю! Всё равно отдавать его скоро.

Итак, началось совместное проживание котёнка с людьми и знакомство друг с другом. Познакомились-то мы быстро, а вот характер его я узнавал постепенно.

Он стал залезать на стол и устраиваться рядом с клавиатурой между рук человека. Повернув головку, котёнок смотрел на экран монитора: что там интересного? Ничего интересного там для него не было, и вскоре, свернувшись клубочком, он начинал дремать.

Тренировки, творческая работа, прогулки! Привычный режим соблюдался по-прежнему, не нарушился. Насыпать в миски корм и налить воды не составляло большого труда. Хотя пришлось поставить ограничители на окна, чтобы широко не открывались. Дни шли своим чередом. Интерес к котёнку незаметно возрастал.

Когда я возвращался домой, котёнок уже дожидался в коридоре под дверью. Судя по тому, как он сладко потягивался, питомец беззастенчиво дрых всё это время. Ну и ладно! Растёт питомец, ему и положено! Он хоть поел? Поел, ещё как! Вновь следует корм подсыпать. Ешь на здоровье!

Дальше нас ждала совместная работа за компьютером. Поведение котёнка на столе изменилось. Теперь он отрывался от просмотра экрана, становился на задние лапки, передними лапками опирался мне на плечо и, поднеся головку к самому уху, тихо урчал. Я прислушивался. Улавливалась смена тембра.

С какой далёкой планеты вы прибыли на Землю? — задавался тогда вопросом. Кто вас послал, с какой целью? Вне сомнения, это разумные существа. Инстинкты? Вот насмешили! И что котёнок говорит своим тихим урчанием над ухом? Какой-то смысл в его звуках угадывался. Я пытался понять смысл их хотя бы. Казалось, что он давал понять, что всё будет хорошо. Хорошо — это как? До меня дойдут наконец-то гонорары за многочисленные книги на «Амазоне»? Я выберусь из нищеты, отправлюсь на давно заслуженный отдых к тёплому морю в тепличные условия? Дочь будет радовать своими успехами и достижениями? Да-да, всё будет хорошо! — угадывалось в урчании котёнка. Не переживай сильно, перемелется — мука будет! Так хотелось в это верить. Ещё этот странный взгляд поверх головы. Казалось, что он видит то, что недоступно мне. Казалось.

Но нет, не только он урчал над ухом. Хватало и других дел. Питомец старательно осваивал новую территорию и изучал привычки людей. Весьма любознательный оказался жилец. Все углы на полу он исследовал быстро и переключился на верхний ярус. Прыгал он хотя и отважно, но ещё неумело и частенько, не допрыгнув до цели, с грохотом валился на пол. Но это ничуть не смущало питомца, он тут же вскакивал как ни в чём не бывало и искал себе другое дело, не повторяя попытки. Если грохот от падения получался сильный, то он на всякий случай подбегал и смотрел снизу на меня.

— Резвись и дальше! — разрешал я ему.

Тогда он садился на задние лапки и посматривал наверх, выбирая маршрут и явно намереваясь допрыгнуть куда-нибудь повыше. Ну, ещё он носился по комнате как угорелый. Развлекался, словом.

Ночевал он на кухне на привычном месте — у компьютера. В комнату к себе я его не пускал — не даст ведь отдохнуть спокойно. Первое время он не мирился с этим и просился в комнату.

— Нет, не пущу, и не проси! — объявил я ему.

Мяукать он не умел, пищал только, зато когтями скрёбся под дверью отлично, открыть только не мог — силёнок не хватало. Пришлось смириться. Зато под утро, услышав, что я проснулся, он снова начинал пищать под закрытой дверью. Застать его спящим не удавалось.

— Заходи уж! — распахивал я дверь настежь.

Затем мы направлялись в ванную комнату, и котёнок внимательно контролировал процесс бритья.

И вообще, за что бы я ни брался, будь то мытьё посуды, уборка или что-то другое, как он оказывался тут как тут и внимательно наблюдал за действиями человека. Любознательный какой! — усмехался я про себя. И чем только буду заниматься, когда заберут его у меня? Тем временем привычки самого постояльца раскрывались постепенно, но неотвратимо. Как-то после завтрака я прилёг отдохнуть и только начал было почёсывать себя за ухом, как тут же мягкая кошачья лапа услужливо помогла мне в этом. Затем, обойдя вокруг человека раза четыре, котёнок уяснил ситуацию и отправился исследовать мир дальше. Поняв, что я периодически хватаюсь за перо, котёнок тоже стал проявлять к нему интерес, и с этого момента искать ручку приходилось по углам квартиры.

Но больше всего стало беспокоить то, что, разохотившись, питомец стал всё чаще выпускать когти да показывать зубки. Перевоспитывать его я даже не пытался. Ну режутся зубки у котёнка — не наказывать же его за это? Однако вскоре это мнение переменилось.

И хотя и кусал, и царапал он нежно так, аккуратно, но всё чаще на руках и ногах стали появляться царапины с мелкими капельками крови, недвусмысленно напоминая о том, что в доме появился хищник.

— Нельзя!— объяснял я котёнку после очередного дружеского нападения.— Нельзя кусать благодетеля!

В ответ мне скалили пасть и выпускали когти.

Только после короткой борьбы, когда удавалось схватить агрессора за шкирку и дружелюбно пощёлкать по носу, порядок восстанавливался. Но ненадолго: вскоре всё повторялось сначала.

Но перерыв в нападениях всё же наступал по независимым причинам. Закончились проливные дожди, потеплело, и в комнату стали залетать мухи. У проказника появилось новое развлечение. Теперь он охотился за ними— с прыжками, засадами и погонями. Пару раз цветы в горшках опрокидывались, ну да ладно! Главное, что мне дали передышку, поскольку питомцу стало не до меня. Тут такая охота! Мне показалось даже, что мухи снизили свой полёт и стали пролетать над котёнком, но вне пределов его досягаемости. Дразнили, значит.

Мухи мухами, но вскоре питомец взялся за старое. Что предпринять? Казалось, что выход был найден. Брошенный на пол резиновый браслет подпрыгивал, катился по полу и привлекал внимание охотника до поры до времени.

Но вскоре он раскусил хитрость. В один из дней он рванулся было за браслетом, потом остановился и посмотрел на ноги человека. Ага! Не обманешь!

— Нет-нет!— крикнул было я, но живая мишень интереснее, и, не обращая внимания на браслет, хищник пошёл в атаку.

Надевание джинсов не помогало, проказник легко прокусывал плотную ткань.

Когда становилось невмоготу терпеть его выходки, я хватал котёнка и запирал его в комнате. Через пять минут начинались такие жалобные стоны, что сердце не выдерживало, и дверь распахивалась настежь:

— Выходи уже!

После освобождения котёнок залезал на стол к компьютеру, и начиналось братание с непременным урчанием, и мир восстанавливался. Ненадолго. До первой атаки.

— Когда же заберут тебя?— вздыхал я всё чаще.

Буквально на день с дачи вернулась дочь, чтобы привести в порядок свои дела. Котёнок немного растерялся: кто же тут главный? Но очень скоро он разобрался кто— дочь, конечно же!

— Метеор!— поглаживала она котёнка.

Ах, метеор! Я так и думал!

Первым делом меня основательно отчитали за неправильное кормление питомца.

— Это котёнок!— восклицала дочь.— Ему всего шесть месяцев! Его надо кормить кормом для котят!

— Так я сам на горсти риса в день держусь, и ничего!— пробовал было оправдаться я.

— Ничего тебе доверить нельзя. Предупреждала ведь!

— Да он на питание не жаловался,— всё оправдывался я, но прощения мне не было.

Дочь отправилась в магазин, принесла несколько пачек подходящего корма и, не подпуская меня, сама насыпала корм в блюдце. Котёнок же, усевшись поодаль, с интересом наблюдал за ходом развития событий. Наведя порядок, дочь отправилась на дачу, а я опять остался за старшего.

Наступила жара. Мы с котёнком дружно отдыхали после дневных забот. Я уставал после творческой прогулки по Коломенскому, а он, надо понимать, от домашних дел утомлялся: легко ли за мухами гоняться? Я ложился на кровать, котёнок устраивался рядом и дрых за милую душу. Жаль только, что окна нельзя было распахнуть настежь. Если звонил мобильный телефон, то мы разом вскакивали и бежали в разные стороны: я— к телефону, а он— от него. Потом возвращались на место.

— Отдам тебя скоро, голубчик!— ласково говорил я котёнку, поглаживая тёплое брюшко.

Так, жалко его отдавать или нет? Вне сомнения, мы нашли общий язык, даже несмотря на некоторые недоразумения.

Но под конец оговоренного срока я стал уставать от питомца. Кормить, убирать, заботиться! Нет, не моё это!

— Утомился я что-то от котёнка!— объявил я девушке-жиличке.— Не чаю, когда его заберут!

— И мне он надоел!— охотно подтвердила она.

Котёнок молча принял это к сведению. Тем же вечером любимая игрушка девушки оказалась на полу, а её тапочки были вынесены в коридор и брошены под дверью. Ага, он ещё и человеческий язык понимает!— оценил это действие я про себя. Хорош гусь!

Котёнок же моментально уловил перемену настроения и тоже охладел ко мне. Теперь мы просто мирно проживали вместе. Не хочешь дружить— не надо!— угадывался ответ в его безразличном взгляде. Ещё неизвестно, кто больше потеряет! Он по-прежнему устраивался перед компьютером, но гладить себя не давал, огрызался, отталкивал руку задними белыми лапками. А может быть, ему было просто жарко. Так-то оно так, но отчего-то мне стало грустно. Задумчиво я смотрел на котёнка. Он продолжал свои беспечные игры, не обращая на человека никакого внимания. В конце концов, не я его хозяин!— утешал я себя, но чувствовал, что это слабое утешение. Однако вариантов не было, питомца предстояло отдавать. Выкупить его, что ли, или завести себе такого же?— задавался я

вопросом. Ну, такого красавца ещё поискать!—это не вызывало сомнения. Метеор!

Так незаметно, за заботами, время пребывания котёнка у меня истекло.

— Заберут тебя сегодня!—объявил я ему.

В ответ котёнок заурчал, причём без всякого поглаживания. Отвечал что-то, значит, да я не разобрал, что именно. В оговоренное время я позвонил Неретину.

— Какие планы у вас насчёт питомца?—поинтересовался я равнодушно.

— Вечером заеду, заберу,—последовал ответ.

Ближе к вечеру Неретин появился. Слава тебе Господи!

— Проходите, сейчас приготовлю кофе,—предложил я гостю.

— С удовольствием!

Мужчина прошёл на кухню, сел на стул и сразу же подхватил своего любимца.

— Вы по-прежнему в математическом институте работаете?—поинтересовался я для приличия, возясь у плиты.

— Да нет, в частных конторах давно уже!—ответил гость, играя с котёнком.

— Угощайтесь!

— Спасибо! В «Лаборатории Касперского» одно время работал.

— Интересно! А почему ушли?

— Порядки слишком строгие!

— А наукой больше не занимаетесь?

— Да нет сейчас науки,—ответил собеседник просто.

— Это да! Сам забыл уже, что кандидат наук,—согласился я с ним.

Гость отпивал понемногу кофе и не переставал играть с котёнком.

Котёнок между тем принялся охотно покусывать хозяина. На руках у того появились красные царапины. Сейчас бы самое время хороший щелчок ему по носу щёлкнуть!—подумал я про себя, глядя на котёнка, а сам лишь улыбнулся. А Неретин радовался:

— Вот ты какой! Подрос-то как!

Допив кофе, он подхватил с пола переноску и ловко упрятал в неё любимца. Котёнок спохватился было, заметался, да поздно. Попался, который кусался! Неретин засобирался домой.

Проводив их, я прибрался на скорую руку, наконец-то распахнул настежь окна и отправился на прогулку—проветриться! Вечерело, но было ещё жарко и душно, короткий дождик не принёс облегчения. Москва казалась полупустой, даже на стоянках машин почти не осталось, все разъехались по дачам. Внимание привлекла идущая навстречу девушка. В руках она несла переноску с белым котёнком. Следом за ней молодая мамаша катила коляску. Все были при деле.

Вот и забрали у меня питомца! Непрерывная борьба за существование ожесточила меня, я давно очерствел душой. А тут—котёнок! Со своими играми и приставаниями. Захочет—заурчит, захочет—поцарапает! Хлопоты он доставлял, это да, но они уже забылись. Зато теперь я с гордостью могу говорить: у меня дома жил настоящий котёнок!

Когда я вернулся, было уже совсем темно. Полная луна висела над городом. Красота! Войдя в квартиру, я вздрогнул, увидев движущийся тёмный силуэт за ведром. Неужели? Но нет! Это оказался всего лишь чёрный пакет, сорванный с дверной ручки порывом ветра. Пакет, а не котёнок!

Марина Сычёва

Зимняя тетрадь

В Сибири

1.

Зимние ночи белее и чище
сумерек октября.
Обледенело холодное днище
прочь уходящего дня,
заиндевели туманные бороды
снежных сибирских дорог.
Ветер гуляет по стылому городу,
ищет отцовский порог.
В окна стучит и, настырно аукая,
над полумраком жилищ
бродит скитальцем.
И снежною му́кою
ночь замирает меж крыш.

2.

Белее снега и белее тишины,
белее сахара, мучительней и слаще
преодоления нечаянной вины
непредсказуемое счастье—
из кружки пить парное молоко
огромными глотками, словно дети.
И чувствовать, как истово, легко
струится жизнь на маленькой планете.

Как на краю земли пурга метёт
и тонет свет в заоблачных глубинах.
Как, истончившись незаметно, год
теряется. А рядом нет любимых
и милых сердцу снежных берегов
студёной раскрасавицы Сибири.
Я пульс ищу наибелейших слов,
пропитанных свободою и ширью.

И нахожу крупицу тишины,
что греется под снежным покрывалом.
И пью из кружки с молоком парным
всю теплоту домашнего причала—
того далёкого сибирского села,
где дом белее белого. А тополь
спилили.
Я когда-то там жила
и слушала зимы протяжный шёпот.

Тебе

Олесе Рудягиной

И нет никаких вопросов. Как, впрочем, и нет ответов.
Снегом укрыты метры не моего пути.
Капает время-доза в сердце по венам света.
Переломали ветры всё, что могло цвести.

Но обжигает пальцы вдруг закипевший кофе,
И проникает горечь в белые складки дня.
Это стихи-скитальцы запнулись на первом вздохе,
Заполнили болью горло и душат до слёз меня.

А кто-то рифмует снеги и тёплые поцелуи
в запорошённом парке за два шага до весны.
А кто-то ещё успеет поймать золотые струи
и получить подарки… Пусть это будешь ты.

«Зима, и всё опять впервые…»[1]

Сакраментальные слова:
декабрь, Рождество, зима,
шутихи, ёлка, бой часов
и перезвоны бубенцов.
Привычно всё. Из года в год
приходит празднику черёд.
И загорается звезда,
игрушек яркая слюда
мерцает чуть, играет свет,
и новый серебрится след,
и Дед Мороз стучит в окно,
и дети ждут давным-давно
сюрпризов.
И в урочный час
подарки, что давно припас,
в мешке своём отыщет дед.

…Но на душе покоя нет.
Зачем тревожит в этот миг
зыбучих лет непрочный стык?
День, что пока ещё один,—
уже грядущего почин.
Неумолимый перст судьбы
уже коснулся головы,
и перед ним не устоять.
Зима. «Зима, и всё опять…»

1. *Борис Пастернак*, «Зазимки».

● ● ●

Некого ждать,
некому верить.
В эту морозную мглу
сонные окна и сонные двери
вьюгою распахну.
Будет цепляться ветер за шторы,
властно по дому гулять,
в бешеной пляске, злой и весёлый,
сладко меня целовать,
будет кружить разноцветные стёкла
колкой пургою во тьме,
ночью холодной беспечно и долго
будет ласкаться ко мне.

● ● ●

…И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.
Борис Пастернак.
Единственные дни

Как безразлична тишина,
живущая в часах песочных.
Ни благочестье, ни вина,
ни святость дев, ни их порочность—
ничто не может повлиять
на глухоту песка. Напрасно
я поворачиваю вспять,
в ту зиму, где закатом красным
пылал холодный горизонт.
Пустые дни солнцеворота,
как будто завершали год.
За понедельником суббота
вдруг приходила не спеша,
и дни терялись в сонной стуже.
Ночами плакала душа,
не ведая, кому кто нужен.
Дороги ледяной корой
мерцали в свете полусонном,
брели прохожие домой.
И одинокою, бездомной
Любовь стояла на пути.
Часов песочных безучастье
ещё могло их развести,
но вера в призрачное счастье
толкала путников туда,
где дольше века день струится.
И каждый понимал: зима,
как и объятье, прекратится…

Снегопад

Может быть, начнётся снегопад?
Этой ночью беспросветно-стылой
серебристый кипенный наряд
для небесной птицы чернокрылой
раздобудет сказочник-январь.
И закружат звёзды в белом танце,
и, качаясь корпусом, фонарь
превратится в страстного испанца.
И в салопе рваном небосвод,
случая волшебного свидетель,
по ступеням тихо соскользнёт.
В салочки играть решится ветер.
И такая выйдет кутерьма
из простого, в общем, снегопада.
Занесёт дороги и дома,
пустыри, деревья и ограды.
Будет снег лететь, валить, идти,
обгоняя сутки и недели,
побеждая на своём пути
все препятствия и делая белее
каждый миг. И, может быть, тогда
дней и лет наступит просветленье.
Снег случится. И на города
снизойдёт Зимы благословенье.

● ● ●

Холодный ветер ждёт зимы,
чтоб разгуляться на просторе,
весёлой чередой историй
людские забавлять умы
и верить в то, что сквозь окно
ему прорваться хватит мочи,
под колыбельную двух строчек
пролить прощальное вино.
Чтобы, раскачивая мир,
баюкать дерева и дачи,
и дальновидным, и незрячим
играть убранствами квартир.
…Холодный ветер ждёт зимы.
На Рождество закружит вьюгой,
чтоб не оставили друг друга
сказавшие однажды: «Мы»,—
чтоб не рассыпалась игра,
слова любви не заржавели,
чтоб, настежь распахнувши двери,
возлюбленная не ушла.

Марат Кулатаев

Загадочный участок

По вызову

Хамит начинал свою трудовую деятельность врачом акушером-гинекологом в областном перинатальном центре. Тогда он был ещё молод, полон сил и амбиций. Был он смазлив, черты его лица были правильны и даже благородны. Роста он был хоть и среднего, но строен. Самое главное — он мог располагать к себе женщин своей общительностью и способностью говорить комплименты. А потом, он знал множество анекдотов и был хорошим рассказчиком. В общем, женщины тянулись к нему, как пчёлы к мёду. Он, правда, никого не отвергал, всем уделял своё внимание.

Если про минёров говорят, что они ошиблись профессией, то это выражение совсем не подходило к Хамиту, свою профессию врача акушера-гинеколога он выбрал правильно и, можно сказать, по призванию. Он был врачом от Бога.

Как молодому специалисту, Хамиту поручали дежурства в праздничные дни, тогда как другие пожилые доктора отговаривались, особенно на Новый год:

— У меня семья, дети, мне нужно Новый год провести в семейном кругу. А то есть такое поверье: как встретишь Новый год, так и его проведёшь.

— А что, меня это поверье не касается, что ли? — возмущался Хамит.

— Ты ещё молод, у тебя ещё всё впереди. Мы тоже с этого начинали, — отвечали, снисходительно улыбаясь, его старшие коллеги, при этом похлопывали по плечу.

— Да ну вас! — отвечал Хамит и всегда соглашался.

Как-то дежурил он на какой-то праздник, и, как назло, как будто бы все женщины области сговорились именно в его дежурство рожать. Без конца привозили рожениц. Среди них была одна молодая курдянка из близлежащего села, которая совсем плохо говорила и понимала по-русски. Как положено, всех поступивших рожениц укладывали в предродовые палаты, а оттуда уже по показаниям везли в родзал.

В палате в основном лежали лица коренной национальности. Курдянка, видя, что рожениц в основном коренной национальности везут в родзал, и даже тех, кто после неё поступил, а про неё напрочь позабыли, сказала умоляюще ему:

— Доктор, давайте рожать хоть в порядке очереди!

— У вас ещё нет показаний, чтобы вас везти в родзал, — ответил Хамит, глядя улыбающе на пациентку.

Она была чертовски хороша, хоть и собиралась рожать. Про себя он даже подумал: везёт же людям.

— Каких таких показаний? — ответила непонимающе курдянка, глядя на него большими чёрными глазами.

— Ну, это самое… — попытался объяснить ей Хамит медицинскими терминами, чего она, конечно, не поняла, а потом, махнув рукой, сказал: — Ну, в общем, подождите, ваша очередь ещё не подошла.

Спустя несколько часов её тоже повезли рожать. Курдянка нормально родила мальчика, а потом, уже спустя сутки, увидев Хамита, сказала благодарно ему:

— Спасибо вам, доктор, что включили меня в очередь.

Однажды в летнюю жару его вызвал к себе главный врач клиники и сказал:

— Хамит, давай срочно собирайся, сейчас тебя скорая отвезёт в аэропорт, ты полетишь на самолёте санавиации к далёкому жайлау, там женщина вот уже сутки как рожает, разродиться не может! Заодно проветришься, свежим воздухом подышишь, бесбармак поешь, чаёк из самовара попьёшь!

— Хорошо, я сейчас быстро соберусь, — ответил Хамит и побежал собирать всё необходимое.

Хамит взял с собой медицинский чемоданчик со всем необходимым для принятия родов, переоделся и пошёл в приёмный покой. Там его уже ждала скорая помощь. Он сел в машину, скорая, включив сирену, понеслась через весь город в аэропорт. В аэропорту его подвезли на старенький самолёт Ан-2, который ему, по всему, годился в дедушки. Судя по его виду, он, наверное, был построен ещё в середине прошлого века. В общем, особого доверия не внушал. Возле него копошился лётчик, далеко не молодой, а скорей всего, пенсионер, списанный по состоянию здоровью из большой авиации.

Прежде чем лезть в самолёт Хамит обратился к лётчику:

— Уважаемый, а парашют вы мне дадите?

— На тебе есть семейные трусы? — сказал лётчик, ехидно глядя на него.

— Да, есть, а что? — ответил Хамит.

— Вот он, если что, и будет тебе заместо парашюта! — ответил тот и заржал, как конь.

Хамиту ничего не оставалось, как залезть в самолёт и смиренно сесть в кресло.

Самолёт с шумом взлетел, его сильно трясло и качало, при этом он весь скрипел и стонал, как живой, будто бы жалуясь, что побеспокоили его покой: мол, мне давно пора уже на заслуженный отдых, а я всё ещё летаю. Временами даже казалось, что он вот-вот развалится в воздухе. В душе Хамит уже был не рад, что выбрал профессию врача акушера-гинеколога, и молил Бога благополучно долететь до места назначения.

Наконец, через час полёта, самолёт благополучно приземлился на окраине какого-то села, здесь находился аэродром для санавиации.

На аэродроме Хамита ожидал «уазик» («буханка»), на который он и пересел. Машина была тоже старая, вся какая-то побитая, по всему — редко мылась, в общем, поездка на ней вверх в горы радости не вызывала.

— Куда мы едем? — спросил Хамит, подозрительно глядя на молодого водителя.

— А на жайляу, в горы, там и находится роженица, жена нашего чабана, — ответил, безмятежно улыбаясь, водитель.

— А ты уверен, что эта машина туда доедет? — спросил Хамит, недоверчиво разглядывая машину.

— Вы, агай, не смотрите, что машина с виду такая неказистая, двигатель в ней просто зверь, мигом домчит! — ответил бодро водитель.

— Ну, мигом не нужно, главное — нормально доехать, — сказал Хамит, всё ещё с недоверием садясь в машину.

Водитель к такой дороге, по всему, привык, другой, наверное, и не знал, потому что всю дорогу что-то весело напевал себе под нос.

Дорога была каменистая и вся в ухабах, по ней, по всей видимости, редко ездили и совсем не ремонтировали. Машину так трясло, будто бы он ехал верхом на лошади. От такой тряски у него было ощущение, что все его внутренние органы вот-вот выскочат наружу. В душе уже он костерил всех, начиная с главного врача клиники, который отправил его сюда подышать свежим воздухом, и кончая роженицей, которую занесло куда-то к чёрту на кулички рожать.

— Долго ещё? — спросил он, умоляюще глядя на водителя.

— Ещё с полчасика потерпите, и приедем, — ответил тот, как ни в чём не бывало потягивая сигарету.

Наконец машина заехала в ущелье и остановилась на красивой лужайке недалеко от юрты.

Хамит вышел из машины и отряхнулся. Перед его взором предстала такая удивительно красивая природа!

Было начало июля. Если внизу стояла удушливая жара, то здесь, на жайляу, веяло приятной прохладой. Ущелье, где стояла юрта, природа щедро одарила пышной зеленью: здесь росли и берёзки, и ивы, и клёны, и голубые тянь-шаньские ели, и другие деревья и кустарники, которые Хамит нигде раньше и не встречал. Но самое главное, что поражало его, — это удивительно чистый горный воздух, от которого появляется неповторимое ощущение праздника, которое потом долго тебя не покидает.

При виде всего этого на Хамита напало какое-то приятное чувство ожидания какого-то чуда, словно он этого ждал всю, пусть хоть недолго прожитую, жизнь, а оно промелькнуло незаметно мимо тебя, и всё. И это до сих пор не даёт ему покоя. Глядя на эту красоту, он так задумался, что даже позабыл, где находится. Вывел его из этого состояния водитель.

— Агай, заходите в юрту, отдохнёте с дороги, попьёте чай, — сказал он.

Тут только Хамит обратил свой взор на юрту. Юрта была небольшая, шестистворчатая, вся покопчённая и прожаренная на солнце. Возле неё возилась с самоваром какая-то молодая женщина в широком платье и в белом платке на голове.

— Хорошо, — ответил Хамит и зашёл в юрту.

В юрте было хорошо и уютно. Веяло лёгкой прохладой от искусственно созданного сквозняка: за счёт приподнятого войлока и открытого шанырака воздух свободно перемещался по юрте. В центре юрты стоял столик, на нём были расставлены сладости, сметана, масло и свежеиспечённые баурсаки. Вокруг стола были разложены корпешки и подушки.

— Агай, садитесь к столу, — сказал водитель, показывая на тор.

Хамита не нужно было долго упрашивать, он с удовольствием прилёг к столу. У него так сильно ныло всё тело после такой плохой дороги, что он ни о чём не хотел уже и думать.

В это время женщина занесла кипящий самовар и поставила его к столу. Потом сама, присев на маленький стульчик, стала разливать чай. Чай из самовара, да ещё в юрте на жайляу, был просто прекрасен и вкусен. Такого замечательного чая Хамит никогда и не пил. Его никак нельзя было сравнить с тем чаем, что пил он в городе. Разве то чай, когда вода вскипячена на газе? Тут — совсем другое дело. С глотком чая ты вдыхаешь в себя все ароматы гор, не чай, а просто блаженство. Хамит, с большим наслаждением, смакуя каждую пиалу, пил чай, в это время его душа витала где-то высоко-высоко в горах; для чего он сюда приехал, он напрочь позабыл. По мере того как уменьшалось количество воды в самоваре, его душа потихонечку возвращалась в грешное тело.

Наконец самовар был выпит весь, и тут вдруг он ужасом вспомнил, для чего он сюда приехал.

— А где роженица? — прокричал он в испуге водителю.

— А вот она! — показал он рукой на женщину, разливающую чай.
— Как это? Она же лежать должна! — прокричал он, удивлённо глядя на роженицу.
— У неё уже давно начались схватки, она и лежала, рожала. Вот сейчас вас чаем напоит и дальше пойдёт рожать, — ответил недоуменно водитель, допивая мелкими глотками чай из пиалы…

Загадочный участок

Азамат работал начальником земельного отдела в N-ском районе. Был он ещё сравнительно молод, ему было от роду всего двадцать девять лет. Несмотря на столь молодой возраст, он уже возглавлял такой значимый отдел. Почему значимый? Потому что район по своему географическому расположению был один из лучших в области, земля здесь была, соответственно, дорогá, все хорошие участки давно были распроданы.

Внешне Азамат был ничем не примечателен: он был среднего роста, средней упитанности, в очках. Взгляд его из-под очков был всегда суров, да и сам он был немногословен. По своему виду он напоминал отличника в школе. Все нормативные документы, касающиеся земли, он знал назубок. Если бы кто-нибудь разбудил его ночью и задал вопрос, касающийся земли, он бы ответил, не запинаясь.

Курирующий его отдел руководитель иногда говорил в шутку:
— Азамат, ты сильно много знаешь, а это не очень-то хорошо.
— Почему? — отвечал тот мрачно.
— Видишь ли, когда подчинённый много знает, это как-то, ну как тебе сказать, не очень хороший тон! — говорил, улыбаясь, старший, видя, что Азамат не понимает шуток. — Ну, в общем, иди работай.

Когда Азамат уходил, старший говорил сам себе:
— Надо же, прям живая энциклопедия.

Однажды к Азамату на приём пришёл пожилой человек, можно сказать, дед, и, сунув ему под нос потёртую карту, таинственно сказал:
— Сынок, вот здесь, где обведено кружочком, моя земля, которая перешла мне по наследству от моих предков. Я хочу, чтобы ты мне выписал на неё госакт.

Внешне дед напоминал старика из фильма «Остров сокровищ». Но у него обе ноги были на месте, и на плече не сидел попугай, да и вид хотя был не такой уж отталкивающий, но тоже особого доверия не внушал. Пришедший не знал одного — что Азамат точно знал все участки по кадастру.
— Ага, этот участок относится к сельхозугодьям, никогда в собственности не стоял, — сказал Азамат, сурово взглянув на деда сквозь очки. — А то, что до революции тысяча девятьсот семнадцатого года он принадлежал вашим предкам-баям, бежавшим за кордон, так это не в счёт.
— Нет, это моя земля, и вы должны мне выписать на неё госакт! — говорил упрямо дед, тыча картой Азамату прямо в нос.
— Это невозможно! Если вы хотите купить этот участок, мы должны выставить его на аукцион, и вы можете выкупить его на равных основаниях. Но на это нужно время, пока все необходимые документы мы подготовим, — ответил, морщась как от зубной боли, Азамат.

У него была уйма работы, а тут этот надоедливый дед пристал, как банный лист к одному месту.
— Нет, я не согласен, тогда его может купить другой человек! — отвечал упрямо дед.
— Я ничего не могу поделать, так гласит закон, — сказал Азамат. — И вообще, оставьте заявление, а мы вам напишем письменный ответ.
— Я на вас буду жаловаться прокурору! — ответил посетитель, грозно глядя на Азамата.
— Ваше право!

Дед ушёл, и Азамат забыл про него, погрузившись в пучину работы. На заявление надоедливого посетителя он дал письменный ответ в течение двух недель, как полагалось по закону.

Спустя некоторое время его вызвал к себе помощник прокурора района. Азамат поехал к нему в назначенное время с неприятным чувством, поход к прокурору — не очень приятное дело, а может обернуться пренеприятнейшей штукой.

Подъехав на своей служебной «Ниве» к прокуратуре, он вошёл в здание и, постучавшись, робко зашёл в кабинет помощника прокурора.
— Вызывали? — сказал он вместо «здравствуйте».
— Да, конечно! — ответил помощник прокурора, оценивающе разглядывая Азамата. Сделав небольшую паузу, он продолжил: — Присаживайтесь. Вот на вас поступила жалоба от гражданина Т. Он пишет, что вы ему отказываетесь выдавать госакт на его участок земли.
— Этот гражданин приходил ко мне, я ему всё объяснил и письменно дал ответ. В ответе написал, что участок земли, который он просит, нужно выставить на аукцион, а потом уже он его может выкупить на общих основаниях. А он требует от меня госакт на землю без всяких оснований, причём в категоричной форме, как будто бы я лично распоряжаюсь государственными землями, — сказал Азамат. — И вообще, он принёс какую-то потёртую карту, требуя от меня именно этот кусок земли. Странно всё это!
— Что именно странно? — спросил помощник прокурора, и в его глазах блеснул неподдельный интерес.
— На этой земле ничего расти не будет, там сплошной солончак, все участки в районе я знаю по кадастровым номерам, — сказал Азамат. — И на

что ему дался этот участок, непонятно. Как будто бы его предок там клад зарыл. В общем, тут дело какое-то тёмное, почти как в фильме «Остров сокровищ».
— Ладно, вы ответ письменный нам и заявителю дайте. Можете идти,— ответил помощник прокурора.

Азамат с радостью покинул заведение.

Через некоторое время его вызвали в районный суд. Оказывается, дед подал на него в суд. Там он опять объяснял судье, как приобретаются участки земли. Суд принял его сторону, а деду в иске отказали.

После этого Азамата вызвали в областной суд, и он опять выиграл дело.

Азамату это всё порядком поднадоело. Его так достал дед со своей землёй, что он зашёл к своему руководителю и сказал:
— Меня этот жалобщик с землёй так достал, что я хочу подать на него в суд, чтобы он мне компенсировал материальный и моральный ущерб, а то, я вижу, он от меня просто так не отстанет. И вообще, я стал уже задумываться, почему дед прицепился к этому бесплодному участку земли, там всё равно ничего не растёт. Или там клад зарыт, или залежи нефти…
— Я не знаю, что задумал дед, но в суд на него не стоит подавать. Как посмотрит на это областное руководство? Да и зачем шум из-за этого поднимать? Я думаю, дед больше к тебе не придёт,— сказал серьёзно руководитель.
— Ладно, посмотрим, что дальше будет,— ответил Азамат и вышел из кабинета.

Спустя некоторое время к Азамату в кабинет пришла молодая беременная женщина, на руках у неё был грудной ребёнок.
— Я к вам с заявлением,— сказала она, протягивая ему лист бумаги.

Азамат взял заявление и прочитал его. Она просила участок земли, на который претендовал дед.
— А вы, случаем, не родственница гражданина Т.? Он тоже просил именно этот участок земли,— спросил он, недовольно глядя на женщину сквозь очки, про себя думая: началось утро в деревне.
— Да, я его сноха. Вы же не можете отказать беременной женщине!— ответила решительно она.— И вообще, я отсюда никуда не уйду, пока вы мне не выпишете госакт на землю!
— Скажите мне, пожалуйста, зачем вам сдался этот бесплодный участок земли? Там же ничего расти не будет и воды нет,— спросил удивлённо Азамат.
— Видите ли, это наш участок земли, там наши предки пасли свой скот, вот в память о них мы и хотим получить эту землю,— ответила она и сунула ему потёртую карту.

К карте прилепился какой-то лист бумаги— по всему, ксерокопия. Азамат взял этот лист бумаги и прочитал его. Получалось, что по этому участку земли будет проходить газопровод. Государство должно будет выкупить этот участок за большие деньги.
— А! С вами всё ясно! А я-то думал: что за секрет таится в этом участке земли?— сказал он вслух и, показав на лист бумаги, спросил:— Если не секрет, где вы это бумагу взяли?
— Аташка где-то на базаре купил,— ответила женщина, недоуменно глядя на него.
— Так вот скажите своему аташке, что его развели, на этом участке земли никакой газопровод строиться не будет. А если вы ещё раз ко мне придёте, то я на вас в суд подам, и вы будете мне платить за моральный ущерб,— сказал Азамат, сурово глядя на посетительницу.

Женщину как ветром сдуло. Больше ни она, ни дед его не беспокоили.

Николай Тимченко

Приключения «калимантанца»

Пусть читателя не смущают труднопроизносимые географические названия. Придуманы они индонезийцами, а автор лишь использует их для привязки событий к конкретной местности.

Перелёт-недолёт

Тридцатиместный двухмоторный самолёт из аэропорта Манилы вылетел в Джакарту. Набрав высоту около трёх тысяч метров, плавно, без качек и надрывного гула моторов, следует по курсу. Некоторые из пассажиров через иллюминаторы наблюдают за плывущими на границе морей островами. Они привлекают неповторимостью форм и размеров. Эти разбросанные в океанических водах участки суши изобилуют разнообразной растительностью. Размерами они от крошечных необжитых клочков до больших, обитаемых людьми. Отличаются и разнообразием форм: вытянутые в узенькие полоски сменяются круглыми, словно Создатель сотворил их с помощью циркуля.

Рядом сидит Семён Павлович. Он по этому маршруту пролетает четвёртый раз. Его не интересуют острова и уходящее за горизонт Южно-Китайское море справа по курсу. Изредка он приближается к иллюминатору соседа, чтобы сориентироваться, долго ли ещё лететь до промежуточной посадки на острове.

Юре всё интересно. В столицу Филиппин летели другим маршрутом, и здесь он впервые. Сквозь толщу атмосферы море под ним кажется голубовато-зелёным. Вечнозелёная островная растительность тоже приобрела чуть голубоватый оттенок. Прямо по курсу показался длинный узкий остров, и пассажиры в разговорах стали произносить слово «Палаван».

Почувствовалось, что пошли на снижение. Стюардесса на филиппинском и английском языках оповестила, что самолёт идёт на посадку в аэропорту Пуэрто-Принсеса. Четверо попутчиков завозились в креслах, укладывая лёгкие сумочки, взятые в полёт,— они готовятся выходить. Походные сумки россиян — в багажном отделении. При себе только кейс и проездные туристические документы. Командировка оформлена как туристическая поездка. Таковы тонкости работы в ведомстве.

После непродолжительной стоянки самолёт вновь взмыл на прежнюю высоту.

Узкая полоса острова с его городами и селениями осталась позади. Исчезли из вида и небольшие обработанные участки, отвоёванные местными крестьянами у тропиков. Отличить зелень полей от окраски дикой растительности можно только перед посадкой и при наборе высоты.

А под крылом гористые участки, плавающие в волнах океана, сменяются почти плоскими низменными коралловыми островками, похожими на надкусанные бублики.

«В опоясанных сушей лагунах должно быть спокойно даже тогда, когда над океаном бушует тайфун»,— предполагает наблюдатель экзотических картин.

Лес покрывает все участки суши. Даже там, где видны горы, всюду леса. Юра знает, что деревья тропических джунглей с их гигантскими стволами в высокогорья не поднимаются. Выше горы обжиты пальмами разных видов, лиственными породами деревьев и древовидными папоротниками.

Молодому путешественнику известно и то, что среди растительного разнообразия кишат многочисленные сообщества живых существ — от муравьёв и бабочек, от крокодилов и змей до высших млекопитающих. Есть в лесах и давние родственники человека — обезьяны. Юрию не хочется верить, что род человеческий пошёл от созданного Богом Адама и от сотворённой из его ребра Евы.

Море исчезло, и под крылом распростёрлась малайзийская часть острова Борнео. Индонезийская часть острова называется Калимантан.

В городах Малайзии и Индонезии борт филиппинской авиакомпании плановых посадок не делает. Остаётся ждать конечный пункт перелёта.

— Летим без набора высоты. Посмотри, увидишь интересное для себя,— Павлович обратил внимание соседа на вид за иллюминатором.

Невдалеке возвышается гора, вершина которой много выше пролетающего лайнера.

— Её высота более четырёх тысяч метров. Гора Кинабалу — самая высокая на Калимантане и в архипелаге,— добавил старший коллега.

— У нас в Саянах на горах выше полутора тысяч метров лежат если не ледники, то снежники. А здесь более четырёх тысяч, а на южном склоне даже макушка без снега. Да и есть ли разница юга и севера

вблизи экватора? Из земли вырастают скалы, и всего-то. Это не только интересно, но изумительно для меня!—эмоционально ответил Юрий Ильич.

Коллеги между собой общаются по имени и отчеству.

Стали встречаться стайки облаков. По мере продолжения полёта они становятся всё насыщеннее влагой, больше и гуще. Вскоре просветов не осталось, остров исчез под сплошным слоем туч. Туман, в котором оказался самолёт, конденсируясь, косыми струями стекает по стеклу иллюминатора. Это зрелище скоро надоело Юрию, и он, отвалившись на спинку кресла, закрыл глаза.

Семён Павлович дремлет рядом. На его коленях, под журналом, лежит пристёгнутый к левой руке кейс с документами. С виду обычный кейс с кодовым замком. Но Юра знает, что он бронированный, термостойкий и водонепроницаемый. Ясно, что документы российского военного ведомства требуют таких мер предосторожности. Павлович пересёк сорокалетний рубеж—он главный. Юрий Ильич сопровождает шефа по командировке, чтобы в случае необходимости оказаться телохранителем старшего коллеги, спасти документы, если с Семёном Павловичем что-то случится.

Вошли в обширный участок тропической грозы. Молнии разрезают пространство вокруг рукотворной птицы, ярко прочерчивая в густом тумане косматые ветвящиеся зигзаги. Раскаты грома не слышны, рёв моторов заглушает звуки, рождающиеся в пространстве, окружающем самолёт. Вдруг всех ослепило и тряхнуло так, будто неведомый великан злобно отбросил что-то ненужное, не задумываясь, что внутри могут быть беззащитные существа—люди.

В мгновение в сознании Юрия пронеслись воспоминания, как он летним вечером ехал с дедом с покоса. Приближалась гроза, и дед гнал лошадь. Телега подпрыгивала на ухабах, её кренило с бока на бок. А лошадь неслась во всю прыть, не предполагая, что этим создает неудобства ездокам в грохочущем тарантасе. «Случилось что-то неладное»,—сообразил юноша.

Моторы взревели надрывно, а давление с сиденья стало смещаться на спинку кресла.

Крушение

Стюардесса метнулась в кабину пилотов. Вышла, не задержавшись там, и скороговоркой на родном и английском сбивчиво объявила:

— Идём на вынужденную посадку в аэропорту Банджармасин. Всем пристегнуть ремни и соблюдать спокойствие.

Мгновение спустя женщина-пассажирка визгливо прокричала по-филиппински:

— Ма-ама! Ой, мамочка! Мы па-а-адаем!

Мгновенно салон наполнился истерическими воплями обречённых пассажиров—их охватил неописуемый ужас. Рвущий перепонки визг смешался с бранью и проклятиями, отпускаемыми на всё и всех, включая и Всевышнего. Кто-то машинально шёпотом воздаёт хвалу Аллаху, другие осеняют себя крестными знамениями. Несколько пассажиров, потеряв рассудок, бросились к двери, тщетно пытаясь открыть её, другие так же тщетно отрывают обезумевшую публику от уцелевших дверных затворов. Сплошной рёв объятых ужасом людей можно сравнить лишь с гулом, создаваемым стадом рассвирепевших в бою буйволов.

Семён Павлович пытается выглядеть хладнокровным. А что делать? Бежать некуда. Остаётся ждать приземления. Насколько жёстким оно будет—предсказать невозможно. Юру охватил страх безысходности. От отчаяния он опустил голову между колен и обхватил её руками. В сознании мелькают обрывки прожитой жизни. Нет ничего, что могло бы вселить хоть чуточку уверенности на благополучный исход. Проносящиеся мимо иллюминатора клочья густого тумана указывали, что самолёт летит с круто поднятой вверх носовой частью, словно истребитель, пытающийся резко уйти вверх. Но тяги двигателей не хватает, чтобы взмыть в высоту. Машина летит по инерции вперёд и при этом теряет высоту—падает.

В какое-то мгновение хвостовой частью самолёт цепляет макушки деревьев. Он наклоняется на левое крыло, фюзеляж стал выравниваться в полётное положение. В следующее мгновение крыло врезалось в верхний ярус джунглей. Скрежет отрывающегося крыла добавил ужаса и тем, кто в глубине души ещё теплил надежду на случайную удачу. Машина стала заваливаться на спину—хвостовая часть пошла впереди и выше кабины пилотов. Душераздирающие крики пассажиров не могут заглушить даже скрежет рвущегося металла и треск лесных великанов. Часть салона с дверью оторвало, но фюзеляж выдержал, не разломился. Суматошно толпящуюся у двери толпу почти мгновенно выбросило в образовавшийся проём.

Неизвестно, сколько мгновений пронеслось, пока Юрий ощутил, будто кто-то льёт и льёт воду на его голову. Минуя тело, вода попадает на ноги. Какие-то клещи рвут левую ногу, и она скоро не выдержит, оторвётся ниже колена. А вода продолжает литься так, что невозможно набрать воздуха для дыхания. Вот-вот он либо задохнётся, либо вместо воздуха вдохнёт воду и захлебнётся. Покидавшее парня сознание вернулось.

Лайнер погружается в воду. По салону к кабине пилотов мчится вода. Он подвешен ремнём безопасности на уровне пояса. Вода касается ног, в ней только что была и голова. Иллюминаторы уже не видны. Часть кресел оторвалась при ударах, остальные висят. Около пилотской кабины—там ниже—водная стихия поглотила всё пространство. Кое-где люди шевелятся, пытаясь

освободиться от ремней безопасности. Кто-то, отстегнувшись, погружается, и его уносит к кабине. Нет ни визга, ни брани, есть только немногочисленные стоны. Да и он сам стонет от нестерпимой боли ниже колена.

Сознание проясняется, но мешает сосредоточиться сплошной, порождённый болью монотонный гул во всём черепе. Юрий замечает разлом в фюзеляже.

Надо оказаться около отверстия, из которого мчится поток.

«Как пробраться туда раньше, чем водная стихия вытеснит из салона остатки воздуха? Где, на какой мы глубине? Хватит ли воздуха, чтобы вынырнуть?» — все вопросы только к себе, вблизи нет никого, кто ответил бы на них.

А поток уже касается груди и живота. Ноги и бóльшая часть туловища в воде. Ремень стал давить меньше. Удалось отстегнуться и удержаться за кресло, чтобы поток не отнёс дальше от разлома, который может оказаться спасительным или пагубным. Усилием рук, кресло за креслом, парень приближается к рваной ране самолёта. Воздух остался только в щели, в которой едва помещается голова. А ниже всё поглотила вода. Течение в салоне прекратилось. Последний глоток салонного воздуха — и нырок.

Левая нога не слушается хозяина. Но есть другая нога и руки. Вынырнул и почувствовал запах топлива. Оно не успело вылиться из топливных баков при падении и растеклось по поверхности водоёма. Теперь вместе с водой оно стекает с волос и лба, щиплет глаза и кожу на голове. Но эта боль не идёт в сравнение с болью ноги ниже колена.

Крутнувшись на воде, отметил, что находится в озере или в лагуне. До ближайшей точки берега больше сотни метров. Вода тёплая и не сковывает мышцы. Боль в ноге замедляет движение, но берег становится всё ближе.

Опираясь на локти и помогая здоровой ногой, юноша выползает на песчано-илистый берег. Кожу на голове, весь левый бок и руку щиплет. Это топливо с одежды попало на раны. Юра разделся, чтобы осмотреть себя. Обращает внимание на то, что туфля осталась только на больной ноге — другая утонула. Решил, что потеря найдётся позже, из озера ей деться некуда. Глубоких ран не обнаружил, но ссадины разных форм и размеров кровоточат. Стопа подвёрнута так, что сомнений быть не может: под коленом нога сломана.

Только теперь осознал, откуда он. Осмотрел береговую линию и поверхность водоёма, но ни Павловича, ни кого-либо из попутчиков нигде нет. Радость от собственного спасения сменилась горечью за погибших и тоской о предстоящем одиночестве в нескончаемых джунглях острова.

«Город должен быть не очень далеко, если стюардесса объявляла о вынужденной посадке. Но, может быть, она назвала аэропорт приземления, чтобы успокоить пассажиров, избежать преждевременной паники?» — размышляет Робинзон современности.

Боль в ноге усиливается. Юра собирает вещи, чтобы добраться до кромки леса. Там как-то и чем-то надо зафиксировать сломанную кость.

Тропический ливень струями стекает по телу. Близкие раскаты грома заглушают все звуки. От грохота даже мысли прерываются и путаются. Яркая вспышка молнии вонзается в верхушки деревьев рядом с водоёмом и на мгновение ослепляет. Через миг в джунглях полыхнул огромный костёр. Как по ковровой дорожке, пламя несётся к воде и покрывает немалую часть поверхности водоёма. Выгорает вылившийся из баков керосин.

Огонь стремительно мчится по берегу, где только что прополз единственный спасшийся пассажир. Парень машинально отбрасывает одежду, впитавшую авиатопливо. Но пекло набрасывается на него самого. Ливень не успел смыть с тела остатки горючей жидкости, они полыхнули, опалив ресницы.

«Теперь я дважды счастливчик! Полученный ожог — сущий пустяк в сравнении с тем, что могло быть от горящей на теле одежды», — мысленно рассуждает участник жарких событий.

Ливень не даёт огню распространяться по лесу. Растёкшееся по воде топливо успело выгореть. Только в том месте, где покоятся обломки воздушного лайнера, продолжает гореть небольшой костёр.

Топливо из второго бака всплывает на поверхность и не даёт гаснуть остатку недавней катастрофы. Окрестности словно вымерли. Кроме грохота обезумевшей стихии — ни звука, ни шороха. Вся живность разбежалась, разлетелась и расползлась, потрясённая скрежетом разрушающегося лайнера. Наверное, должно пройти немало времени, чтобы всё живое вышло из оцепенения. Но жизнь продолжается, и всё само собой вернётся на свои места. Всё, кроме искалеченной ноги. Но здесь не вызовешь карету скорой помощи. Как-то надо справляться самому.

Исцеление

Превозмогая боль в ноге, юноша ползёт к кромке леса. В руке держит рукава, оторванные от рубашки, чтобы ими стянуть сломанную кость ноги. Отдохнув, добирается до стебля древовидного папоротника, дотягивается до двух черенков листьев и отламывает. Отделив листы, прикладывает плоские черенки к ноге. Пытается проворачивать ногу за стопу. Резкая боль пронзает всё тело, он теряет сознание. Очнулся и вспомнил, что надо зафиксировать кость. Её разворот вроде удался. Чтобы нога оказалась прямой, не стал передвигать сломанную часть, а, преодолевая несносную боль,

сдвинулся с места всем телом. Тканью от рукавов фиксирует черенки к месту перелома. Целитель весь в поту. Во всём теле неимоверная слабость. Но Юра доволен, что теперь при движениях нога не будет причинять такую боль, как прежде.

— Только бы не потревожить перелом, не сместить приставленные друг к другу сломанные части кости. Я молодой, всё срастётся быстро, скорее, чем у пожилых людей,— вслух рассуждает парень.

Он снова подтягивается по стеблю папоротника, отрывает лист. Из черенка получилось орудие, которым можно рыхлить мягкую от дождя землю. Неизвестно, есть ли здесь растения со съедобными корешками. Голод не просто напоминает о себе, а заставляет действовать. От незнания, что́ именно может оказаться пригодным для еды, решает заготовить корешки разных растений. Перемазавшись в грязи, заготовки укладывает в кучки, чтобы, собрав их, помыть в озере.

Он почти не сомневается, что находится на берегу озера, а не лагуны. Ему хочется верить в это. Иначе пришлось бы признать, что за полоской земли—океан или широкий пролив между островами. Если так, то он на коралловом острове, который вряд ли обитаем людьми. Измученный свалившимися на него передрягами, Юрий незаметно для себя засыпает.

Проснулся от нестерпимой жары. Дождь, начавшийся вчера, давно прекратился. Солнце успело оторваться от горизонта и нещадно палит кроны деревьев. Лучи не проникают до поверхности земли, но и она успела прогреться и испаряет впитавшуюся влагу. В атмосфере висит насыщенный запах отдающей влагу земли и преющей листвы. Желудок настойчиво напоминает о голоде.

Но где заготовленные корешки? Кто-то успел разбросать их за время сна. Только сейчас пленник обстоятельств осознаёт, насколько опасно оставаться в незащищённом месте.

— Надо, Ильич, смотреть в оба. Беда может нагрянуть в любое время.

Около одной из вырытых вчера ямок, где была кучка заготовленных корешков, валяется кожура. Недовольство незваным гостем, разбросавшим приготовленную пищу, сменяется радостью.

— Вот они—те единственные корешки, которые можно есть. Остальные несъедобны, потому и разбросаны. Ай да незнакомец! Вот какой он молодец! Кто-то помог избежать отравления.

Добравшись до орудия, стал усердно копать корешки под ближайшими такими же кустами. Добирается до воды, отмывает и съедает свежие припасы. Корешки отдают горечью, но терпимо, есть можно. Ощущение голода притупилось.

Нога опухла, болит, но такой острой боли, как вчера, больше нет.

— Пора позаботиться о пристанище, недоступном хотя бы для тех, кто не умеет лазить по деревьям. Только как оторваться от земли самому? С больной ногой и без лестницы это непросто. Но возможно всё, если постараться. Рядом небольшой залив, место, защищённое от ветра. Надо обосновываться в лесной чаще около залива.

Ползком добирается до намеченной цели. Передвигаться по земле по-пластунски неудобно, пришлось искать подобие костыля. Опираясь на самодельный костыль, обходит густой кустарник, чтобы выбрать подходящее для убежища дерево. Он знает, как охотники сооружают лабаз для хранения съестных припасов. Но у него нет ни топора, ни других инструментов, чтобы бросить деревянные лаги в любые развилки на одном уровне. Здоровая нога ощущает под слоем мха что-то твёрдое.

— Всего-то—обыкновенный камень. Да, здесь нет ила, и камни встречаются на поверхности,— произносит поисковик.

Не найдя дерева, подходящего для сооружения убежища, по пологому склону спускается ближе к воде.

Наконец дерево с подходящими развилками найдено. Надо забраться на него. Юрий старается. Когда лианы росли, их молодые побеги сплетались с соседними стеблями. Позже стали прочными настолько, что теперь переплетения выдерживают вес человека. Таких природных лестниц с беспорядочно расположенными ветвями-ступенями оказалось множество. Там, где лианы проросли сквозь кроны кустарников, Ильич долго проделывает для себя лаз, обламывая ветки.

Добравшись до прочных отростков, поднялся в крону. Вот они, наиболее удобные для устройства жилища развилки. Ни пилящего, ни рубящего, ни режущего инструмента нет. Пришлось выламывать сук за суком, чтобы сделать прочную основу площадки-лабаза. Уложив ветки, переплёл их молодыми побегами, а получившийся настил закрепил к развилкам. Раздетый, он не вымокнет, но спать в сухой постели приятнее, чем под дождём. Над настилом появился наклонный навес. Крупными листьями накрыл строение. Получились мягкий матрац и крыша над ним.

Закончив сооружение убежища, поднялся в крону ещё выше и оказался среди досягаемых плодов. Сорвав несколько, заметил различие по спелости. Выбрал самые спелые. С ними спустился на землю, положил для «дегустации» незнакомцем. Опираясь на чудо-костыль, вышел на берег и собрал одежду.

Над обломками самолёта, как вечный огонь по жертвам аварии, продолжает выгорать авиатопливо. Из одежды оно выполоскалось проливным дождём. Остатки испарились солнцем, в полдень посылающим лучи почти вертикально.

— Подошло время обедать, «калимантанец»,— бормочет Юра.— Да, теперь я житель джунглей

Калимантана, если это не лагуна кораллового острова. Неизвестно, как долго мне предстоит оставаться в этой роли. Одежду необходимо сохранить для «выхода в люди». Здесь нет никого, кого следовало бы не стесняться при наготе.

Собирая вещи, вспомнил о потерянной туфле.
— Не предстану же я перед людьми босиком? Надо искать.

Невдалеке, не обращая внимания на человека, около берега не спеша прохаживаются длинноногие местные цапли. Иногда кто-нибудь из них опускает клюв в воду и не поднимает его, словно остужает в прохладе прибрежных вод. Длинная тонкая шея изогнута, как вопросительный знак. Потом клюв появляется с трепещущейся в нём рыбой. Голова запрокидывается, и рыба проваливается, а птица продолжает неторопливую прогулку по прибрежной отмели. Серое с коричневатым оттенком оперение поблёскивает в лучах солнца.

Дальше цапель плавают гуси. Некоторые, изогнув шеи, положили головы на спины. Одни, словно разморённые тропическим солнцем, отдыхают на водной глади. Другие изредка озираются по сторонам, издают короткое негромкое гоготание, сближаются. Иногда они ныряют, оставляя над поверхностью воды оранжевые лапы и серый хвост. Они сыты, спокойны, неторопливы.

С другой от юноши стороны, на большем удалении, чем гуси, собрались в две стаи бакланы. Те, что на илистом берегу, клювами приглаживают и смазывают жиром перья. Подняв и распластав крылья так, словно собираются взлететь, кончиками клювов касаются перьев на боках и спине. Они, в отличие от гусей и цапель, говорливы. Их крик сливается с криком сородичей, резвящихся на воде. Там всё словно кипит. Хлопая крыльями, птицы вспенивают поверхность, поднимают и разбрасывают по сторонам брызги. Они взлетают и тут же ныряют в гущу стаи. Удивительно, что при таком гаме они умудряются выныривать с рыбиной в клюве. К удачливому рыболову бросаются соседи, начинаются догонялки на воде. Успевает ли проглотить рыбу ныряльщик, или она достаётся кому-то из настигающих его сородичей, в птичьей суматохе разобрать невозможно.

Вода мутновата, но до глубины по грудь просматривается. К счастью, потеря нашлась недалеко от берега. Поднимать одежду в жилище сразу не стал. Взобрался на дерево, непохожее на то, которое приютило его, и сорвал несколько самых спелых плодов. Как всегда, бормочет мысли вслух на одном из языков, которыми владеет в совершенстве. Спускается и оставляет снятый урожай рядом с другими плодами.
— Я всё проговариваю, чтобы не одичать от одиночества, не потерять навыки общения с носителями языков, необходимые в работе. Наверное, нас с Семёном Павловичем в ведомстве потеряли. Или уже выяснилось, что мы вылетели самолётом, не достигшим аэропорта назначения. Как печально, что Павловича ничто уже не может волновать, заботить, беспокоить.

Хватило сил набрать даров ещё двух разновидностей деревьев. На ужин накопал съедобных корешков. Заготовил ещё три разновидности корней. Все кушанья разложил для «дегустатора». Но все «блюда» приготовлены не только для выяснения съедобности лесных даров. Так он решил войти в доверие к незнакомцу, чтобы при случае познакомиться с ним.
— Кто он, большой и разумный или совсем маленький зверёк? Кто предостерёг меня от отравления несъедобными корнями? Кто не тронул беззащитного во время сна? Ясно, что незнакомец не питается людьми.

От размышлений отвлёк нарастающий гул вертолёта. Винтокрылая машина пролетает далеко. Но и проследовав рядом, пилоты не заметили бы стоящего под густыми кронами пассажира разыскиваемого лайнера. Быстро выйти на открытое место, на берег Юра не может. Не увидев следов аварии, пилоты больше не пролетят около озера. Огонёк над местом крушения в солнечный день с большого удаления остался незамеченным.

На следующее утро Ильич обнаружил, что ссадины выделяют жидкость, привлекая насекомых. Искупался и, загорая, стал размышлять о причине воспаления ран. Вчера они выглядели заживающими.
— Неужели это от листьев постели? Другого объяснения я не нахожу,—мыслит вслух озабоченный проблемой парень.

Чтобы убедиться, что раздражение ссадин пошло от постели, поднял в убежище четыре охапки листьев разных растений и расстелил их четырьмя полосами. Захотелось есть. Вспомнил об угощениях незнакомцу. Они оказались нетронутыми. Решил ждать, когда «дегустатор» снова посетит эти места. Рисковать, есть плоды все подряд не решился. И в этот раз «калимантанец» утолил голод съедобными корешками. Вечером положил гостю новые плоды, а пролежавшие сутки очистил от кожуры и положил в воду около берега.

В воде отражается великолепие красок заката. Пурпурные у самого горизонта, выше они переходят в малиновые, а ещё выше и ближе—в бледно-розовые. От центра к краям полосы тускнеют и темнеют. Пурпурный цвет переходит в ультрамариновый, малиновый—в бордовый, а бледно-розовый—в жёлтый. Картина не стоит на месте. Полосы то расширяются и наползают одна на другую, то становятся тонкими, то разрываются на множество волокон, то искривляются и становятся волнообразными.

Постепенно всё меркнет, а у противоположного края горизонта появляются бледные светлячки.

Надвигается тропическая ночь. Светлячки звёзд разгораются на всём небе, становятся ярче, загадочнее, притягательнее. Нарождающийся серп луны появляется вслед за звёздами. Он так тонок, что к свету небесных светлячков его добавка невелика. Окружённый подмигиванием крошечных соседок, он отрывается от деревьев, которые не в силах даже на мгновение ни остановить, ни удержать эту небесную карусель.

Птичье многоголосие умолкает, чтобы с наступлением дня возродиться с ещё бóльшим неистовством. Днём щебетанье, клацанье, кряканье, кудахтанье, насвистывание, карканье и ещё множество других песнопений крылатых жителей сливаются в неумолкающий до темноты хор джунглей.

С рассвета и до захода светила дикие куры, своими размерами сравнимые с домашними бройлерными, взлетают с земли и по нескольку штук одновременно как бы пытаются усесться на какой-нибудь куст. Хлопая крыльями, они стряхивают на землю вызревшие семена и ягоды. Потом спускаются и подбирают осыпавшийся урожай. Ярко ряженные петухи с алыми гребнями покоряют обилием красок и не оставили бы равнодушным любого наблюдателя. Но наблюдатель, способный ценить прекрасное, здесь только он, Юрий.

В кронах деревьев находит вдохновение множество пернатых: от мелких пичужек до павлинов. Окраска павлина превосходит по яркости петушиную. Вот они—жар-птицы дикой природы! Не о них ли мы узнаём в раннем детстве из русских сказок? В ветвях крон третьего яруса «переговариваются» щеголевато-яркие попугаи и воркуют голуби в своём невзрачном, хоть и пёстром, наряде. А высоко в небе, где оно просматривается сквозь густую листву, беззвучно парят орлы, соколы и птицы, неизвестные «калимантанцу».

В тишине сгущающейся ночи еле слышен шелест о воздух крыльев пролетающей на охоту совы. Тишину прорезает жутковатый крик филина. И снова беззвучие, которое внизу могут потревожить шуршание мыши или попискивание других мелких обитателей этих обильных кормом зарослей. В завораживающее и убаюкивающее безмолвие может вкрапляться предупреждающее шипение змей разных мастей и размеров. У всех свои часы бодрствования, сна, охоты с едой.

Прошла ещё ночь, и больной осматривает ссадины. Там, где была полоска одного из сортов листьев, нагноение исчезло. Спустился, чтобы нарвать таких листьев ещё и заложить ими всю постель. Но он забыл о своём намерении, расстроенный тем, что снова не выявил признаков пребывания незнакомца: все оставленные для него подарки нетронуты. Какие-то мелкие грызуны оставили следы зубов на кожуре некоторых плодов, но их вниманием к приманке хозяин поклажи пренебрёг.

В воде плоды двух видов оказались истреблены полностью.

— О, да это же удача! Даже если плоды несъедобны для человека, они могут послужить приманкой для рыб. Если это не рыбы и не раки, то всё равно их можно будет есть. Животная пища была бы хорошим подспорьем к корешкам.

Кокосы пока недоступны. Да и возни с их вскрытием предостаточно—ни молотка, ни ножа под рукой. Забраться на высоту двадцать метров по гладкому стволу непросто и при здоровых руках и ногах. Пригодны ли в пищу дикорастущие бананы местной разновидности? Это Юре неизвестно.

Добраться до бананов тоже проблематично, но они вдвое ниже.

Позавтракав традиционным блюдом, принялся сооружать орудие лова. Из молодых побегов лиан стал плести морду. Он сам ставил такие хитросплетения под лёд, чтобы добыть налимов, когда жил на берегу Кизира в Саянах. К вечеру половина рыбацкой снасти сплетена. Завтра можно будет закончить плетение.

Ему, увлечённо занятому делом, вдруг показалось, что кто-то смотрит на него.

— Да кто здесь может смотреть на меня? Я же здесь один. Что это, галлюцинации?

Не из боязни, а машинально житель джунглей, опираясь на костыль, вышел из чащи на берег.

— Здесь в случае нападения ничто не помешает защищаться костылём. Постоять за себя сумею.

Юноша ещё не представляет, какие опасности таит в себе тропический лес, какие охотники ходят по земле и передвигаются по деревьям. Никто не выходит из тропической глуши. Звуков, указывающих на близкую угрозу, нет. Так же беззаботны птичьи трели, переливы и пересвисты. Нет рычащих заявок на первенство в округе, не доносятся крики испуганных животных—жизнь в джунглях продолжается в обычном размеренном ритме.

Юра возвращается в лес, чтобы заменить в постели приготовленные листья. Вдруг он обнаруживает, что двух кучек плодов нет, а по земле разбросана кожура от них. Съедены такие плоды, которые годны для приманки в готовящееся орудие лова. Лесной житель рад, он почти ликует, что рацион можно разнообразить. Незнакомец помог в этом.

— Не его ли взгляд я чувствовал? Значит, мне не показалось? Появившийся пришелец будет навещать меня. Это не последний его визит сюда.

Счастливый, он запел пришедшую на ум песню. Даже боль в ноге стала ощущаться не так назойливо, как совсем недавно.

Да, утром Ильич отметил, что часть ссадин заживает. Один сорт листьев оказался исцеляющим.

— Такими же листьями застелю всю поверхность постели,—решил он тогда.

Отведал кушанья, приглянувшиеся незнакомцу. Вкус новинок непривычный для россиянина

родом из Сибири, но приятный. Рацион питания расширился. К вечеру доплёл морду, положил в неё приманку и забросил в воду. В очередной раз медленно прочёсывает окрестность в надежде найти грибы. И снова неудача.

— Или место не грибное, или грибам сейчас не сезон — старается понять Юрий.

Он ещё не знает, каков вкус сырых грибов без соли. И приготовить их, кроме сушки, не может по незнанию.

Метод проб в лечении даёт отличный результат. Уже на следующий день убедился, что все ссадины скоро затянутся новой кожей. Боль ниже колена беспокоит, но она вполне сносная.

— Опираться на сломанную ногу пока рано. Пусть срастается, — решает целитель.

Проверил поставленную снасть и остался доволен, что труд вознаграждён. В переплетениях трепещутся пять рыбин величиной с тихоокеанскую сельдь. Вспарывать животы, чтобы избавиться от внутренностей, пришлось палочкой.

— Ну, Ильич, без ножа это не чистка рыбы, а недоразумение.

Потребовалось плыть к самолёту, чтобы отломить кусок металла. Сначала рыбы шарахаются от ныряльщика, но быстро привыкают и подплывают до расстояния вытянутой руки. На глубине чуть более трёх метров долго сгибать рваный край обшивки не удаётся. Пришлось нырять более двадцати раз, чтобы желаемое превратилось в действительность.

Из металла камнями долго вырубает полоску для ножа. Камень часто вырывается из руки, скользит, высекая из пластины искры. На руках появляются ссадины. Работа оказывается более непростой и трудоёмкой, чем представлялась воображением. На камнях же оттачивает лезвие ножа. Ножны делает из бамбука. Успех воодушевляет умельца соорудить саблю и режущий наконечник к бамбуковому копью. Копьё и сабля могут оказаться необходимыми для охоты и при защите от нападающего зверя.

Прошло две недели пребывания в джунглях. Незнакомец навещает стоянку через два-три дня, лакомится приготовленными для него плодами. Юрий успел научиться перепрыгивать с дерева на дерево. Чтобы не удариться о ветви ногой в месте перелома, в прыжке приходится выставлять вперёд здоровую ногу. Всего несколько прыжков по ветвям, а на ладонях и подушечках пальцев появляются мозоли. К вечеру они вздулись, один оказался не водянистым, а кровавым. Эти болячки невозможно игнорировать, но приходится крепиться.

Прыжки по веткам — наиболее приемлемый способ перемещения по дебрям джунглей. Раскачиваясь, продвигаться получается медленнее, чем при ходьбе по дороге, но о дороге в его джунглях не может быть речи. При таком способе передвижения отпала необходимость пробираться сквозь чащи кустарников, проделывать лазы, обламывая ветви. Спешить некуда. С больной ногой ему отсюда не уйти. Вертолёт, совершив облёт участка предполагаемого падения, больше не появляется.

Знакомство

Утро началось точным повторением ранее прожитых дней. Ильич отмечает, что гость, как всегда незаметно, навестил его, расправился с угощением. Пора подкрепиться и самому. Он уже на дереве. Достаёт очередной плод и замечает, что сквозь густую крону за ним пристально наблюдает пара глаз цвета спелой чёрной смородины. Он не может рассмотреть, кому принадлежат блестящие «ягоды».

Чтобы не спугнуть и не вызвать агрессию соседа, спокойным голосом говорит о том, какой сегодня замечательный день, как здорово, что наконец-то встреча состоялась. Хочется приблизиться к незнакомцу, но неизвестно, как тот прореагирует на это. Аккуратно передвигается на другую ветку. Теперь он выше, и сквозь крону просматривается бурое пятно внушительных размеров.

Почти неслышно пятно тоже сместилось. Глаз не видно. Слышны работа челюстей и звуки, напоминающие чмоканье и чавканье. Тропический пришелец насыщается плодами соседнего дерева. Но кто же он? Неизвестный не проявляет признаков агрессии. Он не выказывает и страха. Иначе исчез бы с дерева раньше, чем стал заметен.

— Интересно, что будет, когда я перепрыгну на другое дерево?

Незнакомец ответил тем, что тут же оказался на освободившемся лакомом местечке. Юра возвращается и оказывается от гостя на расстоянии чуть большем размаха рук.

Теперь отчётливо видно существо, заросшее длинными бурыми волосами, а на соседней ветке детёныш. Окраска малыша светлее материнской, а волосы не так длинны. Маленькое существо чуть дальше матери. Оно, с опаской взирая на нового соседа, срывает и поедает плоды, как мать.

— Я вызвал ваше доверие, мои гости, тем, что передвигаюсь, как вы, по веткам? Полагаю, что мы поладим. Вам можно не опасаться вреда с моей стороны. А вы уже послужили мне, предотвратив возможное отравление. Надеюсь, что мы сможем быть взаимно полезными. Не зря же орангутанг с местных языков переводится как «лесной человек».

Юноша срывает плод и аккуратно бросает его в направлении малыша. Тот ловко подхватывает угощение и расправляется с ним. То же несколько раз проделывается и с мамой детёныша. Когда гостеприимный хозяин дерева съедает очередной плод и по одному посылает матери с малышом, неожиданно мать бросает в его сторону ответное

угощение. По примеру матери плод летит от ребёнка лесного человека.
— Отлично! Контакт налажен! — произносит человек разумный негромко, но радостно.

Он набирает несколько плодов и спускается, чтобы оставить угощение на земле. Гости не замедлили оказаться под деревом. Стоят на ногах и опираются на полусогнутые пальцы лап. Их положение в такой стойке почти вертикальное. Обезьяны приблизились на несколько шагов. Ближе подходить не решаются. С улыбкой, упрекая гостей в трусости и недоверии, юноша бросает им по одному плоду. Держа в вытянутых вперёд руках по угощению, медленно движется к тропическим созданиям Калимантана.

Останавливается так близко, что мать может взять угощение из протянутых рук. Большие пальцы на лапах почти одинаковы — ноги так же цепки на деревьях, как и руки. Но кривые ноги так коротки, что туловище взрослой особи начинается немного выше Юриного колена. Мать не решается взять угощение из рук. Детёныш проникся к новому знакомому бóльшим доверием, чем мама, и, приблизившись на шаг, протягивает руку к лакомству. Мать удерживает его и забирает плоды. Малыш ловко взбирается ей на плечи и становится обладателем одного из угощений.

Ильич возвращается к оставленной кучке лакомства и приглашает гостей подходить. И уговоры, и жесты остаются непонятыми. Он присел в надежде, что так будет казаться менее опасным. Рядом на деревьях много спелых плодов. Орангутанги могут насыщаться и без участия человека. Наверное, ими движет любопытство к похожему и так непохожему на них существу. Юра отодвигается на шаг, и это прибавляет решимости гостям. Они медленно приближаются.
— Вы не люди, но здесь нет никого разумнее вас. Не бойтесь, подходите. Знаю, что язык человека непонятен вам, но, кроме вас, здесь нет никого, кому можно сказать хоть несколько слов.

Хозяин «кухни» отмечает, что если мать имела бы ноги и туловище таких же пропорций, как люди, то при её телосложении могла быть ростом около полутора метров. Но стоя на своих коротких ногах, она достанет угощение из его вытянутой вверх руки — так длины руки орангутанга.

Когда гости приблизились, он аккуратно, без резких движений, встал и поднял плод. И не ошибся. Мать дотянулась до лакомства. Держа подарок на высоте, доступной детёнышу, приблизился к нему. Только теперь Ильич обнаружил, что мать с дочкой, а не с сынком.
— А я-то вас обеих называл незнакомцем, — признав ошибку, с улыбкой произнёс Юра.

Он снова присел на корточки. Лесные жители сделали то же самое. Человек разумный протянул руку взрослому орангутангу, как мы делаем при встрече. Мать детёныша, помедлив, отняла руку от земли и остановила ладонь с полусогнутыми пальцами на уровне колена. Ильич аккуратно коснулся ладонью сначала пальцев, а затем и ладони примата. Пожатие сделать не решился.
— Если «дамочка» сожмёт мою кисть, то без хруста костей не обойдётся.

Мохнатая рука обезьяны и сила в ней не идёт в сравнение с рукой человека.

Юноша вынул ладонь и подал её малышке. Как поступить, та не поняла. Снова подал руку взрослой особи, теперь уже с лёгким пожатием, и получил адекватный ответ. После третьего рукопожатия с матерью дочка сообразила, что надо сделать. Юра улыбнулся, а малышка в ответ изобразила на лице гримасу. Безволосая лицевая часть с выдающимися вперёд скулами преобразилась.
— Мимические мышцы у вас хорошо развиты, — отметил «калимантанец».

Он встал и пошёл к воде. Лесные гости последовали его примеру, но остановились в десятке метров.
— Вода — не их стихия. Они, кажется, даже боятся её.

Рыбацкая снасть оказалась с тремя рыбёшками.
— Вот и хорошо! Хватает всем.

Ильич подошёл с трепещущей в руках добычей к попутчицам, отдал их долю и показал, что рыбу можно есть — откусил от хвоста и стал пережёвывать. Одна, а за ней и другая быстро расправились с непривычным угощением со всеми потрохами. Сложно решить, понравилась ли им рыба в качестве пищи — эмоционально это не отразилось.

Все трое снова в лесу. Попутчицы уже заедают рыбу лакомыми плодами, а юноша, передвигаясь по ветвям, оказался около пальмовидного растения. Под широкими листьями свисает огромная гроздь. По прочному травянистому стеблю из туго свитых листьев он добирается до грозди на высоте около десятка метров, срывает с неё кисти по нескольку бананов в каждой. Деятельность не осталась незамеченной. Обезьяны расценили её как жест щедрости их необычного знакомого. Они быстро спустились и принялись лакомиться, сидя на корточках. Спустился и сам добытчик.

Расправляясь с бананами, человек и орангутанги «беседуют».
— Хорошие вы собеседницы. Никогда не перебиваете меня. Соглашаетесь молча, и несогласие у вас тоже молчаливое. Как же мне звать-величать вас, мои немтыри? Однозвучно вы общаетесь между собой, должны же вы понимать какие-нибудь азы речи. Ваши имена должны быть звонкими, чтобы были слышны на расстоянии. Ты — мама. Тебя буду называть Ма. Как же назвать тебя, малышка? Да, назову тебя так, чтобы удобнее было звать обеих. Ма и Ня, запомните свои имена.

Юра каждой подал руку и во время лёгких рукопожатий назвал их по именам. Потом с парой кистей бананов отошёл на несколько шагов, произнёс:
— Ма и Ня,—и протянул экзотические ягоды перед собой. Снова позвал:—Ма, Ня.

Не потому, что друг подзывает их по именам, а к бананам подошли обезьяны. И получили их. Оставшиеся три кисти Юрий поднял в своё убежище. В этот день он успел вырубить камнями заготовку сабли. Процесс её обтачивания занял несколько следующих дней и стоил сбитых пальцев.

Тропические ливни участились. Сезон дождей достиг кульминации. Вода в озере прибыла, поглотив илистый берег, зашла в джунгли. Основание дерева, на котором построено убежище, оказалось в воде. Но Ильич может не спускаться на землю, чтобы оказаться на просторной «кухне», полной съедобных плодов и экзотических ягод. Он ловко перелетает с дерева на дерево по ветвям.

Чего стоила эта ловкость! Несколько дней все суставы от плечевых до кончиков пальцев болели. Даже ночью в мягкой постели «Тарзан» Калимантана страдал от ломящей суставной боли. Болели и мышцы, на которые перенеслась тяжесть тела.
— Расту-ут руки. Ещё немного—и станут такими, как у моих друзей орангутангов.

Длиннее руки не становились, но сила и цепкость в них заметно прибавились. Он может преодолеть не одну сотню метров без передышки. Когда друзья далеко, окликает их:
— Ма, Ня.

Они привыкли к этому оклику и без промедления спешат на зов. А Юра угощает их очередным лакомством.

И вот небывалое событие—нашествие мартышек. Они шумно воркуют между собой, резво и бесстрашно перескакивая даже по тонким ветвям, раскачиваются на лианах, свисающих из поднебесных крон деревьев великанов. Их так много, что невозможно сосчитать. Наверное, не меньше тридцати. Беззаботное «разглагольствование» маленьких юрких существ мгновенно превращается в истерический крик стаи. Стремглав они покидают опасное место—двухметровый питон выдал себя шипением и характерным пощёлкиванием чешуек на скользящем по дереву извивающемся прохладном теле. Ильичу уже довелось видеть таких же размеров жёлто-бурую королевскую кобру. Спасло то, что был на своём помосте. Тогда он с трудом одолел ползучее существо с помощью единственного оружия—копья без металлического наконечника. Питон с шипением и потрескиванием чешуек последовал за юркими обезьянами, надеясь заполучить к обеду неосторожный экземпляр многочисленной стайки.

Сегодня «калимантанец» сыт и лежит под своим навесом. Дождь струится с листьев убежища. Ма растянулась на ветках соседнего дерева. Её хорошо видно. Голова оказалась под нависшими листьями, лицо полусухое. Волосы, более длинные, чем на голове, свисают с её плеч. По ним стекает дождевая вода. Не капает, а льётся множеством тонких струек. Почти безволосый живот словно натёрт серым жиром. Ни одна капля не задерживается на нём. Взрослая обезьяна не обращает внимания на дождь. Близко поставленные глаза закрыты, словно она задумалась над чем-то.
— Интересно, а думает ли она? Способна ли она хотя бы вспоминать события в их последовательности? Есть же эпизоды, которые приятно воспринимаются даже её орангутангским умом.

Ма лежит. Ни одна мышца не шевелится на её лице. От взгляда не ускользнула бы даже малейшая гримаса умной обезьяны. Ня, не шевелясь, лежит на груди матери. Её лицо отвёрнуто от человека. Малышка не двигается.
— Спит. Даже к материнской груди не прикладывается.

Ня ест всё, чем питается мать, но иногда не прочь полакомиться материнским молоком. И мать позволяет дочке утолить жажду.

Юра задумался. А дома сейчас зима. Позади новогодние праздники, до наступления которых он и Павлович должны были вернуться в ведомство с подписанными документами. В канун Крещения Господня Юля стала бы его женой. Юноша романтик, но всё не так романтично, как могло быть. Заявление в загс, с назначенной для бракосочетания датой, оказалось бесполезной бумажкой. Он, один из брачующихся, как в воду канул. И впрямь канул—вместе с самолётом, а вынырнув, не может вернуться в родную столицу.

Перед взором отчётливо вырисовывается лицо невесты. Она не отчитывает любимого за исчезновение, а улыбается так, как при встречах после рабочего дня. Юля тоже работает. Она педиатр. И вот его любимая где-то далеко. А он почему-то ощущает себя мальчишкой на рыбалке с дедушкой. Они в шалаше, на берегу таёжного озерца. Дождь шумит по скатам их рыбацкого пристанища, а им тепло, сухо и уютно.

«Какая рыбалка, какой шалаш? Откуда может взяться тепло в январе? И где Юля?»

Мысли перескакивают с одного на другое, путаются, тревожат. Нет ощущения блаженства, какое ласкало душу даже в проливной дождь. В пору сенокоса дождь тёплый, не мешает проверять перемёты и единственную небольшую сеть.

Юрий просыпается. Сожалеет, что свадьба отодвигается. Если бы командировка не затянулась на неопределённый срок, то без проблем решился бы финансовый вопрос на организацию свадьбы. Но они с Павловичем не привезли документы с подписями. Коллеги, наверное, уже привезли подписанные копии. Сделка с представителями

Филиппин и Индонезии не сорвалась из-за крушения самолёта — в этом он уверен.

Иначе не может быть. Но кейс с секретной документацией государственной важности необходимо доставить в ведомство. Если он окажется в руках посторонних от сделки людей, могут быть неприятности и для местных партнёров.

«Но как его вызволить из водного плена? Как потом с кейсом пройти таможенный контроль? При состоявшейся в Маниле процедуре подписания местные коллеги сделали таможенный контроль простой формальностью. То же было бы и в Джакарте. Теперь я — рядовой турист. Бронированный чемоданчик невозможно пронести не замеченным таможенниками. Потом придумаю что-нибудь. Надо ещё найти и достать его».

Для выныривания из салона воздуха хватило. Но чтобы погрузиться на глубину, отыскать и отстегнуть кейс от руки Павловича, вернуться к проёму и вынырнуть, необходимо снаряжение аквалангиста. Проблему запаса воздуха и скорости придётся решать подручными средствами в малую воду на озере. Значит, придётся ждать окончания сезона дождей.

Ма и Ня беспокойно заворочались.

— Проголодались. Пора подкрепиться и мне.

Прикосновение к ужасам

Несколько прыжков по веткам — и Ильич уже около банановых гроздей. С ближайших деревьев на банан не перепрыгнуть — стебель может сломаться. Пришлось спуститься к воде, чтобы добраться до основания упругого травянистого стебля банана вплавь. Ма почувствовала опасность. Она беспокойно прыгает по ветвям, издаёт предостерегающие звуки. Все её передвижения ограничиваются тремя-четырьмя деревьями. Ня запрыгнула на спину матери.

Вдруг Юрия сковало от увиденного. В нескольких метрах от себя он заметил над водой голову змея, а дальше — извивающееся в воде тело.

Метров в шесть показалась ему рептилия.

По-обезьяньи быстро человек взбирается на дерево. Змей увидел спасающуюся добычу и, как живая спираль, обвивая ствол, ползёт всё выше. Прыжок, ещё прыжок — и опасность позади. Можно не возвращаться к банану, пищи хватит и без него. Но питон может ночью забраться в убежище.

— Надо избавиться от ползучего гада, чего бы это ни стоило, — решает юноша.

С копьём и саблей прыгать по деревьям неудобно, но место, где он расстался с опасным пресмыкающимся, рядом. Внимательно всмотрелся сквозь крону и увидел обвивший дерево хвост. Голова где-то выше и не видна. Обезьяны продолжают проявлять беспокойство. Ня на спине матери крепко держится за плечи. Мать перепрыгивает с дерева на дерево и издаёт резкие звуки.

Юноша делает несколько прыжков в сторону и поднимается выше в крону соседнего со змеем дерева. Оказавшись над головой противника, пронзает его копьём. Попадает в туловище около головы. Выдернуть оружие, чтобы снова вонзить, Ильич не успевает. Змей, резко изогнувшись, вырывает древко из руки. В следующее мгновение бамбуковое копьё ломается. Остриё остаётся в теле, а древко падает.

Раненое чудовище готовится к нападению, а человек — к отражению атаки. Тело змея, как разжимающаяся пружина, выталкивает огромную пасть в направлении смельчака. Ярко-красная, с выступающими остриями зубов, пасть закрывает всю голову и выглядит очень угрожающе. Ма и Ня наблюдают за поединком с соседнего дерева. Пасть на расстоянии вытянутой руки. Сабля, звякнув о зубы чудовища, отсекает нижнюю челюсть. Потеря будто не замечена змеем.

Ещё мгновение — и обидчик вместе с деревом очутится в крепких объятиях. Рептилия может сдавить жертву так, что не выдержат кости грудной клетки. Но сабля вонзается в туловище, рассекая более половины смыкающегося кольца. Обе части надрубленного тела обвивают дерево там, где только что был саблист. Перемахнув на ветви дальше от ствола, он изо всех сил саблей наносит грозному противнику ещё несколько ранений, доходящих до позвоночника.

Чудовище оказывается всё ниже. Его движения превращаются в конвульсивные. Густая кровь стекает из всех ран, обагряя ствол и ветви. Юрий в несколько прыжков оказывается около воды, где свисает голова зверя, оставшегося лишь с верхней челюстью. Взмах — и голова падает в воду. Разгорячённый сражением боец успевает отсечь от сползающей туши кусок, подхватывает его, не дав утонуть. В руках победителя трофей — змеиное мясо.

Оцепенение орангутангов сменяется активностью, какой парню ещё не доводилось видеть. Они перескакивают на большие расстояния, издавая звуки, понятные только им. Ильич догадывается, что это звуки радости по бесследному исчезновению их извечного врага. Спустя некоторое время обезьяны успокаиваются и приближаются к другу. Дочка остаётся на спине матери. Там ей спокойнее.

Юноша угощает Ма и Ня кушаньем, отведать которое они не могли без участия человека. Жаль сломанное в бою копьё. Точнее, жаль металлический наконечник, утонувший вместе со змеем. Его можно будет найти, когда уйдёт вода. Сабля — хорошее оружие, но её можно применять только на близком расстоянии.

Ильич из подручных материалов сооружает лук. Ветвь красного дерева упругая и прочная. Стрелы — из древовидного папоротника, всюду торчащего из воды. С луком передвигаться

по деревьям удобнее, чем с копьём. Из травы он плетёт колчан. Высыхая, трава теряет необходимую прочность. Четыре сорта трав опробованы для колчанов.

Лишь пятый колчан и пояс оказались крепкими, будто сплетены из рогожи. Из этого материала сплёл чехол с парой лямок, как у рюкзака, для ношения за плечами копья. Это оказалось очень удобно при передвижении по ветвям. Теперь можно путешествовать с друзьями-орангутангами, не возвращаясь на стоянку каждый вечер. Шина с ноги снята, можно опираться на обе конечности даже при прыжке.

Лук — замечательное оружие. Он может пригодиться и при выходе к людям. Но чтобы стрелять метко, нужны тренировки. Он освоит тонкости стрельбы, когда спадёт вода. А сейчас, в период наводнения, стрелы летят в кур и голубей, чьё мясо привычнее, а потому вкуснее змеиного. К тому же змеи встречаются реже, чем пробуждается потребность в мясе.

Юре понятно, что он в горной котловине или на плоскогорье. Но береговая линия кажется необычной для озера — слишком изрезана. Вспомнил детские годы, когда с классом ездил на Красноярское море. Водохранилище гидроэлектростанции заливами и заливчиками врезалось в ложбины и распадки теснящих Енисей Саян. Здесь таких гор нет, но местность не плоская. Взгорки, окружающие водоём, покрыты такими же джунглями, как и около самой воды, выплеснувшейся из берегов зеркальной гладью.

— Надо обследовать местность вокруг. Пройду на северо-восток, к тому мысу, за которым просматривается протока. Возможно, что по ней озерцо соединяется с другим озером.

Утренний завтрак недолог. Без каких-либо приготовлений отправился на обследование. Вскоре заметил, что Ма и Ня путешествуют рядом, ненадолго задерживаясь, чтобы продолжать завтрак.

— Хорошо, пусть будут рядом. Их звериное чутьё предупредит об опасности. Совсем недавно я мог оказаться добычей для живого длинного и толстого «каната».

То, что с расстояния менее полукилометра казалось мыском, в действительности островок, отделённый от берега узкой полоской воды. Песчаный пляж навеял желание позагорать, пока между облаками ненадолго появляется солнце. Протока неглубокая, но десяток метров пришлось преодолеть вплавь. Осмотрелся. Заметил еле заметное течение. Кусочки коры, листвы и мха уносятся из его озерца медленным течением. Где-то в озеро впадает река, приносящая муть. От неё и ил на берегах.

Островок в форме половины эллипса своей малой осью обращён к берегу. Он невелик, меньше двухсот метров до дальнего края и по сотне метров в стороны. На северной стороне с островка видна изрезанная линия противоположного берега.

— Да, моё озерцо — только часть большого озера. Да и озеро ли это? Возможно, что где-то дальше река перегорожена плотиной и возникло водохранилище. Иначе за миллионы лет береговая линия должна была сгладиться.

Хотел вернуться к друзьям, не последовавшим на остров, но наткнутся на обгоревший конец палки, не унесённой, а постепенно заиленной во время наводнения.

— О! Да здесь бывают люди! — обрадовался исследователь местности.

Вдруг в мутной воде он заметил что-то, показавшееся ему знакомым. Раскопал и очень удивился. Это оказалась голенная кость взрослого орангутанга.

— Откуда она здесь? А нет ли ещё чего?

Дальнейшие раскопки выявили почти полный набор заиленных костей не только орангутангов, но и людей. Но ни одного человеческого черепа, ни волоска обезьян среди находок не оказалось. Понять, почему «коллекции» неполные, не было даже малейшего желания.

Надо поскорее убираться от этого места былых пиршеств, чтобы случайно не пополнить коллекцию собственными косточками. Аккуратно загрёб илом все находки. Отступая, заровнял ладонями собственные следы, чтобы не навести людоедов на мысль о его существовании рядом с ними.

— Дождь, а он будет скоро, полностью уничтожит улики моего пребывания на островке, — успокоился Юра, очутившись рядом с друзьями.

От неприятного осадка в душе он с трудом избавился лишь к вечеру.

За три дня странствий исследователь выяснил, что живёт около оконечности полуострова. Длина участка суши, вдающегося в глубь водоёма, километров восемь. В самом широком месте между берегами немногим более трёх километров. В двух местах заливы с обеих сторон врезаются в сушу так глубоко, что остаются перешейки менее трёхсот метров.

За дальним перешейком, в полукилометре от второго сужения, начинается деревенька даяков. Ночами Юра выяснил, что ближе всех к перешейку стоит длинный общинный дом семей на двадцать. Дальше идёт единственная улица и ответвление от неё. Там — семейные строения разного достатка. Их набирается с полсотни. От деревеньки к заливу озера ведут тропинки, а там вёсельные и моторные лодки.

— Можно было обследовать озеро на лодке, но с вёслами плыть медленно. Обнаружив пропажу, даяки могут быстро настичь похитителя. От рёва моторной лодки люди проснутся и так же устроят погоню. В обоих случаях все косточки обгрызут без обжарки. Нет, лучше не обнаруживать себя

и сосредоточиться на изобретении способа поднятия из воды кейса.

Тропические ливни — не помеха для путешественников, но как приятно снова оказаться под навесом и всем телом наслаждаться сухостью. Обезьяны привычны к ливням, но при каждом удобном случае стремятся оказаться в укрытии. А прикрытиями для них служат крупные листья, нависающие над какой-либо частью тела. Дождевые струи стекают и попадают на незащищённые поверхности тел. Ильич заметил, что больше всего им неприятно, если вода льётся на лицо. Он подзывает Ма и Ня на ветки под своей постелью. Умные обезьяны быстро оценили преимущества сухости и покидают укрытие только на время питания. На появление на территории разумного друга для них давно наложен запрет. Орангутанги соблюдают его.

Начались интенсивные тренировки в нырянии. Если при катастрофе лайнера глубина до амбразуры была метра три, то сейчас она наполовину больше. Первая попытка показала, что если не заплывать внутрь салона, то ныряльщик может проплыть не более своего удвоенного роста. На большее, чтобы успеть вынырнуть, воздуха не хватает. Из папоротника и трав сделал подобие ласт. С ними вдоль самолёта удалось проплыть на расстояние до кресла Павловича и развернуться. Но ещё нужно время, чтобы заплыть в салон, отыскать во мраке коллегу, отстегнуть кейс, вернуться и всплыть на поверхность. Эффект от усовершенствования конструкции ласт при достигнутой скорости плавания очень незначительный.

Рыбы курсируют через рваное отверстие салона, не обращая внимания на ныряльщика. Это показалось Ильичу подозрительным, но не настолько, чтобы заняться разгадкой явления. Ясно другое: без баллонов с воздухом кейс не достать. Удаяков Юра не обнаружил ничего, что могло бы послужить в качестве баллона. К тому же не хочется лишний раз рисковать при посещении селения.

Исследователь полуострова видел ещё одну деревеньку на противоположном берегу озёрного залива. Она невдалеке от посещённой им. Других селений с полуострова не видно.

— На людоедские «пикники» плавают жители этих селений. Или одного из них. Нет, посещение деревни даяков мне не подходит. Если для аборигенов не проблема убить сородича, то съесть заблудшего иностранца, которого даже никто не ищет, стало бы для них верхом безнаказанности.

Пикник

Уровень воды в озере понизился на метр, а Юра не решается осуществить главный план своего пребывания в джунглях. Теперь он ныряет с бамбуком и тренируется под водой вдохнуть из него дважды. Воздуха в пустоте бамбукового баллона для этого достаточно. Погрузиться на глубину и вдохнуть из него, не выпустив остатки, пока не получается. Но это вполне осуществимая идея, надо только потренироваться. Или придумать какой-то клапан, удерживающий воздух от самопроизвольного выхода, но позволяющий вдыхать. Жаль, что здесь не растёт каучуковое дерево. Можно было бы сделать эластичную трубку и пережимать её зубами. Он выныривает в очередной раз.

Где-то в стороне деревенек, за поворотами залива, слышен гул лодочного мотора. Молнией промелькнула мысль о приближении людоедов. Ильич быстро подплывает к берегу и скрывается в прибрежных джунглях. По просторам озерка несётся лодка. В ней четверо мужчин. Они о чём-то говорят, перекрикивая гул мотора. Часть слов доносится на индонезийском, часть на языке племени. Ничто не указывает на их склонность к каннибализму. На мужчинах белые лёгкие пиджаки или свободные рубахи местного фасона. Светлые брюки или шаровары обтягивают колени, видимые из-за борта судёнышка. Головных уборов нет, волосы аккуратно подстрижены. Все безбородые. Один пассажир усатый.

— Зря опасался. Вполне цивилизованная публика. Возможно, что за поворотами озера есть ещё деревенька, и люди плывут в неё. Там у них могут быть дела. Могут плыть, чтобы навестить родственников или просто расслабиться без своих женщин. Обычно жёны ограничивают мужей в принятии спиртного, а это не всякому по нраву, — рассуждает лесной житель.

Лодка зашла за островок с кострищем, и гул мотора прекратился. Мужчины приплыли на пикник. Любопытство, можно ли не опасаться этих цивилизованных на вид людей, подталкивает Юрия увидеть подробности праздника ближе. Но свидетельства былых пиршеств на островке, обнаруженные во время прошлого посещения, обостряют инстинкт самосохранения.

Ма и Ня неотступно следуют за другом, перелетающим по ветвям к месту отдыха приплывших аборигенов. По воде было бы около полукилометра, по берегу вдвое больше. Увидев сквозь ветви людей, обезьяны забеспокоились. Ничего необычного человек из чащи не замечает, но понимает, что опыт общения орангутангов с людьми оправдывает поведение приматов.

Ильичу виден костёр. Из него достают какие-то овощи, формой похожие на дыню. С горячих «блюд» счищают кожуру, а мякотью закусывают пьянящий напиток. Или пирующие отдыхающие наоборот, запивают тропический овощ.

О, как давно жертва авиакатастрофы не ел варёное, жареное и печёное! Получить огонь трением ему не удалось. Очков, чтобы сделать водяную линзу, Юрий не имеет. В меру солёная горячая пища может быть только в мечтах и в воспоминаниях.

Только здесь, при виде трепещущих при дуновении ветерка языков пламени костра, он осознаёт, что не пытался получить огонь вполне доступным для него способом — от искры, выбитой из камней. Камни послужили при изготовлении оружия, но могут оказаться полезными и для получения огня. Как и участники пикника, он давно мог бы обжаривать над огнём плоды, готовить жаркое из рыбы или из мяса.

— Мясо тропических змей, диких кроликов и птиц, которое случалось есть сырым, будет ещё вкуснее, если его обласкает пламя костра, — еле слышно непроизвольно произносит Юра, переполненный мечтой об огне.

Люди отдыхают, и ему хочется подойти к ним, пообщаться. Попытку сделать это останавливают друзья-приматы. Ма начинает издавать предостерегающие звуки так громко, что её могут услышать на островке. Приходится оставить идею о контакте с незнакомцами, чтобы не подвергать друзей опасности. Да и только ли их? Около кострища немало человеческих костей.

Аборигены раздеваются, оставляют костёр и переходят обмелевшую проточку. Один из них набивает патронами обойму пистолета. У двух его попутчиков из лодки появились ружья, похожие на карабины. Один охотник — с трубкой, стреляющей отравленными стрелами. О таком оружии некоторых народов Ильичу известно из школьного курса. Охотники, теперь в этом нет сомнения, уже близко. Слышна речь то на одном, то на другом языке. Слово «орангутанг» слышно отчётливо. Известно человеку в засаде и то, что аборигены убивают мать, чтобы забрать обезьяньего детёныша на продажу.

Ма и Ня, а вслед за ними человек, поднялись выше и затаились. Люди прошли, не подозревая слежки. Верхолазы успели проголодаться и, вкушая дары джунглей, удалились от места наблюдения. Вновь послышались голоса приближающихся охотников. Охота обошлась без выстрелов.

— Если вблизи есть орангутанги, кроме моих друзей, то им крупно повезло, — отмечает пленник джунглей, продолжая обедать.

Двое вышли на берег в стороне от брода, другие сориентировались очень точно. Юра предположил, что неудачной охотой пикник заканчивается, но ошибся. Мужчины подбросили дров в догорающий костёр, выпили и пустились в пляс. Танец больше напоминает ритуальную дикарскую дань обычаю.

Что случилось дальше, предположить было невозможно. Самый молодой из мужчин резанул по горлу своего соседа. Остальные, будто ничего не произошло, продолжают танцевать. Убийца отрезает голову поверженного и, высоко подняв над собой, присоединяется к танцующим. Кровь обагряет обладателя трофея. На островке все словно обезумели во время варварского танца. Начинается ещё больший ужас.

Ильичу не хочется видеть продолжение кровавого пиршества, но он, как загипнотизированный, не может сдвинуться с места. Словно осознавая варварство людей, орангутанги сидят неподвижно и беззвучно. Прошло немало времени, а участники необычного пикника продолжают ненадолго прерывавшийся танец. В поднятых руках того же юноши уже не голова, а череп. Даже издали видно, что он пуст. Мягкие ткани срезаны и съедены. Внутренности высосаны. Бр-р-р!

У Юрия кружится голова, его тошнит. Осторожно, чтобы не сорваться и не привлечь внимание людоедов, отрезающих от жертвы филейную часть, человек разумный и его друзья бесшумно покидают пункт наблюдения. Инстинкт обезьян в очередной раз помог их другу остаться невредимым.

— Не укладывается в сознании, что с виду цивилизованное общество соблюдает обычаи полудиких предков. Значит, кроме мусульманства, буддизма, католицизма и протестантства, часть индонезийцев поклоняется языческим богам аборигенов, чтит их дикарские традиции и обряды?

Студенты в МГИМО изучают не только языки народов стран, в которых им предстоит работать, но и традиции. Ильич догадывается, что после пиршества ночью в деревне будет совершён обряд посвящения в мужчины. Этот молодой убийца перестанет считаться мальчиком, станет полноправным членом общины, сможет жениться.

Неважно, знал ли жертва каннибализма, что обречён именно он, — всё одинаково бесчеловечно. Как и предполагал Юрий, возвращались с пикника в сумерках. Проплыли, не подозревая о присутствии чужого человека. Смотреть на обряд посвящения в мужчины желания не появилось. Даже тренировки на длительность погружения прерваны подавленностью настроения.

Череда раздумий

Ильич вспомнил, что маме школьные учителя посоветовали устроить его в Школу космонавтики в Железногорске, где одарённые дети собраны со всего большого края. Три года углублённого изучения предметов гуманитарного цикла завершились отличной сдачей экзаменов. Пройдена ступенька для поступления и дальнейшего успешного обучения в столичном престижном университете. Схожие между собой языки народов Юго-Восточной Азии — филиппинский, малайзийский, индонезийский — Юра знает почти как родной русский. Может синхронно переводить на русский или с русского на любой из них.

Военное ведомство, сотрудники которого форму надевают только на торжественные мероприятия, интересуется подготовкой студентов некоторых профилей, поддерживает контакты

с университетом. Паренёк из сибирской глубинки привлёк внимание. Ведомство устраивают и знания, и личностные качества, и родословная парня, и его физические данные. Студент изучает языки и посещает секции восточных единоборств. Военная кафедра присваивает отправное воинское звание.

У сибиряка хорошая карьерная перспектива. Он мог бы работать в одном из дипломатических ведомств или трудиться переводчиком. Было предложение поступать в аспирантуру. По её окончании мог преподавать в вузе соответствующего профиля. Он выбрал военное ведомство, а ведомство выбрало его. И вот бывший студент оказался на злополучном самолёте с секретными документами сделок военных ведомств партнёров.

Вспомнилась Юленька. Коллеги знали о предстоящей свадьбе с ней. Некоторые лично знакомы с невестой своего друга. Весть об аварии самолёта докатилась и до неё, Юли.

«Как восприняла она известие? Поверила ли, что погибли все, кто находился тогда на борту? Или назло всему и всем ждёт меня? А возможно ли вообще такое неверие, если убеждают поверившие коллеги? Юля сильная. Нет, она не отчаялась, узнав о катастрофе самолёта. Душевная травма, наверное, ещё беспокоит, но уже не так остро, как сразу после крушения. Как хочется, чтобы всё сложилось благополучно для нас обоих!»—мечтает романтик.

Подходит к концу третий месяц Юриного заточения здесь. В деревеньках должна быть какая-нибудь связь с внешним миром. Они с Павловичем по документам—туристы. Но они были не совсем обычными туристами, а в деревеньках и вовсе необычные селяне. Сообщить, что жив, будет можно, выйдя из плена джунглей и обстоятельств.

«Да, только обстоятельства держат меня здесь. Нога давно не болит. Неизвестно, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, если предположить доверительный выход отсюда без знания подробностей об аборигенах, вскрывшихся при посещениях островка».

Из-под настила давно доносится ровное дыхание друзей, а жертве авиакатастрофы не спится—слишком сильное потрясение от событий, увиденных этим днём. Такое не забудется за всю оставшуюся жизнь. Как быстро летят дни, не дающие удовлетворения от ощущения причастности к завершению чего-то значимого.

Сознание переключается на другую проблему.

«Непонятно, почему друзья орангутанги прониклись ко мне уважением? Не потому ли, что впервые увидели меня беззащитным? Но они могли не ощущать, что я сплю. Или потому, что, в отличие от этих представителей местной «цивилизации», я в их присутствии всегда без одежды? Ясно лишь то, что последняя капля недоверия испарилась, когда увидели меня передвигающимся по веткам, а не по земле, как их недруги. Наверное, не последнюю роль для доверия сыграли кучки угощений, что раскладывал для них. Жаль, что они сами никогда не ответят на интересующий меня вопрос».

Вдруг Ильич начинает рассуждать о происхождении водоёма, в который ежедневно ныряет. Уровень воды в водохранилище понижается. Юрий почти не сомневается, что водоём рукотворный. Генератор ГЭС или привод какого-нибудь механизма вращает вода. Её сток через рабочее колесо оставляют неизменным, поэтому дожди наводняют искусственный водоём, а в засуху он бы обмелел. Но здесь—тропические дожди и реки, засухи не бывает.

Мысли путаются. Они снова переносят юношу в беззаботное детство. На душе становится так спокойно, как не было с той самой поры его жизни. Юра засыпает.

Утром искрами, высекаемыми из камней, он долго пытается поджечь мох. Или мох недостаточно сух, или искры попадают не туда, где возможно воспламенение, но затея получить огонь оказывается безрезультатной. Ильич подтыкает под навесом убежища остатки мха, обёрнутые листом. Идёт на очередную тренировку по нырянию.

В перерыве возобновляются тренировки—стреляет из лука на меткость попадания. Потом тренируется в добывании огня. С учётом предыдущей неудачи, относится к занятию не как к получению, а именно как к добыванию. И вдруг на побеге мха появляется искорка. Юноша аккуратно, чтобы не потушить, раздувает крадущуюся по мху малиновую точку величиной с голову комара. Она сначала удваивается, и обе искорки крадутся по соседним побегам. Потом сбегаются и порождают маленький огонёк. Парень, затаив дыхание, смотрит, как его творение растёт, набирает силу.

Огоньку нужна более существенная «пища». И она появляется. Сначала в ход идут сухие стебельки трав, потом тончайшие веточки и ветки чуть толще прежних. И вот огонёк перерастает в пламя. Вкус плодов, которые пленник джунглей ел только в сыром виде, превосходит ожидания. Они становятся и вкуснее, и ароматнее. Манящий запах ощущается в нескольких шагах от костра. Остудив, угощает лакомством друзей.

Неизвестно, как отнеслись бы они к огню, оказавшись с ним один на один, но в присутствии человека обезьяны доверяют пламени, пляшущему перед двуногим, как и они, но почти безволосым существом. Здесь орангутанги от костра сидят на пару шагов дальше их друга. Юношу переполняет радость. Теперь, хоть и не без трудностей, он сможет разводить костёр, обжаривать мясо и рыбу, пока остаётся на берегу этого затерявшегося в джунглях водоёма.

Ему хочется поднять пламя до небес! И он приступает к осуществлению желаемого, но спохватывается. Дым большого костра могут увидеть людоеды, а это не входит в его планы. Оказаться поджаренным в собственном костре было бы при таком соседстве не просто реально, а неизбежно.

Погружение в салон

Длительные тренировки приводят к желаемому — при каждом нырке удаётся сделать по два вдоха. Нырок за нырком, день за днём время не проходит без пользы для достижения главной цели пребывания в дебрях Калимантана. Рыбы почему-то перестали сновать через разлом в обшивке салона.

Воздух набран, и Юрий погружается к разлому. Он уже внутри салона. Здесь густой мрак — слишком малы отверстия иллюминаторов и рана в салоне по сравнению с непроницаемой для света обшивкой самолёта. Относительно светло около иллюминаторов и вблизи разлома. Светлая внутренняя обшивка рассеивает попадающие на неё солнечные лучи — это и создаёт сумрак.

Глаза привыкают. И тут ныряльщика охватывает ужас. Под ним уже не один, как на пикнике, а множество пустых черепов. От неожиданности он выпускает из лёгких почти весь запасённый воздух. Вдохнуть из бамбука не получается. Резко поворачивается к разлому, чтобы поскорее всплыть. В висках стучит. Наконец около отверстия в фюзеляже вдыхает припасённый воздух. Теперь он сможет вынырнуть.

Оказавшись на поверхности, возвращается на берег. Надо прийти в себя. Обуздать расходившиеся от шока нервы, морально настроиться на ещё более жуткие картины. А пока Ильича словно парализовало. Он не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Крупная дрожь, как от ужасного холода, доводит тело до онемения.

— Нет, надо взять себя в руки, зажать нервы в кулак и приходить в себя.

Ма и Ня идут к другу с бананами.

— Счастливчики, вы не видели того ужаса, который сотворили подводные твари. А я удивлялся, почему, при таком обилии рыбы около амбразуры, её так мало попадало в морду. Теперь ясно, что человеческое мясо для них предпочтительнее фруктов. Те людоеды с островка почти ангелы в сравнении с этими. Из отвращения я больше не смогу есть рыбу.

Общение с обезьянами вывело из состояния оцепенения.

— Наконец-то я готов к поиску кейса.

В этот раз среди черепов и тазовых костей, среди одежд с костями конечностей и позвоночников он находит кейс. Отстёгивать его от руки Павловича не пришлось. Вдохи под водой совершил как на последних тренировках — без проблем. Ставшие привычными ласты ускорили продвижение. Выныривает.

На берегу набирает код и открывает надёжное хранилище документов. Они сухие. Целы и невредимы деньги на командировочные расходы. Здесь и рубли, и американские доллары, и индонезийские рупии. Есть для него и Павловича вторые комплекты документов. Ими снабдили мнимых туристов на непредвиденный случай. Павловичу документы больше не понадобятся. А для Юрия они очень кстати. В документах второго комплекта сменилось всё, кроме гражданства. Виза при выезде не должна быть просрочена. Потом надо будет проставить соответствующие даты. Документы Павловича и свой прежний комплект необходимо будет уничтожить.

— С рассветом я ухожу от вас, мои верные друзья. Оставайтесь, живите своей дикой тропической жизнью и не доверяйте людям, как вы поступали до сих пор.

Кейс поднят в убежище. Деревья дарят лакомства неразлучной троице. Юрий отыскивает наконечник и сооружает новое копьё. Оно достаёт до плеча, в чехле не будет задерживать при передвижении по ветвям. Обезьяны беззаботны. Слова друга не тронули их сознание. Все трое долго не задерживаются на одном дереве, срывая лишь самые спелые и сочные плоды.

Калимантанские встречи

Во время еды планы меняются.

— Мимо деревни надо пройти по темноте. Но даже лунной ночью идти по джунглям во сто крат сложнее, чем днём. Шагать по земле в зарослях трудно и днём. Лунный свет почти не проникает сквозь кроны — тропический лес становится непроходимым. Ветви деревьев освещены слабо, можно промахнуться в прыжке и сорваться. Но под прикрытием ночи больше шансов пройти незамеченным людоедами.

Вечером, вооружившись копьём, луком и ножом, отправляется в путь. Для кейса давно сплетён из травы рюкзак с фиксацией на поясе. Конструкция обеспечивает плотное прилегание ноши к телу при прыжках по веткам. Одежда с обувью свёрнута в валик и закреплена на поясе. Обе руки свободны, ничто не препятствует движению вперёд. Насколько дальней будет дорога, он не представляет.

Ильич успел отойти от стоянки меньше километра, когда идущие налегке друзья-орангутанги нагнали его. Юра пытается убедить их остаться, но всё красноречие напрасно — слова отлетают от ушей, как от стенки горох. Не в силах повлиять на ситуацию, доходит до первого перешейка полуострова и останавливается в ожидании ночи.

Немногочисленные собаки местных охотников учуяли троицу, когда половина деревни была обойдена. Около деревеньки, даже у самой воды, лес вырублен. Между оставшимися деревьями надо

перебегать по земле, раззадоривая этим собак. Малышка на спине матери. Ма опасается настигающей их своры, но не выбегает вперёд друга.

Самая шустрая охотничья собака готова укусить человека. Обезьяна на мгновение оборачивается и ладонью своей длинной руки угощает недруга такой оплеухой, что резвое животное пролетает по воздуху и с визгом падает на спину. Другая помощница местного охотника пытается укусить самку орангутанга, но оказывается схваченной за загривок и отброшенной с такой силой, что, ударившись о дерево, осталась лежать. Она не смогла препятствовать взмывающим на ствол бегунам.

Даяки сквозь сон по лаю догадались, что собаки пошли за орангутангом. О человеке разумном, следующем с обезьянами, они не предполагали. Преследование собачьей своры прекратилось, когда путники пошли по веткам, не спускаясь на землю. Но скоро пришлось идти по участку земли, отвоёванному у джунглей жителями деревни. Здесь, на затапливаемых в половодье землях, растёт рис.

На высоких гибких шестах висят чучела лесных людей, набитые травой или рисовой соломой. Слабый ветерок слегка покачивает их, они кажутся живыми. Местные земледельцы вывешивают пугала для устрашения птиц и самих орангутангов, которые не прочь полакомиться рисовыми зёрнами молочной спелости. За клочками полей снова лес. Только теперь стало возможным сделать привал до наступления рассвета.

С рассветом Юрий пошёл, не окликая обезьян. Они быстро почувствовали его отсутствие и не замедлили оказаться рядом. Все завтракают на ходу, но продвижение замедлилось. Неожиданно упёрлись в перегородившую путь реку. Извиваясь в долине, она делает здесь большой зигзаг.

Мутный поток вздыбливает валы на перекате. От воды до зарослей — полоска сухого ила. Босые ступни оставляют след, который тут же наполовину засыпается лёгким, похожим на пыль порошком.

Душно, как бывает перед дождём. Юноше хочется искупаться. Но как поведут себя друзья с его вещами, парень не знает. Во время купания обезьяны могут зайти в лес и оставить там кейс, даже не пытаясь вскрывать. Эти друзья не представляют, как ценно для Юрия его содержимое. Копьё и лук со стрелами их не интересуют. Самые большие опасения связаны с одеждой. По своему неразумению могут разорвать на клочки и ленточки, а спрос с них никакой.

Справа гладь ничем и никем невзволнованного плёса. Слева продолжение переката. А ещё ниже по течению — залив водохранилища, куда вольётся вся муть реки. Оттуда они пришли, и там делать нечего. Дружная компания выходит к плёсу. Человек кладёт на берег ношу, но снять опоясывающий его пояс с одеждой не решается.

Обезьяны перескакивают по ветвям прибрежных деревьев, зная, что друг не уйдёт. Юра забрёл почти по пояс, стоя лицом к берегу, освежает голову и торс. Невдалеке от резвящихся в ветвях орангутангов на берег выбегает стайка незнакомых парню обезьян. Они невелики и кажутся тощими. Их туловища тоньше, чем у малышки Ня. Эти приматы передвигаются на четырёх конечностях одинаковой длины. Передние, кроме участия в передвижении, имеют функции рук.

Поражает очень необычный окрас приматов. Коричневые волосы на спине постепенно светлеют к низу туловища. Грудь жёлтая, а живот светло-серый. Конечности, светло-серые вверху, к стопам и кистям переходят в белые. Хвост, соизмеримый с длиной туловища, весь белый. Лицо безволосое, имеет красноватый оттенок. Но больше всего юношу поразили носы обезьян. Неширокие у переносиц, они похожи на огурец, долго пролежавший в тепле и оттого приплюснутый.

Самые тёмные волосы — над глазами. Они выглядят похожими на густые сросшиеся над переносицей брови. На шее, даже со стороны спины, волосы белые, будто повязан праздничный шарфик. Поразило, что в стае только самцы.

«Калимантанец» рассматривает диковинных обитателей прибрежных джунглей, а те приняли его стояние в воде за нерешительность и наступают. Почувствовав угрозу, Ильич выбегает на берег и пытается криками отпугнуть непрошеных гостей. На крики возвратились Ма и Ня. Носачей больше десятка, а потому не отступают. Наоборот, часть их по воде пробегает в тыл. Путешественники окружены. Отступление в джунгли не поможет — там носачи оказались бы в более привычной для себя среде. На берегу преимущество у человека — его руки не заняты передвижением по ветвям.

Носы рассвирепевших тонких обезьян становятся красными. Орангутанги отпугивают часть стаи, прыгающей перед ними, но не набрасываются. Юрий берёт лук, и стрела впивается в плечо одного из самцов. Тот с невероятной скоростью вертится, словно хочет, чтобы стрела отстала, перестала жалить. Это приводит в замешательство сородичей рядом. Но позади, где натиск сдерживают друзья, строй не распадается, воинственные приматы медленно наступают.

Человек оборачивается и выпускает стрелу в строй наступающих. Крутнувшись пару оборотов, обезьяна вырывает причиняющий боль предмет, но пятится. Другие делают то же. Пытаясь вырвать свою стрелу, другой самец обламывает её. Ильич снова вскидывает лук для выстрела, носачи панически разбегаются. Бегству одних последовали и остальные собратья. По доносящимся звукам ясно, что они не заняли выжидательную позицию. Получив достойный отпор, уходят по прибрежным зарослям вдоль переката.

Путешественники пошли вверх по течению вдоль берега, пока река не свернёт с их пути. Несколько ручьёв, стекающих в долину, остались позади. Виляя, река выдерживает направление. Путники продолжают движение на юг. Без орангутангов Юрий мог бы передвигаться быстрее, но идти быстро нельзя. Стремясь не отстать, обезьяны не успеют насыщаться на ходу. Неизвестно, как долго они будут сопровождать своего друга,— могут серьёзно отощать.

Неожиданно за поворотом появляется стоянка старателей. Пятеро мужчин, несмотря на поздний час, продолжают работу. Они лопатами достают со дна песок с илом и этой смесью наполняют короба. Потом тщательно промывают содержимое. Юра не заметил, чтобы кто-то из них доставал что-нибудь из своего необычного сита.

— Наверное, не часто среди речного песка попадаются золотые песчинки. А как старательно и тщательно они промывают и просеивают загруженное сырьё. Возможно, за эту специфику труда золотодобытчиков называют у нас старателями?— делает вывод наблюдатель.

На стоянке женщина хлопочет над готовкой ужина. Увидев полыхающее пламя очага, юноша вспоминает, как взбудоражил его сознание и воображение костёр на островке. Тогда огонь казался ему несбыточной мечтой. Сейчас всё обыденно и не порождает прежних эмоций. Рядом собака. Чтобы не всполошить дворнягу и не обнаружить себя обнажённым, Юра и его друзья уходят дальше от реки.

— Эти люди могут быть из ближайшей деревни даяков-людоедов. Но это могут быть и искатели приключений и заработка из числа городских жителей,— поясняет Ильич друзьям, не возражающим ему ни словом, ни звуком.

За стоянкой река делает крутой поворот и больше не встречается путешественникам. Курсу на восток ничто, кроме зарослей, не препятствует. В переплетениях кустарников и лиан нижнего яруса джунглей, чтобы протиснуться, пришлось бы саблей вырубать проходы. В среднем ярусе, где ветви деревьев вонзаются в кроны соседей, а лианы переплетаются с этой гущей, продвижение затрудняется. Только над кронами второго яруса есть простор между деревьями великанами. Они более редки, чем растительность под ними, но и они окутаны лианами. По стеблям лиан, как на качелях, друзья перелетают, продвигаясь выбранным курсом.

Обезьяны-спутники держатся невдалеке. Они оказываются то впереди, то где-то сбоку, а могут задержаться около понравившихся плодов и отстать. Сейчас они впереди. Неожиданно в сотне метров от человека раздаются их тревожные звуки. Юра настораживается. Тут же пространство пронизывает гортанный бас. Кому он принадлежит, юноша не знает, поэтому устойчиво встаёт на прочные сучья, высвобождая руки.

Слышен шум ветвей от движения спутников и повторный гортанный рёв неизвестного, который тяжелее, чем Ма с детёнышем на спине. В том, что Ня крепко держится за плечи матери, нет сомнения: она всегда поступает так в случае опасности. Ветви под преследователем часто обламываются, и он не может догнать беглецов.

Ма появляется из зарослей и останавливается за Юрием, в котором видит спасителя. А защитник держит копьё, готовый пустить его в нападающего. Среди чащи появляется огромная волосатая громада бурого цвета. Щёки раздуты. Тёмные близко сидящие глаза горят азартом погони. Бородка топорщится. Между кистями волосатых рук, цепко обхвативших ветви соседних деревьев, больше двух метров. Победить его в рукопашной схватке немыслимо. Увидев, что беглянка под защитой неизвестного существа, орангутанг резко останавливается.

Вмешательство кого-либо в отношения с самкой для него — полная неожиданность. Он снова издаёт гортанный звук. Но это не прежний рёв, который должен был приманить партнёршу,—это угрожающий рык. На горле раздувается кожный мешок-резонатор, и рёв устрашения несётся по джунглям. Самец не бросается в драку. Он голосом показывает своё превосходство. Ильич не ревёт по-звериному. Оценив ситуацию, держит копьё наготове.

Ясно, чего хотел бы орангутанг, но нет сомнения в том, что особа его симпатий не предрасположена к спариванию. Потому и примчалась под защиту друга. Одна она не смогла бы противостоять гиганту, вдвое большему, чем сама. В нём пудов восемь веса. И это не только внушительных размеров живот, но и набор атлетически пригнанных мышц.

Угрожающий рёв повторяется раз за разом. Ма за спиной защитника отскакивает назад и снова возвращается. Так она зовёт спасателя уходить от опасности. Самец, не слыша ответного грозного рыка, смелеет и медленно приближается. Снова пространство пронизывает его устрашающий, усиленный резонатором рёв. Где-то в джунглях раздаётся ответная угроза. Отозвавшийся не слышал никого, кто бы возразил извергающему угрозы сородичу. Всё принято им в свой адрес. Он уверен в себе и даст трёпку расхрабрившемуся недорослю.

Юра слышит более густой бас принявшего вызов соседа. Там ещё бóльшая сила, и она способна остановить надвигающегося противника. Ма призывает отступать, но Ильич делает движение в сторону невидимого храбреца. Наступающий снова издаёт знак угрозы и приближается. Но невидимый сосед не медлит с ответом. Услышав приблизившийся рык давно знакомого сильного

противника, молодой буян прекращает преследование.

Юрий делает несколько прыжков от остановившейся озлобленной обезьяны в сторону более грозного противника. Необходимо поскорее убираться прочь из промежутка между врагами. Хруст веток и грозный рык слышны там, где мгновениями ранее были путешественники. Самцы уже выясняют отношения между собой, и им нет дела до посторонних. А посторонние, перелетая по ветвям и лианам, удаляются от места «мужских» разборок. Они всё дальше от продолжающихся угроз волосатых жителей тропиков.

Местность становится более гористой. Балки, как и плоскогорье, окружившее водохранилище, остаются заросшими вечнозелёными видами тропической флоры. На гребнях появляются кустарники, чередующиеся с покрытыми буйными травами полянами. Здесь между тропическими породами встречаются хвойные деревья. Делая остановки для перекуса, компания продолжает следовать на восток. Для продвижения путники часто спускаются на землю.

Послышался волчий вой. Ему ответили заунывные «песнопения» клыкастых сородичей. Юрий замечает за полосой кустов несколько деревьев и мчится туда. Принимать бой с волчьей стаей опасно даже с многозарядным карабином, а с копьём, луком и стрелами — безрассудно. С копьём можно защититься от одного свирепого хищника, но не от стаи. Ня уже на спине матери.

Ма не перебирает ногами, как при ходьбе. Она отталкивается ногами и руками, приземляется и снова отталкивается — мчится прыжками, как это было при преследовании собаками. Волки более свирепы, чем собаки. Без подсказок обезьяна взлетает на дерево. Ильич успевает подняться выше своего роста, когда из кустов появляется первый волк. Хищник с разбега бросается на жертву погони, но не достаёт. Через миг под деревом оказываются остальные «загонщики».

Все необычны своим огненно-красным цветом и достающими до земли мохнатыми, почти лисьими, хвостами. Они меньше сородичей, живущих в степях и лесах России, но не менее свирепые. Юрий прицеливается в наиболее удалённого от дерева красного хищника. Ближе стрелять мешают толстые ветви. А стрелять надо наверняка.

Волк кружится, как котёнок, пытающийся ухватить игрушку, привязанную к хвосту. Он оказывается в кустах на ещё большем удалении от дерева. Почуяв запах крови, вся стая набрасывается на подранка, вмиг разрывает его. Каждый старается ухватить свою долю. Трава смята, часть кустов сломана в ходе схватки. В просветах оказываются огненные спины.

С высоты своего положения Ильич видит их и прицельно стреляет. Снова в стае суматоха. Хищники забывают о преследовании. Они расправляются со второй поражённой «мишенью» стрелка. Человек, воспользовавшись звериной свалкой, бежит в направлении следующего дерева. Ма следует примеру. Все успевают добежать раньше, чем стая, бросившая останки растерзанных собратьев, оказывается на полпути к дереву.

Стрелок попадает в ближайшего зверя на большем удалении, чем были предыдущие волчьи карусели. На полном ходу подранок переворачивается через голову и тут же оказывается на клыках сородичей, бегущих следом за ним. Намечено следующее дерево для перебежки, и ранен очередной преследователь. Картина повторяется. Ещё дважды Ильичу удаётся уменьшать численность безжалостной стаи. Остаётся пять огненных хищников. Эти уже сыты и лежат вокруг остатков пиршества, отпугивают слетающихся полакомиться птиц. Незаметно друзья уходят от погони. Парень доволен, что тренировки в стрельбе оказались так полезны.

Горы становятся выше. Стали чаще встречаться полуразрушенные скальные выступы. На юго-западе одна из вершин возвышается над всем горным хребтом. Ближе, между соседними грядами, распадок заполнен водой. Озеро узкое, но в длину растянулось на несколько километров. Все следующие гряды ниже той, на которой стоят путешественники. Они на перевале.

С ужином здесь разнообразие не так богато, как внизу, но ночевать на голодный желудок не пришлось. Обезьяны питаются фруктами. Юре пришлись по нраву орехи. В его джунглях их не было. Набрав горсть, спускается с дерева, чтобы разбить крепкую скорлупу камнями. Скорлупки оказались не по зубам. Под жёсткой плёнкой — маслянистые ядра. Но они кажутся сухими. Разжёвываются в порошок, напоминающий крахмал. Трёх горстей оказывается достаточно, чтобы ощутить насыщение. Понравившиеся орехи Ильич насыпает в колчан для стрел, чтобы завтра в пути снова посмаковать.

Ночлег устроили на одном дереве. Ма и Ня расположились выше. Себе Юрий устроил подобие гамака, сделав провисающий между ветвей переплёт. Обезьяны долго не задержались на дереве. Когда Юрий спустился, чтобы ещё осмотреться, увидел свой лук в руках взрослого примата. Оружие заинтересовало Ма. Она видела вращающихся юлой носачей и волков. Ильич наблюдает за умным животным. Он озабочен предстоящим расставанием. Оставаться вблизи людей им нельзя.

— А можно ли её научить стрелять из лука? — заинтересовался Юрий.

Не вынимая лука из рук Ма, приставляет стрелу, оттягивает тетиву и отпускает. Стрела падает рядом. Повторяет это ещё с тремя стрелами. Следующую подаёт орангутангу. Обезьяна пытается приставить стрелу к тетиве — это она усвоила.

Человек помогает и показывает, что тетиву надо оттянуть. Она оттянута, но стрела падает.

Обезьянам быстро наскучивает однообразный труд, если они предоставлены самим себе. Здесь иной случай—Ма учится у человека. Колчан расстрелян, но выпускать стрелу животное научилось. Подходят к пригорку, Ильич вешает на куст рядом с землёй лист величиной в половину собственного туловища. Потом отходит, прицеливается и стреляет. Лист пробит. Конец стрелы торчит из листа. Лететь дальше помешал пригорок.

Обезьяна учится стрелять прицельно. Выстрелы всё точнее. Другой такой же лист Юрий крепит к палке, колышет им. Ма должна попасть в медленно движущуюся цель, но она не понимает сменившуюся ситуацию. Юрий рычит, словно лист—это приближающийся зверь.

Показать ей, как стрелять в наступающего неприятеля, он не может—занят, управляет листом. Ня снуёт рядом. Ей нравится размахивать листом, как флагом. Человек помогает понять, что и как делать в этой ситуации. Взрослая обезьяна стреляет и даже попадает в край листа. Лист уже в руках человека, надвигается и рычит голосом тренера по стрельбе. Вторая стрела выпущена! Она пробивает второй край листа!

— Это успех! Я вооружу её, отправляя в обратный путь. Животное, привыкшее доверять человеку, может стать лёгкой добычей и для браконьеров, торгующих орангутангами, и для людоедов. Она не должна доверять людям, и этому её ещё предстоит научить.

Юрий взбирается на дерево и располагается в гамаке. Туда же поднимает оружие. Позади ещё один день калимантанских будней.

Просыпается он от нестерпимого жжения в животе. Пытаясь спуститься с дерева, срывается и падает. Обезьяны тут же оказываются рядом с ним. Юноша понимает, что болен. Внутренности горят. Даже рука, поднесённая ко рту, ощущает выдыхаемый воздух горячим. Пытается встать, но не может. Орангутанги суетятся рядом.

Ма переворачивает друга со спины на живот. Больного стошнило. Умному животному достаточно вдохнуть испарения извергнутой массы, и инстинкт подсказывает единственно верное решение. Прижав рукой к бедру, куда-то несёт друга. Юноша ощущает, что он, словно обвисшая тряпка, оказался ношей обезьяны. Ноги волочатся, путаясь в траве, цепляясь за кустарники, ударяясь о камни. Все трое оказываются в зарослях распадка. По земле волочить друга тяжело. Поднялась на дерево. Перескакивать по веткам с тяжёлой ношей нет сил. Прыгает, ветка не выдерживает, обламывается. Снова тянет больного по земле.

Появляется ручей. Он ласково переговаривается с травами, зовёт к себе пылающий организм. Обезьяна оставляет изнемогающего от жажды спутника и исчезает. Ильич подполз к ручью и опустил в него раскалённую голову. Вскоре Ма появляется, пережёвывая что-то. Животное переворачивает больного на спину, бесцеремонно разжимает челюсти почти бессознательного друга, вталкивает в рот пережёванную кашицу.

Юра ощущает скверный вкус вложенной в рот массы, хочет выплюнуть, но челюсти сжаты сильными пальцами спутницы. Видно, что подобное врачевание для неё привычно. Чтобы не держать отвратительное снадобье во рту, проглатывает. Обезьяна убирает свои пальцы и снова исчезает. Ильич переворачивается и жадно глотает воду, пытаясь очистить рот и внутренности от ужасного послевкусия.

Ма возвращается, и новая порция неприятной мякоти—во рту пациента. Сопротивляться сил нет. Челюсть стиснута. Свобода приходит, когда и эта порция проглочена. Такая процедура повторяется несколько раз. В ней принимает участие и малышка Ня. Больной сплёвывает остатки и замечает, что это листья, перемолотые обезьяньими челюстями.

Многократное и обильное питьё и жёваное пюре помогают уменьшить муки. Пожар в животе гаснет, но подступает тошнота. Внутренности извергают непотребные продукты. Юрий отползает выше по ручью, а Ма снова приступает к врачеванию. Лишь питьё частично нейтрализует обезьянье лекарство.

Человек осознаёт, что подвергает себя и друзей опасности. После волков им успела повстречаться калимантанская кошка. Она меньше рыси, не нападает на орангутангов и других крупных обитателей джунглей. Но, почувствовав себя в опасности, может когтями подпортить и шкуру, и физиономию противника. Эта дикая кошка прекрасно чувствует себя в полосе джунглей, соседствующей с горной лесостепью. Нельзя исключать здесь и питона. Ручья может оказаться достаточно, чтобы в дебрях распадка повстречаться с ним. Могут посетить этот закуток на окраине дебрей и волки. Да только ли они?

По распадку, часто отдыхая, компания возвращается к оставленной стоянке. Юноша, обессилевший от болезни, перехода и подъёма на дерево, распластался в гамаке.

К рассвету осталась только слабость. Ма и Ня приносят больному другу фрукты, которых не было около озера и нет на этом дереве. Но обезьяны питались ими вчера и едят сегодня. Повторное отравление исключено. Пюре или фрукты, но что-то действует как слабительное. Организм очищается. Силы постепенно возвращаются. Обезьянам спешить некуда. И здесь, в горах, они как у себя дома. Юрия удивляет заботливость друзей, так часто они приносят разнообразные плоды.

— Ах вы, мои сёстры милосердия! Что бы я без вас делал? Наверное, уже ничего бы не делал после

отравления. Ирония судьбы, не иначе. Когда не знал, что вообще съедобно, вы уберегли от отравления. А здесь польстился на вкусные орешки. Устоять перед такой вкусностью было невозможно. Кто бы мог подумать о коварстве этих орехов?

Он говорит, а обезьяны будто прислушиваются к нему, погружаются в ручеёк его слов. Им нет разницы, на каком языке их друг мыслит вслух. Они всегда одинаково внимательны.

Сейчас обоняние заставляет их забеспокоиться. Ильич успел отдохнуть, подкрепиться щедрыми приношениями, набраться сил. Не забыл он близ дерева вытряхнуть из колчана взятые вчера впрок орехи. Осмотревшись по сторонам, никакой угрозы не обнаруживает. Повода для особого беспокойства нет: оружие рядом, одежда и кейс при нём. Он снова лежит в гамаке. На удалении от дерева местные сородичи куропаток, как куры, гребут в траве землю, склёвывая что-то. Орангутанги хоть и перестали выказывать беспокойство, но дерево не покидают.

Послышались взрослое хрюканье и поросячье повизгивание. Птицы, петляя и прячась в траве, убежали на безопасное расстояние. Как индейцы в боевых раскрасах, дикие кабанчики усердно вонзают свои пятачки под кусты, откусывают и чавкают приглянувшимися корешками. Видят ли они только у себя под носом или просто не обращают внимания на обитателей дерева, непонятно. Все заняты насыщением. Здесь нет подсвинков-кабанчиков. Самки, поросята нынешнего помёта, подсвинки-самочки и крупный кабан, хозяин гарема, хрюкают и повизгивают. В стаде около двух десятков голов.

Ма насторожилась больше прежнего. Кто-то есть, и очень близко. Ильич сел и в очередной раз осмотрелся. Беспокойство умного животного не может быть ложным, хоть он сам ничего подозрительного не видит. Насторожился и дикий вепрь, вожак стада. Его отрывистое хрюканье всех оторвало от еды. И большие, и маленькие насторожились, готовые в любой миг пуститься наутёк. Вепрь внюхивается в воздух, смотрит в сторону показавшихся подозрительными кустов. Он подаёт громкий знак, и стадо спасается бегством вместе с вожаком. Один зазевавшийся малыш на мгновение задержался, отстал. Это и предопределило его судьбу.

Дикая тропическая кошка чёрной молнией метнулась вслед за убегающим лакомством, в несколько огромных прыжков настигла отставшего кабанчика.

— Как элегантны и плавны её прыжки! Она лишь на мгновение касается земли. Ноги при отталкивании поддерживают стройное тело, летящее почти на одной высоте. Мощь мышц почти полностью задействована на продвижение тела вперёд. Как гибка пантера, способная при её стремительном беге мгновенно повернуть в нужном направлении! А как она хитра! Я не замечал её, пока не вылетела за добычей подобно стреле или молнии. Она просто изящна! — восхищается Ильич. — Вот и всё. Этому малютке не суждено стать взрослым кабаном. Закон джунглей. К сказанному ни прибавить, ни отнять. Сильный поедает слабого и становится ещё сильнее. Но потом и сам предстаёт перед более сильным обитателем тропиков и оказывается растерзанным. Надо быть предельно осторожным, чтобы не быть застигнутым врасплох такой хитрой кошечкой. Ваше тонкое обоняние предупредит нас всех, если от зверя подует ветерок. А если не подует?

Юра вопросительно смотрит на собеседниц, но они только слушают и, кажется, ждут, что ещё скажет разговорчивый друг. И он говорит:

— Ничего, прорвёмся!

Пока он философствовал, на «арене цирка» дикой природы обозначились три волка. Озираясь, они проследовали за пантерой.

— Неужели они выслеживают пантеру? — недоумевает юноша. — Возможно, что они нашли следы кабанов и преследовали их, а дикая кошка перехватила инициативу. Тогда волки идут с надеждой, что и им останется на роскошный пир после кошки, отобравшей их добычу. Одним маленьким поросёнком её завтрак явно не ограничится, иначе она не стала бы продолжать преследование.

Юноша расстроен, что время идёт, а переход застопорился. Слабость даёт о себе знать. Выводок куропаток безмятежно копошится в траве. Часа через два на открытом месте появляется небольшое стадо бантенгов — диких быков. Ильич насчитал всех их тринадцать. Самцы, самки и их детёныши не похожи на зубров, бизонов или буйволов. Они очень сходны со своими домашними сородичами. Отличие — в специфическом изгибе рогов. Их изгиб одинаково ровен и элегантен у всех особей, кроме детёнышей-первогодков, которые не успели обзавестись орудием защиты от хищников. Отличаются и тем, что дикие представители крупнее домашних. Крепыш-самец, вожак стада, показался Юрию весом с тонну. Два молодых быка были телосложением с самок. А это по три четверти тонны каждый.

Все, кроме матёрого предводителя, рыжие. Вожак темнее. У всех ноги от копыт до колен и зады покрыты белой шерстью. Можно было принять их за крупную породу домашних животных, если бы поблизости было хоть какое жильё. К тому же вымена́ у самок пустые — потомство успело перейти на подножный корм, а выдаивать кормилиц некому, молоко давно исчезло — до очередного отёла. Стадо на ходу щиплет траву и не обращает внимания ни на шорох куропаток, ни на дерево с его обитателями в хитросплетениях из лиан. Через полчаса и взрослые, и детёныши скрылись

за рощей деревьев и кустарников. На опушке одной из рощиц подстрелен кролик, а рядом со стоянкой — три куропатки. Мясо, приготовленное в золе, великолепно.

После готовки пищи и обеда юноша поднялся в гамак, а обезьяны облюбовали фруктовое дерево. Вдруг они, выражая беспокойство, стремглав прибежали к другу. Будто для подтверждения обоснованности их тревоги, послышался многоголосый волчий вой. Шестёрка хищников идёт по следу стада диких копытных. Юра уверен, что взрослые сумеют постоять за себя. А удастся ли защитить детёнышей, уверенности нет. Отвлечь одних и отпугнуть других, чтобы отбить телёнка, у такой стаи хватит и хитрости, и коварства, и терпения. Они могут терпеливо ходить вокруг и вблизи стада несколько часов, выбирая момент для атаки.

Солнце клонится к закату. Небо с запада затягивается дождевыми тучами. Ильич в спешном порядке сооружает над гамаком навес. Обезьяны насытились и устраиваются на ночлег. И в это время в поле зрения юноши оказываются четыре волка. Окружив дерево, они затягивают свою заунывную песню. Обезьяны обеспокоены. Ня на спине матери, мать перепрыгивает с ветки на ветку. Отступать с одинокого дерева некуда. Заметив хладнокровие друга, она прекращает суетиться.

На вой отзываются другие огненные хищники. Вскоре появляются ещё трое и тоже рассаживаются. Юре известна тактика противостояния этим зверюгам. Он выпускает стрелу в одного из осаждающих высотную крепость. Почувствовав боль, хищник отбегает, но стая настигает подранка, расправляется с ним и, насладившись парно́й кровью, продолжает осаду.

Обезьяны вновь проявляют повышенное беспокойство. Не предполагая, в чём дело, юноша тратит ещё одну стрелу. Ждать долго не пришлось. Зов свежей крови увлёк стаю вершить над собратом скорую расправу. Когда появилась пантера, волки слизывали с себя последние багровые капли. Они скучились. Пантера несколько раз обошла вокруг дерева.

Грянул дождь. Налетевший порыв ветра сорвал навес над гамаком и, закружив, отбросил к сидящим рыжим злодеям. Они отбежали, но ненадолго. Пантера села в ожидании, но нетерпение подгоняет дикую кошку. Юноша сидит с натянутой тетивой. И не зря.

Чёрная молния одним прыжком оказывается на полпути к гамаку. Стрела попадает в нос налётчицы. От боли или неожиданности, но пантера падает. Стая мгновенно набрасывается на неё. Но она не только успевает развернуться в полёте, чтобы приземлиться на все конечности, но умудряется взмахом когтистой лапы вспороть живот того из волков, который в прыжке пытался клыкастой пастью схватить её до приземления. Интерес своры сместился с пантеры на незадачливого сородича. Его быстро оттащили подальше от опасной соседки. Насытились они или из боязни, но к дереву больше не подходят.

Мгла сгустилась. Но и в непроглядной темноте виден жёлтый фосфорический блеск глаз тёмной, как ночь, охотницы. Во взгляде отражаются коварство, хитрость, нетерпение и злоба животного. На дереве всем не до сна. Надо что-то делать, чтобы не отражать стремительные натиски всю ночь.

Юноша метит в глаз. Зверь лапой срывает воткнувшуюся стрелу и с бешеной яростью бросается на дерево. Ильич молниеносно хватает копьё и вонзает в плечо карабкающегося зверя. В древко вонзаются зубы, но рука удерживает оружие. Зубы лишь успели разжаться, а копьё дробит ключицу и пронзает грудную клетку. Смертельно раненное животное падает и, злобно урча, уползает.

Дождь прекратился, когда поединок человека со зверем ещё не закончился. Только теперь можно уснуть. Орангутанги погрузились в чуткий звериный сон. Если возникнет новая опасность, они не проспят, дадут знать другу о необходимости быть готовым к принятию мер.

Солнечные лучи раннего утра испаряют впитавшуюся в почву влагу. Воздух пропитан ароматами буйной растительности тропической горной лесостепи. В атмосфере растворены щебетанье, насвистывание, клацанье и прочие атрибуты торжества неугомонного и никем не пуганного птичьего населения. Звуки сочны, словно их долго вымачивали в бродящем виноградном соке. Ко всему многоголосию раннего утра примешивается непохожий на остальные и непривычный звук. Он настораживает загадочностью и необъяснимостью, то исчезая, то появляясь вновь.

Обезьяны ещё нежатся в своих наспех сооружённых гнёздах. Их ничто не беспокоит. А человек старается понять, что порождает эти повторяющиеся вкрапления в мелодию тропического утра, в музыку первозданной природы. Так и не узнав источник насторожившиx его звуков, со всем немногочисленным багажом спускается с приютившего на пару ночей пристанища. Под деревом далёкие интригующие звуки не слышны.

Сутки вынужденного отдыха — и снова в путь, преимущественно под уклон. Редколесье с кустарниками и скальными выступами быстро заканчивается. Снова пошли сплошные, веками переплетающиеся дебри. Идти по ветвям с перевала вниз легче и быстрее. Если растительность позволяет, то при тех же усилиях пролететь удаётся дальше, чем на ровном месте.

Путешествие вниз по склону продолжается без приключений. Ближе к полудню непонятные утренние звуки возобновляются. Они приблизились, и теперь ясно, что впереди автострада. Настала

пора расставаться с друзьями. Нельзя допустить, чтобы умные обезьяны стали жертвами собственной доверчивости.

Юрий передаёт взрослой обезьяне лук, крепит пояс с колчаном, полным стрел, облачается в одежду. Брюки надел без проблем, а рубашку без рукавов и пиджак пришлось натягивать — за время пребывания в джунглях Юра выше пояса раздался по всем направлениям. Одевшись, отпугивает орангутангов. Они его не понимают. Тогда человек громко кричит, размахивает руками, топает, наступая на них. Они недоумевают и остаются на месте. От бессилия, что жесты непонятны друзьям, Ильич выламывает палку и с ней наступает на попутчиц. Те наконец-то видят перерождение друга в недруга и отступают от человека. Он, продолжая громко кричать, напоследок бросает палку в их сторону. Верные друзья скрываются среди чащи. Чтобы попутчики не вернулись и не продолжили следовать за ним, он своими криками нарушает гармонию природы до самой дороги.

Скрытый зарослями, юноша достаёт из кейса секретные документы и прячет их за пазуху. Индонезийские рупии на билеты и на неизбежные расходы оказываются в карманах брюк. Собственные новые документы и виза — там же. Неместную валюту, рубли и доллары, раскладывает между листами секретной документации. Кейс с прежним комплектом своих документов и с документами Павловича решает спрятать в приметном месте. Вдруг кому-то из сотрудников ведомства понадобится подтверждение правоты его доклада о командировке. По зарослям около дороги доходит до указателя расстояний на трассе Банджармасин — Баликпапан. Там закапывает кейс под груду опавшей листвы.

Путешественник выходит на трассу и пытается остановить попутную машину. Он понимает, что выглядит не как все. Это и отпугивает водителей. Странность придают причёска, давно не видевшая инструментов парикмахера, и борода, непохожая на жидкие бородки индонезийцев. Борода курчавится и не выглядит безобразной. Усы, хоть и не вьющиеся, аккуратно, не топорщась, смыкаются с бородой. Не подправлявшиеся на щеках волосы и заросшая шея отличают Ильича от опрятного туриста. Нет при нём и вещей, даже небольшого саквояжа.

Наконец легковая машина тормозит. Пассажир тут же объясняет водителю, что плутает много дней и не знает, где вышел. Хочет уехать в аэропорт Банджармасина, но прежде надо посетить парикмахерскую. В ответ получает приглашение садиться. Им по пути. Знакомятся. Шофёр взял попутчика, чтобы не скучать в дороге. Юре страсть хочется выговориться с человеком. Он спросил, понимает ли его собеседник. Тот ответил:

— По всему видно, что ты иностранец, но для иностранца разговариваешь на индонезийском языке удивительно хорошо.

Попутчик отшутился:

— Значит, ещё не разучился разговаривать, пока плутал.

— Как долго странствовал?

— Как долго — сам не знаю, счёт дням потерял. Но долго.

— А как очутился в джунглях?

— Отбился от группы. Или меня местные специально отбили. Заподозрил что-то неладное и в удобный момент рванул от «опекунов». Хорошо, что не успели выпотрошить карманы. Документы и деньги на карманные расходы при мне. Я расплачусь за проезд. И на парикмахерскую должно хватить. На билет вышлют родственники. Надо только зарядить телефон и SIM-карту поменять, если потребуется.

— А какие местные отбили тебя от группы? И как?

— Предложили посмотреть их быт. А кто они, представления не имею. Какая-то деревенька в дебрях. У одних одеяния цивилизованных людей, другие — полуголые.

Ответы попутчика кажутся водителю вполне правдоподобными, беседа продолжается.

— Это даяки. Тебе повезло. Документы им не нужны. Деньги они бы потом взяли. Если это деревня людоедов, то им нужен был ты сам. Удивительно, что тебе удалось перехитрить их и они прозевали твой побег.

— Не может быть. Какие людоеды в наше время? — изображает недоумение Юра.

— А я говорю, что ты счастливчик. Если бы не сбежал, остался бы от тебя только голый череп. Вот такие у меня соотечественники. И где же тебя носило?

— Ума не приложу. Ещё вчера был на каком-то хребте

— Хребет Марату. Вблизи другого нет, — уточнил владелец авто.

— Выходил на какую-то мутную реку, но путь преградило огромное озеро или водохранилище. Куда бы я ни пошёл, всюду натыкался на воду. Пришлось уйти оттуда и от реки в противоположную сторону.

— Ничего себе, куда тебя занесло! Есть водохранилище на мутной реке Мартапуре. Тебе вниз по течению было бы ближе до аэропорта. До городка Мартапура от плотины водохранилища напрямую недалеко, километров тридцать. По реке чуть дальше, но там можно сплыть на лодке. Только довезут ли пассажира до города, или окажется он в мире ином — всё зависит от того, с кем поплывёшь. От городка до аэропорта пассажирский катер ходит.

— Устал плутать между заливами водохранилища. Их там не сосчитать. Знать бы хоть правильное направление следования, так обошёл бы.

— Одно не укладывается в моём сознании: как тебе удалось столько проплутать по джунглям, а выйти в одежде как из магазина?
— Мы оба мужчины, и мне не стыдно признаться. На второй день странствий я сообразил, что выберусь к людям нескоро. Свернул одежду и обувь в рулон и опоясался валиком. Так и путешествовал до подхода к трассе. Да вышла незадача — пиджак с рубашкой подсели. От дождей, наверное.

Водитель присвистнул, покачал головой.
— Умеешь ты заглядывать вперёд. Теперь неудивительно, что тебе удалось перехитрить даяков.

Юрий не стал доверяться первому встречному. Вместо повествования о самолёте и о пассажирах рассказал небылицу. Так у него больше шансов избежать беседы с полицейскими и быстрее оказаться дома. Будто прочитав мысли, водитель спросил:
— Где дом?
— В Москве квартира.

Собеседник снова присвистнул, но, как показалось Юре, к москвичу его отношение не поменялось.
— Есть у нас участок автомагистрали с неофициальным названием «Русская дорога». Умеют русские строить. Больше двадцати лет на участке не было ремонтов. Жалко, что не поладили с кем-то из нашего руководства и уехали, не достроив.

Машина остановилась около двери парикмахерской. Ильич спросил:
— Чем я обязан за проезд? Чего стоит?
— Ты мне рассказами переплатил. Но сдачи у меня нет. Считай, что мы квиты, — добродушно отозвался водитель и распрощался.

Девушка-парикмахер убедила юношу, что не надо удалять красивую бороду.
— Если её снять, то будет некрасиво смотреться часть лица, лишённая калимантанского загара. Чтобы не казаться неопрятным, достаточно подравнять на щеках, укоротить усы и убрать волосы с шеи.

И Юрий согласился на эксперимент с внешностью. Чувствовалось, что девушка, при её молодости, не новичок в профессии, а состоявшийся мастер.

После посещения парикмахерской выяснилось, что самолёт на Джакарту отправляется через четыре часа. Юра успел посетить магазины, где приобрёл дорожную сумку и одежду. Узнал он и адрес управления полиции в главном городе провинции Южный Калимантан. Билет в Джакарту приобрёл без проблем.

Полёт в столицу Индонезии, на остров Ява, занял времени меньше, чем продолжались регистрация билетов и посадка. Зная, что рейс на Москву будет завтра, поселился в одной из гостиниц ближе к аэропорту. Здесь он проставил даты в туристической визе. Освежился и, поменяв одежду, стал больше похож на туриста. В городе соседствующие буддийские, католические и мусульманские храмы одинаково свято почитаются верноподданными прихожанами. Соседство их доказывает приверженность одних и терпимость других индонезийцев к религиям и их поклонникам. В городе без проволочек приобрёл билет на Москву.

Власти должны знать о месте падения самолёта. Необходимо сообщить его, чтобы родственники могли проститься с погибшими согласно их верованиям и обычаям. И Юрий, вернувшись в гостиницу, пишет письмо:

> «Уважаемые сотрудники полиции. Мне известно, где находятся обломки самолёта рейса Манила — Джакарта, потерпевшего крушение в канун Нового года. То, что осталось от авиалайнера и от пассажиров рейса, находится под водой водохранилища на Мартапуре. Прошу предупредить аквалангистов, которым предстоит посетить затопленный салон. Зрелище внутри фюзеляжа не для слабонервных, и к этому необходимо морально подготовиться заранее.
>
> Не имею возможности назвать координаты, но сообщаю ориентиры. Искать следует в заливе, по форме близком к окружности. Он находится севернее западной оконечности полуострова, изрезанного множеством заливов. Это большой полуостров. От западной точки до узкого перешейка у основания набирается пять сухопутных миль. В самом широком месте, на западе, суша простирается на две мили.
>
> Стрелка на плане местности указывает место поиска. План прилагаю. Глубина до разлома в фюзеляже около десяти индонезийских футов. И это не в сезон дождей.
>
> С уважением — доброжелатель».

Ильич отправляет письмо в упаковке для посылки, адресуя начальнику полиции в Банджармасине.
— Когда посылка из Джакарты придёт в Банджармасин и её получат, я буду уже дома. Организация поисков — дело чести индонезийских властей.

На таможне, не обнаружив недозволенных для провоза вещей, сотрудник пристально всматривается в лицо пассажира с разных ракурсов. Он словно пытается убедиться, что человек на фото и есть стоящий перед ним обладатель бороды.

В аэропорту Домодедово самолёт индонезийской авиакомпании остаётся позади. Спускаясь по трапу, Юрий ощутил себя полноправным россиянином и москвичом. От «калиманганца» остались лишь борода, покрывающий всё тело загар да воспоминания.

Сотрудники ведомства, которых непросто удивить чем-то, не смогли скрыть, насколько ошарашены появлением коллеги «с того света». Руководство

ведомства оперативно ознакомилось с рапортом о командировке, предоставленным Юрием. Под предлогом необходимости пройти адаптацию, его отправили в трёхнедельный отпуск. Ему намекнули, что по выходе на работу его ждут продвижение по службе и присвоение внеочередного звания. Всё время пребывания на острове признано сроком командировки с причитающимися выплатами.

У Юлечки незамедлительно нашёлся утешитель. Он помогал несчастной девушке, когда жених «сбежал», исчез перед бракосочетанием. Объяснить Юле, что всё не так, как ей представляется, оказалось невозможным. Попытки переубедить её — пустая трата нервов и времени.

За время отпуска Ильич описал приключения россиянина на Калимантане. Он представил своего героя туристом. Рукопись юноша отправил в редакцию литературного журнала в надежде, что *«Необычные приключения обыкновенного туриста»* будут опубликованы.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Николай Тихонов

Финский праздник

Медной рябиной осыпан гравий,
Праздничный люд шуршит, разодет.
Солнце — вверху, внизу — Хэпо-Ярви,
Может быть, Хэпо, а может, и нет.

Пепельный финн в потёртой кепке,
Древнебородый, и тот посвежел,
Место расчищено — ноги крепки,
Все приготовлены рты уже.

Медленной песни заныла нота,
Странствуя гнётся, странно темна,
Гнётся и тянется без поворота…

Из неподвижных рядов — короткой
Походкой выходят он и она.

Желтее желтка её платок,
Синьки синée его жилет,
Четыре каблука чёрных сапог
Тупо стучат: туле-н! туле-т!

Он пояс цветной рукой обводит,
Угрюмо и молча, шагом одним
Обходят площадку, вновь обходят
И снова в обход идут они.

Стучат без улыбки на месте потом,
Странствует песня, гнетёт и гнетёт —
И дымнобородый с пепельным ртом
Сквозь жёлтые зубы нить ведёт.

Упрямо и медленно ноги идут,
А звук на губах всё один, один —
Как будто полки пауков прядут
Струну ледянее льдин…

Но вертятся вдруг каблуки. Жесток
Их стук тупой: туле-н! туле-т!
И жёлтой пеной горит платок,
И синим огнём пылит жилет.

Рябины ветви, как рога,
Летят на них — и сразу
В глазах косых — Алтай, снега,
Змеиные искры Азии.

Рябины красные рога
Их тусклый танец сторожит —
Жёлтым огнём полыхает тайга,
Синей пылью пылят ножи.

Проходит тысяча тёмных лет,
И медленно снова: туле-н! туле-т!
Обходят опять неизменно и кротко,
Обходят площадку… Чёрной чечёткой
Оборвана песни нить…
Танцоры буксуют. Походкой короткой
Идут под рябину они.

С достоинством он на скамейку садится,
С цветного пояса руку берёт,
Угрюмо и жёстко целует девицу…
И праздник над ними шуршит и толпится,
А пепельный финн вытирает пот.

1919

Владислав Пеньков

Мечта о во́роне и Моцарте

Ты

Наташе

У меня в руке кошёлка,
в голове моей—стекло.
Сколько золота и шёлка
на глаза мои пошло?

Согревает кацавейка
эти шрамы на плечах.
Ведь её вязали Блейку
в богадельне при свечах.

Песни опыта пропеты.
Что ещё осталось нам?
Пьём вино, едим котлеты
и глядим по сторонам:

вот сквозняк гуляет шторой,
вот—невинность, вот—кранты.
Ни одной другой, которой
я скажу такое: «Ты?»

Малиновка

Давно не слышал соловья
ни у ручья, ни в роще.
А ты, малиновка моя,
поёшь намного проще.

Земля моя седым-седа,
печаль моя—волынка,
и путеводная звезда—
осенняя былинка.

Идут стада на водопой,
а я иду к истоку,
и ты, малиновка, пропой,
пропей меня до сроку.

Одно коленце и глоток,
а больше и не надо,
увязнет каждый коготок
в шпалере винограда.

А я отправлюсь в гастроном
за хлебом и закуской,
за нашим небом, нашим дном,
дневной полоской узкой.

Табачок

Родина есть—или родины нет,
так это или не так,
утром глядишь на балтийский рассвет,
куришь цыганский табак.

Рваные уши эстонских берёз,
рваные ноздри погод.
Сколько скрываешь ты правду от слёз?
Двадцать какой-то там год.

Если б на каторгу—вся недолга.
Если б клеймо—всех делов.
Если бы мордою—хрясь об снега.
Только подальше от снов.

Снова и снова схожденье дождя—
слабенький, как дурачок,
с белого неба, как с дыбы, сойдя,
сыплется мой табачок.

Сыплет сегодня и сыпал вчера
прямо в осеннюю грязь,
и отступали солдаты Петра,
падая и матерясь.

Можно до Нарвы за пару часов,
можно совсем не спеша,
в чёрную пропасть кошачьих усов
словом табачным дыша.

Ларёк «Пиво-воды»

Этот старый ларёк
заколочен доскою.
Мне была невдомёк
солидарность с тоскою.

А увидел—и вот
сердце бьётся всё глуше.
Полустёртое «вод…»,
трафаретные груши.

И трава, и трава.
И трава по колено.
. . . .
И у нас есть права—
умирать постепенно.

• • •

Петрушка, шалфей, розмарин и тимьян.
Кончается лето. Густеет туман.
Сквозь чёрную ночь окликаю траву —
петрушку, шалфей, розмарин и тимьян,
пугливых прохожих ночами зову.

Куда ты идёшь, человек дорогой?
Послушай меня, дорогой человек,
иди за окликнутой мною травой
на запад и север, в шестнадцатый век.

Те запад и север всегда впереди,
и сколько ни шёл бы ты — ты не дойдёшь.
Да только прошу, не дойди, но найди
ту самую, что никогда не найдёшь.

Я сам бы пошёл, только нет башмаков,
и посох истлел, и земля глубока,
а та, что мне сшила рубаху без швов,
теперь — это ветер, листва, облака.

Кончается лето. Стихает молва
однажды любивших когда-то сердец,
прохожий прошёл, увядает трава —
петрушка, шалфей, розмарин и чабрец.

Кинематограф

Начинается случайно,
рвётся тонкий волосок.
А потом — сплошная тайна:
море, камни и песок,

скандинавские закаты,
скандинавские дожди.
— Мы ни в чём не виноваты!
— Я не жду. И ты не жди.

Море нежно. Море сонно —
вдох и выдох, выдох — вдох.
— Не молчи со мной, персона.
— Говори со мною, Бог.

Только камни, камни, камни
над водой и под водой.
Только крайне, крайне, крайне
пахнет солью и бедой.

Он не будет торопиться,
Он — хозяин волоску,
всем потерям, морю, птицам,
камню, мокрому песку.

Всем потерям, всем находкам —
два лица, потом одно.
Скандинавская погодка.
Скандинавское кино.

От Марка

Ах, красный парк, ах, красный парк
в лохмотьях ранней тьмы.
Как беден лексикон наш, Марк,
нам не писать псалмы.

Мы можем только по грязце,
не взяв в суму добра,
с улыбкой нежной на лице
светлее серебра.

С датского

Н. П.

1.

Звенела юбка-колокол,
да ветерок затих.
Прекрасней ты, чем облако.
Прекрасней всех других.

Огромная Вселенная
и весь её простор —
чтоб выходила тленная
и смертная во двор.

Вселенной время дадено
для стука каблучка
по доскам Копенгагена,
по сердцу дурачка,

чтоб изъясняться лепетом
любовным по ночам,
чтоб страхом, чтобы трепетом —
все кудри по плечам,

чтоб никуда не сгинуло
то, что звалось не плоть, —
а Он — с моей Региною —
Создатель и Господь.

Ах, локоны над плечиком,
и облака плывут,
один прыжок кузнечика
в могильную траву.

2.

Разгово-разговоры.
Но плывут облака,
облака-киркегоры.
Киркегоры, пока!

Ваши тёмные спины
в розоватом дыму.
Значит, тему Регины
не закрыть никому.

Тень сквозь тень

1.

Ты ни в чём не виновата.
Ты боролась с Ним в ночи—
от заката до заката.
Полдень. Домики. Грачи.
Колокольчик в правом ухе
Разошёлся: «динь-динь-дон».
Полдень. Домики. Старухи.
Полдень. Карканье ворон.
Ты боролась с Ним напрасно,
жилы порваны вотще.
Всё напрасно. Всё прекрасно—
каждый камешек в праще
закруглившейся дорожки,
пыль, ворона, седина,
силуэт в твоём окошке,
каждой вены глубина,
крик петуший, скрип осины,
взгляд усталый, тихий взор,
глубина глядит в глубины—
силуэт глядит во двор.

2.

Зимней астры не сберечь.
Не веди об этом речь.
Облако повисло.
Нету в этом смысла.

Смысла нет, но есть мотив—
дома, птиц, колодца.
Не придёт возвратный тиф,
а мотив вернётся—
песня небольшая,
сна тебя лишая.

На плите остывший чай,
на чепце—оборки.
Никому не отвечай
без скороговорки.
О себя ломай язык.
Не поймут—не надо.
Так надёжней прятать крик—
вопли листопада,
крик дороги и песка,
мха и земляники,
напряжённого виска
ангельские крики.

3.

Я уже не выдыхаю,
не могу я выдыхать,
улыбаюсь, отдыхаю,
проливаю чай в кровать.

Вот—на миг глаза закрою,
и предстанет мне на миг
двор старинного покроя
из моих старинных книг.

Слышен голос колокольни,
воркованье голубей—
это всё, что я запомнил,
всё, что помню, хоть убей.

Может, Псков, а может, Тула,
может, Амхерст в декабре.
Стол, приёмник, спинка стула,
руки—в лунном серебре.

Только голуби воркуют,
колоколенка звонит,
а влюблённые тоскуют,
а погасшее горит.

Спят созвездья и собаки,
не болит, тревоги нет,
через мусорные баки
прорастает маков цвет.

И проходят друг сквозь друга,
как сквозь тень проходит тень,
массачусетская вьюга,
достоевский белый день.

Мечта о вóроне и Моцарте

Написать бы так разорванно,
так—рваниною словес,
чтобы чёрным горлом вóрона
Моцарт маленький пролез—

доказательством прощения
прозвучал на белый свет,
оказался возвращением,
тем, чего на свете нет

и чего, наверно, не было,
а точнее, только в нём
пролетело небом-неводом,
синим облаком-огнём.

Оксана Ралкова

Родниковая лава

* * *

Милый гробок для чужого кольца—
Это начало какого конца?
Это конец для начала чего?!
Это распутье пути моего.

Это фактура, и форма, и цвет
Боли, которой названия нет:
Бархатный чёрный квадратный провал—
Хаос, который меня миновал…

Розовый свет на поклонном кресте
Сманит в закатную тёплую степь.
Нежитью выйдешь, чтоб видеть в упор
Семиконечный крылатый простор.

* * *

Когда земное время схлынет прочь,
Всесильное отзывчивое слово
Вернёт меня в декабрьскую ночь
Далёкого две тысячи шестого,

Где молодость, как талая вода,
Воскресшая без спроса и до срока,—
Весёлая упрямая беда—
Отчаянно течёт по водостокам,

Где царствуют сосновые дрова
В печном уюте—тесном и жестоком,
Где лишь любовь наивна и права,
И оттого она зовётся Богом!

* * *

Родниковую лаву—стихию речь
Можно, только черпая, уберечь,
К воспалённым устам поднося в горсти.
Только тем и можно себя спасти.

Ведь всего и дела-то—пей да пой,
Подавая всякой душе слепой
Путеводный голос, благую весть:
Я здесь.

* * *

А я ревновать к ней не стану:
Она—первозданно светла—
Любовь, как горящую рану,
След в след за тобою несла

По временно-съёмным вертепам,
Походным сырым шалашам,
Пред гневным грохочущим небом
Смертельные стрелы туша.

Дай сил мне любить её, Боже,
Сквозь сень наклонённых ресниц
Наивностью трав ранневсхожих,
Смирением раненых птиц…

Встреча

Её одежды не могли
Ни скрыть, ни выдать странный возраст.
На зимний потаённый воздух
Снежинки острые легли.

И эта жгучая пыльца
Растушевала очертанья
Неяркого её лица
В овальной раме чёрной ткани.

Она прошла издалека
В толпе, текущей монотонно,
Но хлеб сиял в её руках
На фоне волглого бетона.

И: «Здравствуй, девушка!»—она
Произнесла как поздравленье
У кромки каменного сна,
За выдох до разминовенья.

И если б мне на миг иной
Опомниться, остановиться—
Лишь потревоженная птица
Вспорхнула б за моей спиной.

* * *

Неспешная эта осень тягостно невесома.
Легко обнимает сердце тугая её истома.

Веснушчатый лист, слетая, кружит нестерпимо долго,
Торжественно оседает в траву, как в ладони Бога.

И кажется, что не надо иного душе простора,
Но если окинуть взглядом вдали распростёртый город,

Покажется, что протянут в туман идеальный баннер,
В который нельзя вернуться, но можно прочесть—губами.

Дистих

1.

Дай мне сил удержать в неподвижном строю
Эту строгую стройную тяжесть мою
Невесомой надеждой на скорую боль,
Что от века рифмуется только с тобой!

Всё как в детстве: сдираешь коросты с колен
И наивно надеешься—переболел,
А на деле—сквозь розовый нежный покров
Проступает густая солёная кровь.

Сквозь белила привычной размеренной лжи
Проступает румяная жизнь!

2.

Наш колодец исчерпан до вязкого дна,
До лоснящейся рыжей назойливой глины,
Но мне слышно как стонет ночами вода,
Изнутри распирая глухие глубины,

Как базальтовый бархат подземных зеркал
И гудит, и пружинит в несметной натуге…
Он таит до надрыва всё то, что искал
Ты во мне.
И всё то, что извечно мы ищем друг в друге.

* * *

Веди меня сквозь рокот городской,
Сквозь токовища, тырлища людские—
Чувствилища, взведённые тоской
По громовой молниеносной силе!

Веди меня сквозь робкие штрихи
Берёзовой невыразимой речи,
Сквозь пёстрые прозрачные стихи
К спасительной повадке человечьей!

Веди на ветхий приглушённый зов,
На дальний звон, чтоб светоносный воин,
Перелистав Вселенную с азов,
Шагнул ко мне—прекрасен и спокоен…

Родниковая речь

*Мы знаем, что́ ныне
лежит на весах…*
А. Ахматова

Кто до смерти болел,
Кто в угаре горел,
Кто в тазу на эмали
Ошмётком алел…

Только я родилась—
И нагой, и босой,
Со звездою во лбу
Да с луной под косой.

Но на то и дана мне
Хрустальная стать,
Чтоб навстречу формату
Воинственно встать.

Но на то и дана
Родниковая речь,
Чтоб во имя её
В землю прелую лечь!

Дедов я не просила:
«Да будет война!»—
И отцам-то не я
Подносила вина,
И внеплановых братьев
Прозрачную плоть
Не велела стерильной
Иглой заколоть.

Величавый язык,
Наречённый мой брат,
Под раскатистый рык
Будет взломан твой враг,
И по оптоволокнам, горячим ещё,
Родниковая речь как река потечёт.

* * *

В кромешном однажды
Горячим иссохшим рукам
Роскошную жажду
Нести по песчаным шелкам

И, хищную осыпь
Взрывая покорной стопой,
Почуять на ощупь,
Что сердце живое—с тобой.

И словно впервые
В исконной истоме сгорать,
Но гибнут—живые.
Я в силах ещё умирать.

Анастасия Бойцова

Песни Меджнуна

1.

Оттого я безумен, что мать меня родила;
Что недвижна земля; что днём молчат соловьи;
Оттого я безумен, что имя тебе—Лейла;
Оттого я безумен, что эти глаза—твои.

Оттого я дик, как шакал, и худ, как скелет,
Оттого слова мои—пламя, а стоны—дым,
Что из тысячи тысяч ступающих по земле
Нет ноги, что могла бы оставить твои следы.

Оттого-то, как только прохладой пахнёт в окно,
Я безумен. Я вижу тебя. Я с тобой вдвоём.
Что мне проку хвалить твои очи и губы, Ночь?
Кто сгорел, тот не хвалит ожоги в сердце своём.

2.

За пуды серебра покупают жён,
Словно море, текут по степи стада,—
У меня только нож, да и тот чужой,
Только сердце, да разве ж его продашь?

Две сумы я надел, да и те пусты,
Три страны я прошёл—на тебя взглянуть.
Чтó пуды серебра для такой, как ты?
Всё равно что за грош торговать луну.

Где возьму я парчи тебе для шатра?
Из каких самоцветов построю дом?
У меня только нож, да и тот украл;
Только краденый нож да своя ладонь.

Но из тех, кто рабом для тебя служил,
Никому не гордиться ни перед кем:
Разве что-нибудь, кроме крови из жил,—
Это плата за ночь на твоей руке?

Нет вина у меня—напоить гостей;
Нет ума у меня—уж не первый год…
Только нож у меня—рассчитаться с тем,
Кто под свадебный кров тебя поведёт.

3.

Я—на руке у тебя перстень с печатью, девушка:
Мной запечатано слово твоё любое.
Я—у тебя под ногою камень брусчатый, девушка:
Каждый твой шаг отзывается в сердце болью.

Я—непривязанный пёс, и если луна ты,
Плач мой несётся к тебе на дороге горной.
Я—у тебя под фатою цветок граната:
Запах волос твоих перехватил мне горло.

Я—бесноватый, юродивый, грош цена мне,
Брошенный камень, волны разнесённый рокот.
Я—под перстами истерзанных струн стенанье,
Падаль, присохшая взглядом к твоим воротам.

Имя моё для тебя—плод недоспелый, любовь моя.
Сорванный лист на ветру меж летящих сонмищ.
Имя моё для тебя—песнь без припева, любовь моя:
Даже и в сонном бреду ты его не вспомнишь.

Что же во мне, как огонь в пустоте ночи,
Победоносное имя твоё звучит?

4.

Передайте той, белогрудой,—
Пусть наденет синее платье.
Видеть в синем её—проклятье,
Я смотреть на неё не буду,
Убегу, уеду, забуду…
Сотвори, о Господь мой, чудо:
Обесцветь проклятое платье,
Перекрась синий цвет повсюду…

Наапет Кучак

Клином солнце тянется от дверей,
Под окном премудрствуют сизари…
Я хотел бы певчим быть при дворе,
Чтобы синее платье тебе подарить.

Чтобы стали блёклыми пред тобой
Свод небес и моря лазурный вал,
Я пошёл бы горше, чем на разбой,—
Для воров бы на площади танцевал.

Я бы отдал золота—сто возов,
Сам за это бы нищим в тюрьме зачах,
Чтобы самый синий в мире узор
Заиграл бы парчой на твоих плечах.

Я запродал бы клочья своей души,
Чтоб оно предстало моим глазам;

Я сапфирами дал бы его расшить—
Пусть рабыням достанется бирюза!

Но бессильны руки мои, и не
У кого просить: нищета и сор.
А в чертоги сильных в любой стране
Не пускают петь ободранных псов.

Никогда бы ты не стала носить,
Не взяла бы подарка из этих рук…
И во сне мне снится смертная синь,
Застилая зной на сером ветру.

5.

В кабаке густеет пьяный дым,
В кабаке пирует всякий сброд…
Нынче пью с бродягою одним,
Что сидел на камне у ворот.

И на пальцы, скрюченные в дрожь,
Ты ему, из дома выходя,
Уронила в пыль блестящий грош—
Каплю золотистого дождя.

До кончины дней его тугих
Он теперь от стужи защищён:
Отдал башмаки ему с ноги,
Обменялся платьем и плащом;

Отдал всё. И нет тому причин,
Чтобы нам не пьянствовать вдвоём:
Место у ворот теперь—моё,
Я его навеки получил.

Кто тебя не видел—не постиг,
Что таится в слове «навсегда».
Мне теперь отсюда не сойти
Даже в час последнего суда.

И ни часовому на посту,
И ни башне в каменном тыну…
Я корнями в камне прорасту,
Ветви над оградой протяну,

Уподоблюсь тёрну и плющу,
Стану тамариском и травой…
Я корнями сердце пророщу
Посреди булыжной мостовой.

Чтобы не сумела миновать
Ни в одной из троп твоих земных—
Для того я выкупил права
На своё владенье у стены.

В кабаке—бессумрачные дни,
В кабаке—щербатая луна…
Нынче пью с бродягою одним,
Пью и упиваюсь без вина.

Всю неделю ни куска во рту
Не держать почти наверняка—
Все монеты отдал я за ту,
Что дала ему твоя рука.

6.

Пятьдесят у тебя рабов—клеймёные лбы.
Пятьдесят у тебя рабов и сорок рабынь;
Затеряться бы в этом стаде, став посреди…
Пятьдесят рабов. Со мной—пятьдесят один.

Пятьдесят женихов (был бы с ними, если бы мог).
Пятьдесят теней, обступившие твой порог,
Пятьдесят трофеев к чести отцовских седин…
Пятьдесят влюблённых. Со мной—пятьдесят один.

Пятьдесят ночей не могу осилить тоску.
В полусотый раз мне снится, как по песку
Увлекают за трупом трупы, с ножом в груди…
Пятьдесят убитых. Со мной—пятьдесят один.

7.

Ты замкнул небеса для меня, Творец!
Просверлил глаза мне Твой окоём!
Я бы стал святым на своей горе,
Если б я любил Тебя, как Её.

Убери с души мне каменный груз—
Я, как птица, взлечу к Тебе в вышину!
Вместо этого ниже и ниже гнусь,
Ни рукой, ни ногою не шевельну.

Ни движенья, ни сил у меня в груди—
Только эта проклятая там, внутри…
Отвори небеса Твои, Господин.
Забери навсегда меня… забери…

8.

Руки высохли. Рот и глаза затянуло льдом.
Даже имя утратил—не помню когда и где.
Только пепел остался от места, где был мой дом.
Как живой среди мёртвых. Как мёртвый в мире людей.

Что за тени вокруг разевают немые рты?
Не могу я думать о них, если снилась ты.

Кандалами клубится дороги призрачный шёлк.
Я зажал себе уши, пытался закрыть глаза—
Я ушёл от тебя, я ушёл от тебя, ушёл!..
Каждый стон в измождённых суставах тянет назад.

Кто сказал мне о Боге?—Ступайте в свой монастырь!
Не могу я думать о Нём, если снилась ты.

Для чего ты убила меня? Для чего я жив?
Для чего я иду? Для чего обречён дышать?
Это просто во сне я скитаюсь в мире чужих,
Это просто ступни обжигает мне каждый шаг,

Это просто горячка во лбу не хочет остыть…
Как могу я думать о ней, если снилась ты?

Отнялись и глаза, и язык, и на шраме шрам,
А на месте дома—лишь пепел кружат ветра;
Ничего впереди, и глумливый смех за спиной…
А куда я иду—не знаю. Мне всё равно.

Что за смерть меня встретит в дороге?—Мысли пусты.
Как могу я думать о ней, если снилась ты?..

Екатерина Самусенко

Иркутск романтический

Что может заставить современного человека тратить свой единственный выходной в библиотеке на краю города? Только глубокое увлечение игрой, страсть к синхронам, дуплетам и дурацким формам.

Эта повесть — фрагмент будущего романа о чегекашниках. Нет, не о знатоках в бабочках и смокингах из телепрограммы «Что? Где? Когда?», а об участниках спортивной версии этой игры — молодых и зрелых, серьёзных и сумасбродных, тихих и самодовольных. О тех, кого не показывают по телевидению.

Снова поезд, снова ночь —
Значит, снова время прочь…[1]

— Садитесь к столу, Оля.
— Спасибо, Анатолий Михайлович, мне и здесь удобно.
— Ну, раз так… Тогда передвиньте поближе ваш замечательный пирог.
— Так бы сразу и сказали! — с шутливой укоризной Оля поставила контейнер на столик.

Я прыснула, но не громко, чтобы не разбудить соседей по купе.
— Вы не думайте, что я отбираю у вас последнюю еду, — говорил Барчуков, деловито отрезая кусок пирога пластмассовым ножиком. — Наоборот, я сам хотел вас угостить. У меня есть шоколадка. Будете?
— Нет, спасибо.
— А я буду. И Олиного пирога мне положите, пожалуйста! — влезла я с самым невинным видом.

Ну а что? Час назад я и сама угощала всю команду «Плюс шесть» сушёными ананасами!

Мы ехали уже несколько часов, и почти треть дороги в Иркутск была позади. Все скачанные пакеты вопросов[2] были прочитаны, все дорожные байки рассказаны, а ананасы и солёная соломка, припасённые на завтрашнюю игру, стремительно умяты. Все соседи по купе, игроки барчуковской команды, давно задремали, кроме Василия — тот устроился с электронной книгой в углу своей нижней полки, любезно предоставив нам с Олей остальное пространство. Все наши протесты он отверг со словами, что и так не собирался ложиться раньше полуночи. Впрочем, мы особенно и не настаивали: ни мне, ни Оле не хотелось уходить!..

С наступлением вечера в купе воцарился уютный полумрак. Убаюкивающе постукивали колёса, с верхних полок доносился храп кого-то из «Плюс шести». Мы не спали трое в купе, если не считать Василия: две студентки, из любви к ЧГК отправившиеся в чужой город играть с чужими людьми, и преподаватель — тренер вузовской команды, звезда красноярского интеллектуального клуба и наш давний тайный кумир.
— Вы впервые едете в Иркутск, Оля? — спросил Барчуков, задумчиво помешивая чай в фирменном железнодорожном подстаканнике.
— Ага. Но год назад я была в лагере на Байкале. Правда, города тогда совсем не увидела…
— Ничего, мы обязательно всё посмотрим! — решительно вмешалась я. — В прошлом году мы с «Альтаиром» и «Плюс шестью» тоже ездили на Байкальский фестиваль. Вот мы тогда погуляли! Представляешь, я чуть не опоздала на игру во второй день — застряла в музее декабристов! Пришлось вызывать такси и ехать на другой конец города. Ой, Оля, что там за библиотека! Впрочем, сама увидишь, мы в ней будем играть. А какой у нас был хостел!.. Помните, Анатольмихалыч?
— Да. Купеческая усадьба, кажется.
— О-о-о! Оригинальное здание девятнадцатого века! А интерьеры какие! Наш Саня Петроченко ещё расхаживал по комнатам и орал: «Аксинья, отворяй ворота! Не видишь, барин приехал!..»
— О да, представляю… — прыснула Оля. — Это так на него похоже!

Барчуков чуть улыбнулся, отставил чай, вынул из дорожной сумки ноутбук и застучал по клавиатуре.

Пейзаж за окном, как бывает в долгих сибирских поездках, за последние три часа почти не изменился — разве что подступила темнота. На подъезде к станциям однообразную картину «Вечер в сосновом лесу» (без медведей — и на том спасибо) оживляли лишь одинокие привокзальные фонари. Их свет полоской проносился по столику,

1. Стихи Анастасии Прохоренко.
2. Традиционно вопросы спортивного «Что? Где? Когда?» комплектуются в пакеты. Чаще всего пакет состоит из трёх туров по двенадцать или пятнадцать вопросов.

подсвечивая янтарным блеском давно остывший чай в подстаканнике.

Оля сидела, подобрав под себя ноги, и в полумраке поезда напоминала фигуру с полотна Рембрандта; её рыжие волосы посверкивали медью. Профиль Барчукова, подсвеченный экраном ноутбука, был бледен, словно бюст античного героя.

Меня одолевало странное волнение. Я готова была сыграть ещё пару туров тренировочного пакета, но вопросы давно кончились, а другие игроки похрапывали на полках. Устав от молчания и неподвижности, я вскочила с места:

— Пойду-ка заварю себе ещё чаю. Оля, можно взять пакетик?

— Конечно.

— Ага, спасибо. Вам налить, Анатольмихалыч?

— Нет, благодарю вас,— покачал головой Барчуков.

Я вышла в коридор и встала у окна. Из форточки вместе с грохотом и лязгом колёс упруго ударила струя тёплого августовского воздуха, пропитанного пьянящим машинным запахом. Понятия не имею, чем это так пахло, но с самого раннего детства и поездок на Чёрное море (четверо с лишним суток в одну сторону!) именно этот аромат вызывал во мне острую тягу к путешествиям.

Который час?.. В Красноярске, пожалуй, уже за полночь. Я полезла за телефоном и вспомнила, что он разряжен. Да, впрочем, есть ли разница? Часом меньше, часом больше… Тем и хороши поезда, что позволяют на день-два выпасть из реальности и пожить в совершенно безумном дорожном графике.

«Меж мирами безвременье…»

Откуда это? А, точно, из Олиных стихов! Стихотворение было коротким и непритязательным— видно, сочинено экспромтом,— но некоторые строчки накрепко мне запомнились.

Забыв о том, что ходила за чаем, я ворвалась в купе и объявила, размахивая кружкой:

— Знаешь, Оля, у меня в голове всё вертятся твои стихи!

— Это какие же?— встрепенулась Оля.

— Про нашу поездку в Томск.

— А, эти…— Оля чуть улыбнулась.— «Снова поезд, снова ночь…»

— Атмосферно, и ритм подходящий,— одобрила я тоном профессионального поэта (о том, что своё единственное стихотворение я писала уже полгода, мне не хотелось вспоминать).— Та-та та-та та-та та… Очень похоже на поезд, мне кажется. И вот эти последние строчки прямо западают в душу:

Под мельканье семафоров
Километры разговоров…

Всегда сдержанная Оля просияла, и мы, не сговариваясь, повернулись к Анатолию Михайловичу.

— Да,— проговорил Барчуков, не отрываясь от ноутбука,— хорошая вышла поездка.

Почти полгода назад мы точно так же, ночным поездом, возвращались с томского «Ю-майнда». Всегдашняя суматоха выезда, золото ЧГК, наконец, приближение весны— всё это кружило голову. Два часа мы провели в электричке за традиционной игрой в «Банальности», после поужинали в ресторанчике на станции с суровым названием «Тайга», а затем бегали по перрону в поисках нужного вагона… Поездка шла своим чередом, но ровно до того момента, как мы сели в поезд.

Ребята из нашей студенческой команды уснули, едва упав на полку. «Плюс шесть» тоже не заставили себя ждать, и через пару часов во всём плацкартном вагоне остались бодрствовать только я, Оля и Барчуков. (Ну и, конечно, настырная проводница! В сотый раз она проходила со шваброй мимо нас, жалуясь на то, что мы своей болтовнёй мешаем каким-то спящим детям. Это было не совсем справедливо: на месте детей я бы негодовала не на нас, а на оглушительный храп Василия.)

Тогда мы проговорили всю ночь напролёт, до самого прибытия в Красноярск в седьмом часу утра. Как ни странно, вспомнить, о чём мы тогда беседовали, мне было бы очень нелегко! Кажется, Оля увлечённо рассуждала о стихах и неохотно— о нелёгкой жизни дипломника (она была старше меня всего на год, но училась уже на четвёртом курсе, в то время как я— только на первом). Я травила анекдоты из жизни— вроде того, как однажды в школе во время учебной тревоги заперла класс изнутри, оставив ненавидимую учительницу в коридоре на съедение проверяющим. Барчуков тоже не оставался в стороне— его коллекции историй, случившихся на выездах, хватило бы и на дорогу Москва— Владивосток.

Но и просто молчать было необыкновенно хорошо. В голове после сумасшедшего дня и бессонной ночи стоял обволакивающий туман. Всё казалось настолько неправдоподобным, что я в первый миг даже не удивилась, увидав в окне над чёрной стеной тайги обжигающе-яркие искры. Над поездом словно зажгли огромный бенгальский огонь!

— Оля, смотри сюда!

— Ох… Анатолий Михайлович, вы знаете, что это?

— Это дымит локомотив. А в чём вопрос?

— Ну вы чего?! Ещё б сказали, дрова горят. Мы же не в девятнадцатом веке!

— Неужели вы не знаете принцип работы тепловоза? Локомотив использует и электричество, и обычное топливо. Впрочем, может быть, гуманитариям это и не нужно…

— Вот опять ваши подколки! К вам серьёзно, а вы…

— Я и ответил серьёзно…

В окне из-за дыма и дождя искр едва виднелись бледные звёзды.

Августовская ночь совсем не походила на мартовскую: говорили меньше, а в первом часу и вовсе

разошлись по вагонам. И всё-таки душу будоражило томительное чувство того, что выезд ещё только начинается и что впереди целых два дня игр, знакомств, переживаний… иначе говоря — полного выпадения из повседневности!

Спать не хотелось. Я лежала на верхней боковой полке — лучшем месте для лентяев-созерцателей, где удобнее всего лёжа смотреть в окно — и прижималась носом к холодному стеклу, безуспешно пытаясь разглядеть знаменитые Персеиды. В голове под стук колёс вертелась какая-то ритмичная чепуха: почти что час — пора бы спать — опять плацкарт — сосед храпит — вот повезло…

И последнее совсем не было сарказмом. Вспомнить только те безумные три недели, в которые я воевала с судьбой за право съездить в Иркутск! Препятствий было столько, что впору было десять раз передумать и отказаться от поездки… Но меня всё не оставляла мысль, что турнир в соседнем городе, выпавший на мой день рождения, — это несомненный знак судьбы. Или же просто хороший повод вырваться куда-то в уходящие каникулы.

Как бы то ни было, выезд начался многообещающе!..

Если бы о нашей поездке сняли фильм, а мне довелось быть его звукооператором, я бы наложила на утро нашего прибытия в Иркутск «Чардаш» Монти. Точно так же, меняя темп с неторопливого анданте на суматошное аллегро, я сперва ждала очереди умыться, а потом быстро собиралась, одновременно вызывая такси. Затем ещё быстрее, в аллегро виваче, мы с Олей бежали по привокзальной площади, волоча за собой чемоданы, в поисках нужной машины.

— Говорила же, надо было брать билеты на семичасовой! — выговаривала мне Оля, не сбавляя скорости.

— Так не было же!

— Тогда на ночной! Всё лучше, чем на приходящий за час до начала игры!

— Ну извини. Между прочим, мы не одни такие. Вон, Барчуков не побоялся же везти на нём команду!

— Тоже верно…

Анатолий Михайлович был для нас безусловным авторитетом. Все студенческие команды нашего клуба восхищались им, слагали о нём легенды и анекдоты и втайне собирали из его фотографий пакет стикеров «Барчуков на каждый день». Обращались к нему исключительно по имени-отчеству, и не в силу преклонного возраста — ему было только тридцать шесть, — а по студенческой привычке. В то же время всех игроков «Плюс шести», ровесников Барчукова, мы свободно называли по именам.

Иное дело «Альтаир» — команда, в которой я играла на постоянной основе. Ребятам оттуда было по двадцать пять — двадцать восемь лет, они уже пережили пору юношеского пиетета и теперь не упускали возможности сыронизировать над бывшим тренером. Это, впрочем, не мешало им оставаться с ним в неплохих отношениях — иначе разве бы Анатолий Михайлович пригласил Женю и Лизу Дашкевичей на время выезда в свою команду?..

Так или иначе, часть «Альтаира» временно примкнула к «Плюс шести», часть разъехалась на каникулы, оставив своего юного падавана, то есть меня, в полном одиночестве. Студенческая команда, в которой постоянно играла Оля и изредка я сама, тоже не смогла собраться в Иркутск. Оставалось одно — записываться в легионеры[3]. И в последний день приёма заявок — даже не преувеличиваю — я обнаружила объявление о том, что студенческая команда из Читы ищет двоих игроков!

Уже через час мы с Ваней, капитаном «Читаго Бэрз» (не только чегекашником, но и заядлым спортсменом — видно из названия команды!), болтали в чате как старые знакомые. Ваня прислал мне селфи на фоне ошеломительно голубого озера — там, в Байкальском лагере интеллектуальных игр, в этот момент отдыхали читинцы. Именно в лагере они и узнали о намечавшемся фестивале — оба мероприятия организовывали одни и те же люди. Но «читинских медведей» было только четверо, и им оставалось набрать ещё двоих игроков[4].

Времени на сомнения не было — на место второго легионера я сразу предложила Олю. Описание наших достижений (победы в вузовских играх, медаль чгк из незабвенной поездки в Томск и даже участие в студенческом чемпионате России!) произвело потрясающий эффект, и Ваня принял нас, не раздумывая.

Вечером того же дня я уже покупала билеты на поезд.

Я тряхнула головой и бросила на Олю полный страдания взгляд. Так, ещё раз.

Ваню я помню — капитан команды и баскетболист под два метра ростом. Парень в шляпе с видом философа — вроде бы Кирилл. А девушек-то как зовут?..

— Очень приятно, ребята, только вот что… Не обижайтесь, если я не запомню всех сразу.

— Ерунда! — махнул рукой капитан. — Организаторы на этот счёт придумали хорошую штуку.

3. Легионер — игрок, выступающий на турнире в составе чужой команды.

4. Как и в телепрограмме «Что? Где? Когда?», в спортивной версии чгк команда состоит из шести игроков. Можно играть и меньшим составом, вплоть до одного человека. Однако на важных турнирах команды стремятся собрать максимально боеспособный состав и в случае недобора приглашают легионеров.

Смотрите, девчонки,—он показал нам на лежащие на столе картонки с прикреплёнными шнурками для ношения на шее.—Это фирменные бейджи для каждого участника. Имя, название команды, город, а на обороте—расписание турнира. Разбирайте!

Я едва подавила восхищённый вздох. Даже Оля, обычно скупая на эмоции, одобрительно кивнула:
— Вот это, я понимаю, организация! Прямо программа поддержки легионеров!
— Это ещё что! Вы не видели, что в холле бесплатно наливают кофе? Как не видели? Неужели мимо прошли?..

До начала турнира ещё оставалась уйма времени—как глубокомысленно сказал один из наших новообретённых сокомандников (вероятно, Кирилл), «впору, чтобы перевернуть мир или оставить так—сам перевернётся». Оля расспрашивала ребят о Байкальском лагере, в который сама ездила год назад. Я со скуки оглядывала зал, заполненный пока на треть, не больше.

За столом организаторов царила всегдашняя—перед игрой—суматоха, пока что не переходившая в панику (это обычно случалось за пять минут до начала фестиваля). Возле на диванчике сидели, уткнувшись в телефоны, скучающие «ласточки»[5]. Фотограф носился по залу, снимая то старых приятелей, обнимающихся после разлуки, то баннер с эмблемой фестиваля, то столик с заманчиво сверкающими медалями и кубками.

На подходе к сцене группа студенток атаковала почётного гостя и ведущего, знаменитого Игоря Михайлова. Круглый и добродушный Михайлов, поняв, что бегство невозможно, обезоруживающе улыбнулся и встал в центр общего селфи.

Куда же делись «Плюс шесть»? Ведь мы приехали одним поездом!

В нескольких метрах от нас за столом сидел незнакомый мужчина и с явным интересом разглядывал нашу команду. Немного помедлив, он вскочил и с улыбкой подошёл к нашему столу:
— Доброе утро! Что делают с людьми форменные футболки—видел вас, но не сразу узнал.

Читинцы поздоровались и обменялись с незнакомцем парой реплик, но большого интереса к нему не проявили. Мы с Олей переглянулись, она недоуменно пожала плечами. Но «программа поддержки легионеров» снова нас выручила—на бейдже нашего собеседника было написано: «Сертифицированный редактор[6] и арбитр МАК[7] Владимир Константинович Тарасенко, г. Киев».
— О-о-о! Так вы тот самый редактор!

Оля испуганно переводила взгляд с меня на «того самого». Несмотря на приличный игровой опыт, она с трудом запоминала фамилии вопросников. Да и я—чего греха таить!—узнала Тарасенко лишь потому, что накануне прочитала посвящённую ему заметку в группе фестиваля. О нём рассказывали немного—то, что он приехал в Байкальский лагерь почётным гостем, провёл там мастер-класс по написанию вопросов, а затем будто бы решил остаться на фестиваль в качестве рядового легионера.

Господин Тарасенко, пожалуй, не выглядел так, как полагается солидному и всеми любимому почётному гостю. По крайней мере, он очевидно проигрывал по части харизмы полному и импозантному Игорю Михайлову! Невысокий худощавый блондин неопределённого возраста (ещё не старик, но на лице заметные морщины—наверное, глубоко за сорок), он не привлекал к себе внимания с первого взгляда. Но тут знаменитый в узких кругах вопросник улыбнулся—открыто и даже чуть наивно—и словно преобразился:
— Рад знакомству. Наталья, не так ли? Можно просто Владимир. Ольга? Очень приятно... Подошёл поприветствовать знакомых по лагерю... Но вас там совершенно точно не было—я бы вспомнил. Откуда вы прибыли? Решили составить молодым людям компанию?
— Ага, мы легионерим. Приехали из Красноярска.
— Красноярска?!—ахнул Владимир.—Постойте, из Красноярска?.. Так вы, наверное, знаете Анатолия Барчукова? Как я хотел бы увидеть его вживую!
— Надеюсь, это не сарказм?—Оля нахмурилась—очень, очень нехорошо.
— Что вы! Честное слово! Я играл с ним в турнире по скайпу, но в реальности мы не встречались.
— Ладно, Владимир,—я оглянулась по сторонам и понизила голос,—я устрою ваше знакомство. Конечно, это будет непросто—у Анатолия Михайловича довольно поклонников, но вам повезло: он тренирует нашу команду, и поэтому...
— Наташ, не валяй дурака!—перебила меня Оля.—Вон они идут. Хотите познакомиться—ловите!

Громогласный хохот Матвея Фомина возвестил о прибытии красноярской сборной.

У Фомина было чрезвычайно полезное свойство: по его внешнему виду все сразу понимали, как успехи у «Плюс шести». Если Матвей в перерыве между турами приходил к нашему столику и, победоносно улыбаясь, спрашивал у Дашкевича: «Сколько у вас?»—становилось ясно, что мы безнадёжно от них отстаём. Если же Фомин, не говоря ни слова, исчезал куда-то и возвращался только к следующему туру, «Альтаир» приободрялся и шутил, что Барчуков теряет форму. Ну а то обстоятельство, что огромная толстая фигура Матвея

....

5. «Ласточки»—помощники оргкомитета, собирающие у команд бланки с ответами и передающие их игровому жюри.

6. Редактор в понимании игроков ЧГК—это человек, который пишет вопросы (иногда его также называют вопросником) или занимается их обработкой для помещения в пакет.

7. МАК—Международная ассоциация клубов «Что? Где? Когда?».

легко виднелась через весь зал, и вовсе превращало его в гигантское табло результатов «Плюс шести».

Сейчас Матвей прямо-таки светился, словно золотая медаль. За ним вошли Василий с Андреем, оба, как и Матвей, в форменных командных рубашках. Легионеры команды, Женя и Лиза Дашкевичи, были в повседневном и держались особняком. Капитан «Альтаира» и его жена, оба высокие и стройные, были похожи друг на друга точно брат с сестрой—сходство было даже в цвете волос и чертах лица.

Увидев, что я машу им рукой, Женя кивнул в ответ и что-то сказал Лизе. Пусть «Альтаир» и не собрался на фестиваль, отчего нам пришлось разбежаться по другим командам,—сейчас вспоминать это и дуться друг на друга было бы неуместно.

Последним вошёл Барчуков и, не обратив на нас внимания, направился к столу организаторов. Заметив его, председатель жюри вскочил с места и с искренней улыбкой пожал ему руку; они перебросились парой фраз.

С видом полководца, выезжающего на поле сражения, Анатолий Михайлович прошёл к своей команде. (Правда, вряд ли какой-нибудь главнокомандующий надел бы перед сражением фиолетовую футболку с эмблемой детского интеллектуального лагеря…) Барчуков был собран и серьёзен; в нём не было никакого сходства с тем человеком, что вчера заразительно смеялся над мастер-классом Матвея по приготовлению «Доширака».

—Это и есть Барчуков? Я думал, он выше ростом,—удивился Тарасенко (я и позабыла о его существовании!). Оля метнула в сторону редактора взгляд, от которого мне стало не по себе.

—Да ладно вам, Владимир! Вспомните про Наполеона. Он ведь тоже не был высоким, а ещё окружал себя огромными гвардейцами. Точь-в-точь Барчуков и «Плюс…»… ай!

Невидимый, но чувствительный укол ручкой в бок прервал мой экскурс в историю.

Владимир кивнул и, недолго думая, бросился к столу красноярцев. Я долго крепилась, но не удержалась и прыснула.

—М-да. В моём понимании знаменитые редакторы с четырьмя тысячами вопросов в Базе[8] выглядели совсем иначе,—пробормотала Оля.

Только теперь я заметила, что во время нашего разговора она успела нагуглить целое досье на Владимира.

—Ой, и ты туда же! Зато у Анатольмихалыча появился ещё один фанат.

—Ну-ну. Что-то Барчуков не особенно этому радуется…

Игру задерживали. По традиции иркутских чегекашников скорое начало фестиваля обозначали, включая песню «Everybody»,—и теперь она звучала третий раз подряд. Группа девчонок, до того преследовавшая Михайлова, переключила своё внимание на звезду телеклуба «Что? Где? Когда?» Витю Всеволожского, юного, миниатюрного и до безумия хорошенького умника. Правда, после богатого на события интеллектуального лагеря (читинцы рассказали, что Витя вместе с Тарасенко был там почётным гостем) его личико казалось немного помятым, а оглушительное «Everybody» заставляло молодого человека морщиться и хвататься за виски. Однако эта деталь ещё больше умиляла поклонниц.

—Хочешь с ним сфотаться?—предложила моя новообретённая сокомандница Лена, потянувшись за камерой.—Витя—мировой парень, ни капли не зазнаётся. Даже не скажешь, что каждую неделю мелькает в телевизоре.

—Спасибо, не надо,—мы с Олей переглянулись, и я расхохоталась.

Надо же! Ещё этой весной, попав в Москву на студенческий чемпионат России, я подкарауливала Всеволожского с одолженной селфи-палкой, а сейчас гордо игнорирую его присутствие.

—Вот Тарасенко—другое дело. Сфотографируешь нас в следующем перерыве? Заодно попросим у него автограф.

—Не проблема.

—Ну конечно. Любви все возрасты покорны…—еле слышно протянула Оля.

«Кто бы говорил!»—съязвила я (увы, только мысленно!).

Не отдавая себе отчёта, я мельком глянула в сторону Барчукова, и мне стало нестерпимо стыдно за мою колкость. Стоя у стола, Анатолий Михайлович всё с тем же генеральским видом что-то объяснял команде, указывая на лежащий бейдж с расписанием. Ребята слушали с умным видом, Дашкевич деловито переспрашивал.

За столиком жюри кто-то крикнул:

—Можно!—и набившая оскомину «Everybody» сменилась вступлением к «Так говорил Заратустра».

Михайлов неспешно поднялся на сцену, встал за кафедру, перелистнул папку с вопросами. Я почувствовала, как меня захлёстывает волна адреналина.

—Начинаем!—выдохнула Оля.

—У вас есть какая-нибудь командная кричалка? На удачу,—шепнула я Ване.

Тот замотал головой.

—Тогда давайте—просто—что-нибудь—проорём!

Тарасенко оглянулся в нашу сторону, по его лицу скользнула смущённая улыбка.

—Ну, ребята,—объявил Ваня, перекрикивая финальные аккорды оркестра и аплодисменты,—в таком составе мы просто обязаны тащить!..[9]

8. База вопросов—святая святых каждого чегекашника; это сайт, на котором хранятся вопросы почти всех когда-либо проводившихся турниров.

9. «Тащить» на сленге—то же, что «успешно играть».

— На самом деле все игроки тащат.
— М-м?
— Так и есть. Просто кто-то вверх, а кто-то на дно.
— Глубокая мысль, Кирилл.
— Знаю.

Мы сидели в пиццерии около библиотеки Иркутского университета и ждали, пока вернётся капитан с заказом. Настроение команды варьировалось от философского до подавленного. На медаль ЧГК уже не стоило и надеяться, в «Брейн-ринг»[10] и «Эрудит-квартет»[11] «Читаго Бэрз» не прошли. Оставалась лишь слабенькая надежда на завтрашнюю «Свою игру»[12], куда пробился Кирилл, наш философ в шляпе.

Было только время обеда, и всё же игровой день для нас подошёл к концу. Может быть, этот выезд не стоил потраченных на него нервов?..

Вернулся печальный Ваня с тремя квадратными коробками и пачкой сока. Все очнулись от депрессии и сперва уныло, а потом и увлечённо стали спорить, обмениваться пиццей и считать, сколько кому должно достаться кусков. Я смотрела на стремительно убывающую пиццу, наморщив лоб, и пыталась вспомнить что-то важное.

А, вот оно! День рождения!
— Ребята, как вы относитесь к суши?—начала я издалека.

Кирилл закивал с набитым ртом.
— Положительно,—расшифровал Ваня.—Вон, вчера вечером заказывали на всю команду.
— Тогда не пойдёт. А к сладкому?
— Тоже неплохо. Мы вообще всеядны. А зачем ты спрашиваешь?
— Это пока секрет…

Все замолчали, занятые поглощением пиццы. Мне отчего-то стало нестерпимо грустно: ни медалей, ни ярких впечатлений—только незнакомые люди вокруг, которые даже не знают о том, что завтра мне исполняется двадцать лет. Все родные и друзья—почти в тысяче километров отсюда… Никогда прежде я не отмечала день рождения на выезде.
— Ой, ребята! А помните, как мы заказывали пиццу на Ванин ДР?—ахнула одна из девочек, имя которой я так и не успела запомнить, и принялась пересказывать историю для нас с Олей.

Драма о рассеянном курьере, перепутанных коробках и страшной борьбе между голодом и совестью завершилась тем, что диспетчер доставки объявила: «Ладно, съедайте уже то, что вам принесли!» Тут было чему радоваться: вместо оплаченного пирожка кальцоне ребята получили огромную карбонару!

Анекдот из жизни в сочетании с пиццей совершил невозможное—мы понемногу ожили после провала. Ехать в хостел и спать, спать, спать уже не хотелось. Неожиданно напросилась мысль: а ведь «Плюс шесть» наверняка сыграли лучше нас, надо бы найти их и расспросить…

Оля, кажется, думала о том же, роясь в телефоне.
— В три часа начнётся «Эрудит-квартет»,—наконец шепнула она.—Пойдём болеть за наших?
— Почему бы и нет! Знаешь, в какой они аудитории?
— Пока ищу…

Читинцы расплатились (в том числе и за нас с Олей, хоть мы и отнекивались) и начали собираться.
— Девчонки, пойдёте с нами в кино?—предложил Ваня.—Мы взяли билеты на половину пятого. Тут далековато, но мы ещё успеем.
— Нет, спасибо, мы лучше вернёмся на игру,—покачала головой я, наливая себе ещё сока из пачки.
— Ну, как знаете. До завтра!

Я посмотрела вслед двухметровой фигуре капитана, поднесла стакан к губам… и поперхнулась.

Оля бросила на меня взгляд, полный осознания катастрофы, и вскочила из-за стола.
— На половину пятого! Так сейчас, выходит, без пятнадцати четыре!
— Погоди…—протянула я, вытирая лицо салфеткой.—Так ты что, не перевела часы?
— Ну конечно! Мы выехали всего-то на три дня, зачем что-то менять на такой короткий срок?..
— То-то я думаю, почему ты чуть не опоздала на поезд!
— Ой, не надо, а? Поезд был ещё в Красноярске!

Переругиваясь, но без злости, а больше с досады, мы выбежали на улицу и бросились к библиотеке. Что за день такой, подумалось мне: бегаем и проигрываем, проигрываем и бегаем.

Здание библиотеки, которое я влюблённо расписывала Оле ещё в поезде, казалось одновременно монументальным и полувоздушным: первое достигалось за счёт расположения на небольшом холме, а второе—из-за стёкол по всему фасаду,

10. «Брейн-ринг» («брейн»)—командная интеллектуальная игра. Команды играют попарно, устно отвечая на вопросы ведущего (как и в ЧГК, цель игры—дать как можно больше правильных ответов). Право отвечать команда получает, нажав кнопку со звуковым или световым сигналом.

11. «Эрудит-квартет» («эрудитка»)—разновидность «Своей игры», в которой участвуют четыре игрока из разных команд; в каждом раунде игроки меняются. Итоговый счёт команды складывается из результатов её игроков.

12. Спортивная «Своя игра» («свояк»)—индивидуальное интеллектуальное состязание. Как и ЧГК, основано на игре из телевизионной программы. Участники отвечают на вопросы разного номинала (от десяти до пятидесяти очков); при верном ответе очки прибавляются к счёту игрока, при неверном—вычитаются из него. Игрок получает право ответить, нажав раньше других на кнопку. В разговорной речи игрока, выступающего в «Своей игре», называют «своячником».

отражавших небо. В любое другое время я бы залюбовалась этим местом, но теперь, к несчастью, я только бесилась на то, что приходится бежать в гору. К слову, мы так и не догадались оставить где-нибудь наши чемоданы, а потому наш забег превратился в неплохое физическое упражнение.

…Нашего появления в зале никто не заметил. Анатолий Михайлович стоял у столика ведущей и что-то раздражённо доказывал; трое его соперников сидели за игровым столом, кто со скучающим, кто с крайне недовольным видом. В зале стоял гвалт.

Мы бросили вещи в угол зала и присели на первые попавшиеся места. Оля молча кивнула в сторону «Плюс шести», сидевших довольно далеко от нас. Ребята погрузились с головой в телефоны, словно играли в модную онлайн-викторину «Смарт». Нашли время!

— И так уже пятнадцать минут. Представляете? — прошептал мне на ухо знакомый мягкий голос с чуть заметным южным выговором.

Я вздрогнула и рывком обернулась. Владимир, сидевший прямо за нами, широко раскрыл глаза:

— Я напугал вас? Простите… Вы пришли вовремя: возможно, сейчас решается судьба всей игры.

— Да что случилось? — вмешалась Оля.

— Ваши земляки апеллируют на зачёт…[13] — начал было Тарасенко.

Тут же возле нас кто-то крикнул с неподдельной мукой в голосе:

— Хорош уже! Засчитайте им эти пятьдесят очков, а то мы здесь до ночи просидим!

— Э, вот не надо! — поднял руку парень в толстовке Томского университета, скучавший за игровым столом. — Если «календаря» нет в зачёте[14], то это однозначно минус.

— Да это одно и то же! — возмутилась Лиза Дашкевич.

Я не сдержала усмешку: если бы подобная история произошла в Красноярске, Лиза с Женей, пожалуй, сами предложили бы снять с Барчукова лишние баллы, «чтобы жизнь мёдом не казалась». Но здесь, на выезде, сплавленный с «Плюс шестью» «Альтаир» стоял за капитана горой.

— Вот как бы вы сказали, Наталья? Финальный вопрос темы, на кону пятьдесят очков. В ответе требуется назвать два слова, начинающиеся на соседние буквы алфавита. Авторский ответ — «мусульманское летоисчисление». Анатолий выжимает кнопку и сдаёт «лунный календарь». Зачли бы вы такое или нет? — в голубых глазах Владимира плясали азартные искорки.

— Конечно, зачла бы! — возмутилась Оля. — Это автор виноват в том, что критерии зачёта слишком узкие. Наверное, даже не пытался тестировать[15] на ком-нибудь свои вопросы!

— Ну, это вы слишком. А вы как думаете, Наталья?

— А я вот не знаю… Если бы я была ведущей, то не стала бы ничего решать без организаторов фестиваля. Им уже сообщили?

— Председателя жюри ушли искать десять минут назад. Он ведёт «эрудитку» на другой площадке…

Барчуков обернулся и вопросительно взглянул на своих сокомандников. Женя Дашкевич подбежал к нему со смартфоном, что-то показал ведущей. Ведущая отрицательно покачала головой.

Хлопнула дверь, и вбежал главный организатор всея иркутского ЧГК — знаменитый Дима Белых, в соответствии с фамилией всегда появлявшийся на публике в белых штанах. Именно с ним с утра здоровался Барчуков.

— Что за кипеж? — с порога вскричал белоногий Дима. — Конечно, засчитывайте плюс пятьдесят, ответ по сути правильный.

— Но…

— Это решение АЖ, то есть моё, — отрезал Дима. — Всё, я пошёл вести площадку. И давайте быстрее, все уже давно доиграли отборочные бои!

Ведущая завозилась с кнопочной системой, добавляя пятьдесят очков. Барчуков резко развернулся и хлопнул по подставленной ладони Дашкевича.

— Неплохо! — с уважением заметил Тарасенко. — Отстояли первое место. Осталось продержаться две последних темы, и красноярцы будут в полуфинале!

— А где же ваша команда, Владимир? — нахмурилась Оля. — Почему вы не играете?

— Я не могу играть, поскольку тестировал эти вопросы, — усмехнулся Владимир. — Ручаюсь вам, Ольга, на чтении дуаль[16] Анатолия не пришла в голову никому из тестеров. А мои иркутяне… не знаю, кажется, они играют в другой аудитории. У меня не сложились с ними отношения. Да что ж это я! А сами вы почему сидите в зале?

13. В интеллектуальных играх существует два типа апелляций — на зачёт ответа, который кажется команде правильным, но не был засчитан игровым жюри, и на снятие вопроса, который игроки считают некорректным. Рассмотрением апелляций занимается апелляционное жюри, которое для краткости называют «АЖ».

14. Критерии зачёта, или попросту зачёт — все ответы на данный вопрос, которые считаются правильными. Если редактор аккуратно прописал всё, что должно быть в зачёте, количество апелляций и недовольных игроков уменьшается. Но так бывает не всегда.

15. Тестирование — финальный этап работы над вопросами, проба пакета на игроках. Чтобы проверить качество вопросов, редактор предлагает пакет тестировщикам и дорабатывает его с учётом их результатов и критики. Разумеется, в дальнейшем тестировщики не имеют права играть эти вопросы.

16. Дуаль, или же дуальный ответ — это ответ, который отличается от авторского, однако соответствует всем фактам в вопросе.

— А мы пролетели,— пожала плечами я.— И мимо «брейна», и мимо «эрудитки». Только один парень из нашей команды прошёл в «свояк».
— Как жаль… Тогда мы увидимся с вами завтра утром? Вы ведь придёте поддержать своего товарища?
— Возможно… Пока не решила.

Резко запищала кнопочная система, отмечая неправильный ответ. Оля вздрогнула и закусила губу: Андрей из «Плюс шести» за одну тему до конца игры потерял пятьдесят очков, опустив команду на третье место.
— Они ещё отыграются,— прошептала я.
— Боюсь, Наталья, уже не успеют… Эх, как неаккуратно!

И правда: выход Василия на последнюю тему уже не смог ничего исправить. «Плюс шесть» остались на третьем месте и не вышли в полуфинал.

Андрей сидел с потерянным видом. Его было так жалко, что даже всегда прямая Лиза Дашкевич удержалась от комментария. Махнув рукой, она вышла с телефоном из зала— судя по всему, вызывать такси.
— Печально, очень печально. Что же, пора и мне проведать свою команду— как-никак завтра предстоит целый день играть вместе… Рад был встретиться, Наталья! Всего доброго, Ольга,— и Владимир исчез так же внезапно, как появился.
— Странный он, твой Тарасенко,— поморщилась Оля.— Пойдём к нашим, они, кажется, собрались ехать в хостел.

Я открыла рот, чтобы возмутиться «моему Тарасенко», но не придумала подходящей едкой и не особенно обидной остроты. Рот пришлось закрыть.

…Тёплый и свежий ветер встретил нас на крыльце библиотеки. Было светло, но летний вечер уже понемногу заявлял о себе, так что, стоя на вершине лестницы, можно было дотянуться краешком своей тени чуть ли не до самых ворот.

Хоть игровой день и выдался определённо неудачным, меня переполняла странная эйфория. Я вдохнула полной грудью, запела что-то отдалённо напоминающее моцартовское «Voi che sapete» и со всего размаху сбежала с холма, едва не врезавшись в стену каких-то гигантских, выше человеческого роста, жёлтых цветов.

На Олю чары этого вечера подействовали немного иначе. Улыбаясь, она выглянула из зарослей; в её рыжих волосах светился цветок, похожий на большую ярко-жёлтую ромашку.
— И не совестно вам обдирать топинамбур?— с шутливым укором крикнул Барчуков, спускаясь к нам по лестнице.

Он снова преобразился, словно оставив в библиотеке маску сурового капитана; ветер взлохматил тёмные волосы, расчёсанные на знаменитый пробор. Кажется, Анатолий Михайлович, как и мы, уже позабыл о недавнем поражении и по-своему наслаждался поэзией уходящего летнего дня.

— Почему вдруг совестно? Это же не клумба, а просто заросли. Посмотрите, какой здесь беспорядок,— пожала плечами Оля.
— Ну конечно, конечно… Я вызвал такси. Поедем вместе? Моя команда уже уехала, Матвею нужно решить вопрос с заселением в хостеле.
— Разве этим занимаетесь не вы?— удивилась я.— Вы же капитан.
— А зачем? У Матвея, с его деловой хваткой, это здорово получается. Он и закажет билеты, и забронирует жильё, и найдёт хорошее место для ужина… Стоит различать, Наташа, работу капитана и организатора выезда.
— Во всех командах, где я играла, это был один и тот же человек!
— Это не всегда верное решение. Капитан не может взять всё на себя без ущерба качеству игры…
— Да ладно?— приподняла бровь Оля.— Это вы́ так говорите, Анатолий Михайлович? На «брейне» вы ведёте себя по-другому!
— О чём это вы, Оля? Вы чем-то недовольны?

Это было сказано с такой наивной, трогательной улыбкой, что я и не заметила скрытой в вопросе иронии. Но Оля не поддалась и нанесла решающий удар:
— Да вот о чём! Мы с Наташей опоздали на ваш бой, но я посмотрела результаты «брейна» в онлайн-таблице[17]. Вот, глядите! Список игроков, отвечавших на вопросы. Команда один: Иванов, Петров, снова Иванов, Сидоров. Ладно. Команда два: Барчуков, Барчуков, Барчуков… И это, между прочим, «Брейн-ринг», командная дисциплина! Что это за диктатура, при которой все лавры достаются капитану, Анатолий Михайлович?..

Барчуков пролистал таблицу, кивнул, подтверждая Олины слова, и вернул ей смартфон. «Ну всё, финиш»,— подумала я и едва подавила желание спрятаться от атаки тренерского сарказма в зарослях топинамбура.
— Это, Оля, не диктатура,— медленно начал Барчуков,— а доброжелательный авторитаризм. В «Брейн-ринге» судьба игры порой зависит от каждого балла. Конечно, участвовать в обсуждении версии должна вся команда, без исключений. Но рядовой игрок, если дать ему право выбора итогового ответа, может ошибиться…
— А вы разве не можете?— не удержалась и я от подначки.

Повисшее на секунду напряжённое молчание разрядил автомобильный сигнал. Барчуков рассмеялся:
— И я могу. Смотрите, такси…

17. Чаще всего результаты турниров выкладывают в таблицы на сайте, так что игроки и зрители могут наблюдать за ходом игры в реальном времени. В таблицах «Брейн-ринга», помимо итогов каждого боя, иногда указываются и фамилии отвечавших игроков.

Анатолий Михайлович легко закинул дорожную сумку на плечо и помог открыть багажник для наших с Олей чемоданов. (Мне вспомнилось, как в поезде он посмеивался над тем, сколько лишних вещей мы взяли с собой в дорогу,—и, тем не менее, не отказывался от всей той еды, что мы наготовили!)

…Таксист мчал, словно Даниэль из французской комедии. Странно было лететь на такой скорости по старинным, уютным и насквозь провинциальным улочкам. Деревянных домов по пути почти не попадалось, хоть я и слышала, что где-то в городе есть целый исторический квартал. Но даже каменные здания, встречавшиеся нам, были невысокими и совсем старыми—на фасаде одного из них я разобрала надпись: «Окончено 15 іюля 1891».

— Смотри, Оля, это Нижняя набережная! Мы гуляли здесь в прошлом году с Дашкевичами. Говорят, где-то есть и Верхняя, но до неё мы не доходили…

— Живописно,—кивнула Оля.—А далеко отсюда до Байкала, не знаешь?

— До Листвянки всего час,—отозвался Барчуков.—Сколько стоит билет на автобус, я вам не подскажу, но не думаю, что больше ста пятидесяти рублей.

— Вы ездили туда, Анатолий Михайлович?

— Естественно, и не раз. Очень советую вам, Оля. У вас с собой камера?

— Нет, зачем? Я же только в прошлом году была на Байкале. Это вот Наташа едет впервые…

— А вы, Анатольмихалыч, случайно не хотите съездить с нами ещё разок? Послезавтра как раз свободный день,—спросила я и сама ошалела от своей наглости.

Повисла пауза.

— Я бы не против,—медленно ответил Барчуков,—но у нас куплены билеты на завтрашний пятичасовой поезд. Уезжаем сразу после турнира.

— Рискованно!—поморщилась Оля.—А если игру задержат?

— Значит, мы что-то не доиграем,—пожал плечами Анатолий Михайлович.—В понедельник двадцать первого ребятам нужно быть на работе. Положите семнадцать часов на дорогу и получите единственный возможный вариант.

— Ну, вам решать…—в эту минуту я впервые пожалела, что купила нам с Олей билеты только на поздний вечер двадцатого августа.

Стоил ли лишний день прогулок того, чтобы возвращаться домой в одиночестве?

Пожалуй, всё-таки стоил.

Когда мы подъехали на место, уже смеркалось. На крыльце хостела скучала группа людей, в которых я узнала двоих из «Плюс шести» и Дашкевичей. Чуть в стороне от них, громыхая страшными проклятиями, расхаживал с телефоном Матвей.

— Что случилось?—крикнул Барчуков, выскакивая из машины.

Пока мы управлялись с багажником, Василий успел изложить суть дела. Как я поняла, команду подвело руководство хостела: в номер, забронированный Матвеем для четверых членов его команды, заселили каких-то итальянцев, а «Плюс шести» предложили разместиться в двенадцатиместном с остатками той же итальянской группы. Такое решение несказанно оскорбило Матвея, он рассорился с администрацией и теперь в поисках подходящего места обзванивал все ближайшие хостелы.

— Я не понимаю, в чём проблема?—Лиза Дашкевич устало присела на скамейку у входа и потёрла лоб.—Мы с Женей и так собирались селиться в двенадцатиместном, девочки, кажется, тоже. Я заходила внутрь, там вполне неплохо! На кой фиг вам нужен этот отдельный номер?

— А как же потренировать «Свою игру» перед сном? Думаю, итальянцы будут недовольны,—усмехнулся Барчуков.

— Тогда пойдём на кухню!

— В гостиных и на кухнях всегда строже следят за тишиной. Вы уверены, что тренировка получится достаточно спокойной?

— Да не знаю я, не знаю!—взорвалась Лиза.—Вот как, Анатолий. Найдёте за пятнадцать минут хостел в паре кварталов отсюда—переедем. Нет—мы с Женей останемся тут.

— А давайте голосовать,—миролюбиво предложил Женя. Нет, не зря я всегда считала Дашкевича самым здравомыслящим игроком «Альтаира»!—Мы с Лизой за то, чтобы остаться.

— Раз мои хотят переехать, то я за переезд,—холодно ответил Барчуков.—Оля, Наташа?

Я не ответила. Через улицу от нас что-то праздновала шумная компания—мы заметили её ещё тогда, когда подъезжали к хостелу. Наконец один из парней вынес из припаркованного автомобиля коробку, поставил на тротуар, отбежал в сторону…

…И из установки взмыл залп фейерверка. Потом ещё, ещё и ещё—грохот перемешивался с восторженными воплями ребят.

Над узкой запутанной улочкой на фоне сумеречного неба возникали и с треском исчезали пиротехнические цветы.

— Смотри, Оля, жёлтый похож на твой… этот… топинамбур!

Оля вынула из волос увядший цветок и улыбнулась, запрокинув голову:

— И правда похож!..

— Алло, девочки!—окликнула нас Лиза.—Это всё очень мило, но вы всё-таки скажите: остаётесь вы или нет?..

…Новый хостел располагался не так уж и далеко, на пешеходной улице Урицкого. Решив держаться всем вместе, мы заняли неплохой восьмиместный номер—хвала небесам, без итальянцев!—и, снова немного поругавшись, выбрали для ужина ближайшую хинкальную.

За столом общее раздражение как рукой сняло. Мы пили острый и ароматный кавказский чай, шутили, кому из сидящих на углу стола — Матвею или Василию — не суждено в ближайшее время выйти замуж, и понемногу обсуждали планы на завтра.

Выяснилось, что в следующий этап «Своей игры» прошли трое из «Плюс шести» — Матвей, Женя Дашкевич и Барчуков. Это была серьёзная заявка на победу: Матвей неплохо выступал на «своячных» турнирах в Красноярске, Женя тоже был сильным соперником, хоть и предпочитал командные игры вроде чгк или «брейна». Об Анатолии Михайловиче же нечего было и говорить: наш тренер стал первым красноярцем, попавшим в телеверсию «Своей игры». А ещё в клубе ходила легенда о том, что однажды дома у Барчукова под весом наград рухнула полка, и он стал развешивать медали где-то в кладовке на трёх специально вбитых гвоздях…

— Рано утром — отбор «свояка», — объявил Анатолий Михайлович, сверяясь с расписанием на бейдже. — Начало в девять пятнадцать, значит, подъём не позже семи. Услышал, Матвей?

— Да понял я, понял.

— Далее — финал «Эрудит-квартета», но это уже не про нас… Остальные могут не торопиться и паковать вещи, но в час всем быть в библиотеке. Начинаем чгк.

— «Эрудитку» стоило слить[18] хотя бы ради того, чтобы выспаться, — вставила Лиза Дашкевич. — Кстати, когда финалы «брейна» и «свояка»?

— По расписанию в четыре часа.

— Вы, Анатолий, будто не знаете Диму Белых! Он опять задержит турнир, и плакали наши медальки. У нас же с вами поезд в пять с копейками!

— Решим на месте, — отрезал Барчуков. — Надо будет — попросим организаторов поторопиться. Всё, кажется, ясно?

— Так точно, капитан! — отчеканила Лиза, взяв под козырёк.

Матвей вполголоса продекламировал:

— Кто проживает на дне океана?..

Лиза наморщила лоб и предположила, что это результаты «эрудитки», отчего разговор непоправимо вышел из делового русла.

После ужина «Плюс шесть» отправились в супермаркет закупаться едой в дорогу. Я увязалась вслед за Олей и Барчуковым, но те завели в молочном отделе столь занимательный разговор о преимуществах какого-то сорта сыра, что я заскучала и ушла выбирать шоколадку.

— Я подожду вас на кассе!

— Хорошо, Наташа.

Во взгляде Барчукова было что-то странное. Не раздумывая долго, я нашла причину: устал человек за день, да и накануне ночью, если вспомнить, беседовал с нами чуть ли не до половины первого! Всем нужно было выспаться. «Плюс шести» завтра предстояло бороться за медали почти во всех дисциплинах, а нам с Олей — стараться не ударить в грязь лицом и вытащить хотя бы чгк.

Это была трезвая, практичная мысль, которая разбилась через несколько минут — на выходе из супермаркета.

— Хорошо на улице, — объявила Оля, вдохнув и выдохнув полной грудью.

— Хорошо! В такие ночи надо гулять и гулять, — согласилась я, разглядывая при свете фонаря только что купленный гипсовый магнитик в форме нерпы.

— Почему бы и нет? Пойдёмте после тренировки смотреть город. Или, может быть, — в голосе Барчукова прозвучала лёгкая ирония, — вы, Наташа, устали за сегодня?

Магнитик тут же рассыпался осколками по асфальту.

— Да вы… я… ну…

— Вот, и я тоже не против, — засмеялась Оля. — Может, прямо сейчас и пойдём?

— Что вы, Оля! А как же «Своя игра»? Нас ждут. Да и не гулять же с пакетами, нужно занести продукты в хостел…

…Всю тренировку я просидела точно на иголках. От утомления мысли разбегались, и в основном я была занята не «свояком», а тем, что отгоняла от себя прожорливых иркутских комаров.

Впрочем, даже наблюдать за игрой было довольно весело! Сперва мы сыграли обычный турнир, а после, когда ребята расслабились, Анатолий Михайлович открыл какой-то развлекательный пакет. Его особенностью было то, что все ответы укладывались в ритм песенных строчек — от «Обручальное кольцо — непростое украшенье» до «Маленькой ёлочке холодно зимой». Барчуков взялся быть ведущим и категорически отказывался принимать ответ, если игрок не мог его пропеть.

Кажется, перемена хостела пошла нам только на пользу: вокруг не было ни посторонних людей, желающих поскорее лечь спать, ни строгих администраторов, жалующихся на шум. А шума было много!

Индикатор на телефоне высветил «0:00, 19 августа». Эх, и никому, кроме меня, нет до этого дела!..

Минут через пятнадцать Лиза зевнула и ушла в ванную. Словно по сигналу, все игроки начали расползаться по своим полкам.

— Идём? Не передумали? — тихо спросил Барчуков. — Оля уже ждёт внизу.

Я схватила сумку, бегом бросилась в прихожую и чуть не свернула шею, поскользнувшись на крутой подъездной лестнице.

…Ночной Иркутск совершенно преобразился. Из уютного провинциального городка мы попали в волшебное, фантасмагорическое пространство.

18. «Слить» — сленговый синоним глагола «проиграть».

Дороги были пустынны; памятники, казалось, устроили для нас замысловатый квест. Минут десять я бродила по площади Сперанского в поисках скульптурного макета города — а ведь год назад мы с Дашкевичами нашли его без труда!

Макет обнаружился неожиданно, словно устал меня дразнить. Я, Оля и Барчуков склонились над объёмной бронзовой картой в поисках места, где мы находились. Это было не так просто: улицы на макете были подписаны так, как назывались в девятнадцатом веке.

— Предлагаю пройти вперёд к Нижней набережной, — указал Барчуков. — Потом можем подняться по Московской улице — это старое название, сейчас она, скорее всего, называется иначе — а затем…

— Какая разница! Пойдёмте, там решим! — в этот момент, когда всё так удачно складывалось, я не могла и думать о том, что через каких-то пару часов нужно будет возвращаться в хостел.

Мы миновали площадь, обошли массивное административное здание и небольшую церковь и оказались в пустом и просторном сквере, окружённом елями. С обратной стороны здание администрации оказалось мемориалом Великой Отечественной, перед ним в центре сквера горел Вечный огонь; пламя рябило в глазах от слетавшейся к нему ночной мошкары.

Здесь было немного светлее. Барчуков остановился и достал телефон.

— Вы не будете против, если я ненадолго отвлекусь?

— Опять ваша викторина? Ну Анатолий Михайлович! — протянула Оля своим неповторимым шутливо-укоризненным тоном.

— Что делать: начало строго в восемь по Москве… Обещаю, что я быстро проиграю, и мы с вами пойдём дальше, — заверил Барчуков, запуская знаменитый «Смарт».

От хохота Оля, чтобы не упасть, схватилась за моё плечо.

Викторина и в самом деле закончилась очень быстро. После пары вопросов на ядрёное чистое знание[19] («День какого животного отмечается в календаре позже других?») Барчуков без особого сожаления убрал телефон в карман.

— Этот «Смарт» страшно тратит зарядку. У вас нет с собой портативного аккумулятора, Оля?

— Оставила в хостеле…

— Жаль. Значит, нам остаётся надеяться лишь на то, что мы не заблудимся без карты.

— Можно спросить дорогу у прохожих.

— Прохожих! Наташа, теперь час ночи. Где вы их найдёте?

— Мало ли! Вдруг гуляют какие-нибудь такие же, как и мы… — я запнулась, поймав испытующий взгляд Барчукова, и договорила: — чегекашники.

Анатолий Михайлович коротко рассмеялся и повернулся к огню; по его лицу замелькали оранжевые отсветы.

— Все знатоки сейчас борются в «Смарте» за сто тысяч рублей, а не гуляют с девушками по ночному городу. Одному мне так повезло… Пойдёмте!

На мосту, соединявшем сквер с набережной, я ахнула и достала телефон. Увы, моя камера была слишком слабой, и вместо тонких сероватых облаков, разбросанных по чёрному небу, неспешно мерцавшей Ангары и ожерелья огней на другом берегу реки у меня получилась репродукция картины Малевича.

Возле реки было ощутимо холоднее. Я застегнула ветровку, Оля достала из сумки и накинула на плечи шаль. Один Барчуков, как ни в чём не бывало, остался в своей футболке с логотипом детского лагеря.

— Вы не замёрзнете, Анатолий Михайлович?

— Нет, что вы! Да я и не брал с собой тёплых вещей — вы же знаете, не люблю возить много багажа.

— Разве форма вашей команды — это тоже лишний багаж? — съязвила Оля.

— Нет. Но эту футболку мне подарили всего неделю назад, когда я навещал Машу. Очень понравилась, решил надеть, — просто ответил Барчуков. — Вот и вышло, что игроки кто в чём, а капитан рекламирует детский интеллектуальный лагерь…

Тон Барчукова утратил привычную иронию и стал мягче, когда он заговорил о дочери. Машу знал весь красноярский клуб: в тринадцать лет у неё было почти столько же побед в детском ЧГК, сколько у её отца во взрослом зачёте. Легенда же о рухнувшей полке приписывала ей отдельный маленький гвоздик с медалями в барчуковской кладовке.

Я стала спрашивать о лагере, где отдыхала Маша, и Анатолий Михайлович обстоятельно рассказал о недавно прошедшем там турнире по «Тройкам»[20], который он вёл сам. После мы шли молча — вплоть до следующего памятника, заинтриговавшего нас тем, что на нём отсутствовала пояснительная табличка.

…Вероятно, все знатоки действительно играли в «Смарт», а нормальные люди давно ушли спать. Так или иначе, на улицах Иркутска не было ровным счётом никого!.. Мы шли по Карла Маркса, подсчитывая вывески круглосуточных цветочных магазинов (их оказалось на удивление много) и медленно, но неотвратимо приближаясь к нашему хостелу. Конечно, с Барчуковым мне было бы нетрудно пройти хоть половину города (ручаюсь, что и Оле тоже!). Однако я помнила, что завтра

19. Задавать вопрос, ответ на который требует знания какой-то малоизвестной информации, считается моветоном в среде знатоков. Хороший вопрос ЧГК позволяет добраться до ответа с помощью логики и общедоступных знаний.

20. «Тройки» — разновидность «Своей игры», в которой участвуют команды из трёх человек.

ранним утром Анатолию Михайловичу нужно ехать на «Свою игру». Гулять до рассвета, лишая Барчукова возможности выспаться перед турниром, было бы низко и эгоистично.

Делая вид, будто сверяюсь с онлайн-картой, я поглядывала на часы. Час сорок. Час сорок одна. Ну же!..

— Всё, теперь мне официально двадцать! — объявила я, едва сменились цифры на экране. — Я родилась в это время.

— По-здра-вля-ем вас, Наташа! — смеясь, протянул Барчуков. — А вы не забыли сделать поправку на часовой пояс?

— Не забыла! В Красноярске сейчас именно ноль-ноль сорок две.

— Тогда конечно... Оля, ну что это вы? Если бы вы так пели на музыкальном «свояке», я бы вам такое не засчитал.

— Анатолий Михайлович!..

— Нужно громче, Оля!.. Давайте ещё раз: «Happy birthday to you...»

Когда, в каком сне я бы так беспардонно заявила о своём дне рождения? Ведь я постеснялась предупредить о нём даже читинцев, даже ребят из «Плюс шести»! Но в воздухе этой ночи было что-то нереальное, заставлявшее открыто говорить обо всём, что только приходило в голову.

— Смотрите, какая жуткая надпись! — крикнула я, указывая на асфальт.

Прямо посреди пешеходной улицы огромными буквами было выведено: «Белые блузы»; сразу две стрелки указывали направо, в сторону арки.

— И что здесь жуткого? — пожала плечами Оля. — Скоро первое сентября, вот тебе и уличная реклама школьной формы.

— Как же! Мы сейчас как в сцене из триллера: идём ночью по пустынному городу и натыкаемся на таинственный указатель. Почему именно блузы? Почему только белые? Это знак!

— И взгляните на арку, куда показывает стрелка, — подхватил отлично понявший меня Барчуков. — Она зарешечена с двух сторон. Кажется, если в этом городе есть желающие купить белую блузу, они должны побороться за неё!

— Вечно вы придумаете, Анатолий Михайлович! — прыснула Оля.

Я не выдержала и тоже расхохоталась; эхо наших голосов отразилось от фасадов зданий, образующих две сплошные линии по обеим сторонам улицы, и затерялось где-то в ночном небе.

...Было около половины третьего, когда я вернулась из ванной в наш номер. Ребята давно спали: шторки почти у каждой кровати были задёрнуты, и на всю комнату разливался громогласный храп Матвея.

Оли не было. Барчуков, не переодевшись, лежал на своей полке и что-то читал с телефона. Вот не спится человеку!

— Анатольмихалыч! — громко прошептала я; он повернул голову в мою сторону. — Спа-си-бо за вечер, — произнесла я одними губами. Хотя кому из наших пришло бы в голову меня подслушивать?..

— Да, хорошая получилась прогулка. Доброй ночи, Наташа, — негромко ответил Барчуков.

Я забралась по лесенке на второй ярус (как и в поезде, в хостеле я всегда занимала верхнюю полку), задёрнула штору у кровати и стала искать в сумке беруши — клокотание Матвея стало нестерпимым. Последним, что я услышала, был тихий стук закрываемой двери.

После ночного пробега я была уверена, что просплю до полудня. Но мой мозг совершил безумную вещь — сам, без будильника, поднял меня с воплем ужаса: «Скорее, ты всё пропустишь!»

Я вскочила и уставилась на часы. Семь утра. Блеск!

Тихо застонав, я снова упала на подушку и попыталась заснуть, но ничего не получилось. Зато мне вспомнился на редкость дурацкий сон: Владимир в цилиндре пел арию Ленского «Что день грядущий мне готовит?» и падал замертво на сцене, когда Барчуков брал вопрос за пятьдесят.

Досматривать эту постановку мне не хотелось. Я пошла умываться, на пути в ванную натолкнувшись на сонную Олю. Та шепнула мне:

— Доброе утро, — и куда-то скрылась.

Вокруг определённо происходило что-то странное!

Вернувшись к себе, я задумалась, как лучше распланировать день. По плану все финальные бои завершались около пяти часов, а на семь вечера намечалась «after-party» — прощальная вечеринка с неформальным общением, обсуждением фестиваля и какими-то лёгонькими викторинами. Никогда раньше я не была на таких посиделках, а белоногий Дима по праву считался мастером их организации. В этом определённо стоило поучаствовать!

Тогда на завтра останется Байкал. Правда, стоило бы уделить время и самому Иркутску; вчера мы увидели только небольшую его часть...

Стук по полке снаружи прервал мои мысли.

— Наташа, — раздался заговорщицкий шёпот Оли, — вылезай скорее!..

Я приоткрыла шторку, выглянула наружу... и едва не спикировала на пол со второго яруса. Посреди комнаты стоял Барчуков, держа в руках блюдце с маленьким тортом. В центре почти кубического куска, залитого белым кремом, оптимистично торчала чуть покосившаяся свечка.

— С днём рождения, Наташа!

Оля стояла рядом и потихоньку посмеивалась над моей реакцией. Я сползла по лесенке, осторожно взяла блюдце из рук Анатолия Михайловича и так и застыла. В голову не лезло ничего разумнее

«А-а-а!» или «О-о-о!». Вспомнилось внезапно, каким чудесным оборотом выражал своё восхищение один мой знакомый чегекашник: «Ёжики пушистые!»
— Анатольмихалыч, Оля… это… это так трогательно, я просто не знаю, что и сказать…
— Приятного аппетита, Наташа,— усмехнулся Барчуков.— Можете поставить торт в холодильник до вечера. Будет чем отпраздновать победу…

Я не знаю, какой поворот приняла бы наша галантная беседа дальше, но тут комнату в очередной раз огласил всхрап Матвея, и Барчуков нахмурился:
— Он что, ещё спит? Предупреждал же вчера! А ну подъём, живо, живо, игра через час!

Оставив сторонника «доброжелательного авторитаризма» разбираться с сонным Матвеем, я убежала завтракать и прятать торт в холодильник. Теперь я точно знала, что поеду на «Свою игру» болеть за наших!..

Бой за выход в полуфинал подходил к концу. Мы сидели в зале с Женей Дашкевичем, вполголоса обсуждая вопросы и поминутно обновляя на телефонах страницу с результатами других площадок. Статистика выходила неутешительной: Женя и Матвей обидно вылетели из игры, философ Кирилл из «Читаго Бэрз» ещё играл, но был близок к четвёртому месту (а в следующий тур выходили только первые два). Лишь у Барчукова всё складывалось удачно, и на данный момент он уверенно лидировал.

В разгар игры дверь зала распахнулась, и вошёл знаменитый в узких кругах редактор. Увидев меня, он улыбнулся и, совершенно не смущаясь тому, что идёт бой, пошёл ко мне через всю аудиторию.
— Доброе утро, Наталья! Вы сегодня без подруги? Как ваши дела?
— Доброе!— прошептала я как можно тише.— Оля подъедет к началу ЧГК, а я пришла на «свояк» поболеть за наших.
— А, вот как! Так это Барчуков играет?
— Он. Только тише, пожалуйста!
— Хорошо-хорошо. И как у него успехи?
— Сейчас, за две темы[21] до конца,— первое место…
— Вот чёрт! Извините.

Ведущий кашлянул, игроки недовольно заозирались на нас.
— Ну что ж вы так?— усовестила я Владимира.— Вы же сами очень хорошо выступили, я следила по таблице. Сколько у вас очков в бою, двести пятьдесят?
— Какая разница! Это ненадолго, Наталья,— пробормотал Тарасенко, сверля взглядом спину Барчукова.

Тот как раз нажал кнопку, рывком откинулся на спинку стула и, секунду помедлив, назвал какого-то неизвестного мне математика. Ведущий засчитал плюс сорок, Барчуков дёрнул кулаком и крикнул:
— Йес!

Мы с Дашкевичем переглянулись и хмыкнули: это восклицание вместе с жестом давно стало визитной карточкой Анатолия Михайловича и постоянной мишенью для пародий.

Владимир помолчал ещё с минуту и наклонился ко мне:
— Не желаете кофе, Наталья? Я видел, что в холле его наливают совершенно бесплатно.
— Не отказалась бы,— я затаила дыхание: соперник Барчукова за одну тему до конца игры внезапно догнал его и сравнял счёт.
— А какой бы вы предпочли: американо, капучино или, может быть, эспрессо?— тоном заправского бариста поинтересовался Тарасенко.
— Капучино, наверное.
— С сиропом? Там есть апельсиновый, шоколадный…
— Ох, ёлки-палки! Пожалуйста, Владимир, кофе без всего!
— Хорошо-хорошо.

Тарасенко исчез. Мне стало совестно за грубость, но тут Барчуков снова вырвался вперёд, и я забыла о незадачливом редакторе.

Бой завершился победой Анатолия Михайловича. Все разбрелись по залу обмениваться впечатлениями, когда вернулся сияющий Тарасенко с двумя бумажными стаканчиками.
— Наталья, знаете? Я хотел взять вам пустой стакан и сказать, что это «кофе без всего», как вы и хотели… но потом решил не шутить так над вами… Вот ваш капучино.
— Спасибо, Владимир! Это так любезно!

Тарасенко расцвёл, затем перевёл взгляд на Барчукова, и его улыбка несколько померкла. Но Анатолий Михайлович заметил этот взгляд и кивнул Владимиру издалека, так что редактору всё же пришлось подходить к нему и здороваться.

«Нет, с голода я не умру»,— мелькнула в моей голове несколько циничная мысль. За одно сегодняшнее утро мои дорогие чегекашники и угостили меня тортом, и напоили кофе. Страшно было подумать, до чего они додумаются к вечеру!..

— Итак, начинаем полуфинал,— объявил Дима Белых.— Слева направо от меня садятся Тарасенко… Барчуков… Всеволожский и Глинский.
— Вот это подборка,— одобрительно шепнул мне на ухо Женя Дашкевич.— Битва титанов.

Я кивнула, наблюдая за тем, как игроки рассаживаются за столом и проверяют кнопки. По

21. Бои спортивной «Своей игры» состоят из тем, задающих примерную область поиска ответов. Так, например, в теме «Белая» могут спросить о белом медведе, Монблане («белой горе») и т. д. Каждая тема включает в себя пять вопросов номиналом от десяти до пятидесяти очков.

рассказам читинцев, Тарасенко и Всеволожский показали себя талантливыми «своячниками» ещё в Байкальском лагере. Глинский же был знаменитостью федерального масштаба не только в «Своей игре», но и в ЧГК. На недавнем студенческом чемпионате России его команда неожиданно для всех взяла бронзовую медаль, уступив только фаворитам турнира из Москвы и Питера. Определённо, у парня был талант!

Незнакомые ребята, сидевшие за мной, обсуждали начинающуюся игру не хуже профессиональных комментаторов.

— Сейчас будет жара,— сообщил парень своей собеседнице.— Как думаешь, кто пройдёт в финал?

— Я за Витю,— после паузы ответила девушка.

— Всеволожского? Да ну! Саша Глинский кого угодно порвёт. Помнишь, как он отжигал в Новосибирске?

— Значит, пройдут оба. Витя крутой!

— Ну конечно, как же,— с нескрываемым скепсисом заметил парень.— Это потому, что он красавчик?..

Всеволожский, словно услышав, что о нём говорят, взъерошил светло-русые кудри и подался вперёд, сжав кнопку обеими руками. Примерно в такой же позе сидели и остальные игроки, кроме Глинского: тот, напротив, лениво откинулся на спинку стула и отодвинулся от игрового стола, широко расставив ноги. Кнопку он держал в одной руке, всем своим видом демонстрируя, как ему скучно.

Тарасенко заметно ёрзал. Барчуков выглядел бесстрастным, только носок правой туфли, ритмично постукивавший по полу, выдавал его напряжение.

Игра выдалась чрезвычайно нервной. Нарочито небрежный Глинский уверенно шёл впереди, нетерпеливо морщась при каждом взятом вопросе. Это было невероятно: в красноярском клубе, где Барчуков всегда был первым «своячником», мысль о том, что его может побить двадцатитрёхлетний студент, показалась бы абсурдом!

Тем не менее, догнать Глинского было уже невозможно, и Витя с Анатолием Михайловичем эффектно бились за второе место, выводящее в финал. Тарасенко волновался, редко нажимал и отвечал в основном невпопад. Мне было жаль Владимира, хоть я и болела не за него. Неужели на него так влияло присутствие Барчукова?

Белоногий Дима заметно наслаждался боем. После очередного Витиного ответа на вопрос за десять очков он объявил:

— Кажется, у нас появился король десяток!

Всеволожский ослепительно улыбнулся; девушка позади меня захлопала. Но на следующей же теме «десятку» вырвал Барчуков.

— Король умер, господа! Да здравствует король!— захохотал Дима.

Исход боя решила роковая ошибка Вити Всеволожского: на какой-то мелочи он получил минус сорок, и Анатолий Михайлович стремительно его обогнал, отобрав второе место и отстав от Глинского всего очков на двадцать. Впрочем, Витя не расстроился и всё с той же очаровательной улыбкой пожал Барчукову руку. Юная звезда «Теледомика»[22] почти ничего не теряла: в европейской части России турниры проводились намного чаще, чем в Сибири, так что Всеволожский совсем скоро смог бы опять побиться за медаль. В наших же краях следующая крупная игра намечалась только на конец октября!..

Пока Дима объявлял результаты, Барчуков вскочил с места и подлетел к нам. Анатолий Михайлович еле сдерживал гордую улыбку, его карие глаза горели азартным блеском. Я протянула ему ладонь, и он с размаху хлопнул по ней.

— Рискованно. Но хорошо,— кивнул Дашкевич.

— Знаю. Серьёзные соперники. Не думал, что Виктор так силён. Осталось главное — сыграть в финале,— отрывисто ответил Барчуков.

— А куда теперь, Анатольмихалыч?..

— Теперь — идём обедать! Остальные скоро подтянутся.

Словно по сигналу, в дверях появился Матвей Фомин, на лице которого в этот раз отображалась суровая решимость. Определённо, «Плюс шесть» сегодня приехали побеждать вопреки всем соперникам и расписанию поездов!

За Матвеем вошла и оставшаяся команда.

— Ну как?— крикнула с порога Лиза Дашкевич.

— В финале!— коротко ответил Барчуков и улыбнулся снова.

Только теперь я заметила, что под его глазами залегла тень. А я, бессовестная, таскала его по городу до трёх часов ночи!

Я хотела было предложить Анатолию Михайловичу кофе (благо, теперь мне было известно, где его достать), но Лиза отвела меня в сторонку и деловито вручила подарочный пакет. Пока же я радовалась тому, что Дашкевичи не забыли о моём дне рождения, «Плюс шесть» куда-то унесло…

Мы с Владимиром сидели в застеклённом холле у входа в актовый зал и вели светскую беседу. Вид с четвёртого этажа здания, расположенного на холме, захватывал дух: утопавший в зелени город разрезала надвое Ангара, а её, в свою очередь, косо перечёркивал мост в колючках фонарных столбов. Я тщетно пыталась снять панораму на телефон, но ничего путного не выходило.

— Наталья, а вы знаете, что такое ирга?— Тарасенко светился, сжимая в руке баночку с ягодой.

22. «Теледомик» — сленговое название телепрограммы «Что? Где? Когда?», образованное от места её съёмок — Охотничьего домика в Нескучном саду.

— Ну конечно, знаю! — буркнула я и сунула телефон в карман. — У бабушки на даче несколько деревьев.
— Правда? А меня сегодня угостили впервые в жизни. У нас её совсем не бывает.
— Климат, наверное, не тот. Зато здесь не растёт… ну, скажем, ежевика.
— Ежевика-то? Надо же! — словно ребёнок, удивился Тарасенко. — Кстати, не хотите попробовать ягоду? Очень вкусно.
— Спасибо, Владимир. Вы меня сегодня и поите, и кормите!

Оля вошла в холл как раз вовремя для того, чтобы застать меня сидящей на диване со знаменитым редактором, который радостно смеялся и совсем по-домашнему ссыпал мне в горсть ягоду из банки. Олины глаза округлились, и она поспешно ушла, только кивнув на наши приветствия.

Вскоре из зала вышел Игорь Михайлов с планшетником и тяжело уселся на соседний диванчик. Всегда мягкий и уютный, ведущий фестиваля был сегодня непривычно задумчивым. Глядя на экран планшета, он поскрёб подбородок и, словно о чём-то догадавшись, повернулся к моему собеседнику:
— Владимир, можно попросить вас кое о чём? Мне тут пишет редактор вчерашнего пакета ЧГК, которому интересно мнение участников турнира о его работе. Есть ли у вас какие-нибудь пожелания?
— Я не знаю, что и сказать, — заметно смутился Владимир. — Видите ли, я и сам редактор, мне трудно судить своего коллегу. Вот если бы спросить мнение кого-то из обычных игроков…
— А можно, да? — подскочила я, салфеткой вытирая руки от ягодного сока. — Ой, Игорь Леонидович, дайте только сбегать за блокнотом — будет вам мнение целых двух команд, взрослой и студенческой!

Через десять минут Михайлов уже старательно вбивал в планшетник рецензию, наспех составленную Кириллом из «Читаго Бэрз» и Лизой из «Плюс шести». Его знакомому редактору, так неосмотрительно пожелавшему узнать мнение публики, досталось по самое горло.
— Погодите, а чем вам про художника не понравилось? Всё же вроде бы ясно, — нахмурился Михайлов, рассматривая мой листок с каракулями.
— Ясно-то ясно, но у ответа есть логическая дуаль, которая никак не отсекается, — с азартом заспорила я.

Хоть моя команда и взяла этот вопрос, я знала, что «Плюс шесть» с ним не справились. Конечно, жалоба автору не могла бы добавить им балл, но всё же это был шанс хоть немного отвести душу.
— Вот, глядите, Игорь Леонидович: в вопросе девушка жалуется на то, что двадцать семь дней не могла помыть голову и сменить чулки из-за требований художника. Но как можно понять, что это именно художник, а не скульптор? Портреты, если это не «Мона Лиза», обычно пишутся быстрее, чем за тридцать дней. А скульптор может работать над изображением намного дольше. Кроме того, если говорить о причёске…
— Думаю, вам лучше обратиться с этой претензией к апелляционному жюри, — прервал меня Михайлов. — Хотя нет, обращаться нужно было вчера, теперь уже поздно… Но суть я понял. Надеюсь, что Алексей примет всё это к сведению…

Сообщение неизвестному Алексею заняло почти весь экран михайловского планшета. Владимир неодобрительно поглядывал то на письмо, то на меня.

С чувством выполненного долга я попрощалась с почётными гостями и ушла в зал.

Читинцы уже разрезали купленный мной пирог и разлили — по стаканам и немного по столу — газировку. Я получила выговор в четыре голоса за то, что не предупредила о своём празднике, и обнимашки в восемь рук вместо подарков.
— Чего там обычно желают… Ну, всяких банальностей: здоровья, счастья… Лишним не будет.
— Надеюсь скоро увидеть тебя в теле-ЧГК!
— Побольше медалей! Логичных вопросов… Да что ты ржёшь, такие бывают!
— И пусть знаменитые чегекашники носят тебе кофе! — закончил Ваня.

Последняя фраза подкосила меня окончательно, и я, сотрясаясь от хохота, ударилась головой о стол. Историю про Тарасенко я рассказала читинцам сама полчаса назад.

Включили уже изрядно поднадоевшую «Everybody». Тут же подошла Оля и молча села на своё место.
— Добрый день, уважаемые знатоки, — зазвучал приятный баритон Игоря Михайлова. — Прежде чем мы начнём второй день нашего фестиваля, я бы хотел ненадолго отвлечься на одно очень приятное объявление…
— Неужто петь будут? — удивилась я.
— Вряд ли. У Димы на турнирах обычно обходятся без выступлений. Это тебе не «Знать», — усмехнулась Оля.

Я подавилась газировкой: красноярский фестиваль был известен среди знатоков прежде всего богатой церемонией открытия, на которую приглашали певцов и танцоров.
— В этом зале, — продолжал Михайлов, — находится замечательная девушка из Красноярска, которая сегодня празднует…

Да ну. Нет. Не может быть!
— …свой двадцатый день рождения! Я прошу её выйти на сцену.
— Давай, Наташа! — шепнула мне Оля.

Читинцы захлопали первыми, за столом «Плюс шести» что-то прокричала Лиза Дашкевич.

Словно в тумане, я добралась до сцены, взяла из рук Михайлова маленькую коробку и машинально тряхнула протянутую ладонь. Моё лицо горело.

— Не хрустальная[23], но это только пока,— негромко добавил ведущий.— Поздравляю, Наталья!

— Ага… спасибо…

На ступеньках, ведущих вниз со сцены, я остановилась и принялась разглядывать подарок. В коробочке лежала маленькая шоколадная сова. Под ленту банта была вправлена записка, написанная ровным почерком с завитушками: «Азартной игры!» Так это же…

Перепрыгнув через последние две ступеньки, я кинулась к нашему столу:

— Оля! Это ты, что ли?

— Ну да.

— Как? Как тебе это удалось?..

— Да просто. Подошла к Диме Белых перед турниром и попросила вручить тебе небольшой символический подарок. А Дима уже, наверное, переадресовал просьбу ведущему…

— Оля, это так!.. так!.. так мило — не могу! Я просто…

— Потом скажешь, тур начинается,— прервала меня Оля.

Михайлов уже предупредил о сквозной нумерации двух дней, объявил номер вопроса — сорок шестой — и начал диктовать, а я всё сидела с неприличной для знатока улыбкой и смотрела в чистый лист блокнота. Совестно это сознавать, но правда есть правда: в этот момент меня переполняло такое счастье, что результат нашей команды был мне почти безразличен…

Глупо, подло, бессовестно! Надо играть! Уж читинцы, небось, взяли меня в команду не затем, чтобы дёргать за уши и петь «Happy birthday». И вообще, на фестивали ездят за медалями, а не за всеобщим вниманием, подарками, комплиментами…

…и ночными прогулками…

— Время! — объявил Михайлов, и на экране позади ведущего начался обратный отсчёт. Я украдкой подглядела в Олин блокнот и вскоре втянулась в обсуждение.

Некоторые пожелания лучше бы не сбывались.

Стоило мне мысленно признаться в том, что в этой поездке всё отлично сложилось и без медалей, и — вуаля: нам их так и не досталось!..

По какой-то бюрократической загвоздке нам отказали в участии в студенческом зачёте[24]. Оказалось, что философ Кирилл на один год перерос студенческий возраст и утащил за собой всю команду в общий зачёт. Читинцы, к сожалению, предупредили об этом нас с Олей лишь перед самым началом игры…

Ну а тягаться с командами уровня «Плюс шести» нам, конечно, было не под силу. Даже имея в своём составе Кирилла — а он играл очень, очень хорошо.

— Если бы мы выступали студентами, то взяли бы второе место в своей категории,— вздохнула Оля, пролистывая таблицу результатов.

— Извините… Это всё из-за меня,— философ выглядел столь потерянно, что капитан не удержался и вступился за него:

— Ну вы чего, девчонки! Зато без Кирилла нам бы и не снилось столько очков. Сколько там у нас, тридцать шесть?

— Тридцать пять,— уточнила Оля.— Ты прав, Ваня, одни мы бы не затащили…

Вокруг нас суетились, бегали, двигали столы, расчищая пространство около сцены. Неподалёку прошёл гордый и суровый Матвей Фомин, напоминающий линкор.

— Неужто будет «перестрелка»? — ахнула я.

— Будет! Наши «стреляются» с Иркутском за серебро ЧГК[25],— подтвердила взволнованная Оля.— Если бы не та ошибка с художником-скульптором, они сейчас делили бы первое место… У выигравшей сборной всего плюс одно очко от них!

— Вот это обидно, понима… ох, ё-моё…— я достала надрывающийся телефон, увидела одиннадцать пропущенных вызовов и поняла, что посмотреть бой мне не дадут мои внимательные друзья и родные. Пора было исполнять долг именинника!..

…Кажется, пока я отвечала на все звонки, прошло достаточно времени. Я вернулась в зал как раз в конце минуты обсуждения очередного вопроса и встала у дверей, чтобы не мешать играющим. Моя точка обзора была крайне неудачной: я могла рассмотреть всю замершую в ожидании иркутскую команду, но из «Плюс шести» — только широкие спины Василия и Матвея.

Иркутский капитан поднял бланк; над столиком «Плюс шести» тоже взмыла рука с карточкой. Михайлов забрал оба ответа, и рука Барчукова на мгновение зависла в воздухе; на тонких белых пальцах блеснуло золотое кольцо. Я поперхнулась и отчаянно попыталась сыронизировать: зараза обнаружена, скоро начну вздыхать при луне и писать стихи по ночам. Да, точно: я же до сих пор не закончила своё единственное стихотворение!..

23. «Хрустальная сова» — одна из наград телепрограммы «Что? Где? Когда?».

24. Традиционно в студенческом зачёте выступают игроки, не достигшие двадцати трёх лет на начало игрового сезона (этой датой считается первое сентября).

25. Если в финале турнира две и более команды набирают одинаковое количество очков, победу присуждают одной из них либо по дополнительным показателям (рейтинг сложности взятых вопросов, количество ответов в последних турах), либо по результатам «перестрелки» на трёх или пяти вопросах. Для более зрелищного финала организаторы чаще выбирают «перестрелку».

Михайлов не торопясь прошёлся по сцене, встал за кафедру.
— Ответ первой команды — «Хокинг», второй — «Нэш»… — Михайлов выдержал паузу и коротко закончил: — «Джон Нэш» — это правильный ответ. «Перестрелка» окончена.

«Плюс шесть» вскочили с мест, от их стола донеслось победное «Йес!». Я кинулась к читинцам:
— Я всё прослушала! Расскажите, что здесь было?
— Впервые вижу, чтобы «стрелялись» аж на пяти вопросах, — покачал головой Кирилл. — И это до первого взятого! То обе команды брали вопрос, то обе отвечали неверно. Интрига держалась до последнего… А ваши молодцы!

На сцене тем временем снова происходила перестановка: столы, за которыми проходила «перестрелка» чгк, сдвинули в один ряд напротив кафедры ведущего; к ним приставили четыре стула. Ясно: готовился «свояк». Но как же финал «Брейн-ринга»?
— Смотри, Оля! Что они делают?

Красноярская сборная тем временем вела себя крайне странно. Матвей и Василий попеременно таскали к сцене дорожные сумки, а Женя, Лиза и Андрей, обладающие более скромной комплекцией, складывали в них книги и медали со столика с наградами. Барчуков же стоял у кафедры ведущего и о чём-то спорил с Димой Белых и Игорем Михайловым.
— Кажется, на наших глазах происходит ограбление века! Пока Анатольмихалыч заговаривает жюри зубы, «Плюс шесть» потихоньку тырят призовой фонд, — еле удерживаясь от хохота, предположила я.

Оля покачала головой. Несмотря на очевидный комизм ситуации, она не улыбалась.
— Это они отменяют бой… «Перестрелка» затянула время, и нашим сейчас нужно выбирать — играть «свояк» или «брейн». Раз они претендовали на победу в «брейне», в случае отказа от игры они уедут с заслуженным серебром, а их соперники автоматически выиграют. Анатолий Михайлович вчера говорил, что такое возможно… Вот они и забирают свои трофеи, не дожидаясь награждения.
— Техническое поражение, так это называется, — подхватил любитель спорта Ваня. — Умно!
— Ничего не понимаю. Зачем тогда вся эта шумиха с отменой боя? Могли бы сыграть «брейн» по расписанию, а «Свою игру» пропустить.
— Потому что в финал «свояка» выходят четыре человека. Если Барчуков откажется от участия, то не получит совсем никакой медали, а пропущенный «брейн» даст хотя бы серебро, — терпеливо разъяснила Оля.
— Всё равно мне это не нравится. Так просто подарить золото сопернику?..
— Наташ… Ты думаешь, что «Плюс шесть» ездят на турниры за медалями? — вздохнула Оля. — Ты же знаешь, сколько трофеев у Анатолия Михайловича, да и у остальных тоже. Им давно это не важно!

Матвей и Василий взвалили на себя по две сумки и ушли; Андрей тоже куда-то исчез. Лиза со своим чемоданом стояла у дверей, с видимым нетерпением дожидаясь Женю. Тот же отвёл Барчукова в сторону, что-то спросил и крепко пожал ему руку. Почти бегом Дашкевичи покинули зал, и из «Плюс шести» остался один капитан.

Мы с Олей переглянулись и пересели поближе к сцене — туда, где на стуле лежала барчуковская сумка. Читинцам же исход игры был не столь интересен, и они попрощались с нами до вечера.
— Итак, мы начинаем последний на сегодня бой, — объявил Михайлов. — На сцену приглашаются участники финала «Своей игры»…

Барчукова не нужно было даже объявлять. Он легко взбежал на сцену и немедленно сел за стол, схватив кнопку. Его лицо светилось азартной улыбкой — кажется, даже неурядица с поездом подействовала на Анатолия Михайловича как бутылка энергетика.
— Какой нетерпеливый, а! Анатолий, ваше место — крайнее слева, — хохотнул Дима Белых, сидевший на сцене за ноутбуком. В этом бою он отвечал за техническое сопровождение. — Пересядьте, пожалуйста, а то придётся перебивать программу.

Смущённо улыбнувшись, Барчуков немедленно исправил ошибку. На сцену вышли ещё два финалиста — оба выступали за сборную, победившую сегодня в чгк. Одного из них, немного неформального парня с бородкой и косичкой, я видела организатором на школьно-студенческом первенстве Сибири в Новосибирске. Второго же, высокого блондина, я помнила по томскому «Ю-майнду»: тогда в финале «свояка» он оделся в пижаму-кигуруми в виде зелёного чудовища из «Корпорации монстров» и выиграл бой с большим отрывом. Даже не знаю, что из этого поразило меня больше…

Три финалиста были на месте. Глинского нашли через пару минут. Он неспешно поднялся на сцену и в своём обыкновении развалился на стуле, отодвинувшись подальше от стола. Лицо Барчукова чуть дёрнулось.
— Показушник, — еле слышно прошептала Оля.
— Мы играем финал на десяти темах, — как всегда благодушно произнёс Михайлов. — Перечислить их перед началом?
— Давайте, чё нет-то? — кивнул Глинский.
— Я против, — твёрдо ответил Барчуков.
— Если хоть один игрок не согласен, то не буду. Так прописано в положении, — развёл руками Михайлов. — Итак, ваша первая тема — «Белая». «Белая» за десять…
— Что это с ним, Наташа? — толкнула меня Оля через пару минут.
— М-м?

— Он никогда так не рисковал. Гляди, он жмёт почти на каждый вопрос!

Только тут я поняла, о чём была речь. Барчуков действительно вёл себя странно: вместо того чтобы отвечать только то, в чём он был уверен (это было обычной его тактикой), он нажимал кнопку на всё подряд. Несколько раз он ошибался и терял баллы, но новая стратегия всё-таки принесла плоды: соперники, кажется, были попросту потрясены таким натиском!

На четвёртой теме в зал вернулся Андрей из «Плюс шести». Встав между креслами неподалёку от нас, он замахал рукой, привлекая внимание. Барчуков обернулся; улыбка окончательно сошла с его лица.

Андрей постучал по часам на запястье и изобразил, будто звонит по телефону. Анатолий Михайлович кивнул и снова повернулся к ведущему.

— Что-то определённо не так,— прошептала я.

— Да понятно что! У них отправление через двадцать минут, а им ещё добираться до вокзала,— Оля сморщилась, точно готова была заплакать.— Видимо, Андрей сообщает, что приехало такси…

— Но не может же он…

Меня прервали аплодисменты: Барчуков только что получил плюс пятьдесят, доведя счёт до двухсот. Точно собираясь раскланяться, Анатолий Михайлович встал и положил кнопку на стол.

Даже без микрофона голос Барчукова звучал громко и чётко, хоть и чуть смущённо:

— Я прошу прощения у соперников, организаторов и зрителей, но у меня поезд. Моя команда взяла билеты на сегодняшний вечер, чтобы не опоздать на работу. Счёт прошу оставить как есть. До свидания!

Зал затих. Дима Белых медленно открыл рот.

Из-за столика иркутской команды послышались первые неуверенные хлопки. Хлопал Тарасенко.

И в эту секунду зал взорвался аплодисментами!

Барчуков спустился со сцены и прошёл совсем близко от нас. Он мельком взглянул на меня, закинул сумку на плечо и быстрым шагом вышел из зала вслед за Андреем.

Районы, кварталы, жилые массивы,
Я ухожу, ухожу красиво!—

запела какая-то студенческая команда.

— Не-ве-ро-ят-но,— едва слышно произнесла Оля.

— Кажется, это первый случай на моей памяти!— с искренним удовольствием объявил Михайлов.— По крайней мере, на сибирских играх я такого не припомню.

Я молчала. Я не могла хлопать.

В голове вертелась одна и та же фраза: «Что ты творишь, сумасшедший?!»

Посмеявшись, Михайлов объявил продолжение боя, и гомон понемногу утих.

«Нет, разумеется, дружба — это замечательно,— размышляла я, наблюдая за тем, как финалисты вновь сосредоточились и вошли в игру; даже Глинский посерьёзнел и придвинулся к столу.— Мне ли не знать, как здорово возвращаться с турнира не в одиночку, а со старыми товарищами по команде! Но, чёрт возьми, каково это — жертвовать победой, которая была почти у тебя в руках, чтобы твои друзья вдруг не заскучали в поезде? И как сама команда должна отнестись к такому поступку?..»

Я отлично знала, что Барчукову в понедельник не нужно выходить на работу. Как вузовский преподаватель, он мог кататься по фестивалям хоть до конца августа. И тут, ради Матвея и Андрея…

«Им давно не важны медали!» Конечно, в чём-то Оля была права. Но я видела, как взволнован был Барчуков после трудной победы над Витей Всеволожским, как гордо ответил Лизе: «В финале!» И, конечно, я помнила, как крепко он дал мне «пять» после того же боя. Определённо, исход «свояка» не был ему безразличен — пусть даже это была его сотая медаль!..

— Я ненадолго,— шепнула я Оле и выбежала из зала.

Промчалась через холл, нажала в лифте кнопку первого этажа, глубоко подышала, чтобы успокоиться.

Вестибюль библиотеки пустовал; только у выхода сидел унылый охранник с кроссвордом. На улице тоже не было ни души. Да и зачем я сюда неслась, по правде говоря?..

Вечер был хорош. До заката было ещё долго, но солнце уже клонилось к западу и подсвечивало сзади стеклянное здание библиотеки, делая его похожим на шкатулку или ёлочную игрушку.

Я уселась прямо на лестнице, по которой вчера бегала, опьянённая воздухом свободы, выезда и лёгкой влюблённости. Взгляд упал на заросли топинамбура, и на душе стало ещё тяжелее.

…Едва вернувшись в зал, я ощутила повисшее в воздухе странное напряжение. Зрители вели себя довольно тихо, лишь иногда то там, то тут раздавались приглушённые смешки. Финалисты, кажется, стали чуть мрачнее, зато Михайлов откровенно веселился.

— Итак, счёт после семи тем: плюс двести — плюс восемьдесят — плюс семьдесят — плюс сто. Продолжаем бой с тенью, господа!

Парень-неформал на сцене засмеялся, оценив шутку; Глинский поморщился; блондин остался серьёзным. По сцене носился фотограф, снимая крупным планом каждого участника финала. Подумав, он сфотографировал и пустой стул.

— Я не знаю, почему так происходит,— задыхаясь от волнения, затараторила мне Оля,— но они почти не отвечают. То ли темы стали сложнее, то ли что-то другое мешает… Даже Дружников отстаёт от Анатолия Михайловича на сто очков!

— Дружников — это тот блондин?
— Да. Помнишь, как он выиграл в Томске?
— Помню. Но сегодня на нём нет пижамки, — отрезала я.
— Точно, нет. Это он зря! — засмеялась Оля.

Впервые я видела её такой взволнованной!

На последней теме любитель «Корпорации монстров» неожиданно довёл счёт до ста пятидесяти. В зале послышались хлопки и одобрительные возгласы:
— Хорош!

Я затаила дыхание. Блондину оставалось взять вопрос за пятьдесят, чтобы сравнять счёт. Тогда, по правилам, следовала «перестрелка» против пустого стула…
— Пять, четыре, — медленно отсчитывал Михайлов время для ответа, загибая пальцы, — три, два, один… зеро.

Глинский раздражённо бросил кнопку на стол. В полной тишине кто-то завопил:
— Пустой стул обжал-таки! Красава, Барчуков!

И тут в зале поднялась такая суматоха, что Михайлову пришлось кричать в микрофон:
— Тройка победителей финального боя по «Своей игре»: Барчуков — плюс двести, Дружников — плюс сто пятьдесят, Платонов — плюс сто тридцать! Впервые вижу, чтобы игрок брал золото, не присутствуя на половине финала!
— Вообще-то не на половине, а на шестидесяти процентах, — негромко поправила Оля.

От избытка эмоций я бросилась к ней обниматься, потом обняла случайно проходившую мимо «ласточку» и едва не кинулась на шею подошедшему Тарасенко.
— Вы знаете, это была красивая игра, — с серьёзным видом заявил Владимир. — Кажется, она теперь войдёт в фольклор сибирских чегекашников. У вас же есть такой?

Я замотала головой.
— А жаль. Он непременно должен появиться, я в этом уверен. Передайте Анатолию мои поздравления. Он ещё не в курсе того, что произошло?
— Я вот только собиралась… сейчас… не помню, был ли у меня его номер…

Мой мобильный, чьи силы были подорваны одиннадцатью звонками родным, устало продемонстрировал мне один процент зарядки и отключился. Я едва не швырнула его об пол.
— Вот, держи, — протянула мне Оля свой пауэрбанк.

Мы переглянулись. Ох, как много значил Олин взгляд!..
— Спасибо… я щас… извините, Владимир…

В холле было немного тише. Чтобы быть в полном одиночестве, я забралась за стоявший у окна баннер с логотипом фестиваля.

Через пару минут подключённый к аккумулятору телефон ожил, и я дрожащими пальцами нашла в адресной книге старый, но ни разу не использованный контакт: «А. М. Тренер». В трубке потянулись длинные гудки.

В первую секунду мне показалось, что я ошиблась номером: знакомый голос звучал глухо и устало.
— Да?
— Анатольмихалыч! — заорала я, едва не опрокинув баннер на себя. — Вы представляете, тут такой фурор! Вас никто не смог догнать! Первое место! Михайлов говорит, что такого вообще никогда не случалось! Тарасенко вас тоже поздравляет! — я перевела дыхание и выпалила, не раздумывая: — Вы просто чудо!

Тут немногочисленные остатки моего мозга, пережившие турнир, собрались и хором осудили меня. Я похолодела и прикусила язык. «Чудо» — это был перебор!

После долгих секунд молчания в трубке раздался… смех. У меня точно камень с души свалился.
— Наташа… Спасибо за приятную новость! Я такого не ожидал. Нет, задел был неплохой, но чтобы выиграть… удивительно!

Где-то на фоне послышалось одобрительное «О-о-о!». Женский голос — кажется, Лизин, — что-то изумлённо переспросил.
— Ещё раз поздравляю, — закончила я, не найдя, что сказать и не опозориться. — Счастливого вам пути, Анатольмихалыч!
— Спасибо! А вам с Олей — провести замечательный выходной на Байкале! До свидания.

Короткие гудки.

Надо же. Когда я говорила ему про Байкал? А, точно, вчера в такси…

Я постояла у окна, вглядываясь в ту сторону, где должен был быть вокзал. Потом, вспомнив карту, я поняла, что всё перепутала, с трудом выбралась из-за баннера и вернулась к своим.

В зале уже вовсю шла церемония награждения. Серебряный и бронзовый призёры «свояка» играли на камеру целую пантомиму, чокаясь наградными кружками. Потом на сцену пригласили команду Вити Всеволожского. Витя схватил кубок «брейна», игроки подняли на руки миниатюрного Витю, и вся эта пирамида едва не рассыпалась прямо на фотографа.
— А вот и моя команда, — вздохнул Тарасенко, наблюдая, как Глинский с четырьмя игроками поднимаются на сцену за кубком.
— И что ж вы сами не выйдете?
— Так это же «Эрудит-квартет»! Вы помните, Наталья, они играли его без меня?
— Обидно, понимаю, — кивнула я. — Мы с Олей тоже остались без медалек. Отбейте, Владимир!

Тарасенко вяло стукнул кулаком по моей руке и печально улыбнулся.
— Владимир, вы идёте сегодня на вечеринку? — светским тоном поинтересовалась Оля.

— Не знаю… Наверное… Меня обещали подвезти на место, а после до гостиницы.
— Тогда увидимся вечером. Не грустите! — я помахала редактору, и мы с Олей вышли из зала.

В холле Оля резко остановилась и побледнела.
— Наташа, помоги мне переложить трофеи, пожалуйста! Мне кажется, что в сумке что-то нехорошо брякнуло…

Мы выложили содержимое Олиной сумочки на диван и принялись аккуратно собирать обратно. Хоть кубок «Своей игры» и сделали из прочного оргстекла, предвидя его долгую транспортировку по Сибири, мы решили перестраховаться и обернули его в Олину шаль. С медалью было проще — она легко поместилась во внутренний карман, а вот с наградными книгами пришлось повозиться…
— Кажется, я уже не особенно жалею, что мы с тобой ничего не выиграли, — подытожила Оля, приподняв увесистую сумку. — Больше мне было бы не унести.
— Хочешь, я заберу кубок себе? А потом и передам Барчукову, — спросила я не без намёка.
— Ну уж нет! Спасибо, но я сама справлюсь, — засмеялась Оля. — Пошли, наверное?
— Пошли… нет, погоди, — я обернулась и увидела Михайлова. — Смотри, идёт в нашу сторону! Может, хочет дать медаль за красивые глаза?
— Ага. Или убить тебя по просьбе редактора, которому ты написала разгромный отзыв, — саркастично усмехнулась Оля. — Ты как хочешь, а я ещё поживу. Подожду тебя возле лифта…
— Ну что, Наталья? — спросил подошедший Михайлов. Я облегчённо вздохнула: судя по выражению его круглого добродушного лица, убивать меня он не собирался. — Кажется, вашу команду сегодня не награждали?
— Увы и ах.
— Сочувствую. Надо это исправить! Вот, держите подарок на день рождения лично от меня, — он протянул мне книгу и кружку с эмблемой Байкальского фестиваля.
— Ох, ёлки-палки… — я замотала головой, отгоняя нахлынувшие воспоминания. — Игорь Леонидович, вы, наверное, не помните… Три года назад на моём первом «ПерСибе» вся наша команда безумно хотела сфотографироваться с вами, потому что вы были знатоком из телевизора и почётным гостем. В перерыве мы поймали фотографа, привели его к вам и выпросили совместный снимок. Тот кадр, где мы с вами вдвоём, сохранился, а тот, где сфотографированы все вместе, почему-то не выложили. Наши ребята тогда очень расстроились…
— Так давайте сфотографируемся сейчас! — развёл руками Михайлов. — Зовите своих друзей!
— Нет, не выйдет. Те, с которыми я ездила тогда, давно не играют, а моя нынешняя команда уже разбежалась… Ой, и зачем я вам всё это рассказываю?.. Мне очень, очень приятно ваше поздравление! Вы не подпишете книжку на память?

Мы проболтали ещё несколько минут, и я убежала догонять Олю.
— Ну, что он?
— Подарил кружку и «Горе от ума» с автографом, — гордо объявила я, вручая Оле книгу.
— «Горе от ума»… «С днём рождения, желаю счастья», — прочитала Оля и приподняла бровь. — Странный подарок участнику *интеллектуальных* игр, тебе не кажется? Да шучу я, шучу!..
— Всё равно приятно, — буркнула я.

Очевидно, что ведущий фестиваля не выбирал подарок заранее, а просто решил отдать мне сувениры, положенные ему как почётному гостю. И всё-таки это внимание со стороны человека, которым я восхищалась три года назад, не могло не растрогать!
— Ну, это бесспорно. Очень мило с его стороны, — одобрила Оля. — Кажется, не мне одной теперь предстоит таскаться с кучей багажа?..
— М-да, — подтвердила я, взвешивая сумку на руке. — Анатолий Михайлович бы нас не понял…

На двери кофейни висел наспех приклеенный скотчем тетрадный лист, гласивший: «Закрыто на банкет!»
— Наташ, нам точно сюда?
— Да вроде адрес верный…

Я толкнула дверь и инстинктивно вжала голову в плечи от оглушительной музыки. Играли «Everybody»!

В уютной, но слишком маленькой кофейне было не протолкнуться. Казалось, что все тридцать команд по шесть человек решили ради эксперимента втиснуться в две комнатки, в большей из которых помещались всего-то десяток столиков и барная стойка.

Не понимая, что происходит, я пробралась к одному из столов, где было поменьше народа. Увидев меня, кто-то сразу подскочил и предложил мне стул. Тарасенко был в своём репертуаре!
— Да ладно вам, Владимир, я здесь только посмотреть…
— Ничего-ничего, садитесь, Наталья! А где ваша подруга?

Оля вскоре нашлась за соседним столом в компании незнакомого мужчины. Незнакомец держался очень просто: подозвав официанта, он заказал чай на двоих, что-то шепнул Оле и открыто, душевно засмеялся.

Я поймала себя на том, что слишком долго сижу, открыв рот, и поспешно придала своему лицу вид, более уместный в компании умных людей. Подумаешь, у Оли нашёлся ухажёр! Вон, она сама всё шутит, что Владимир слишком засматривается на меня. Но ведь я выше таких подколок!
— А, вон она! Я вижу, Георгий не даст ей заскучать, — усмехнулся Тарасенко.

— Г-Георгий?..
— Щербицкий, из иркутского ЧГК. Мы познакомились, когда он вёз меня в Иркутск из Байкальского лагеря. Очень приятный собеседник — я и не заметил, как прошли три часа дороги. Георгий и сегодня взял на себя роль моего водителя...

Всё понятно: это Олин знакомый по прошлогоднему лагерю. Теперь я припомнила, что Оля пару раз здоровалась с ним у меня на глазах — даже сегодня в перерыве между турами. Странно, что я до сих пор не обращала на него внимания! Хотя... чего ж тут странного, если оба турнирных дня я провела, не отрывая взгляда от «Плюс шести» с их капитаном!

Тарасенко извинился и куда-то ушёл, а за мой стол подсела компания каких-то чрезвычайно громких девушек (по-моему, тех, что вчера ловили Витю Всеволожского на селфи). Кажется, я не совсем правильно представляла себе, как проходит «after-party»...
— Итак, думаю, мы можем начать! — объявил в микрофон Дима Белых. — Традиционная и всеми любимая «музыкальная азбука»: на каждую букву алфавита загадана песня или исполнитель.

Публика одобрительно загудела.
— Но! Сегодня азбука будет не совсем обычной! Все исполнители будут зарубежными, а алфавит — английским! У вас на столах лежат бланки, начинайте их заполнять... Через минуту я включаю первый трек!
— О, круто! — одобрила одна из моих соседок, подписывая название команды ярко-фиолетовой ручкой. — Теперь давайте по очереди: кто знает каких-нибудь исполнителей зарубежки на «А»?
— Вивальди, — пожала я плечами.
— Так на «А» же!
— Он Антонио, — объявила я и ушла.

В соседней комнатке стояли грустные читинцы, которым не хватило места за столом.
— Слушайте, ребят, по-моему, это не моё, — призналась я сокомандникам. — Пойдёмте лучше гулять.
— Пошли, мы как раз собирались. А Оля?
— Она встретила кого-то знакомого, так что, наверное, останется здесь... Сейчас спрошу у неё.

Снова толпа, надрывающиеся колонки и напряжённый гул обсуждения, висящий над столиками. Однако играли в «музыкальную азбуку» не все: многие просто стояли у стен или возле барной стойки и пытались разговаривать под грохот музыки и Димины возгласы: «Следующий трек!»

Лавируя между столами, я едва не врезалась во Владимира. Тот как раз подписывал книжку какому-то поклоннику (не иначе как тоже поленился везти подарки в багаже!).
— Наталья? Вы не играете? Отчего же?
— Мне здесь не нравится, — честно сказала я. — Лучше пойду гулять с «Читаго Бэрз». Вернулась за Олей.
— Да... понятно... — Тарасенко задумался, держа книгу в руках.

Поклонник вежливо кашлянул. Владимир вручил ему автограф и крикнул уже мне вслед:
— Подождите, Наталья! Я пойду с вами!..

Всю панораму, открывавшуюся с бульвара Гагарина в этот вечер, можно было нарисовать тремя красками: персиковое небо с серо-фиолетовыми облаками и река тех же цветов встречались на почти чёрном горизонте. Хотя нет — к этой палитре примешивались ещё и белые струи фонтана, устроенного прямо на воде.

Здесь было довольно многолюдно. Мы обошли памятник Александру Третьему и встали у парапета, обдумывая, куда идти дальше.
— Вот это — остров Юность. Мы гуляли там вчера, — пояснила Лена, настраивая камеру.

Прямо от набережной отходила насыпь к крупному острову; вверху, над кронами деревьев, виделся силуэт колеса обозрения.
— Какое поэтичное название, — кивнул Владимир, по-онегински облокотившийся на гранит.
— Вы можете пойти туда с девчонками, если они не против. А мы, пожалуй, уже выдвинемся домой. Надо собирать вещи, завтра днём на поезд, — вздохнул Ваня.
— На поезд? А сколько отсюда ехать до Читы?
— Почти сутки... Часов восемнадцать.
— Восемнадцать!.. Вот это здесь расстояния... — протянул Тарасенко в изумлении. — Так вы уже уходите?
— Да. До свидания, Владимир. Спасибо вам за компанию, и в лагере тоже!

Кирилл попытался было протестовать, но безуспешно. Всю дорогу от кофейни до набережной мы с ним осаждали Тарасенко, болтая о «свояке», футболе, родословной и прочих абсолютно не связанных между собой, но чрезвычайно интересных вещах. Оля по большей части молчала; Ваня же с Леной ушли далеко вперёд и беседовали о чём-то своём.

Читинцы обнялись с нами, пожали руку Тарасенко и скоро скрылись из вида. На прощание я взяла с Вани слово привезти команду на «Енисейскую знать», а взамен сама пообещала протащить ребят по всему Красноярску.
— Ловлю на слове! — крикнул Ваня уже издалека. — Я буду у вас уже в сентябре, так сказать, разведаю обстановку. Увидимся, девчонки!..

Мы остались втроём. Оля поглядела на часы:
— Уже поздно, кажется... В какую вам сторону, Владимир?
— Я не знаю, — пожал плечами Тарасенко. — Георгий должен был доставить меня до гостиницы. Могу сказать вам название и адрес...
— Ну, онлайн-карта у вас хоть есть?
— Нет, к сожалению.

«Ох ты, горе луковое!»—промелькнуло в моей голове. Судя по взгляду Оли, она подумала примерно о том же. Бросить одинокого редактора на улицах суровой Сибири, почти в шести тысячах километров от дома, было бы преступлением.
—Кажется, я нашла вашу гостиницу. Тут всего минут двадцать ходьбы, и бóльшую часть пути можно пройти по набережной. Пойдёмте гулять!—объявила я, сориентировавшись по карте.
—А до аэропорта вы сами-то доберётесь? Когда у вас самолёт?—спросила Оля с почти незаметным скепсисом.
—Не беспокойтесь, Ольга! Меня обещали подвезти. Рейс завтра ранним утром.
—С пересадками?
—Да, три часа подожду в Москве.
—Это же можно с ума сойти!
—Не скажите, Наталья. Сколько, по-вашему, я добирался бы по железной дороге?

Разговор свернул в философское русло, а именно—к противостоянию поездов и самолётов. Я влюблённо рассказывала Владимиру о романтике поездных путешествий, один раз даже процитировав стихи про ночь в поезде.
—Это вы сами написали?
—Нет, это Олино творчество.
—Браво, Ольга! Но…—Тарасенко прищурился и продолжил заговорщицким шёпотом:—Погодите, Наталья, я же видел *в вашем* блокноте какие-то стихи! И как раз про поезд.

Оля бросила на меня изумлённый взгляд. Я в отчаянии покраснела:
—Да нет, Владимир, это… так, у меня ничего не получилось… А как вы узнали?
—Так вы же вчера сами просили меня оставить автограф. Я открыл ваш блокнот, увидел стихи, а спросить о них не успел.

Точно, а я и забыла. Впрочем, провал ЧГК затмил для меня всё, что происходило между турами…

Вскоре совсем стемнело. Бульвар Гагарина, плавно перетёкший в небольшую улочку, вывел нас к оживлённой (конечно, по меркам Иркутска!) магистрали. На другой стороне дороги красовались аккуратные старинные домики, напоминавшие фигурки в центре снежного шара. Некоторые из них были подсвечены неоновыми гирляндами, точно накануне Нового года,—как по мне, это было излишним.

Оля включила камеру на телефоне и отошла от нас, ловя наиболее удачную перспективу игрушечного проспекта. Я повернулась к редактору:
—Вы не обижайтесь, Владимир, но теперь мы вас покинем. Уже темно, а нам с Олей ещё добираться до хостела… Вам осталось пройти полтора квартала вон в ту сторону, гостиница будет в одном из тех кирпичных домов. Сориентируетесь?
—Конечно. Спасибо вам,—тепло улыбнулся Тарасенко.—И ещё, Наталья. Я хотел бы вручить вам небольшой сувенир…

Я взглянула на подарок и отчаянно попыталась не расхохотаться. Определённо, Диме Белых не стоило осыпать почётных гостей хрупкими памятными подарками!
—Вла… Вла… димир, спасибо вам, но у меня уже есть точно такая же кружка, Михайлов подарил сегодня после игры…
—Вот как? Ну ладно. А у Ольги такой нет?
—Нет. Отдайте лучше ей, она обрадуется,—заверила я.

При виде кружки Оля просияла и искренне поблагодарила Тарасенко. (Как же хорошо, что перед вечеринкой мы зашли в хостел и оставили там все барчуковские трофеи—иначе Оле пришлось бы вызывать грузовое такси!)

Мы стояли на перекрёстке. На светофоре над красной фигуркой человечка сменялись цифры: «0:15… 0:14… 0:13…»
—Счастливо вам добраться, Владимир,—нарушила я тишину.—И сегодня до хостела, и завтра на самолёте.
—Спасибо, Наталья! И вам удачной дороги! Вы же найдёте меня в скайпе? Я оставил вам в блокноте свой логин.
—Ну конечно!

Пауза.
—А вы, Ольга? Не желаете тестировать мои вопросы? Наталья и Кирилл уже согласились.
—Интересное предложение,—улыбнулась Оля.—Не могу обещать, что у меня найдётся время, но…

Две секунды, одна секунда, зелёный.
—До свидания, Владимир!—крикнула я, кажется, чуть громче, чем следовало.
—До свидания! Рад был познакомиться!

Тонкая фигура в чёрной рубашке поло и тёмных джинсах быстро растворилась в сумраке улицы. Надо же! Вчера утром я ещё не знала этого человека, а теперь провожаю его с тяжёлым сердцем, словно старого друга. Определённо, на выездах время течёт по-другому!
—Я очень надеюсь, что ему по дороге не встретятся местные гопники,—прервала мои размышления Оля.—Иначе поездка в Сибирь запомнится Владимиру точно не Байкальским фестивалем…
—Да ну тебя, Оля!—я не выдержала и расхохоталась.—Пошли-ка к хостелу, а то не ровён час…
—Вот-вот, пошли. Кстати, а куда?..

Видимо, на этот день нам было недостаточно приключений. Мы умудрились перепутать Нижнюю набережную с бульваром Гагарина (из-за поворота Ангары её правый берег изгибался почти под прямым углом, образуя две эти набережные) и долго спорили, в каком направлении от нас находится хостел. Под конец маршрута я застряла ногой

между досками деревянного тротуара, проложенного вокруг здания на реконструкции, и заорала благим матом: мне показалось, что на меня напал какой-нибудь иркутский сухопутный крокодил или очередной комар-переросток.

Мы вернулись домой всего лишь в половине десятого, но были до того усталыми и голодными, что казалось, будто мы гуляли ночь напролёт. Однако едва я приползла на кухню и открыла холодильник, моё сердце растаяло.

— Оля, будешь тортик? Я угощаю!

От одного вида подарка, так трогательно начавшего моё утро, мне полегчало. Я поставила тортик на стол и побежала набирать воду в чайник.

— Не откажусь, спасибо,— тепло улыбнулась Оля.— Надо же попробовать, что там получилось состряпать посреди ночи…

Вода уже полилась из носика чайника, а я всё так же держала его под струёй, пытаясь осмыслить Олины слова.

— Как-как? Стряпать посреди ночи? Разве вы не купили его в супермаркете?..

— Нет, что ты! Анатолий Михайлович сам его готовил из бананов, печенья и сливочного сыра вчера ночью, когда ты ушла спать. Это была его идея, я только немного ему помогала!

— Офигеть,— проговорила я.

— Это похоже на него. Помню, был такой случай: однажды восьмого марта мы поехали на турнир, а у нас в команде были одни девушки. Так Барчуков принёс в поезд самодельный торт с… Да выключи ты воду, наконец!— засмеялась Оля.

Я выключила кран, поставила чайник и села за стол. Оля демонстративно закрыла лицо рукой, вынула чайник из раковины и переставила куда требовалось— закипать на подставку.

Кухонные часы показывали без четверти десять. Значит, наши едут уже около пяти часов…

Мне живо представилось купе «Плюс шести». (Дашкевичи, конечно, тоже едут этим поездом, но они наверняка в плацкарте, отдельно от барчуковской команды!) На верхней полке храпит Матвей, морщится и часто зевает Василий с электронной книгой, Андрей тоже спит или негромко разговаривает с капитаном… Барчуков отвечает ему, почти не отрываясь от ноутбука; на экране— либо мудрёные экономические статьи по работе, либо вопросы чгк— для души.

Интересно, что запомнится ему из этой поездки? Легендарная победа, которую он не увидел? Ночная прогулка? Цветок топинамбура?..

Мы аккуратно отрезали от торта по четвертинке, а остаток отправили в холодильник до завтрака.

— Знаешь, Оля,— сказала я, вертя в руках одинокую свечку,— два года назад родители заказали мне на совершеннолетие гигантский торт с фотопечатью. Вот ты не поверишь, но он был далеко не такой вкусный!

— М-м-м,— согласилась Оля, отпивая чай.— У Анатолия Михайловича золотые руки.

— И не говори!— я замотала головой, отгоняя от себя мысль, что вот здесь, на этой кухне, вчера ночью будущий герой «свояка» сосредоточенно смешивал сливочно-банановый крем и склеивал им печенье. В три часа ночи. В семь утра ему нужно было вставать на «Свою игру»…

Оля встала из-за стола, вымыла чашку и блюдце, повернулась ко мне. В её голосе звучало лёгкое смущение:

— Наташа… А про какие стихи говорил сегодня Тарасенко?

— Я обязательно тебе покажу,— задумчиво проговорила я, обводя свечкой узор на блюдце,— но потом, когда будет готово. Там всё равно ничего выдающегося.

— Зря ты так. Но ладно, я подожду,— кивнула Оля.— Спокойной ночи!

— Спокойной…

По краю блюдца шёл орнамент из крупных жёлтых цветов. Похоже на топинамбур— или фейерверк над старым городом— или искры в окне поезда…

Я почувствовала, что клюю носом, и резко встала из-за стола. Четырёхчасовой сон наконец дал о себе знать!..

Тудум-тудум. Тудум-тудум.

От стука колёс и невыносимой жары трещала голова.

В плацкартном вагоне было не меньше тридцати градусов, и даже открытая форточка не могла исправить положение. Я лежала на верхней полке, уткнувшись лицом в простыню, и медленно умирала от тоски. Напротив меня что-то читала Оля, снизу же разместились две недружелюбные соседки. Оставалось ещё семь часов пути.

Вот она, обратная сторона железнодорожной романтики! Даже Владимир, летевший с пересадкой через всю страну, наверняка уже дома.

Уснуть не получалось. Едва я закрывала глаза, как видела бесконечное небо и зеркало воды того же ясно-голубого оттенка. Вчера, когда я фотографировалась на фоне Байкала, меня чуть задело волной от прошедшей моторной лодки. Кеды мигом промокли; от неожиданности я заорала так, что меня было слышно, пожалуй, на другом берегу озера. Вот дура! Сейчас я не отказалась бы от такого прохладного душа…

Я приподнялась и пошарила рукой на багажной полке, но нащупала только пустую бутылку из-под воды. О, проклятие!..

— Оля, я пойду искать проводницу. Вдруг у неё продаётся что-то жидкое и холодное?— пробормотала я и сползла с полки.

Шлёпнула себя по лбу, залезла обратно и взяла сумку. Оля кивнула, не отрываясь от чтения.

Вода действительно нашлась. Конечно, она стоила баснословных денег, но теперь я готова была отдать за один глоток всё самое ценное, что было у меня,—чудом не растаявшую шоколадную сову, книгу и кружку Михайлова и блокнот с автографом Тарасенко. Правда, вряд ли проводница польстилась бы на это!..

Выпив залпом полбутылки и умыв лицо, я почувствовала, что оживаю; однако возвращаться в свой отсек мне уже не хотелось. Я зашла в тамбур, где было прохладнее, и устроилась у окна на крышке мусорного ящика. «Когда б вы знали, из какого сора...»—а впрочем, есть ли разница?

На широкую и плоскую деревянную крышку легко было забраться даже с ногами. Пассажиры мне не мешали: до ближайшей станции было далеко, и люди в вагоне в основном дремали, разморённые небывалой августовской жарой.

Итак, я уселась у окна и вынула из сумки блокнот. Задержалась взглядом на автографе Владимира, выведенном забавными печатными буковками, пролистнула немного назад и погрузилась в нахлынувшие воспоминания, словно в прохладное озеро.

И темнота, и гул колёс,
И дует от окна.
Порой над лесом промелькнёт
Растущая луна
И спрячется...

Тьфу ты, ну куда без романтизма! Не хватало ещё снежной бури или грозы за окном для полной коллекции штампов. Но ничего другого в голову не шло, и я оставила это как есть.

...И спрячется. Вагон-плацкарт
Уж смотрит пятый сон,
И тихо звякает стакан
Сопенью в унисон.

Сопенью—это было мягко сказано: Матвей гудел, как пароход. Впрочем, ладно.

По столику полоской свет
От редких фонарей
На станциях мелькнёт—и нет.
У поездных ночей
Особый шарм...

Я глубоко вздохнула и отвернулась к окну. Поезд с грохотом пронёсся по мосту через какую-то мелкую речку, и вскоре снова началась вечная монотонная тайга.

За окнами—глухая ночь,
Но паровозный дым
Пронизан искрами, точь-в-точь
Как фейерверк. За ним
Белеют звёзды...

—...О-бал-деть. Какие огромные!—я прижалась подбородком к стеклу, стараясь заглянуть как можно выше.
— Это оттого, что мы за городом, Наташа. Дома таких не увидишь—мешают смог и световое загрязнение. А хотелось бы, не правда ли?
— Ну конечно. Просто невероятно!..

...В городах
Не увидать таких...

—...Знаете, Наташа, это именно то, чего мне не хватает в городе. Помню, в детстве в деревне мы с другом выбрались на ночную рыбалку. Взяли лодку, выплыли на середину озера... Ничего не поймали, зато всю ночь любовались звёздным небом!.. Да. Хотите взглянуть, Оля?

Барчуков пересел, уступив своё место у окна. Редко на его лице можно было увидеть такую мечтательную улыбку без тени усмешки! Мы переглянулись, и он приложил палец к губам: кто-то на верхней полке недовольно заворочался.

Колёса отбивают такт
Некрасовской строки...

Это было так хорошо, что на этой ноте можно было бы всё и завершить. Или нет?

Четвёртый месяц в голове
Одна и та же ночь...

Нет, это не годится. Я вычеркнула последние две строчки и схватилась за голову, придумывая им замену... Но именно в этот момент—конечно же!—я заметила, что к урне выстроилась целая очередь, и мне пришлось покинуть своё импровизированное рабочее место.

В нашем отсеке было по-прежнему сонно и душно. Одна из соседок пришла вслед за мной, осторожно неся коробку только что заваренной лапши. И как можно в такую жару есть что-то горячее?!

Я закинула сумку с блокнотом на багажную полку, отвернулась к стене и закрыла глаза. Резкий острый запах, точно мадленовское печенье, немедленно вызвал целый ворох ассоциаций.

— А куда делся Василий?—спросила я, оглядывая купе.

Мы с Олей ехали с «Плюс шестью» уже часа полтора и успели сыграть пару туров тренировочного пакета. Я только-только запомнила всех по именам (исключая Барчукова, конечно,—его я знала давно), но уже чувствовала себя своей в этой компании.
— Наверное, ушёл заваривать «Доширак»,—пожал плечами Анатолий Михайлович.
— Так надолго?!
— Да ведь это же целое искусство!—воскликнул Матвей.—Не верите? А зря!

— Может, не надо...— слабо запротестовала Оля, но больше для вида.

Однако Матвей под одобрительный хохот «Плюс шести» уже устроил целое представление: открыл собственную коробку лапши, с видом дегустатора вдохнул пар и мелкими движениями, отставив мизинчик, всыпал в лапшу приправу из пакетика.
— Погоди секунду! Вот теперь продолжай! — крикнул Андрей, копаясь в телефоне.

Заиграла «Весна» Вивальди, и мы попадали со смеху.

В середине спектакля вошёл Василий с коробкой, оглядел умирающее купе и неодобрительно покачал головой. Ему уступили место у стола, и он начал свой обед: осторожно открыл крышку, деловито посолил и размешал лапшу.

Все сидели в полной тишине. Василий заозирался:
— А чего вы музыку выключили?

Как я ни крепилась, удержаться от хохота было невозможно.

Жара не уменьшалась. Соседки негромко, но назойливо заспорили о том, что вкуснее — «Доширак» или «Роллтон».
— Оля! — прохрипела я.
— Что?
— Полумрак — «Доширак».
— Позвать проводника с аптечкой? — деловито поинтересовалась Оля.
— Нет. Я дарю тебе эту рифму. Вдруг ты задумаешь ещё стихи про железную дорогу?
— Да какие тут стихи? — вздохнула Оля. — Без команды в поезде совсем тоскливо.

Я согласно помолчала и придвинулась как можно ближе к форточке, подставив лицо прохладному ветру. Но не прошло и нескольких минут, как моё блаженство кончилось: поезд остановился. Диспетчер прогнусавила: «Скорый поезд номер... на вторую платформу... нумерация вагонов...» Люди в плацкарте ожили и высыпали на перрон; наши соседки тоже куда-то ушли.
— Вот мы и возвращаемся, — прервала тишину Оля. — Странная вышла поездка. Трудно даже сказать, успешная или нет...
— Да ты что! У нас столько достижений! Почётное восемнадцатое место в общем зачёте, — я загнула палец, — много смазанных фотографий, мои стёртые ноги, разбитое сердце Гоши Щербицкого...
— Не Щербицкого, а, скорее, Тарасенко, — перебила меня Оля. — И что ты привязалась к Гоше?
— Ну как же! А зачем, по-твоему, он вчера возил нас на смотровую, а потом в сто тридцатый квартал? Ещё и угостил ужином в ресторане!
— Я ж тебе в сотый раз говорю: Гоша — мой друг из лагеря, — обиделась Оля, — вот он и встретил нас *по-дружески*. Почему он непременно должен за мной ухаживать?
— Да шучу я, шучу. Очень приятный парень, — успокоила я Олю.

Тарасенко не соврал: Щербицкий оказался превосходным гидом. Интуитивно он подобрал для маршрута именно то, что нас интересовало: Оля пофотографировала живописные церквушки и деревянные наличники в историческом квартале, а я половину дороги проболтала с Георгием о декабристах, живших здесь на поселении. Кажется, о лучшем завершении поездки я не могла и мечтать!..

Оля, кажется, не приняла моё оправдание и надулась, уткнувшись в телефон. Надо было пользоваться случаем: Интернет ловил только на крупных станциях. Я закрыла глаза, вслушиваясь в бормотание диспетчера за окном. Чита — Анапа... Владивосток — Москва... Нерюнгри — Москва... Интересно, где находится это Нерюнгри?..

Сперва тихо, но всё громче и отчётливее до меня донёсся сдавленный смех.
— Погляди, Наташа, — шепнула Оля, протягивая мне телефон, — тебе это понравится!

Я без особенного интереса взглянула на экран... и едва не свалилась с полки. Первым, что бросилось мне в глаза, была фотография Барчукова, сделанная на каком-то награждении лет пять назад. Над картинкой помещался заголовок: «Красноярец победил в фестивале интеллектуальных игр, сбежав после половины финала».
— Кто... кто это написал?..
— Понятия не имею! Статья вышла на сайте сибирских новостей. Да почитай же, что там написано!

Заметка была на редкость корявой. Очевидно, что писавший её журналист был далёк от ЧГК и переврал кучу вещей: камерный Байкальский фестиваль получил звание «крупнейшего турнира за Уралом», а к Дружникову, Платонову и Глинскому присоединился ещё и мифический «четвёртый соперник Барчукова». Но факт оставался фактом: как и предсказывал Тарасенко, победа Анатолия Михайловича уже вошла в чегекашный фольклор. И это, чёрт возьми, было приятно!
— Силы небесные, что за белиберда!..— задыхаясь от хохота, выдавила я. — А пафоса, пафоса сколько! Но всё равно это очень мило.

Оля кивнула, не переставая беззвучно смеяться.
— Вот так... и побеждай... а потом про тебя такое напишут!
— Видишь, Оля, мы с тобой всё правильно сделали.
— Что-что?
— Что не победили. Кто скажет, что наша поездка вышла неудачной?..

Постепенно люди возвращались в вагон; наши соседки снова заняли нижние полки, и нам пришлось замолчать. Поезд тронулся.
— Перешли мне это, пожалуйста, — попросила я Олю, возвращая ей телефон.
— Погоди минутку... Всё, готово.

Я ещё раз пролистала статью. Мои глаза задержались на фразе: «Уже в поезде Анатолию позвонили и сообщили, что кубок „Своей игры“ достался именно ему». *Позвонили и сообщили…* Как безлико это звучало!

И всё же речь шла именно о нас с Олей. Всё было справедливо: я взялась рассказать Анатолию Михайловичу о триумфе, а Оля — вручить ему кубок. Пусть опосредованно, но мы оказались хоть чуть-чуть причастными к этой легенде!..

Барчуков улыбался, победоносно и чуть иронично глядя прямо в камеру. В моей голове всё звучал усталый, но радостный голос: «Наташа… Спасибо за приятную новость!»

Я достала наушники, подключила к телефону и нажала на случайный выбор трека. Очень кстати включилось «Паспье» Дебюсси, и монотонный ритм фортепиано зазвучал в такт колёсам поезда.

Свежий ветер, врывавшийся в форточку, напоминал о ночи на Нижней набережной.

• • •

Снова поезд, снова ночь —
Значит, снова время прочь.
Меж мирами безвременье,
Среди ночи чай с печеньем.
Разговоры без цензуры,
Редко — проводницы-дуры,
Неумолчный храп соседа,
Километры за беседой.
Хоровод воспоминаний,
Пополненье базы знаний.
Под мельканье семафоров —
Километры разговоров.

• • •

И темнота, и гул колёс,
И дует от окна.
Порой над лесом промелькнёт
Растущая луна
И спрячется. Вагон-плацкарт
Уж смотрит пятый сон,
И тихо звякает стакан
Сопенью в унисон.

— Который час? — Почти что три.
Давно пора бы спать. —
Давно пора… но стоит ли
Об этом вспоминать?
По столику полоской свет
От редких фонарей
На станциях мелькнёт — и нет.
У поездных ночей

Особый шарм. Наш разговор
Прервётся лишь на миг,
Когда со шваброю пройдёт
Суровый проводник.
— Всё шепчетесь? Идите спать!
Ну засиделись вы! —
И правда: всё трудней прогнать
Туман из головы.

За окнами — глухая ночь,
Но паровозный дым
Пронизан искрами, точь-в-точь
Как фейерверк. За ним
Белеют звёзды — в городах
Не увидать таких…
Колёса отбивают такт
Некрасовской строки.

…Беседуем — как тут уснуть!..
— Ох, Боже! Шесть утра!
Я вас замучила. — Ничуть.
И так вставать пора… —
Пора! Полуночных бесед
Проходит время. Вот
Уж заворочался сосед,
И розовый восход

Вливается в окно, тесня
Вагонный полумрак.
Вот кто-то бережно несёт
Кипящий «Доширак»,
И проводник на весь вагон
Кричит сквозь шум и лязг:
— Сдаём бельё! Мы через час
Прибудем в Красноярск!..

И ночь прошла… Уже в окне
Мелькают гаражи,
Но город пасмурный меж тем
Мне кажется чужим.
И невозможно досказать
Ночных историй — днём…
Лишь ложка бьётся о стакан
С остывшим «три в одном»[26].

26. Стихи Анастасии Прохоренко.

Анна Лещёва

Дети природы

Был у нас в деревне один человек, знали его все, одни откровенно недолюбливали, другие восхищались. Звали его Василий Савельич, тогда ему было около семидесяти. Седой старичок с добродушными глазами и длинной белой бородой. Иногда он говорил, что с ней ему неудобно, а на вопрос, почему не подстрижёт, отвечал: «Детям нравится, я у них в роли волшебника». В доброте его сердца ни у кого не было сомнений, но вот с внешностью ему не повезло. На лице остался сильный ожог, полученный в юности на службе, он тогда работал пожарником. Я раньше сам его боялся, но он никогда не обижался, когда видел мои полные ужаса глаза, вместо этого улыбался, и сразу на душе становилось легче.

Жил он небогато, в старом, потрёпанном временем домике, один, без жены, без детей. Избушка его стоит на окраине, набок наклонённая, но вокруг всегда растёт множество цветов и деревьев. У него прекрасный сад с бесчисленным количеством фруктов, ни у кого больше такого в деревне не было. Я сам часто заходил к нему, он от всей души угощал фруктами и овощами. За это бескорыстие и искреннюю доброту его любили все дети.

Василий Савельич ещё известен тем, что каждую неделю по воскресеньям ходил с мешком в руках и очищал улицы от мусора. Молча, бесплатно и с улыбкой, никогда не просил помощи, никогда не слушал насмешек. На вопрос, зачем он это делает, отвечал: «Я сын своей матери, но также я сын природы, и я ей многим обязан. За всё, что она для нас делает, мы только загрязняем и убиваем её, я так не хочу. Пусть от меня одного помощь небольшая, но она есть. И до смерти я буду делать то, что делаю!» Говорил он серьёзно и с достоинством, вызывая во мне невольное восхищение и подражание. Я стал ходить с ним вместе собирать мусор, и со временем к нам подключились другие дети. Это было не назвать работой, совсем наоборот, Василий Савельич делал это весёлым времяпровождением, рассказывал о своей молодости и почему следует заботиться о природе. Я слушал его внимательно и сейчас серьёзно отношусь ко всему окружающему миру.

Мне помнится, как я впервые задал ему вопрос, мне тогда было около шести, и я был не слишком сообразительный. Я спросил его: «Ведь человек — царь природы, почему он должен ей?» Василий Савельич сел на корточки и внимательно посмотрел мне в глаза, пристально и сурово, затем мягким тоном, но с твёрдостью в голосе стал разъяснять: «Человек — не царь природы, если и царь, то только бесчувственный тиран, делающий всё для себя и не заботящийся больше ни о ком. Представь, что было бы с миром, если бы исчезли все животные и растения. Нечем было бы восхищаться и любоваться. Голая земля, серое небо и грязный воздух — представляешь? Хотел бы ты жить в таком мире? Конечно, нет. Все мы привыкли любоваться закатом, вдыхать аромат цветов, вкушать плоды деревьев, мы получаем это бесплатно. Природа щедра. Но всё в этом мире требует помощи и заботы, а за свою доброту она получила грязь, мы просто плюнули ей в душу. Вырубаем деревья, убиваем животных ради развлечения, опустошаем ресурсы, а теперь ещё и сбрасываем химикаты в речки. Посмотри вон туда, на рощу: видишь, листья с каждым годом становятся всё тусклей, кора обваливается, а трава желтеет раньше срока? Это природа заболевает, она кричит о помощи, но не многие могут её услышать, некоторые откровенно не замечают. Но это происходит, и с каждым разом это видно всё больше. Я её сын и я буду до смерти ей обязан. Пусть я не могу остановить этот мир и я ничего в нём не значу, но я могу остановить себя, я сам буду всеми силами оттягивать её смерть. Буду стараться, прогресс идёт вперёд, а природа остаётся на месте, и пусть я буду единственным человеком, которому не всё равно, что вокруг происходит. Но я им буду!» Тогда он говорил со мной как с взрослым, серьёзно и без капли смеха. Я после этого много думал, перестал мусорить и ещё больше втянулся в работу.

Некоторым родителям не нравился Василий Савельич: заставляет детей работать, навязывает им свои взгляды. Они убеждали детей, что он просто сумасшедший старик, и каждый раз, когда чьи-нибудь мать или отец на него кричали, он слушал молча, только кивал и со всем соглашался. Их слова для него ничего не значат. «Взрослые любят себя и детей, их уже не изменить. И знаешь, что самое страшное? Что они это прививают детям с детства. Безразличие ко всему, повторяя: деньги, деньги, деньги…» — так он говорил. Поэтому

и не обижался на них. Но когда ему это говорил ребёнок, на него было жалко смотреть: он так же слушал молча, а потом шёл к себе домой, беззвучно плача, только слёзы текли по его обожжённой коже. Мнение взрослых для него ничего не значило, но слова детей ранят его похлеще хорошо наточенного ножа, прямо в сердце.

Становясь взрослее, я стал всё чаще к нему заходить, он многому меня научил: распознавать лекарственные растения, ухаживать за цветами, собирать грибы. Он стал брать меня с собой в походы в лес, на речку, на рыбалку, и, возвращаясь, я с замиранием сердца ждал нового. Я любил его как родного дедушку. Прошло пять лет, мне исполнилось двенадцать, и однажды Василий Савельич сам зашёл ко мне домой. Я заметил, что он выглядит намного хуже, чем обычно, словно постарел сразу за раз. Под глазами были синяки, а морщинки стали видны отчётливее, губы сухие и потрескавшиеся. Он смотрел на меня устало, но с любовью. Громко и протяжно вздохнул и сказал:

— Здравствуй, внучок. Извини, что без приглашения, разговор есть.

Я поздоровался и пригласил его войти. Мы прошли на кухню и сели за стол. Я налил ему чай.

— Я вот что хотел сказать. Чувствую я, что скоро смерть моя придёт, и поэтому хочу тебя попросить ещё один, последний, раз сопроводить меня в поход. Хочу в последний раз посмотреть на этот мир.

Я смотрел на него ошарашенными глазами и стал протестовать, говоря, что он ещё не слишком старый. Но Василий Савельич сделал жест рукой, велев мне замолчать.

— Я знаю, о чём говорю. Так как, ты согласен, завтра в шесть утра?

Я кивнул. В голове ещё крутились мысли о его словах насчёт смерти, и из груди невольно вырывались слова протеста, но я, плотно сомкнув губы, держал рот закрытым. Василий Савельич был таким человеком: если что-то решил, то отговаривать бессмысленно. Мы допили чай, и он ушёл.

Я долго не мог заснуть в тот день. Лежал на кровати, держа руки за головой, уставившись в потолок. Я не мог понять: с чего это он решил умирать? Почему он так в этом уверен? В голове крутились воспоминания о каждом нашем походе, которые приносили в сердце радость. Я невольно улыбался. Он стал моим учителем и наставником, я всегда ходил к нему за советом; пусть это был очередной пустяк, он поддерживал и советовал как поступать. Он был не только моим советчиком, но и моим лучшим другом. Ни с кем из своих друзей я не был столь откровенен, как с ним. И от одной мысли, что он может умереть, становилось не по себе, после его слов внутри поселилось неприятное чувство, будто ты ждёшь чего-то плохого и уже представляешь, как это случится, водя ножом по сердцу.

Мы вышли ровно в шесть часов. На нём были простые спортивные штаны, потёртые на коленках от постоянного ношения, и лёгкая футболка. На спине он нёс свой большой походный рюкзак с провизией и питьевой водой, плюс другие предметы по мелочи. Рюкзак был цвета хаки, со сломанными собачками и одним порванным насквозь карманом, который был неумело заштопан. Василий Савельич поздоровался, выражение его лица было несколько задумчиво-грустное, хотя при виде меня он постарался искренне улыбнуться — получилось слабо и натянуто. Я на расстоянии почувствовал, что что-то не так и что что-то лежит у него на душе, чем он хочет поделиться, но не может.

Мы пошли по узкой тропинке через лес к озеру. Василий Савельич выглядел задумчиво и не спешил начинать разговор, а я не знал, с чего начать. В ту минуту мне казалось, что между нами образовалась бездна, словно он отгородился от меня стеной, я всё никак не мог найти дверь или мост.

Мы вышли в лес. Василий Савельич с улыбкой оглядывал любимые берёзки, подходил к ним и нежно гладил по стволу. Я невольно улыбался, но подмечал, что временами в его взгляде проскальзывала грусть. Мы пошли дальше по лесу, и тогда он завёл со мной необычный разговор.

— Ты слышишь? — спросил он, резко остановившись и взглянув мне прямо в глаза.

Я вопросительно на него посмотрел, и он продолжил:

— Слышишь голос леса?

Я прислушался, но ничего не услышал.

— Слышишь, как шелестят листья, словно музыка? Всё гармонично и благозвучно, всё едино. Один ритм, который поддерживают все. Будто хор чистейших голосов. А птицы? Здесь их немного, но каждая участвует в пении. Вот, посмотри туда — дятел: слышишь, как он стучит, словно является барабанщиком, дополняет и обогащает всю мелодию? А слышишь, как трава колышется под дуновением ветра? Или вон та старая сгнившая коряга, издающая звук, похожий на флейту? Разве ты этого не замечаешь?

Я огляделся вокруг. Если честно, то я не особо различал звуки: может, потому, что у меня нет слуха? Или я не умею слушать? Я изо всех сил пытался напрячь слух, чтобы понять, о чём говорит Василий Савельич, но не мог. Всё казалось обыденным, не созвучным, я не слышал той симфонии, о которой он говорил. Все эмоции отразились у меня на лице, и я даже невольно опустил глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Ничего, что ты не слышишь, — ободряюще произнёс Василий Савельич, садясь на корточки, чтобы смотреть мне в глаза. — Услышишь ещё. Лес ни на минуту не замолкает.

Мы пошли дальше. Я старался прислушиваться и стал кое-какие звуки даже различать. Понял

ритм дятла, стал подмечать ускорение и замедление, особенный такт и, наоборот, хаотичный стук. Услышал пение сверчка, такое громкое, что я невольно вздрогнул, а Василий Савельич широко улыбнулся. Мы шли около часа по узкой тропинке. Я то и дело спотыкался о выступающие корни, а когда смотрел под ноги, получал веткой по голове, слыша смех моего учителя.

Лес постепенно становился всё реже, пока мы не оставили последнюю берёзку и не пошли по полю ржи. Золотые, подобно солнцу, колоски наклонялись из-за ветра. Это невероятная картина, которую не сможет описать даже самый талантливый художник. Невозможно передать ту композицию красок ни пером, ни кистью. Солнечные лучи ласкали поле, даря каждому колоску часть своего света, отчего он светился ещё ярче. Это богатство природы не сравнить ни с чем, ни одно золото не обладает столь насыщенным цветом. Я невольно раскрыл рот от восхищения. Никогда не устану любоваться очередным чудом природы. Человеку никогда не повторить это, как бы он ни старался. Я взглянул на Василия Савельича, тот широко улыбался, его лицо светилось при свете солнца, но ещё от него исходил внутренний свет. Его лицо олицетворяло искреннее восхищение; хотя он был здесь не меньше ста раз, выглядел каждый раз одинаково, будто впервые.

— Ты видишь? — снова спросил он, поворачивая голову.

— Да, здесь потрясающе, — прошептал я.

— Не только. Ты видишь танец поля? Все под беззвучную музыку наклоняются и снова выпрямляются. Это единство и лёгкость. По-настоящему воздушный танец. Если бы мы могли видеть ветер, мы бы заметили, что он танцует вместе с колосками.

Я улыбнулся. Конечно, особого танца я не заметил, но Василий Савельич говорил это с таким воодушевлением, что невольно хотелось поверить. Мы пошли дальше, я вертел головой из стороны в сторону так, что заболела шея, не желая ничего упускать, искал новые чудеса и незримые загадки.

— Вот мерзавцы, — сказал Василий Савельич, остановившись.

На дороге лежала пустая бутылка. Она была приплюснута в середине — похоже, на неё специально наступили. Василий Савельич помотал головой и, кряхтя, наклонился и поднял её. Затем убрал в рюкзак.

— Ничего святого для них нет! Только мусорить и горазды, — шептал он, продолжая идти.

Я стал подмечать, что каждый шаг даётся ему с трудом, он тяжелее дышал и тихо присвистывал. На моё предложение отдохнуть ответил отказом.

По полю мы шли около двух часов. С каждым пройденным метром у Василия Савельича появлялась отдышка, и дышать он стал намного тяжелее. Я волновался, но знал: если предложу вернуться, он может обидеться.

Дальше мы прошли небольшою рощу, а за ней показалось озеро. Идеальный круг с чуть зеленоватой, но прозрачной водой. Водная гладь была неспокойна, и время от времени по ней пробегала рябь. Будто ветер ласково водил по ней пальцем. Как сквозь хрусталь, было видно дно, покрытое высокими водорослями и кое-где тёмно-коричневым песком. Мы подошли к воде. Берег представлял собой небольшую площадку короткой травы, которая заканчивалась резким обрывом, около метра в высоту. Я аккуратно подошёл к краю. Василий Савельич с глухим стоном снял рюкзак и сел на траву, тяжело дыша. Его резкие громкие вздохи ещё больше заставили меня волноваться, и я вернулся, сев рядом.

— Вот мы и пришли. Какая красота! Жаль, что вижу это в последний раз, — грустно заметил он, вызвав у меня новый удар по сердцу.

Я положил руку ему на плечо. Он улыбнулся и нежно потрепал меня по голове:

— Ничего, все мы когда-то умрём, это не страшно. Будто спишь. Жалко только, что я не смогу больше видеть всё это, вдыхать аромат, слышать песни. Эх, жалко, жалко…

Я ничего не ответил. Василий Савельич посидел ещё немного и стал готовить еду, достал из рюкзака сардельки, специальные палочки, разжёг костер. Я с удовольствием держал сардельку над костром, в воздухе разносился чудесный аромат, невольно вызывая слюнки и неукротимый аппетит. Горячая, вкусная.

— Ничего нет вкуснее, чем сосиски, пожаренные на огне на свежем воздухе, — хохотнул Василий Савельич.

Мы ели молча. Затем, когда он убрал остатки еды обратно в рюкзак, то завёл со мной необычный разговор, который я до сих пор помню слово в слово.

— Как ты думаешь, что такое красота? — спросил он, не отрывая глаз от озера.

— Это всё, что нас окружает, — ответил я.

— Всё, что нас окружает, — задумчиво повторил он. — И убийства, и смерть — это тоже красота?

Я смутился и пожал плечами.

— Нет, не волнуйся, ты прав. У каждого свои понятия о красоте. У кого-то это цветы, у кого драгоценности, деньги, дети. А знаешь, что я думаю? Я думаю, что красота — это жизнь. Нет ничего прекрасней жизни, какой бы она ни была. Это самое прекрасное и самое дорогое, будь то жизнь человека или растения. Мы все живём. Знаешь, что ещё смешно? То, что жизнь человека ценится, а жизнь растения нет. Хотя мы все заслужили это право. Каждая жизнь бесценна. Так вот что я хочу сказать: пожалуйста, когда меня не будет,

не забывай об этом. Не надо никого убивать, ни цветок, ни человека.
— Это значит, что жизнь растения дороже?
— Нет, конечно, нет,— улыбнулся он.— Мы все равны, каждый со своими особенностями и отличиями. Мы все едим, дышим, живём. Вот посмотри туда — что ты видишь?

Я посмотрел туда, куда он показывал: это был одуванчик, простой, жёлтый, который встречается повсюду.
— Одуванчик,— ответил я.
— Правильно. Видишь его уникальность? Необычную форму его бутона, чуть овальную?

Я пригляделся и заметил, что это правда, он был как бы вытянут с одной стороны.
— Восхитительно, правда? Это красота в мелочах, то, что недоступно каждому. Это чудо природы, её фантазия и творение. И это невероятно.

День прошёл великолепно. Василий Савельич показывал мне красоту в мелочах. Мы ходили медленно, и он обращал моё внимание на ту или иную вещь. Мы нашли гнездо дроздов и долго наблюдали, сначала за неокрепшими птенцами, а потом — как их кормит мать, как она нежно кладёт еду им в ротик. Я раньше никогда такого не видел. Мы наблюдали за жизнью муравьёв. Василий Савельич показывал их слаженную и единую работу, как несколько муравьёв вместе несут одну веточку или листочек. Казалось бы, обычный муравейник — что в нём особенного? Но это было поистине необыкновенно, я никогда не присматривался и не видел, как это красиво. Василий Савельич раздвигал заросли травы и показывал мне, что они скрывают. Мы нашли венерин башмачок, цветок, занесённый в Красную книгу. Он и вправду походит на башмачок, тускло-бордовый с отблеском розового.

Постепенно день клонился к вечеру, солнце стало не таким ярким и тёплым. Ветер стал более холодным и пронизывал до костей. Мы решили идти обратно. В свете заходящего солнца поле не было уже таким ярким, но оставалось золотым. Краски природы не смыть ни одним растворителем.

Мы прошли поле и зашли в лес. Василий Савельич двигался медленней, каждый шаг давался ему с трудом. От моего предложения понести его рюкзак отказался, и мне приходилось мучиться не только с неприятным ощущением в душе, но и с возникшей совестью. Вдруг он резко остановился и полез в рюкзак, суетливо шаря по карманам. Достал несколько семечек и, приложив палец губам, велел мне вести себя тихо. Осторожно и медленно подошёл к дереву и опустил руку. Я недоуменно на него смотрел, пока не заметил в нескольких шагах суслика! Тот стоял на задних лапах и беспокойно оглядывался. Шёрстка была светло-коричневая, с чёрной полоской. Заметив угощение, он стал медленно обходить руку, подозрительно поглядывая на Василия Савельича. Потом одним прыжком очутился около его руки и, быстро схватив семечко, спрятался меж травы. Василий Савельич улыбнулся, но не сдвинулся с места. Через две минуты суслик показался снова и уже без промедления забрал ещё одно семечко, ускакав обратно в траву. Так продолжалось, пока не кончились семечки. Я улыбался, а Василий Савельич, отряхнув руки, встал на ноги.
— Вот воришка, боится есть при нас, убегает,— усмехнулся он, и мы пошли дальше.
— А как у вас получилась заставить его взять семечки?— спросил я.
— Я не заставлял. Просто он ещё молодой и ни разу не видел человека. Ты никогда раньше не думал, почему животные боятся человека? Почему, когда ты видишь белку, она в страхе убегает и старается забраться повыше? Она чувствует, что от человека не будет ничего хорошего, она видит в нём потенциальную угрозу, и срабатывает инстинкт самосохранения. Если бы все люди были добры, они бы привыкли, но мир, к сожалению, состоит не только из добрых людей. А если действовать аккуратно, страх пропадает, и зверёк может спокойно принять угощение.

Остаток леса мы прошли в молчании. Вернувшись обратно в деревню, Василий Савельич как-то грустно мне улыбнулся и молча показал рукой на небо. Я повернул голову и увидел закат в самом его расцвете. Небо окрасилось в нежно-розовый, словно приобрело румянец. Солнце, насыщенно-жёлтое, подобно большому шару чистого огня, наполовину скрылось за горизонтом и дарило земле последние лучи света и тепла. Голубое небо стало тусклее, потеряло насыщенность и приобрело лёгкий голубоватый цвет, будто замершее озеро. Несмотря на то, что обычно эти краски не гармонируют друг с другом, сейчас они составляли единую композицию. Последние шаги солнца и приход луны. Мы стояли долго и смотрели вдаль, пока солнце полностью не скрылось, передав пост луне.
— Вот и всё, мой последний закат,— прошептал Василий Савельич, грустно улыбаясь. Затем повернулся ко мне:— Спасибо тебе большое, внучок, за этот прекрасный день. Прощай. Помни, что я тебе говорил.

Я снова хотел возразить, но он остановил меня взмахом руки, затем нагнулся и крепко обнял. Кажется, на моих глазах выступили слёзы. Отпустив меня, он улыбнулся, в глазах проблескивали крохотные слезинки, но они сияли радостью и любовью. Василий Савельич, смеясь, потрепал меня по голове и, махнув рукой в знак прощания, пошёл домой. Я ещё долго смотрел ему вслед. Это был последний раз, когда я видел его живым.

Он умер в ту же ночь, во сне — просто остановилось сердце. Не передать словами, что я

чувствовал, во мне словно что-то погибло. Будто он ушёл и забрал частичку меня, оставив пустоту. Я много плакал. Не хотел верить, думал, что это всё розыгрыш, не мог представить, что его больше нет.

На его похоронах присутствовала вся деревня. Оплачивали их тоже вместе. Я смотрел на его спокойное бледное лицо, и в голове возникали воспоминания, его улыбка, нежные, ласковые слова, мне даже показалось, что он сейчас очнётся, придёт в себя. Но этого не случилось, он не очнулся, и его похоронили. Я несколько дней жил как в тумане. Не мог избавиться от мыслей, каждую минуту представлял его лицо, невольно вызывая в сердце боль.

Сейчас мне тридцать лет, пустота в сердце, вызванная его смертью, заполнилась тёплыми воспоминаниями, которые всегда со мной. У меня жена и двое детей, мальчик и девочка. Я остепенился, повзрослел и поумнел, но никогда не забываю преподанные им уроки. Каждое воскресенье мы всей семьёй выходим на улицу и убираем мусор, соревнуемся, кто больше уберёт. Теперь я учу своих детей, что надо бережней относиться к природе, ведь мы тоже её дети. Пусть от нас четверых помощи немного. Но она есть!

Д*и*Н симметрия

Валерий Брюсов

Только русский

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть,—
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы—дики,
Тёсан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнёт,—

Выполняя труд тяжёлый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,
Он был чужд вселенских благ;

Просвещенья ключ целебный
Скрыв, бросали нам цари
Лишь хоругви, лишь молебны,
В пёстрых красках алтари!

И когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик,—
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нём, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нём теперь—простор надежде,
В нём—свободный человек.

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневный
Шум её, и гул, и гам,—
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

Александр Шевченко

Дублёр господина Капура

1.

Сиддхарт Капур хлопнул в ладоши и весь заулыбался. Кончики его чёрных усов устремились к небу. Этим весёлым усам было объяснение, ведь проект, который три года водружали на рельсы, наконец-то приготовился зашевелиться. Банк изучил все документы и согласился выдать кредит. Мечты собрались сбываться.

Сын успешного эмигранта из Индии, Сиддхарт Капур был лучшим студентом курса. Престижный британский университет, ослепительные перспективы. Но и в этой истории возникло досадное «но». Банкротство, настигшее Капура-старшего, не позволило оплачивать дальнейшее обучение его сына. Поэтому в один печальный день бедолага Сиддхарт собрал чемодан, покинул кампус и двинулся в Лондон. Там он стал подряжаться, работая то по специальности, то нет. И вот на очередном безрадостном пристанище его неожиданно настигла фортуна.

Один из тройки акционеров компании «Глобал Абсолют» по делам предприятия находился в Лондоне. Там в одной нотариальной конторе он и познакомился с Капуром, где тот числился помощником нотариуса. Впервые Сиддхарт увидел живого русского бизнесмена, о каких раньше слышал лишь на курсе про налоговые махинации. Он был в дорогом костюме, от него пахло дорогим одеколоном, дорогая машина ждала у парадной. В надежде угодить клиенту, он дал акционеру не под протокол занимательный совет по структурированию его сделки. Акционер хмыкнул. Это значило, что ему понравилось.

Слово за слово, и акционера осенило: вот он, человек, который нужен! Под новый проект компании «Глобал Абсолют» открывалась дочерняя организация. Назначать директором кого-то из троицы акционеров? Никому не нужная прозрачность. Вводить на должность номинального киприота? Тоже моветон. А тут совсем другая музыка. Молодой красивый индус в усах, толковый и всем своим видом олицетворяющий прогресс. Да ещё и приятное дополнение в виде хоть и не законченной, но всё же степени в финансах, менеджменте и праве. Думать нечего.

Капура долго соблазнять не пришлось. Он видел лишь два варианта. Либо остаться младшим помощником нотариуса и жить мечтой о реинкарнации в старшего помощника. Либо очертя голову ринуться в загадочную заснеженную страну, заработать быстрых деньжат и вернуться в Лондон, чтоб окончить обучение. И тут опять-таки думать нечего.

Сиддхарт кивнул, кивнул и акционер. Короткий звонок коллегам — и назначение состоялось. Обошлось без плясок на столе нотариуса, но дверь, тем не менее, хлопнула зычно. Сиддхарт Капур вышел из нотариальной конторы почти счастливым человеком. И было от чего. Ведь он, начавший забывать и финансы, и менеджмент, и уж тем более право, снова оказался в обойме, снова носил костюмы и снова перестал водить машину сам.

2.

— Сергель, в офис! — скомандовал Капур водителю, и машина тронулась.

— Альё! Валерь? — воззвал Сиддхарт в трубку.

— Он самый. Здравствуйте, господин Капур, — отозвался Валера на другом конце провода.

Валера работал в «Глобал Абсолют» и вёл юридическую часть проекта Сиддхарта Капура. Но о нём чуть позже.

— Готовь финал версий договор. Бэнк согласил подписание зявтра. Акционер договорились, что будет пресс, газет, высший уровень. Всё должен пройти хорошо. Не подведи! Ну, всё. Привет.

Валера выдохнул. Банк одобрил кредит — значит, проекту быть. Финансирование подтолкнёт его в горку. За новыми начинаниями поспешат новые свершения, и тут как тут — обетованный годовой бонус за успешный старт нового направления. А там и погашенная ипотека, новая машина не в кредит, Рио… В общем, вся та отдача и взаимность его поприща, нехваткой которой Валера был измучен за последние годы.

Валера перелез из кровати в тапочки, налил себе кофе и набрал номер помощника.

— Данила, здравствуй! Слыхал новость?

— Здравствуй! Какую?

— Газет не читаешь?

— А что там?

— А там про тебя написано.

— Как про меня?..

— Пишут, что сидишь ты без дела, как Ярославна, и пальцем в носу бередишь. А меж тем нам Индус звонил. Сказал, что банк дал добро.
— В смысле — нам кредит дадут?
— Об что и речь. Завтра подписываемся. У тебя же там всё готово? Недаром же ты в потолок поплёвывать стал?
— Да вроде как.
— Ладно, в сторону прибаутки. Проверяй ещё раз финальную версию, печатай да сшивай.
— Хорошо, всё сделаю. А ты скоро? Тебя тут спрашивали.
— Ага, — Валера отпил кофе. — Уже лечу.

Данила повесил трубку и слез с подоконника, на котором мечтал последние полчаса. Раскопав на столе финальную версию договора, он пошёл на пятый круг читки. Но мысли отвлекали его от процентных ставок, досрочного погашения, штрафов и пеней и скользили где-то далеко-далеко. На своей невысокой должности Данила был далёк от высоких смыслов всех этих конструкций и материй. Как представитель сословия вчерашних студентов, он ждал роста, но роста стремительного, яростного. Чтобы на каждый профессиональный вызов отвечать гениальным решением. Чтобы его начальники в недоумении пучили глаза и осыпали Данилу дублонами. В общем, он жаждал скорее сворачивать горы. Но где те горы, и как их свернуть? Сперва хоть поддеть бы. Насущнее пока был вопрос с испытательным сроком. Валера дал ему три месяца, но шанса выслужиться не дал. Поэтому проект Сиддхарта Капура оставался единственным шансом проявить себя. Если с кредитом всё пройдёт успешно, то испытательный срок, наверное, будет пройден. А там, глядишь, и новый костюмчик, и велосипед, и Сочи…

Данила налил себе чаю и позвонил на ресепшн.
— Юль, я тебе сейчас направлю несколько файлов. Распечатай, пожалуйста, в цвете, в двух экземплярах. Ну и сшей там всё красиво. Как ты умеешь.
— Так всё-таки будет подписание? — в Юлином голосе лопнула какая-то струна.
— А чего ж ему не быть? Индус обо всём договорился. Ну, распечатаешь?
— Дань, тут проблема.
— Какая? Принтер тю-тю?
— Господи, да не с принтером. С Капуром.
— А что с ним? — Данила сделал оптимистичный глоток свежезаваренного чая.
— С ним-то ничего, а вот его виза…

Сказанная фраза заставила Данилу поперхнуться. Юля услышала булькающие ругательства.
— Только не говори, что…
— Заканчивается уже сегодня! Ночью надо будет улететь!
— Ну, блин, ну Юль… Почему ты раньше-то не сообщила?
— Сообщала! Я отправляла письма дважды в прошлом месяце! И неделю назад! И вчера! Все же бегали с кредитником с этим, а про визу забыли. И Капур забыл. А как ему это сейчас сообщить, я не знаю. Вообще не знаю, что делать! — к трубке подкатывал, готовясь хлынуть, поток девичьих рыданий.
— Юль, давай не хнычь. Что-нибудь придумаем. Наверное, — Данила старался держаться увереннее, но сам чувствовал, как всё нутро у него заходило ходуном.

Юля запустила пальцы в волосы и уронила голову на клавиатуру. На экране стала отпечатываться тарабарщина, словно трансляция мыслей девушки. В её несчастной голове теперь громко звучало слово «увольнение». Маячили картинки, как она, ненакрашенная, нерасчёсанная и местами даже располневшая, идёт по коридору с коробкой личных вещей, а коллеги хихикают ей вслед, как гиены.
— Ю-ю-юль? Ты пилачешь? — напротив Юли возник уборщик.

Уроженец Средней Азии, лет тридцати, со смолисто-чёрной шевелюрой и усами, грустно изгибающимися вниз. Он перегнулся через стойку ресепшена и осторожно тронул девушку за плечо.
— А… Паша. Не плачу… Просто… по работе напряг такой. Ты чего-то хотел?
— Да прост узинати, чито. Почему пилач.
— Да нет, не плачу. Спасибо, Паш, — Юля сделала глубокий вдох, как вдруг снова разволновалась. — Я совсем забыла! Я ж обещала положить тебе денег на телефон, — девушка засуетилась, хватая со стола то одну, то другую вещь. — Сейчас. Я сейчас. Вот найду телефон и брошу тебе по Интернету. Да где же он? Я мигом. Подожди, пожалуйста.
— Это ничего страшен. Спасибо.

Паша протянул Юле купюру, но та отмахнулась. Он стал настойчивее совать купюру, как в несговорчивый автомат с закусками, но девушка только яростнее замахала руками, так что Паше пришлось поддаться её благородному порыву.

3.

Паша (настоящее имя которого простой смертный москвич с трудом мог бы произнести, а с ещё бо́льшим трудом, переходящим в телесные муки, — запомнить) оставил Юлю и удалился в подсобное помещении офиса. Эту каморку занимала клининговая компания, в которой Паша числился техником по гигиене. Он налил себе воды, присел и перевёл дух. Потёртый мобильный телефон встрепенулся. Экран гордо засветился, показывая новое сообщение. Пришли деньги. Теперь Паша мог ответить на ту «роковую» смс-ку, что получил утром:

> Дорогой Паша (если это твоё настоящее имя…)!.. Ещё раз большое спасибо, что поддержал меня вчера. Я не говорила тебе, но сегодня я улетаю в

> Лондон. Надеюсь, ты ничего там себе не надумал, поэтому не сильно расстроишься. Понимаю, это жестоко с моей стороны, но вряд ли мы встретимся снова. Ещё раз спасибо за всё… Н.».

Речь шла о встрече, которая состоялась накануне. На улице пировал апрель, балуя погодой. Пока одни сидели в офисах, силясь закрыть вопросы-миллионники до майских праздников, другие лениво болтались по теплеющим улицам.

Так и наш Паша гулял по центру города в своей нарядной выходной рубашке, щурился от солнца, ел эскимо. Вдруг, проходя мимо стен древнего Кремля, он увидал миловидную девушку. Она сидела на скамейке совсем одна и тихонько плакала. Паша застыл на месте, стоял и таращился на неё, пока мороженое не потекло ему под рукав. Тогда он собрался с духом, освободился от эскимо и робко подсел к барышне, чтобы опять-таки «узинати, чито и почему пилач». Сам того не подозревая и не планируя, он оказался как нельзя кстати. Девушка не стала распространяться о причинах своей печали, но внимание Паши охотно приняла. Он показался ей смешным, милым, немного наивным — как раз таким, как надо, чтобы отвлечься от горьких дум.

Девушку забавляло, как Паша коверкал русский язык, а он коверкал ещё сильнее, чтобы послушать, как она смеётся. А смеялась она дивно. Настолько дивно, что Паша, недолго думая, влюбился. Однако он поостерёгся слишком явно высказывать Н. свою симпатию. Поэтому на прощание лишь оставил ей свой номер телефона, чтобы она могла позвонить, когда снова загрустит. Но Н. ответила, что будет рада позвонить, если найдётся повод и повеселей. Паша долго провожал её взглядом, пытаясь вникнуть в потаённый смысл этого её «повода повеселей».

Полночи Паша провалялся без сна, думая о том, что ему пора жениться, не откладывая до Страшного суда. Но следующее же утро поприветствовало Пашу роковым письмом. Он бросился было набирать ответ, как вдруг не без досады обнаружил, что на балансе его телефона пусто, как в барабане. Многое было пережито и передумано, так что невольно взятый тайм-аут дал Паше остыть и осмыслить ответ.

И вот он взял телефон в обе руки и выдохнул, как перед нырком в прорубь. Сильно вдавливая большими пальцами буквы странного чужого языка, он набрал сообщение, которое так долго выверял и формулировал:

> Увидеться сможем! Скажи адрес Лондон. Соберу денег и навещу. Паша. ◡̈.

4.

Данила услышал шаги в коридоре. В кабинет вплыл Валера, насвистывая «Марсельезу».

— Хао, бледнолицый! — воскликнул Валера. — Ты чего, правда, такой бледный?
— Да тут такое дело… — замямлил Данила.
— Какое дело? — «Марсельеза» смолкла. — Не надо нам таких дел. Ну так что? Говори!
— У Индуса кончается виза…
— Когда?
— Сегодня…
— Когда уезжать?
— Ночью.
— Кто сказал?
— Юля сказала.
— А раньше она не могла сказать?
— Говорила. Дважды в прошлом месяце, неделю назад и вчера.
— Что за чушь? Врёт же, небось. Хотя да. Припоминаю… Стоп!.. А как же торжественное подписание? Журналисты, пресса? Куда это всё?
— Я, по правде говоря, не знаю, куда это девают в таких случаях…
— Вот тебе, бабушка, и монгольский франк. Стыда не оберёмся, — над годовым бонусом сверкнул нож гильотины.

Валера со стоном выдохнул и обрушился в кресло.

Плохие новости имеют любопытное свойство. Они распространяются гораздо быстрее, чем хорошие. Неприятным делятся, чтобы получить сочувствие или совет, а приятное — самодостаточно, им не грех насладиться и в одиночку. Это как делиться чем-то вкусным или невкусным. Разница всегда есть. За тот злополучный час, что Валера лихорадочно обдумывал пути отступления, казалось, каждый в офисе узнал про этот визовый конфуз.

Решено было не отменять подписание, потому что теплили надежду на счастливый исход. Однако самому виновнику торжества сообщить всё же пришлось.

Сиддхарт Капур принял известие стоически. Даже как-то фаталистично. Валера насторожился: он не был уверен, что Капур до конца осознал, что уже завтра вернётся в родные лондонские пенаты и что уже завтра будет ожидать с докладом в приёмной Букингемского дворца или как там у них, у подданных, принято.

Когда Капур повесил трубку, его водитель Сергей, немало слыхавший за свою извозчицкую карьеру, узнал вдруг множество новых бранных слов и выражений. Казалось бы, то были простые, знакомые с детства русские матюки, разукрашенные при этом цветистым индийским акцентом, отчего производили впечатление чего-то нового, свежего и где-то даже приятного. Когда поиссяк поток ругательств, журчавший так звонко и бойко, словно Волга, слившаяся с Гангом, Капур траурно прошептал:
— Сергель, домой… Будем звонить послу.

5.

Солнце катилось на запад, а рабочий день — к шестичасовому звонку, и занятая часть населения превращалась в незанятую. Валера с Данилой всё ещё сидели в офисе, всё ещё держались за головы. Капуру звонили раз двадцать. Сперва тот сообщил, что посол согласился помочь, и Валера с Данилой бодро приосанились. Потом выяснилось, что посол тут не помощник, и труженики, приуныв, размякли. В итоге Капур сказал, что миграционная служба дала добро пересечь границу за полночь, хоть и не более чем на три часа. После этого господин Капур приостановил трансляции с места крушения.

— Э-э-э-эх! — горестно зевнул Валера и открыл нижний ящик стола. — Странная штука — жизнь, а? Ведь ещё утром не было человека счастливей меня.
— Был, — коротко парировал Данила.
— Кто? Капур, что ли?
— Я. Я был счастливей. Про Капура не знаю. Он не на испытательном сроке. Я был уверен, что я пройду, а теперь…
— А теперь всё. Но ты не унывай: мне и самому не сносить головы, — он выловил из ящика бутылку виски.

Вылив из кружки остатки кофе в горшок с кактусом, он плеснул себе бронзовато-ржавой жидкости, извечного помощника заблудших. Данила печально посмотрел на Валеру, как на соседского мальчишку, которому купили велосипед.
— Ладно, тащи фужер, — сжалился Валера. — Ты тоже бился, как лев.

Данила слил остатки своего чая под тот же кактус и подставил кружку душеспасительному нектару.
— Односолодовый, — презентовал Валера.
— Никогда не пробовал.
— Подходящий повод. Будем!

Выпили. Данила сморщился. Валера зажмурился, как пригревшийся кот. За первыми порциями последовали вторые, третьи, и коллеги слегка развеселились. Ситуация, словно влюблённая вдова, сменила мрачные тона на розоватые и пошла прошвырнуться. Провал уже казался не таким безрадостным.
— Я что подумал, — протянул Данила прихрамывающим языком. — А вот что, если Капур и правда уедет Лондон?
— В смысле? В этом весь смак и трагизм положения.
— А что, если мы сделаем так, чтобы уехал как бы он, но на самом деле не он?
— Объяснитесь, юная леди, — попросил Валера, закручивая винтом остатки виски на донышке.
— Смотри: по бумагам Капур летит в Лондон, а по факту остаётся здесь.
— Данил, вот опять твои завиральные идеи. Ну как ты себе это видишь?
— Как? Найдём двойника и отправим заместо Капура.
— Кина насмотрелся?
— А что? Нашли б сейчас похожего индуса, натаскали его по матчасти — и в Лондон. Под видом Капура.
— Где ты сейчас, в семь вечера, найдёшь в Москве такого же точно индуса?
— Хорошо, не индуса. Таджика. Главное, чтобы на Капура был похож.

Данила засмеялся, да так задорно, что, наверное, смеялся бы до сих пор, если бы вдруг не заметил, как поменялся в лице Валера.
— Ты чего? — спросил Данила, допивая последние капли со дна кружки.
— Как чего? Это ж мысль, юнга! Идея. Ну-ка, — Валера снял трубку и позвонил на ресепшен.

Юля встрепенулась от мыслей, в которых варила себя последние часы.
— Юль. Нас навестило вдохновение, и мы придумали, как быть. Ты ещё не собираешься домой?
— Собиралась, но не знаю, можно ли… Я ведь так накосячила, что и не знаю, вдруг что…
— Совершенно верно, Юль, нас всех уволят. Но у тебя есть шанс поучаствовать в афере года. Впишешь это в резюме, и тебя с руками будут рвать.
— Капур сказал, что уволит меня? — Юля снова собралась порыдать.
— Считай, что уже уволил. Но не в этом суть. Созывай весь наш клининг.
— Что? Зачем клининг? Я что-то ничего не понимаю, — слёзы отхлынули, уступая любопытству.
— Да, да! Клининг. Техники по гигиене. Уборщики. Дворники. Ну?! Они ещё тут?
— Ну, позовём.
— Всех не надо. Только мужчин лет тридцати.
— Таких и наберётся-то человек пять.
— Тащи всех в переговорку.

6.

Пятеро работников клининга несмело переминались с ноги на ногу, ожидая в переговорной. Валера с Данилой вошли и попросили собравшихся присаживаться. Когда все уселись за стол, повисла немая пауза. Комбинаторы, сцепив ладони, изучали растерянные физиономии пришедших. Пришельцы же осторожно поглядывали то на Валеру, то на Данилу, то друг на друга, не разумея, что к чему.

Потом Валера обратился к двум работникам, поблагодарил их за помощь и сообщил им, что они могут быть свободны, как мысли у пьяненького. Оставшиеся трое напряглись, вжались в сиденья и вцепились в подлокотники. Белели кончики пальцев, звенела тишина. Затем отсеяли ещё одного. Двое уцелевших уставились друг на друга. Казалось, если бы их заставили биться друг с другом насмерть, они бы похватали со стола карандаши и, как гладиаторы, вонзили бы их друг другу в глотки.

Ещё через пару мгновений Валера отпустил ещё одного работника. Последний герой гордо поднял голову и, не мигая, смотрел на своих мучителей. Его собратья скучковались у стеклянных стен переговорной и продолжили следить за молчаливой экзекуцией.
— А что, похож…— вымолвил Данила и заглянул в глаза Валере в поисках солидарности.
— Есть, конечно, над чем поработать, но всё же… есть в нём что-то… индийское. Как вас зовут?
— Паша.
— Нет, ну а настоящее имя?
— Ой, вы это тяжело сказать по-русски,— усмехнулся Паша.
— Как знаете. Итак, Павел, у нас к вам есть одно очень ответственное задание. Нет, поручение. Нет, даже просьба. Вы можете отказаться прямо сейчас, и дело с концом. Но ваша помощь будет неоценима.
— Я вас слушай.

В общих чертах Валера обрисовал Паше его роль на ближайшую пару суток. Тот лениво кивал, но когда Валера произнёс магическое слово «Лондон», Паша вскочил со стула и бешено затряс головой, повторяя при этом: «Да, Лоньдин!»— в ответ на каждое слово.

От первой части плана плавно перешли ко второй. Валера набрал номер Сиддхарта Капура и объявил ему, что у них с Данилой родился совершенно уникальный план «Б».
— Хорошо, Валерь. Приезжаешь ко мне домой. Я уже собирай вещи. Но посмотрим, что там можно.

7.

Итак, Паша, Валера и Данила двинулись в путь. За руль никому было нельзя, поэтому изловили такси и помчались по указанному адресу. Господина Капура они нашли совершенно скисшим. Он слонялся по квартире, шаркая, как расклеенная калоша. Посреди комнаты разверз пасть всё тот же чемодан, с которым Капур когда-то покидал кампус. В воздухе царил насыщенный запах карри, а по телевизору вещал Болливуд о том, как собратья Сиддхарта лечили все невзгоды песней и пляской.
— «Гита и Зита»?— спросил Данила.
— «Зита и Гита», студент!— ответил Валера, едва не отвесив ему оплеуху.
— Любимый фильм, если грустно,— проныл Сиддхарт, проплывая мимо них.

Он уселся на диван и приготовился слушать. На журнальном столике перед ним стояли мелеющая бутылка индийского коньяка «Редьярд» и опустевший стакан.
— Давайте, что там у вас? Только скоро. Если не выгорает, меня ехать в аэропорт через два часа. Сергель заберёт меня. И зявтра всё. Проект надо быть снова делаем через месяц, но я не знаю, как будет банк. Акционеры не в курсе. Но, наверный, от меня откажутся. Уволят.
— Извините, что перебиваю вас, Сиддхарт. Но мне кажется, что мы придумали решение,— вкрадчиво начал Валера.— Если вы позволите…

Он присел на край дивана и описал Капуру разработанный план, продемонстрировал Пашу, указав на явные черты сходства, описал моменты, на которых следует заострить особое внимание, где что подретушировать, как скрыть несхожие черты.
— Двойники, понимаете? Как близнецы!— Валера бойко жестикулировал, объяснял, а поняв, что такого слова Сиддхарт мог и не знать, показал на экран телевизора, где плясали Зита с Гитой.

Капур, вертя головой, как филин, внимательно всё выслушал, по ходу рассказа осматривая Пашу с макушки до подмёток. Он глубоко вздохнул, наводя собравшихся на мысль о фиасковом характере затеи, и встал с дивана. Затем вынул из буфета ещё три бокала, наполнил их и предложил всем выпить. Все выпили. Все поморщились, и только Капур прищурился, как пригревшийся слон.

Капур признал, что определённое сходство между ним и техником по гигиене действительно имеется. Потом он залпом опорожнил ещё бокал, занюхал парчовым рукавом халата и только после этого согласился с планом, бросив на выдохе:
— Чёрт восьмой, былань была.

Валера позвонил Юле и распорядился купить новоиспечённому «господину Капуру» билет до Лондона.

Сиддхарт обратил внимание, что Паша из рук вон плохо говорит по-русски, но оценил проблему как поправимую и вызвался натаскать двойника в оставшееся до самолёта время. Дольше всего он бился над словом «Лондон», которое Паша произносил как «Лоньдин», а Капур всё твердил ему:
— Да не Лоньдин, а Лондэн!

Обзвонили несколько круглосуточных салонов красоты. Наудачу отыскалось два свадебных мастера, готовых к выезду на дом: визажист и парикмахер. Приехавшие кудесники выслушали, что от них требуется, и согласились сотворить задуманное чудо перевоплощения. И им это удалось. Уезжая, они оставили в квартире Капура уже не одного Капура, а целых двух.

По ходу стрижки и гримировки Данила, Валера и Сиддхарт Капур ходили вокруг него и подкидывали ему разнообразные советы, как дровишки в костёр. Паша кивал и всё переваривал. От него требовалось по большей части деловито кивать, что он освоил с фантастической скоростью. Разучили пару фраз, которыми обычно обмениваются на паспортном контроле. Написали шпаргалок. Потом взялись за репетицию подписи господина Капура.

Валера и Данила покинули близнецов ближе к полуночи. Выходя, они слышали, как два почти одинаковых Сиддхарта Капура сонно перекрикивались:

— Лондэн!

— Лоньдин!

— Лондэн!

— Я так и говори!

Сев в такси, Валера подвёл последний штрих:

— Данил, Юля купила билеты?

— Да, я их распечатал у Капура на принтере и оставил на столе. В три часа ночи улетает.

— Типун тебе на язык. Никуда он не улетает. У него теперь для этого специально обученный двойник. Что ж! Пошла вода горячая,— подытожил Валера.— За это можно и тяпнуть.

— Не рано?

— Запомни, дитя. Даже самые маленькие победы надо отмечать.

— Куда?— просипел водитель.

— В паб!

— Валер, я, наверное, домой…

— Ну так куда?— повторил шофёр.

— Его домой, меня в паб!— распорядился Валера.

8.

— Так как, говоришь, тебя зовут?— произнёс один из акционеров, указывая на Данилу перстневатым пальцем, тыча им, словно в самую душу.

— Да-да-нила,— он всё заикался и мялся, не зная, с чего начать рассказ о том безумном дне накануне подписания.

— А где Валера?— спросил второй акционер.

Конечно же, Данила не выдал Валеру и не поведал акционерам о диалоге, состоявшемся утром до подписания. Валера позвонил Даниле и признался, что борьба с пережитым стрессом затянулась и Валера, к его великому сожалению, перебрал лишнего, поэтому на подписание не явится. При этом Даниле были обещанные золотые прииски и триумфальное завершение испытательного срока, если он сам со всем справится. А поэтому Данила бросился на амбразуру с шашкой наголо, отнюдь не ощущая себя жертвенным агнцем.

— Да. Где Валера? Обычно он рассказывает нам, что как,— вмешался первый акционер.

— Он не смог приехать из-за другой встречи. Но я был на подписании и всё сейчас расскажу…

— Я не понял, давай короче,— перебил третий акционер.— Кредитник-то подписали?

— Да, да, всё сделано! У меня на столе подписанный экземпляр. Я сейчас принесу.

— Не мельтеши ты. Я не понял. Если всё хорошо, зачем нас всех собрали-то?

— Дело в том, что Сиддхарт Капур…— начал Данила.

А дело было в том, что, явившись на подписание, господин Капур был сумрачен и молчалив. Он важно выводил свою сигнатуру на экземплярах договора, жал руки директорам, руководителям департаментов, кивал журналистам, хмыкал, ворчал. Очевидно, после бессонной ночи, проведённой в репетициях русского языка и дрессировке двойника, он был не в лучшей из своих реинкарнаций.

Когда встреча близилась к завершению, Данила собрал свои экземпляры договоров и направился к выходу. Как вдруг Сиддхарт Капур остановил его и задал один вопрос, от которого Даниле расхотелось жить:

— Данель… А когда мы поедем в Лоньдин?

Беда никогда не приходит одна, подумал Данила и мысленно воспроизвёл себе картину бедствия. В идеально сотканный план с подменой ссыльного директора не был включён верный водитель Капура— Сергей. А поэтому Сергей встроился в него самостоятельно. Грубо, кондово, но зато сам, как умел. Он поднялся ко времени в квартиру начальника, растолкал сонного господина Капура (которого он ни с кем бы не перепутал) и отвёз спящего директора в аэропорт. Тот, не продирая глаз, как заворожённая кобра, прошёл все кордоны, дьюти-фри и зал ожидания, после чего продолжил в самолёте свой прерванный анабиоз. И только проснувшись и увидав, как по-лондонски полощет дождь окошко иллюминатора, господин Капур осознал происшедшее. Вполне объяснимо, что он мгновенно пришёл в бешенство, и Волга снова полноводным потоком слилась с Гангом.

А пока фюзеляж авиалайнера Москва— Лондон сотрясался от проклятий, Данила позвонил Сиддхарту Капуру, и сообщил поднявшему трубку Паше, где и когда его ждут на подписании. Конечно, ему показалось странным, что Капур сам не помнил, куда и когда ехать. Но что поделать: бессонная ночь, стресс, уроки Великого и Могучего.

— Хм… Так, значит, Капур выкрутился и обзавёлся двойником?— подытожил первый акционер.

— Получается, так,— виновато подтвердил Данила.

— Прям как у шейха,— прикинул второй.

— А это удобно,— хмыкнул третий акционер. Это значило, что ему понравилось.— Можно пропускать ненужные встречи, собрания и тому подобное.

Все трое акционеров многозначительно переглянулись.

— Чья, говоришь, это была идея?— спросили все трое в один голос.

Данила на секунду представил, как сладко, наверное, спал в ту секунду Валера, единственной заботой которого было вовремя переворачивать подушку прохладной стороной к щеке. Ещё на одну секунду Данила вообразил, как отдаёт это спящее тело на заклание акционерам.

Вентилятор гонял по переговорке приятный ветерок, однако Данила всё равно чувствовал,

как земля под ним накалилась и тлеет. Наконец он выдохнул и произнёс:

— Моя.

На следующее утро Даниле объявили об успешном прохождении испытательного срока, а кадровикам поручили открыть три новые вакансии. Требовались двойники.

П. С.

Привет, Паш (и я уже точно знаю, что это не твоё настоящее имя!).

Случайно увидела в новостях твоё фото. Ты не рассказывал, что работаешь директором в „Глобал Абсолют"… Кстати… Скоро я буду проездом в Москве. Могли бы пересечься… Если хочешь… Н.

Д*и*Н симметрия

Владислав Ходасевич

Обезьяна

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и чёрный.
Серебряный тяжёлый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжёлой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня заслышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но, чуть её пригубив,—
Не холодна ли,—блюдце на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И—этот миг забуду ли когда?—
Мне чёрную, мозолистую руку,
Ещё прохладную от влаги, протянула…
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождям народа—ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И, видит Бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину—до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось—хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной
Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушёл, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишённое лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была объявлена война.

Февраль 1919

Павел Карякин

«Чтобы понять жизнь, надо сойти с ума»

Обзор прозы в журнале «Урал» №№ 1–3/2019 г.

Козырь любого толстого журнала—не только обширный жанровый диапазон, но и широкий «поколенческий охват» авторов. Читатель имеет уникальную возможность на страницах одного издания, которое держит в руках, ознакомиться с текущим положением дел в современной литературе: «что есть лучшего» на данный момент, сравнить мысли, идеи, мировоззренческие позиции авторов молодых и авторов старшего поколения.

Держит руку на пульсе и екатеринбургский «Урал», традиционно предлагая интересные и очень разные материалы.

Повесть *Елены Бердниковой «На стороне свободы»* отмечена довольно оригинальным, со вкусом выделанным стилем письма. Интересны язык и образы, описания природы, создающие настроение: *«Смены времён года, смены часов суток, уральской угрюмой мглы—и молодцеватой, торжественной красоты не знающей полутонов сибирской ясности»*; *«„Жестокость“—это слово приходило на ум тем, кто долго смотрел на ювелирную красоту снежной северной скани на тонких, клонящихся к земле берёзовых ветвях. Архитектура отрицания—отрицательных температур, превративших воду в созидательно выглядящий, оформленный мир,—выступала из чистой, непорочной синевы, морозной голубизны неба»*. Крайне оригинальным показалось и такое описание: *«Луна стояла высоко, идеально круглая, белая, как раскалённая ударами молота. Как будто некий щит, прошедший мощную чеканку, исстрадавшийся в боях—отсюда неровности, вмятины, битые места,—но ещё служивый, годный»*.

Великолепны портреты и характеристики героев—в результате созданы нестандартные, запоминающиеся образы: *«Вошла ещё одна учительница <…>: Светлана Александровна Шмакова. Её рябоватое, неровное лицо освещалось иронией: ей была смешна очередная коллизия пубертата, длящийся на её глазах цирк конца очередного неблагополучного детства. Это была очень экономная, скромная улыбка, но вдруг она успокоила всех»*; *«Вторая, молодая, русовед—дородная девушка с лицевым тиком—продолжала шелестеть проверяемыми тетрадями. Она работала второй год, и срок отработки кредита, выданного ей как молодому специалисту, далеко не закончился»*; *«Мотовилова переводила взгляд с одного лица на другое. Изрытое, рыхлое, странного буроватого цвета лицо было окружено пуховым вытершимся платком»*.

Чтение повести вызвало неожиданную аллюзию—на «Белую гвардию» Булгакова… Весь этот роман—«Белая гвардия»—сплошное, длительное, нескончаемое ожидание.

Повесть «На стороне свободы»—череда эмоций и рефлексий: гнетущих, тяжёлых, безысходных… Это «гиперреальность», утрированная и жестокая, реальность тех, «кому не повезло» по жизни. Виноваты ли эти люди в том, что «не повезло»? Может быть. И даже изрядно… Но не это здесь главное. Главное—бесконечное страдание, конца которому не предвидится. Отпущенная доля—заслуженная или нет—тяжела. Читателю остаётся тяжёлое сочувствие. Читатель погружается в бесконечную тоску ожидания чего-то, как в «Белой гвардии», малосимпатичного, малопривлекательного. Мечтает ли кто-нибудь о такой доле? Ещё один неудобный вопрос: как на это всё смотреть?! Без раздражения, осуждения, боли?!.. «Да никак!—хочется сказать.—Смотреть, и всё!» «Жизнь не только из одних завтраков и князей Щ… состоит»,—говорил персонаж Достоевского.

Дальнейшее повествование, выдержанное всё в той же нервозной стилистике, обусловленной высоким градусом тоскливо-безысходной эмоции, быстро утомляет. Думаю, это часть авторского замысла—вольного или невольного, но работающего как дополнительный специфический приём воздействия. Этот приём словно бы готовит читателя к восприятию новых декораций, нового пространства, куда попадает главный герой—в мир, разительно отличный от того, к которому герой привык.

Интереснейшая авторская находка: *«Жизнь из неё* [глины] *так и прыщет волнами. Отсюда все эти хитрости: стеснить, жечь, шлифовать-полировать, узорчиками и цветочками покрывать, глазурью. Это всё—меры предосторожности. Чтобы глина нас не искусала, не оглушила своим тайным говором. Приняла нас, так и быть. Служила! Это война. И единственное достойное оружие в ней, и единственная награда и победа в ней—силуэт»*.

Поэтический сюжетный фрагмент, посвящённый фарфору,—история открытия, тонкости производства, нюансы технологии—интересен и познавателен, но слишком уж обширен. Настолько, что частично переключил читательское внимание в некое стороннее русло. «Возвращение» в основной сюжет потребовало усилий. Так ли оправданно это невинное авторское увлечение?

Вообще, сюжет повести очень походит на современную интерпретацию притчи о блудном сыне. Приём, конечно, не новый, но в реализации Елены Бердниковой весьма оригинальный и сильно воздействующий. Не хватает, быть может, некоего композиционного и стилистического единства: вся линия с фарфором хоть и символична, но слишком уж выпукла, и потому где-то происходит композиционный разрыв. Однако степень эмоционального воздействия за счёт высокой психологической концентрации высока и временами доводит читателя до исступления…

Рассказ-анекдот *«Любовь» Евгения Каминского*—после нелёгкой повести Бердниковой—станет своевременным отдыхом для читателя. Написанный в лучших традициях реализма, рассказ Каминского читается легко и быстро. Герои живые и колоритные, отдельные же, включая главного, очень смешны. Финал неправдоподобный и сатирический, но выделан так мастеровито, что—как читатель—веришь.

Олег Карионов, два рассказа. Экспериментальная проза, надо полагать. Специфический юмор и своеобразная фактура текстов, есть что-то и от Хармса, не без влияния постмодернизма (номинально-формальный сюжет, ирония, фрагментарное изложение, альтернативные ходы…). Однако «новизна» не новая. Возможно, более яркому раскрытию помогла бы более широкая подборка…

Первое, что обращает на себя внимание в историческом произведении *Александра Кердана «Роман с фамилией»*,—детальная историческая реконструкция. Я бы добавил—мелкодетальная. Колоссальный труд и тщание, с которым автор выписывает средневековый мир, впечатляют и завораживают. «Подробности—Бог»,—говорил Гёте, и это о прозе Кердана, о его любви к историческим подробностям. Даже начало выдержано в лучших традициях рыцарского романа, взгляните: «*Я—Джиллермо Рамон, старший сын и законный наследник Рамона Вифреда I, графа де Кердана. В тот день, когда я вступлю во владение нашим фамильным замком, селениями, землями и лесами вокруг него, к моему имени добавится латинская цифра «II», свидетельствующая, что в нашем роду с таким именем я—второй*».

В этом произведении—«Роман с фамилией»—есть дух, и погружение происходит быстро и капитально. Есть и все необходимые атрибуты жанра: интриги, предательства, приключения, рыцари, крестовый поход, сражения…

Однако, несмотря на традиции жанра, концепция романа представляется нетривиальной, и особенно попытка автора установить связь поколений сквозь века при помощи художественного произведения: главные герои всех трёх частей носят фамилию Кердан, как и сам автор. Обратите внимание и на название произведения—«Роман с фамилией». Кроме того, писатель провёл скрупулёзную работу в исторических архивах не только по сбору и анализу соответствующего материала, но и данных, связывающих фамилию персонажей с фамилией собственной. Заметим, что перед каждой частью есть что-то наподобие вводного слова или своеобразной пояснительной записки «от первого лица», где Кердан рассказывает о своих генеалогических исследованиях. Замысел и подход как минимум оригинальны.

Центральная идея произведения—философская: духовное движение в раскрытии нравственного аспекта. И то, как при этом причудливо может сыграть свою роль преемственность поколений. Ничто в этом мире не окончательно, но всё в нём взаимосвязано и взаимообусловлено, и, возможно, циклично. Всё возвращается по спирали, но в обновлённом, так сказать, «продвинутом» духовно-нравственном ключе, при том что прошлое, настоящее и будущее—неразделимы и даже едины, а время (его течение)—глобальная единица измерения, благодаря которой или по причине которой происходит в этом мире ВСЁ!

Рассказ *Николая Крупина «Польский джаз в сельском клубе»* начинается со светлых рефлексий на тему «Куда уходит детство». И это трогает сердце. Как и очень красивое, образное описание впечатлений от музыки (меломаны особенно поймут и оценят): «*Люблю мягкий джаз, чтобы саксофон не визжал, а тёплым человечьим голосом касался нежно души и убаюкивал её; контрабас глухим, исходящим из самого нутра инструмента звуком всё пространство словно спрессовывал, делал его подвижным; и возникало такое ощущение, что отрываешься от земли, не чувствуешь её тверди—тебя поднимает волна мягких и в то же время упругих звуков*».

Вообще стиль письма в этом произведении мягкий и лиричный. Как и сам рассказ. Частые «джазовые» ретроспективы, очень симпатичные и поэтичные,—удачный приём, на мой взгляд.

История романтической детской влюблённости (главный герой настаивает, что это и не влюблённость даже, а нечто иное) подана чрезвычайно тонко. Финал по-настоящему катарсический.

Грустный, щемящий, но на высокой красивой ноте. Очень трогательная вещь.

События в романе *«Пролог» Натальи Репиной* происходят в середине двадцатого столетия. СССР, сталинский режим… Декорации воссозданы, что называется, очень просто и даже минималистично, но достаточно, чтобы поверить. С ходу читателя ожидает множество психологических деталей, подробностей, диалогов, маленьких конфликтов… Постоянно разворачиваются какие-то события, житейские ситуации, но за обилием всего этого не удаётся уловить основную авторскую мысль или хотя бы направление. Повествование напоминает компиляцию разнообразных жизненных сцен, не всегда имеющих тесную связь. Так, описана пара острых событий, очень мощно заряженных психологически. Описано мастерски, читаешь и не можешь оторваться, но вопрос художественной мотивации для меня, как читателя, остаётся открытым, насколько эти шокирующие сцены работают на сюжет (хотя на атмосферу работают безусловно): сцена с голубями и сцена расстрела мародёра.

Лишь пройдя треть романа, втягиваешься — как читатель, и сквозь постоянное мелькание людей, сквозь череду непрерывных маленьких и очень маленьких событий, незримо создающих пахнущее, и не всегда приятно, особое пространство — плотное, узловатое, — удаётся, наконец, нащупать несколько сравнительно чётких сюжетных линий.

За хаотичной мешаниной событий улавливается всё-таки основной вопрос и мотив произведения. Чего же хотят герои? Что ими движет? Ответ столь же прост, как и вопрос: счастья. Обычного человеческого счастья. Потому и показано всё обычно, буднично, даже как будто бессмысленно. Но нет, не бессмысленно. Поиск счастья и само счастье — вот главный смысл всего, что происходит…

Автор не стесняется использовать детали, которые выглядят очень несимпатично и вызывают у читателя стойкий психологический дискомфорт: «*А потом она стала ковырять в носу. Вот это было абсолютно естественно — и абсолютно невозможно. Она ковырялась в носу, как он, как, наверное, все люди на земле — наедине с собой, и как четырёхлетние Зейка и Татка из соседнего барака — явно, но она была женщина, взрослая, желанная, которая только что культурно пила вино и флиртовала, и вот так обыденно, в ряду прочих действий, запустить себе палец в нос, извлечь из него козявку…*»; «*Ирка отстала, Регина вновь повалилась на пол, беззвучно содрогаясь. Она задыхалась от слёз и соплей, но вытереть их было нечем, разве рукой, что было неудобно перед Иркой*»; «*Мокрые ноги в прохудившихся туфлях, всё сложнее отстирывать покрашенные туфлями пятки единственных приличных чулок*». Подобные детали вызывают необычный эффект: что-то постыдное, малопривлекательное, подсмотренное; они задают свой специфический фокус восприятия чего-то неловкого и неудобного… И это добавляет специфическую же остроту восприятия.

Это глубоко психологичная проза. Читать её непросто — требуется определённая внутренняя подготовка. Как читатель, ощущаешь на себе что-то липкое и неприятное после прочтения, но и понимаешь, что без этих ощущений художественный замысел Натальи Репиной сработал бы «не так».

Виталий Сероклинов, «Мозговое кровообращение», рассказы. Не столько рассказы, сколько этюды. Почти бессюжетные, рефлексивные зарисовки. Опыт госпитализации, зарегистрированный художественно, так сказать. Подборка производит «неравномерное» впечатление: отдельные миниатюры поданы чрезвычайно живо, с юмором («Ложка», например), иные написаны формально и, я бы рискнул сказать, «неизвестно зачем» («Мальчики»). Лаконичность формы во всей подборке исключительно выигрышная…

Рассказ *Владимира Волковича «Охота»* — по-настоящему захватывающий, остросюжетный: с бандитами, стрельбой, погоней… Написано просто и со вкусом. Цепко держит в напряжении.

Александра Заскалето, «Закатная», рассказ. Современная женская проза — так, наверное. Речь идёт о чувстве вины главной героини, приведшем к глубокому психологическому кризису. Тема, что называется, актуальная и злободневная, рассмотренные же ситуации в рассказе — совершенно жизненные. Несмотря на хороший финал, рассказ довольно сложный и по фактуре, и по сюжету. Точнее, по сюжетным коллизиям. Героиня приходит к душевному благополучию, но тяжёлой и дорогой ценой.

Достаточно серьёзный и глубокий замысел произведения умещается в финальную строчку — квинтэссенцию всего рассказа: «*Иногда, чтобы понять жизнь, нужно сойти с ума*».

Вера Арямнова

О «Свойствах страсти»

Вечность назад (лет 9–10, на самом деле) Сергей Кузнечихин спросил, можно ли опубликовать моё стихотворение «Про это» в антологии «Свойства страсти». Не задумываясь, согласилась — степень доверия к Сергею у меня большая и давняя. В 2010-м книга вышла… тиражом 50 экз, я её и не увидела. Как написал Сергей: «Мы с Мариной Саввиных сбросились и издали за свой счёт».

А нынче случилось переиздание. Тираж опять невелик — 150 экз, 105 авторов, стихотворений значительно больше (само издание более 200 страниц). Теперь, как следует из выходных данных, оно получило поддержку Красноярского представительства СРП.

И вот что любопытно: прочла книгу не отрываясь. До сих пор этим фактом удивлена. Уже давно больше одного стихотворения зараз в меня… не лезет. И это не с тем замечательным чувством, которым когда-то поделился со мной читатель-почитатель: «Стихи в книге должны публиковаться каждое на отдельной странице. Ведь в каждом есть Загадка. Вокруг неё должно быть Пространство, чтобы человек без помех прыгающего в глаза следующего текста мог обдумать её, пережить…» Нет, у меня это, увы, от усталости к рифмованной речи. Заметила: у многих поэтов она когда-то наступает.

«Можно, я вам свои стихи почитаю?» — «Лучше побейте меня!»

Это думает (или говорит) не читатель, чуждый поэзии, а человек, посвятивший свою жизнь стихосложению! Но о сём казусе упоминаю лишь для того, чтобы сказать убедительней: в книге «Свойства страсти» было нечто, сменившее усталость и неприятие на любопытство. Почему оно не угасло до конца книги? Да потому, что Сергей Кузнечихин не стал снимать сливки с других антологий, не ограничился очередной перепечаткой знаменитых поэтов. Им двигало желание познакомить читателя с теми, о ком мало знают или вообще не слышали. За это особая благодарность составителю.

И, конечно же, потому, что о свойствах страсти говорят высокая лирическая героиня Анны Ахматовой и зэк Бориса Камаянова! Контрапункт потрясает. Говорит волчица и женщина… Разная женщина: девица и блудница, нимфа и козлоногая, замужняя и одинокая, разлучница и «брошенка», жена и любовница, женщина с «высокими моральными устоями» и опять же зэчка, выходящая замуж на нарах за такую же заключённую.

Авторов-мужчин не меньше, чем женщин, они тоже по-разному переживают страсть и говорят о ней по-разному. <…>

Объединяет тексты одно: отсутствие ханжества. А вот откровенность, искренность порой шокируют, они зашкаливают и… побеждают. Принимаешь всё как есть и понимаешь: так и должно быть, так и есть, вернее. Есть, всё есть: и неприятие физического слияния людей и животных (Михаил Зенкевич: «Видел я, как, от напрягшейся крови / Яростно вскинув трясущийся пах, / Звякнув железом, заросшим в ноздрях, / Ринулся бык к приведённой корове…») до абсолютно бесстыдного стихотворения Валерия Брюсова «Когда ты сядешь на горшок, мечты моей царица…». Но физическая страсть часто слита с душевной любовью, «когда души и тела вечно мало, когда иконы пишутся с лица» (Алексей Васильев), и тут строк, пронзающих читателя насквозь, предостаточно. Можно долго цитировать строки из стихов мужчин и женщин, но процитирую лишь одно, имея в виду все тексты, включённые в антологию: «Это — труд. Это — пот. Это память. Это Текст. Это вязь Фаберже. Это вечно. Не рухнет, не канет. Это — *равновелико* душе» (Вера Арямнова).

P. S. Вот так скромненько ◡̈, цитатой из своего стихотворения, закончила отзыв об антологии с ярким названием: «Свойства страсти». Когда, получив посылку, увидела его — ахнула! Я же забыла к нынешнему дню, как оно начиналось, когда народилось. И давно уже это «стихо» выглядит вполне «прилично», я переделала его когда-то, а этот вариант забыла! Теперь пришлось вспомнить. Ну да ладно, по прочтении всей антологии оно уже не кажется из ряда вон… Да и когда рождала это, тоже не было стеснения, смущения. Ибо была молода. Теперь утешаюсь тем, что лежит моё самое нескромное стихотворение между стихотворений любимых мною поэтов Михаила Анищенко и каторжанки Анны Барковой. И хорошо лежит, между прочим.

Мастерские Елены Тимченко

Даша Семёнова

лицей №2, 8 класс

Что заставляет город дышать?

— Au revoir! — успеваю прокричать я до того, как дверь захлопнется, звякнув на прощание колокольчиком. Занятие закончилось, но на языке всё ещё ощущается сладковатый привкус французского, а мозг пока не успел переключиться обратно на русский язык.

На улице солнечно и свежо — весна наконец добралась и до вечно холодного Красноярска.

— Надо бы прогуляться! — говорю вслух.

И правда, кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я в последний раз просто бродила по городу. В кармане куртки жужжит телефон, оповещая о сообщении. Морщась, как от надоевшей зубной боли, смахиваю смс с глаз долой и убираю телефон подальше. Не сейчас.

Когда я подхожу к светофору, вижу на тротуаре девушку. Она играет на гитаре и поёт звонким чистым голосом. Перед ней лежит чехол, на котором уже рассыпана горстка монет. Немного постояв рядом и послушав, я улыбаюсь ей и лезу в карман, вытаскивая немного помятую десятирублёвую купюру, чтобы положить её в чехол. На купюре мелькает увековеченное на ней изображение часовни, и, выпрямившись, я тут же устремляю взгляд вдаль, на гору, где она стоит.

Воспоминание. Мы с друзьями в тот день захотели дойти до часовни пешком, по дороге два раза заблудились, долго и тяжело поднимались в гору, но всё-таки добрались. Там каждый из нас загадал желание и три раза обошёл часовню по часовой стрелке, а потом мы долго смотрели на вид, открывающийся с горы. Весь огромный город умещается на ладони, и с такой высоты это выглядит захватывающе, но мне вид почему-то не понравился. Отсюда Красноярск похож лишь на горстку серых многоэтажек, непримечательное пятно цивилизации, хотя на самом деле он — гораздо большее, и для того, чтобы это разглядеть, нужно смотреть гораздо ближе. «Но что такое это „большее“? — думается мне. — Что такого есть в нашем Красноярске, что делает его настолько любимым, прекрасным и живым? Что такое Красноярск?» Я спрашиваю это у себя самой, цепляюсь взглядом за город в поисках ответа.

Это «что-то» уже здесь, вокруг меня, но я ещё ничего не вижу, лишь чувствую нечто волнительное, трепещущее. А город молча и лукаво смотрит на меня множеством прямоугольных глаз, отражающих уже розоватое предзакатное небо, и безмолвно спрашивает: «Найдёшь?» Найду.

До того, как стемнеет, остаётся полчаса. Появилась цель — прочувствовать город, пропитаться им, пропустить сквозь себя и понять, что есть Красноярск и что такое важное и неосязаемое кроется в нём, делая его живым. Я не знаю, куда именно мне идти и где искать, а потому доверяюсь своим ногам — пусть идут сами. Я полностью обращаюсь в зрение, слух и осязание.

Ноги несут меня, очевидно, на Театральную площадь. Маневрируя между прохожими, вглядываюсь в случайные лица. Почему-то все кажутся мне знакомыми, хотя я их вижу впервые в жизни. И вообще, почему случайные прохожие на улицах родного города кажутся гораздо более знакомыми, чем прочие? В родном городе даже те лица, которые ты видишь впервые и, вероятно, не увидишь никогда больше, заставляют чувствовать себя комфортно. Как будто есть какая-то невидимая нить, связывающая нас всех. Так вот, Красноярск — это миллион таких ниток. Они переплетаются, тянутся вдоль переулков, пересекаются на улицах, соединяют каждого с каждым ненавязчиво, незаметно, но достаточно ощутимо для того, чтобы понять, что ты дома.

Красноярск — это люди, которые в нём живут. Это миллион разных лиц, биографий, историй, мечтаний, больших и малых целей. Они всегда отличаются от людей из других городов своим внутренним огнём, ведь ничто больше не согреет их в холодные, жестокие зимы. Огонь, который не разожжёшь и не погасишь. Огонь сибирской души. Значит, Красноярск — это красноярцы. Может, это и есть ответ? Мелькающие мимо лица равнодушны, они не знают разгадки, они не чувствуют. Город тоже молчит. Но «нечто» ощущается всё отчётливее, ближе. Придётся искать дальше.

Сама того не заметив, я прихожу на площадь. Как ни странно, на ней ни души. Тихо, спокойно и очень красиво. Можно увидеть одновременно и величественный Енисей, и мост, и красноярский «Биг-Бен». А где-то там, на другом берегу, цветёт и дышит неповторимый и восхитительный заповедник «Столбы». В голове само по себе всплывает изящное французское «magnifique». Великолепно. При мысли о «Столбах» сердце трепещет, не в силах совладать с восхищением от прекрасной сибирской природы. «Столбы» — это чудо, это гордость всего края, даже, наверное, всей России. Если Красноярск считается сердцем Сибири, то «Столбы» — это определённо сердце Красноярска.

Здесь же, на площади, стоит большой фонтан со скульптурами рек. Посредине гордо восседает могучий Енисей, устремив руку с зажатым в ней миниатюрным корабликом вперёд, к настоящей реке, которая сильным неспешным потоком течёт вдаль. Вокруг него изящно застыли девушки-реки: Ангара, Кача, Манна, — прекрасные в любом своём обличии. Я подолгу любуюсь каждой из них, хотя вижу далеко не впервые, трепетно трогаю их холодные, неживые руки, снова думая о Красноярске.

Красноярск — это природа, без сомнения. Она была здесь до каждого из нас, останется и после. *Должна остаться.*

Но всё-таки — почему я так люблю Красноярск? Дело не в людях, не в его природе. Это что-то особенное, к чему нельзя прикоснуться, нельзя услышать и увидеть. Оно повсюду. Я поднимаю вопрошающий взгляд на небо, так и замираю.

Небо полыхает, зажигая ещё и что-то внутри меня. Почти, почти. Меня вдруг нестерпимо тянет на набережную, и я сломя голову бегу туда, ближе к закату, даже не отрывая взгляда от неба. Хотя внешне всё кажется спокойным, на меня издалека ощутимо надвигается девятый вал осознания будто бы всего на свете.

Я выбегаю на набережную, и меня сразу же слепит красным, розовым и оранжевым светом неба. Опешив, я делаю несколько шагов назад и ошалело разглядываю всё вокруг. Город вдруг наполняется невиданной никогда раньше красотой, и тут волна всего преследовавшего меня обрушивается, разливаясь повсюду. Красноярск сейчас неповторим, незаменим и великолепен. С моих глаз будто сорвали мутную серую вуаль, и глаза теперь слепит от новых красок. Всё такое живое, настоящее. Потому что…

У всего есть душа, и Красноярск — не исключение. Она — это то живое, что заставляет его дышать. Без неё он был бы лишь холодным серым лабиринтом домов, наполненным равнодушными людьми. Имеющим богатое прошлое, но лишённым настоящего и будущего. Его душа незаметной дымкой скользит по каждому закоулку, обволакивает город, рекой разливается по улицам. Её старательно не замечают, вытесняют, но она не даётся, живёт… Прячется… Её не видят, почти не чувствуют, но она есть в каждом хитросплетении улиц, в каждом окне, в каждом человеческом сердце.

Когда я, наконец, прихожу в себя, выныривая обратно в жизнь, солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь догорающее закатное небо.

Я мчусь домой, стараясь не потерять, не рассыпать, не расплескать то, что сейчас горит внутри, заваливаюсь в квартиру, бегу в комнату прямо в куртке, падаю в кресло, одновременно с этим открывая ноутбук. Мама, понимающе улыбается и уходит, тихо прикрыв дверь. Замёрзшие пальцы неуклюже стучат по клавишам, по экрану шустро ползёт первая строчка:

«Au revoir!..»

Слава Карелина

лицей №2, 8 класс

Лучики

Однажды я шла по улице домой. У меня было плохое настроение. Подойдя к перекрёстку, я остановилась на светофоре. Рядом со мной оказалась молодая мама с двумя детками. В коляске сидела девочка, совсем маленькая, а рядом — мальчик, чуть постарше. Я взглянула на них — так просто, мимоходом — и вдруг услышала:

— А мы сегодня как раз рисовали арбузики!

Дети мило посмотрели на меня и улыбнулись вслед за мамой. На такую искреннюю детскую улыбку, полную восторга и радости, невозможно было и не ответить улыбкой.

Загорелся зелёный свет, я двинулась через дорогу, а семья зашагала по своим делам. Моё плохое настроение как ветром сдуло, ему на смену пришло какое-то странное чувство восторга.

Я подняла руку к уху и потрогала свои серёжки-арбузики.

Порой нужен лишь маленький лучик света, чтобы разогнать тучи, и этот лучик может появиться от кого угодно, главное — поймать его.

Забавные заблуждения детства

Литературный лицей, 5–7 классы

Однажды я посмотрела серию мультфильма «Смешарики», в которой был жуткого вида чёрный субъект по имени Чёрный Ловелас. В мультике сообщалось, что он играет на гитаре и похищает

сердца. Только сейчас до меня дошло, что «похищать сердца» означает «влюблять в себя»! Но тогда, в детстве, я поняла это буквально и боялась спать ночью, опасаясь, что придёт этот Чёрный Ловелас и заберёт моё сердце.

Даша Бушланова

В детстве у меня были воображаемые друзья, главным из которых был Потя-Потя. Когда мы с мамой шли по улице, за одну руку меня держала мама, а за другую — Потя-Потя.

Ещё я никак не хотела понимать, почему мама зовёт бабушку мамой, и постоянно её учила: «Это не мама, а бабушка!»

Также я хотела выйти замуж за папу, потому что другие мужчины казались мне некрасивыми.

Однажды ночью я столкнулась с мамой в коридоре, с тех пор стараюсь в туалет по ночам не ходить, потому что мама, когда я её встретила, только что помыла голову, обернула голову полотенцем и сказала: «У-у-у».

Рита Данилина

Когда я был четырёхлетним мальчиком, мама часто спрашивала меня, о чём я думаю. Я постоянно рассказывал о каких-то существах. Одно из них называлось ЛаоБао — великан, волосы которого доставали до облаков, а вот стоп не было вовсе — вместо них были колёса.

ЛаоБао слышал звуки, которые переходили из головы в волосы, а оттуда — в облака. Когда шёл дождь, вместо капель падали сущности, издававшие звуки, которые в своё время слышал великан.

Я придумал ещё много других существ — например, «данунцев». Они были настолько странные, что каждый, кто их встречал, вскрикивал: «Да ну! Не может быть!»

Кирилл Конно

В детстве я думала, что слова «пылесос» и «будильник» произносятся как «палисос» и «будельник», и с пеной у рта доказывала это маме!

Я также думала, что Гарри Поттер — автор всех книг о Гарри Поттере и что он пишет все истории про себя.

В детстве, как и сейчас, я просто обожала морковку, так как родилась, когда бабушка сажала морковку.

А ещё я считала, что если сказать несвязный набор слов, то это будет предложение на английском языке!

Арина Ворзонина

Я думал, что не усну ночью, пока не увижу на улице десять машин. Пока я считал эти машины, то стоял на тёплой батарее, ноги окутывало приятное тепло, и, ложась в кровать, я сразу блаженно засыпал.

Слава Малышев

Суперперо-2018
«Котопёс»

Саша Перова
школа №137, 7 класс

Суровый русский «попугай»

Эта история началась два года назад. В тот день мы поехали в торговый центр. По дороге в здание мы услышали чей-то жалобный писк. Я не поняла, что это, а мама, как выяснилось позже, не хотела акцентировать моё внимание на этом, так как боялась, что меня очень расстроит увиденное... Сделав свои дела, вышли обратно. Нам не давала покоя мысль, что мы, возможно, прошли мимо какого-то существа, наверняка нуждающегося в нашей помощи.

Уже на улице мы начали искать. Звуки исходили из рук девушки, стоящей рядом с парнем. В них она держала двух птенцов воробья. Пара не знала, что некоторые птицы не принимают маленьких сородичей, которые пахнут людьми. Мы же были об этом наслышаны, так как регулярно оставляем у себя на временное проживание животных, которые нуждаются в помощи человека.

У нас уже побывали уличные собаки, стриж, голубь с раненым крылом, домашний попугайчик. Некоторым животным, таким как уличные собаки, мы находим новый дом через Интернет. Некоторые же возвращаются к себе домой, например, те же собачки или попугай, настоящие хозяева которых откликнулись на наши объявления и показали старые фото животных. А некоторых лечим и отпускаем.

Мы рассказали об этом молодым людям и решили, что один воробышек останется у них, а второй—у нас. Пока мы разговаривали, подлетели взрослые воробьи, видимо родители, и начали тревожно чирикать. Оказалось, девушка нашла воробышков под водосточной трубой, в которой, по всей видимости, находился дом малышей и из которой они выпали с высоты. Бедные мама с папой! Как их жалко! Потерять долгожданных птенцов—это такое горе! Но, к сожалению, мы не могли их вернуть в гнездо, а в кустах, куда можно было бы отнести птенцов, чтобы родители могли их выкормить, бегали собаки. Обратной дороги уже не было. Мама взяла нашу часть «добычи» (хи-хи) в руки, и мы пошли на автобус. Конечно, я сначала невзлюбила воробья, ведь я хотела погулять по магазинам, а пришлось ехать вместе с ним домой!

Приехав, начали искать информацию в Интернете. Мы узнали, что по расцветке это девочка. Мы назвали её Чипой, потому что расцветкой она была похожа на бурундука из мультика про Чипа и Дейла, а ещё она пела: «Чип-чип, чик-чирик». Оказалось, что птенца воробьёв надо кормить каждый час. С того времени, как мы его подобрали, прошло уже больше часа. Мы нашли рецепт смеси для выкармливания воробушков. У нас дома не было таких продуктов, и пришлось просто бежать в магазин. Мы приготовили «мешанку» (да-да, оказалось, её ещё и готовить надо) и с трудом покормили птенца. Почему с трудом? Да потому что он был очень вредным и долго сопротивлялся. Надо было давать пищу скатанными шариками с помощью пинцета и поить через шприц, потому что в природе мама даёт птенцу еду и воду через клювик. Дальше взяли коробку, положили туда полотенце и прикрыли жилище марлей, чтобы наш «ребёнок» не вылетел. После долгого изучения материалов, которыми добрые люди делились в Интернете, оказалось, что надо кормить птенцов ещё и ночью! Это был просто кошмар...

После двух бессонных недель мы заметили, что Чипа сдёргивает марлю и вылетает, но только на край коробки. Мы решили научить птенца летать. Мы закрыли проём в коридоре к остальной квартире, чтобы была ровная длинная трасса, и начали подкидывать Чипу на маленькую высоту. Так мы научили её летать.

Потом мы купили для неё клетку, потому что из коробки она с лёгкостью стала вылетать (научили на свою голову). Правда, она забивалась во все щели, когда летала по квартире, потому что была очень пугливой, но со временем она привыкла к нам и уже так не пугалась.

Через некоторое время Чипа стала взрослой девушкой-воробьём, и мы приняли решение её выпустить. Но у неё началась линька, она осталась без хвоста и могла не выжить на улице, ведь при полёте птички пользуются хвостом. На улице

воробьи в этот период не слетают с деревьев, чтобы остаться в живых, но Чипа-то этого не знала. Мы оставили её у себя, пока она не оперится. И как раз в это время мы поняли, что она выросла и у неё поменялась окраска.

Оказалось, что в детстве воробышки все похожи на девочек, а уже потом вырастают и начинают по окраске делиться на мальчиков и девочек. Мы поняли, что Чипа — на самом деле Чип. А ещё воробьи живут стайками и из других семей принимают только девочек, а мальчиков нет. Чипа бы просто не приняли. Вот так, по воле случая, мы уберегли нашего друга от смерти. Чип остался у нас, и я его полюбила и привязалась к нему, а он к нашей семье. И с того времени мы в шутку стали называть его суровым русским попугайчиком. ◡̈

Уже прошло два года. Чип очень поумнел. Да и я не отстаю. Благодаря такому чуду в перьях я очень много узнала о воробьях. И то, что я вам рассказала, — далеко не всё. Они очень умные. Так, Чип понял, что моя мама каждый раз, когда темнеет, ловит его и запихивает в клетку. И представляете, что он придумал? Теперь эта хитрая птица, как только начинает темнеть, просто улетает на люстру и спит там. Ну а что? Удобно, не надо очень долго чирикать по утрам, чтобы тебя выпустили, — взял и полетел по квартире. Просторно. Кстати, насчёт чириканья. Он будит меня по утрам. Очень хороший будильник. Особенно, если сядет на голову, станет царапать своими маленькими коготками, начнёт щипать тебя за ухо и чирикать прямо в него.

Чип — очень музыкальная птица. Он очень любит чирикать. Особенно под песни. Только представьте себе, что воробей сидит у тебя на плече и подпевает в такт песенке! Если бы он был моим ребёнком, то я бы его отдала в музыкальную школу. Он очень любит песни из мультфильма «Маша и Медведь».

А ещё, оказывается, у этих маленьких птиц очень хорошая память. Так, полгода назад наш воробушек поел чёрного пластилина, который я оставила на своём столе. Теперь он не ест ни шоколадных пирожных, ни шоколад, ни другую еду коричневого или чёрного цвета. Он такой смешной! А ещё он у нас гурман. Ест молочные продукты и мясо (птичий каннибал какой-то, он не знает, что это тоже птица…). Изредка балует себя семечками и крупами. А ещё просто обожает сладкое: халву, зефир, мёд, печенье и другое. Я очень люблю нашего Чипа.

И если вы думаете, что на этом история с нашими «подбираниями» закончена, то глубоко ошибаетесь. В этом году мы подобрали ещё и полулысого птенца голубя, которого назвали Зиной. Так что жизнь, связанная с животными, продолжается!!! Видимо, судьба у нас такая. ◡̈

И ещё у нас дома живёт собака. Её мы не подбирали, но я сказала о ней, чтобы вы поняли весь масштаб нашего зверинца и увидели, что животные могут уживаться друг с другом.

Ребята! Помогайте животным, которые в этом нуждаются! Да, это сложно, но вы мало того что спасёте чью-то жизнь, так ещё можете обрести верного друга на всю свою жизнь!

стр. 63 Амвросия (Хромова)
п. Изобильное (Калининградская область), 1981 г. р.

Родилась на Сахалине, в городе Невельске, но вскоре вместе с семьёй переехала в Черняховск (Калининградская область). В 1998 году поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет (отделение русского языка и литературы). По окончании два года работала с детьми-инвалидами в школе. Затем приняла монашеский постриг. Пребывает в женском монастыре иконы Божией Матери «Державная» (посёлок Изобильное). Автор книги стихотворений «День седьмой» (Москва, 2018).

стр. 101 Артюшин Михаил Васильевич
Екатеринбург, 1956 г. р.

Родился в г. Златоусте Челябинской области. Окончил Магнитогорский горно-металлургический институт в 1978 году. Инженер-строитель. Работал прорабом. Был призван в Советскую Армию лейтенантом из запаса в 1980 году, где и прослужил по 1993 год. Работал на стройках города Екатеринбурга и страны. Несколько рассказов опубликованы в журнале «Урал».

стр. 189 Арямнова Вера Николаевна
Казань, 1954 г. р.

Родилась в Башкирии, жила и работала в Набережных Челнах, Казани, Костроме. Автор книг стихотворений «Оловянный батальон», «В стране родной», «Бездомное сердце», «На закате не спят» и трёх книг прозы — «Синица в небе», «Ангелы», «Дама с прошлым». Стихи и проза публиковались в журналах «День и ночь», «Казань», «Идель», «Казанский альманах» и других изданиях. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России.

стр. 12 Аференко Виктор Александрович
Железногорск, 1935 г. р.

Родился в селе Атаманово Сухобузимского района Красноярского края. В 1956-м окончил физико-математический факультет Красноярского педагогического института. Работал первым секретарём Даурского РК ВЛКСМ, директором сельской и городских школ, преподавал физику. Стихи пишет со школьной скамьи. Печататься начал в 50-е годы. Очерки, статьи и стихи публиковались в различных районных и краевых газетах, альманахе «Енисей», коллективных сборниках «Потомки Ермака», «Енисейский меридиан» (1967), «Антология поэзии закрытых городов» (1999), «На Прижиме» (2009), «Антология поэзии закрытых городов Росатома» (2011) и др. Автор многих краеведческих книг и поэтических сборников. Краевед и публицист, поэт, заслуженный учитель Российской Федерации, член Союза журналистов России, заслуженный педагог Красноярского края, почётный гражданин Сухобузимского района. Неоднократный победитель различных педагогических и творческих конкурсов.

стр. 47 Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Поэт, эссеист, публицист. Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013), общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени. Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 146
Бойцова Анастасия Анзоровна
Орёл, 1970 г. р.

Родилась в Орле. Училась в Орловском государственном педагогическом институте, затем — в литературном институте имени М. Горького. Автор двух стихотворных книг и нескольких драматических поэм. Публиковалась в орловской прессе, журналах и альманахах Орла, Красноярска, Воронежа, Москвы.

стр. 38
Бондаренко Алексей Маркович
Енисейск, 1946–2019

Родился в селе Маковском Енисейского района Красноярского края. Окончил Подтёсовское ГПТУ-5 (радист-электрик), Абаканский политехникум (плановик-экономист лесной и деревообрабатывающей промышленности), в 1980 году — факультет журналистики Хабаровской высшей партийной школы. Работал на судах Подтёсовской РЭБ, учителем в школе, инженером в леспромхозе. Вернувшись в Енисейск, работал заместителем редактора газеты «Енисейская правда», заведующим Енисейским районным отделом культуры, председателем исполкома Озерновского сельского совета, а позже — стал простым охотником. Публикации — с 1978 года. Первый сборник прозы «Мужская трава» вышел в 1994 году, предисловие к книге написал В. П. Астафьев. Выход книги стал для писателя началом не только его большого творческого пути, но и большой дружбы с В. П. Астафьевым. Потом были изданы книги «Берегиня», «Бес в ребро», «Я родился в глуши», «Птица с железным клювом», «Закон — тайга…», «Любовь и боль», «Проталинки», повесть «Стынь неба осеннего», воспоминания о В. П. Астафьеве «И стонет моё сердце…», историческая трилогия «Государева вотчина». Награждён знаком «Почётный гражданин Енисейского района» (2006). Член Союза писателей России (2002). Руководитель литературного объединения «Истоки» в городе Енисейске. Ушёл из жизни 30 июня 2019 года.

стр. 92
Дмитриев Андрей Николаевич
Нижний Новгород, 1976 г. р.

Выпускник юридического факультета Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях «Точка Зрения», «Этажи» и «Лиterraтура», журналах «Нева», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая Юность», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Гвидеон», «Луч» и других. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак», «Орнитология воды», «Африкаснег» и «Глубина тиснения», участник коллективного сборника «Настоящие» из серии «Нижегородское собрание сочинений».

стр. 70
Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил медицинский институт в Красноярске и Литературный имени А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 года и Союза российских писателей с 1991 года. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы: «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и др. Выпустил в свет 6 томов собрания сочинений. Лауреат премий «Хинган» и «Нефритовый Будда». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института-2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры РФ.

стр. 68
Ёлтышев Александр Владимирович
Красноярск, 1950 г. р.

Окончил филологический факультет педагогического института. Лауреат краевой литературной премии имени Игнатия Рождественского. Автор книги стихов «Просвет в облаках» (1997). Публиковался в журналах «День и ночь», «Предлог», «Енисей», «Дальний Восток». Заместитель главного редактора литературно-художественного альманаха «Енисей». Живёт в Красноярске.

стр. 186
Карякин Павел
Челябинск, 1976 г. р.

Окончил Челябинскую государственную медицинскую академию (1999). Выпускник Высших литературных курсов (2011), член Союза писателей России. Прозаик, публицист, критик. Руководитель областных семинаров ОГБУК «ЧГЦНТ», выездных семинаров «Исток-плюс» (Златоуст, Миасс). Осуществляет руководство литературной мастерской на базе ЧОУНБ. Участник Международного совещания молодых писателей (Каменск-Уральский, 2011), Межвузовского литературного форума имени Гумилёва (Переделкино, 2012). Член жюри литературного конкурса «Стилисты добра», детских литературных конкурсов «Алые паруса творчества», «Как слово наше отзовётся», «Люблю Отчизну я». Публиковался в литературно-художественных альманахах и сборниках Екатеринбурга, Тобольска, Оренбурга и др. Автор книги прозы «Иксион» (Челябинск, 2017).

стр. 113
Кулатаев Марат
Тараз (Казахстан), 1960 г. р.

Окончил санитарно-гигиенический факультет Карагандинского государственного медицинского института. По специальности — санитарный врач. Живёт и работает в городе Тараз. Публиковался в журналах «Кольцо А», «Нева», «Нива», «Книголюб», интернет-журналах. Автор 7 сборников рассказов.

стр. 3 **Курбатов Валентин Яковлевич**
Псков, 1939 г. р.

Литературный критик, литературовед, прозаик. Родился в Ульяновской области. Долгое время жил на Урале. Служил на Северном флоте. Окончил ВГИК. Выпустил книги о В. Астафьеве, гоголевском иллюстраторе А. Агине, М. Пришвине, В. Распутине. Автор множества статей по русскому искусству, русской и зарубежной литературе. Член Союза писателей России. Член жюри литературной премии «Ясная Поляна». Академик Академии российской словесности, лауреат премии Л. Н. Толстого за 1998 год, премий за лучшую работу года журналов «Наш современник», «Литературное обозрение», «Смена», «Урал», «Москва» и др. Лауреат Патриаршей премии. Член Президентского совета по культуре.

стр. 174 **Лещёва Анна Викторовна**
п. Дубинино (Красноярский край), 2001 г. р.

Родилась в посёлке Дубинино. Ученица 11 класса Школы космонавтики (Железногорск). Стихи и прозу пишет с 10 лет. В литературных журналах ранее не публиковалась.

стр. 74 **Леонтьева Светлана Геннадьевна**
Нижний Новгород, 1960 г. р.

Родилась в Свердловске. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Главный редактор альманаха «Третья столица». Живёт и работает в городе Нижний Новгород. Автор многих книг и публикаций («Наш современник», «Юность», «Москва», «День поэзии», «День литературы», «Витражи», «Нижний Новгород» и т. д.).

стр. 66 **Мельников Виктор Семёнович**
Коломна, 1948 г. р.

Родился в казахском селе Казанка. Много ездил по стране. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии. Работал плотником, слесарем КИП, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом. Около двадцати лет прожил в Риге. Работал в газете. Занимался в рижском литературном объединении под руководством поэта Леонида Черевичника. Автор девяти книг прозы. Его произведения печатаются во многих российских журналах. Член Союза писателей России. Главный редактор «Коломенского альманаха». Председатель творческого объединения профессиональных писателей Коломны.

стр. 55 **Минин Евгений Аронович**
Иерусалим (Израиль), 1949 г. р.

Поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 52 **Молчанов Виталий Митрофанович**
Оренбург, 1967 г. р.

Родился в Баку. Выпускник Московской академии нефти и газа. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, член Союза писателей XXI века и координационного совета Ассоциации писателей Урала. Лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции-2010», лауреат малой международной литературной премии «Серебряный стрелец», победитель IV Международного поэтического конкурса имени С. И. Петрова, дипломант V Международного конкурса памяти Владимира Добина («Русское литературное эхо», Израиль), победитель литературного конкурса интернет-журнала «Лексикон» (Чикаго) в 2010 году, победитель литературного конкурса фестиваля «Гоголь-фэнтези-2009» (Украина), обладатель звания «Стильное перо-2009» по результатам литературного конкурса фестиваля «Русский стиль-2009» (ФРГ). Публиковался в еженедельнике «Обзор» («Континент», Чикаго), в журналах «Русское литературное эхо» (Израиль), «Дети Ра», «Зинзивер», «День и ночь», «Живой звук» (Москва), «Окна» (ФРГ), в альманахах «ЛитЭра» (Москва), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), в газетах «Зарубежные задворки» (ФРГ), «Южный Урал», «На юго-восточных рубежах» (Челябинск), «Литературная гостиная» (Тверь), «Молодой дальневосточник» (Владивосток), в сборнике «Обретённый голос», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др.

стр. 105 **Николаенко Никита Альфредович**
Москва, 1960 г. р.

Окончил МИСИ, аспирантуру МИСИ, кандидат технических наук. Работал руководителем керамического производства, научным сотрудником, директором охранного предприятия. С 2004 года — на творческой работе. Переводчик с венгерского языка. Публиковался в журналах «Южная звезда», «Сибирские огни», «Нива» (Казахстан),

«Истоки», «Наше поколение» (Молдова), «Голос Эпохи», «Северо-Муйские огни», «Великороссъ», в сборнике «Unzensiert» (Германия). Член МГО СП России. Кавалер медали А. П. Чехова Союза писателей России. Победитель конкурса ОЛРС в номинации «Проза». Финалист второго Международного литературного форума «Славянская лира-2015» в номинации «Малая проза». Номинант творческого конкурса VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Проза», короткий лист.

стр. 79 **Орлов Александр Владимирович**
Москва, 1975 г. р.

Окончил Московское медицинское училище №1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работал ортопедом в челюстно-лицевом госпитале для ветеранов Великой Отечественной войны, разнорабочим, начальником отдела и заместителем генерального директора в частной компании, последние годы работает учителем истории в столичной школе. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат нескольких всероссийских литературных премий. Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «Южное сияние», «Юность», в сборниках и антологиях.

стр. 141 **Пеньков Владислав**
Таллин (Эстония), 1969 г. р.

Автор трёх поэтических сборников и ряда публикаций в российской и зарубежной периодике. Член Союза российских писателей.

стр. 88 **Петров Сергей Владимирович**
Москва, 1960 г. р.

Член Московского отделения Союза писателей России. Публикации в литературных журналах «Юность», «Невский альманах», «Наша молодёжь», «День и ночь», «Млечный Путь», «Север», «Контр@банда», «Пограничник». Автор исторического детектива «Всё когда-нибудь заканчивается».

стр. 76 **Пономарёва Марина Анатольевна**
Москва, 1986 г. р.

Родилась в Москве. В 2006 году окончила Колледж ландшафтного дизайна по специальности «техник садово-паркового и ландшафтного строительства», работать стала в сфере флористики, флористом-дизайнером. Преподавала sweet-дизайн, свадебную флористику. С 2014 года сотрудничает (в качестве волонтёра) с гуманитарными организациями, оказывающими помощь населению Донбасса, пострадавшему во время вооружённого конфликта. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького. Публиковалась в альманахах «Пятью пять», «Графит», «Лили Марлен», «45-я параллель», «Артбухта», в «Петербуржской газете», «Литературной России», нескольких коллективных сборниках. Подборка стихотворений вошла в сборник гражданской лирики «Время Донбасса». Призёр конкурса «Птица-2015» им. И. В. Царёва, лауреат премии альманаха молодых писателей «Пятью пять» имени А. Филимонова (2015), лонг-листер конкурса «Донбасс никто не ставил на колени» (2016), лауреат Международного конкурса «Моя родословная» (2017).

стр. 144 **Ралкова Оксана**
Челябинск, 1986 г. р.

Поэт, кандидат исторических наук, член Союза писателей России. Лауреат Южно-Уральской литературной премии 2012 года, участница совещаний молодых писателей в Каменске-Уральском (2011, 2013) и в Москве (2018, 2019). Автор книги стихов «Стихия Степь».

стр. 59 **Расторгуев Андрей Петрович**
Екатеринбург, 1964 г. р.

Российский поэт, переводчик, журналист, кандидат исторических наук. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор нескольких поэтических книг. Является постоянным автором журнала «Урал» (Екатеринбург), публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Литературная учёба» (Москва), «Новый мир» (Москва), «Дружба народов» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Южная звезда» (Ставрополь), «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Подъём» (Воронеж), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Славянин» (Харьков), «Неман» (Минск), «Простор» (Алма-Ата). Поэтическую деятельность совмещает с работой переводчика — переводит на русский язык стихи финно-угорских поэтов. В свою очередь, стихи Расторгуева переводились на коми, венгерский, финский и башкирский языки.

стр. 72 **Самсонова Алёна (Елена) Викторовна**
Самара

Сценарист, драматург, редактор. Состоит в Гильдии сценаристов кино и телевидения и в Союзе кинематографистов России. В настоящее время пишет сценарии анимационных фильмов для анимационной студии «Паровоз» (Москва) и студии анимации «Петербург» (СПб). Публиковалась в изданиях Самары, Краснодара, Санкт-Петербурга, Москвы. Автор трёх пьес, поставленных в театре «СамАрт» (Самара). В 2015 году выпустила стихотворный сборник «Несносная осень» и книгу с текстами пьес «Принц Хохолок и другие». В 2017 году выпустила стихотворный сборник «Обетованная зима».

стр. 148

Самусенко Екатерина Олеговна

Красноярск, 1998 г. р.

Выпускница Красноярского литературного лицея. Студентка Сибирского федерального университета. Победитель нескольких молодёжных литературных конкурсов. Постоянный автор красноярской газеты «Детский район» и рубрики «Синяя тетрадь» журнала «День и ночь». Автор двух книг прозы. В составе команды «КЛТНН» стала победителем XIX чемпионата России по интеллектуальным играм среди студентов (2019).

стр. 111

Сычёва Марина Ивановна

Рыбница (Приднестровье), 1966 г. р.

Родилась в посёлке Чаны Новосибирской области в 1966 году. Окончила Новосибирский инженерно-строительный институт. В 1989 году переехала с семьёй в Молдавию. Автор книг «Рифмованные мысли», «Письма из города Осень», «Простые слова». Публиковалась в журналах «Днестр», «Литературное Приднестровье», «Литературная Рыбница», «Русское поле», «Аврора», «Огни над Бией», «Сверстник» и других коллективных сборниках. Соавтор учебного издания «История литературы Приднестровья». Председатель Рыбницкого отделения Союза писателей Приднестровья. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

стр. 47, 91

Тарковский Михаил Александрович

Красноярск, 1958 г. р.

Окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина по специальности «География и биология». Затем работал на Енисейской биостанции в Туруханском районе Красноярского края. С 1986 года — штатный охотник, а последние годы — охотник-арендатор в селе Бахта Туруханского района. Писал стихи, последние годы перешёл на прозу. Рассказы и повести Михаила Тарковского публиковались в журналах «Новый мир», «Юность», «Москва», «Наш современник», «Согласие», «Ветер», «Литературная учёба». Лауреат премий журнала «Наш современник» и сайта «Русский переплёт». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за 2010 год в номинации «XXI век». Лауреат Патриаршей литературной премии 2019 года.

стр. 81

Тесленко Андрей Иванович

Сочи, 1962 г. р.

Окончил Красноярский монтажный техникум и Красноярский политехнический институт. Издано пять авторских книг прозы и поэзии. Многие произведения опубликованы в журналах, альманахах, коллективных сборниках и газетах. Работал корреспондентом региональной газеты «Черноморская здравница». Награждён общественным орденом «Трудовая доблесть России» (2011). Дипломант, лауреат и победитель всероссийских и международных конкурсов. Грамота от президента Российской Федерации В. В. Путина к памятной медали «XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в г. Сочи» за значительный вклад в подготовку и проведение XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи.

стр. 117

Тимченко Николай Николаевич

п. Имбинский (Красноярский край), 1950 г. р.

Родился в предгорье Саян в Красноярском крае. Окончил Красноярский педагогический институт. Автор трёх поэтических сборников. Проза печаталась в альманахах «Истоки» (Москва, изд. «Перо»), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Лауреат премии Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» за 2014 год.

стр. 179

Шевченко Александр

Москва

Юрист. Выпускник МГУ. В литературном журнале публикуется впервые.

стр. 87

Щербинин Владимир Васильевич

Красноярск, 1951 г. р.

Родился в посёлке Курагино Красноярского края. Родители были учителями. В семье было пятеро детей — три старшие сестры и один младший брат. После окончания средней школы поступил на физико-математический факультет в Красноярске. В 1972 году окончил этот факультет. Преподавал физику в школах и самостоятельно изучал психологию. Затем поступил в аспирантуру в Москве. В 1989 году защитил ученую степень по психологии. Пишет стихи, прозу, занимается живописью.

обл. Внукова Румяна Анатольевна
Красноярск

Родилась в Красноярске. Окончила живописное отделение Красноярского художественного училища им. В. И. Сурикова (1990), Факультет психологии Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева (2005), Творческую мастерскую живописи Российской академии художеств под руководством академика А. П. Левитина (2009). Член Союза художников России с 2000 года. Награждена малой золотой медалью за серию работ на Библейские сюжеты (2000), дипломом Союза художников России за вклад в изобразительное искусство (2004), стипендиат Министерства культуры в области изобразительного искусства (2003).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М. О. Наумова

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
В. Н. Наговицын

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
Иса Айтукаев
Андрей Бардаков
Ольга Ермакова
Валентина Ерофеева-Тверская
Ольга Карлова
Татьяна Савельева
Михаил Тарковский

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Галина Кошкина

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Александр Астраханцев — Красноярск
Наталья Ахпашева — Абакан
Юрий Беликов — Пермь
Вера Зубарева — Филадельфия
Александр Кердан — Екатеринбург
Сергей Кузнечихин — Красноярск
Валентин Курбатов — Псков
Андрей Лазарчук — Санкт-Петербург
Евгений Минин — Иерусалим
Виталий Молчанов — Оренбург
Миясат Муслимова — Махачкала
Анна Сафонова — Южно-Сахалинск
Евгений Степанов — Москва
Андрей Тимофеев — Москва
Вероника Шелленберг — Омск
Владимир Шемшученко — Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева — Челябинск

Журнал издаётся с 1993 года.

16+

В оформлении обложки использована картина Румяны Внуковой.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт 4070 2810 8006 0000 0186 в «Сибирском» филиале банка ВТБ ПАО в г. Новосибирске
БИК 045 004 788

Корреспондентский счёт 3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3, т. +7 950 991 4349

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 7.08.2019
Дата выхода в свет: 30.08.2019
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Румяна Внукова | Серия «Космос»: Затмение | 100×70 | 2019

Румяна Внукова | Серия «Космос»: Парад планет | 100×70 | 2019

На обложке: *Лунная ночь*